This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 9150.16

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,

OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows,
October 24, 1898.

22 July, 1901.

1763

Pavel Alexandrovitch Matveyev.

П. А. МАТВѢЕВЪ.

БОЛГАРІЯ

ПОСЛѢ БЕРЛИНСКАГО КОНГРЕССА;

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева. Екатерининск. кан., 78.
1887.

Slav 9150.16

Pierce fund

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе . . . . . I—XVI

Глава I. Политическое положеніе, созданное для Балканскаго полуострова Берлинскимъ конгрессомъ . . . . . 1— 9

Глава II. Война и русское гражданское управленіе въ Болгаріи . 9—46

Глава III. Органическій Статутъ Болгарскаго Княжества. Великое Народное Собраніе въ Тырновѣ. Тырновская конституція. Избраніе Принца Александра Батенберга Болгарскимъ Княземъ. Его пріѣздъ въ Болгарію и первый годъ его правленія . . . . . 46—94

Глава IV. Пораженіе Стоиловской партіи. Первое министерство Драгана Цанкова и его біографія. Дипломатическія партейныя интриги. Замѣна Цанкова П. Каравеловымъ. Переворотъ 27 апрѣля 1881 года, т. е. упраздненіе Тырновской конституціи и его причины . . . . . 94—144

Глава V. Систовское народное собраніе, 1 іюля 1881 года. Полномочія Князя Александра Болгарскаго. Его поѣздка въ Петербургъ въ 1882 году и отозваніе генеральнаго консула въ Софіи М. А. Хитрово. Русское министерство въ Болгарскомъ княжествѣ (Л. Н. Соболевъ и баронъ А. В. Каульбарсъ). Интриги противъ русскихъ министровъ князя и его приближенныхъ. Поѣздка Батенберга въ Москву въ 1883 году. Его возвращеніе въ Болгарію. Миссія А. С. Іонина. Увольненіе русскихъ генераловъ и возстановленіе Тырновской конституціи. Второе министерство Д. Цанкова. Отозваніе Ползикова и Лесоваго. Репресаліи Болгарскаго Князя и его разрывъ съ Россіей. Маркъ Балабановъ и баронъ Н. В. Каульбарсъ. Военная конвенція 1883 г. Тырновское собраніе 1884 года и пораженіе министерства Цанкова. Второе министерство П. Каравелова. . . . . 144—215

Стран.

Глава VI. Восточная Румелія. Европейская Международная коммиссія и составленный ею Органическій Статутъ для Восточной Румеліи. Назначеніе Алеко-паши генералъ-губернаторомъ В. Румеліи. Поѣздка генералъ-адъютанта Н. Н. Обручева въ Румелію и Болгарію. Воззваніе покойнаго Императора къ Болгарамъ. Пріѣздъ Алеко-паши въ В. Румелію и его управленіе этой областью. Партіи и интриги въ В. Румеліи. Кн. А. Н. Церетелевъ. Румелійская милиція—Виталисъ и Штрекеръ. Русскіе офицеры въ В. Румеліи. Русскій консулъ Э. Р. Кребель. Его столкновеніе съ Алеко-пашей. Замѣна этого послѣдняго Гавріиломъ Крестовичемъ. 215—300

Приложенія:

I. Тырновская конституція Болгарскаго Княжества 1879 года.

II. Письмо Князя Болгарскаго къ Государю Императору.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга «Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса», предлагаемая вниманію русской читающей публики, вызвана желаніемъ познакомить послѣднюю, въ связномъ историческомъ очеркѣ съ ходомъ политическихъ событій, пережитыхъ этой освобожденной нами страной, послѣ злополучнаго для всего славянскаго міра трактата.

Отсутствіе такой книги, на русскомъ языкѣ, составляло пробѣлъ, на который не разъ указывалось въ періодической нашей печати. Но дѣло въ томъ, что написать новѣйшую исторію Болгаріи труднѣе, чѣмъ это кажется, особенно русскому писателю, для котораго наглухо закрытъ доступъ къ оффиціальнымъ источникамъ и дипломатическимъ документамъ, хранящимся въ архивѣ и канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ. Наше дипломатическое вѣдомство, въ силу издавна установившагося взгляда, не только скупо на опубликованіе документовъ, касающихся нашихъ внѣшнихъ сношеній, но и держитъ ихъ подъ ключемъ отъ всѣхъ изслѣдователей, отказывая въ доступѣ къ нимъ всѣмъ тѣмъ, кто не служитъ въ этомъ министерствѣ.

Такимъ образомъ то, что Гизо назвалъ «позавчерашней исторіей», изученіе которой этотъ государственный человѣкъ, историкъ-министръ такъ краснорѣчиво рекомендовалъ вниманію своихъ соотечественниковъ, именно современная отечественная исторія у насъ вовсе пока не существуетъ, какъ объ этомъ недавно заявилъ С. С Татищевъ, признанный, какъ извѣстно, однимъ изъ лучшихъ изслѣдователей исторіи нашей внѣшней политики въ текущемъ вѣкѣ [1]). Наше дипломатическое вѣ-

[1]) См. предисловіе къ его книгѣ „Внѣшняя политика императора Николая". С.-Петербургъ, 1887 г.

домство вообще скупо на опубликованіе документовъ, но въ отношеніи восточнаго вопроса и въ частности болгарскаго дѣла, оно совершенно неприступна, какъ средне вѣковой феодальный замокъ. Всѣ дипломатическіе акты и документы касающіеся этого вопроса безусловно изъяты отъ всякой гласности и закрыты для русскаго общества. Для примѣра укажу на изданный нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, въ нынѣшнемъ году, Ежегодникъ (Annuaire), въ немъ даже не напечатанъ, опубликованный, во всей европейской печати, Апрѣльской протоколъ Константинопольской конференціи, объ условіяхъ соединенія Восточной Румеліи съ княжествомъ Болгарскимъ.

При такомъ взглядѣ на дѣло, руководящаго нашими внѣшними сношеніями, вѣдомства, понятно полное отсутствіе въ нашей литературѣ трудовъ и знакомства съ исторіей внѣшней политики новѣйшаго времени, хотя эта область—полна интереса и живаго политическаго значенія.

Русскому человѣку, желающему заняться этимъ предметомъ, остается пробавляться, стало быть, заграничными матеріалами и пособіями, правда весьма обильными и доступными, но до того тендеціозными и враждебными русской политикѣ, что въ нихъ трудно разобраться; пользуясь такими мутными источниками, весьма затруднительно представить правдивое описаніе хода событій, въ которыхъ намъ приходилось бороться съ политикой западныхъ державъ.

Мы хранимъ глубокое молчаніе, а между тѣмъ заграничная печать настойчиво и явно тенденціозно фабрикуетъ псевдоисторію, рисующую въ самомъ фальшивомъ свѣтѣ нашу политику въ такомъ кровномъ для насъ вопросѣ, какъ Болгарскій. Послѣднее время, на нѣмецкомъ языкѣ, явилась даже цѣлая батенбергіада, съ легкой руки Гуна и Коха, т. е. особая литература, посвященная восхваленію и славословію мнимаго героя Сливницы.

Духовникъ и интимный совѣтникъ Болгарскаго князя (Адольфъ Кохъ) и состоявшій у него на жалованіи корреспондентъ «Кельнской Газеты» А. Гунъ, какъ бы съ общаго молчаливаго согласія всей европейской печати, взяли себѣ привиллегіи на званіе историковъ новѣйшаго періода болгарской исторіи и политической дѣятельности нѣмецкаго принца, семь лѣтъ правившаго судьбами родственнаго намъ и нами освобожденнаго изъ турецкаго плѣна народа.

Эти историки и рекламировавшіе, за деньги, Батенберга газетные корреспонденты—создали своего рода культъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія Европы, бывшему Болгарскому князю, благодаря нашему молчанію и нежеланію оглашать тѣ матеріалы и документы, которые своимъ появлніемъ въ свѣтъ, не замедлили бы свести съ незаслуженнаго пьедестала этого политическаго авантюриста, который такъ долго спекулировалъ на долготерпѣніе и благодушіе Россіи, которой онъ былъ всѣмъ обязанъ.

Зная отвращеніе нашихъ дипломатическихъ сферъ отъ всякаго рода гласности, Батенбергъ и его приспѣшники, съ невѣроятной смѣлостью, чтобы не сказать дерзостью, пустили въ ходъ рядъ басней, клеветъ и всякаго рода лжи по адресу нашей политики, въ болгарскомъ вопросѣ, въ твердой увѣренности, что отпора и опроверженій съ нашей стороны, изъ среды компетентныхъ сферъ и лицъ, они не встрѣтятъ.

Не только нѣкоторые изъ европейскихъ публицистовъ, пользующіеся репутаціей добросовѣстныхъ писателей и признанныхъ друзей Россіи, каковы напр. Эмиль Лавелэ, Ролэнъ-Жакменъ [1]) и нѣкоторые другіе, но и наши русскіе публицисты, изъ такъ называемыхъ западниковъ, повѣрили имъ на слово, довѣрчиво черпая свои свѣдѣнія и руководствуясь взглядами этихъ псевдо-историковъ, тенденціозныхъ распространителей направленной противъ нашей политики лжи.

Такая постановка вопроса, т. е. систематическій обманъ общественнаго мнѣнія посредствомъ завѣдомой клеветы, заставила меня взяться за перо и написать настоящій историческій очеркъ внѣшней политической исторіи Болгаріи, за послѣднія десять лѣтъ.

Прослуживъ нѣкоторое время въ Южной Болгаріи и зная лично какъ политическихъ дѣятелей Болгаріи, такъ и положеніе вещей, я могъ оцѣнить по достоинству такихъ историковъ, какъ Гунъ и Кохъ и нѣкоторые другіе, и обнаружить, въ извѣстной мѣрѣ, тенденціозную ложь ихъ повѣствованій. Но я долженъ сознаться, что печатая, въ прошломъ году, начало моего очерка (именно первыя пять его главъ) въ журналѣ «Историческій Вѣстникъ», я приступилъ къ этой работѣ

---

[1]) Роленъ-Жакменъ помѣстилъ рядъ статей по болгарскому вопросу въ брюссельскомъ журналѣ «Revue de Droit International» за прошлый и нынѣшній годъ, а Лавелэ издалъ двухтомное сочиненіе о Балканскомъ полуостровѣ, въ которомъ подробно трактуетъ о современномъ политическомъ положеніи Болгаріи.

съ довольно скуднымъ запасомъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи матеріаловъ и кромѣ того не рѣдко былъ лишенъ возможности цитировать даже такіе документы, которые были мнѣ извѣстны и аргументировали сдѣланныя мной указанія и высказанныя мнѣнія.

Въ настоящее время, я въ этомъ отношеніи менѣе связанъ. Въ прошломъ году, именно послѣ появленія моихъ статей въ «Историческомъ Вѣстникѣ» были опубликованы нѣкоторые интересные матеріалы, по новѣйшей исторіи Болгаріи (напр. любопытная и основанная на документальныхъ данныхъ записка генерала Л. Н. Соболева въ «Русск. Старинѣ»). Кромѣ того, низверженіе Батенберга дало мнѣ возможность воспользоваться нѣкоторыми документами, на которыхъ прежде лежалъ запретъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи печати.

Кромѣ того, я получилъ отъ нѣкоторыхъ русскихъ и болгаръ, принимавшихъ непосредственное участіе въ политической жизни Болгаріи, послѣдняго десятилѣтія, нѣкоторыя замѣчанія и указанія, которыми я съ благодарностью воспользовался. Однимъ словомъ я сдѣлалъ то, что могъ,—Faciant meliora potentes.

Настоящій выпускъ моего очерка обнимаетъ первыя семь лѣтъ исторіи Болгаріи, именно съ 1877 года, т. е. со времени вступленія нашего войска въ Болгарію и введенія въ ней нашего гражданскаго управленія, до переворота 6 сентября 1885 г. Въ первой главѣ я представилъ очеркъ политическаго положенія, созданнаго Берлинскимъ конгрессомъ для Болгаріи. Вторая глава посвящена нашему гражданскому управленію, начиная съ князя В. А. Черкасскаго. Эти главы напечатаны здѣсь почти безъ измѣненія, въ томъ видѣ, какъ они появились въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Главы III, IV и въ особенности V мнѣ пришлось значительно передѣлать, особенно послѣднюю, она почти вдвое увеличена въ объемѣ. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ», по причинамъ, отъ меня не зависѣвшимъ, окончаніе этой главы было урѣзано и изложеніе событій, собственно говоря, заканчивалось 1883 годомъ, теперь оно послѣдовательно доведено до сентября 1885 года. VI гл., Историческій очеркъ В. Румеліи, является въ первый разъ въ печати, ибо статьи мои о Румеліи, напечатанныя въ «Руси» за 1884 г. [1]) и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (январь, 1886 г.) послужили лишь матеріаломъ для

[1]) Органическій Статутъ В. Румеліи (историческая страница изъ дѣятельности нашей дипломатіи). «Русь» за 1874 г., №№ 17, 18, 19 и 20.

настоящей главы—въ «Русскомъ Вѣстникѣ» я разобралъ только содержаніе Органическаго Статута и далъ критическій анализъ его основныхъ началъ и ихъ примѣненія на практикѣ.

При составленіи настоящей книги мнѣ пришлось перечесть и пересмотрѣть не малое количество книгъ, брошюръ и газетъ, посвященныхъ болгарскимъ дѣламъ — вся эта литература могла бы наполнить цѣлую библіотеку. Это впрочемъ такой матеріалъ, который требуетъ строгой и разборчивой критики, но пользовался я только тѣми иностранными источниками, которые давали достовѣрные факты и извлекъ нѣсколько не безполезныхъ указаній даже изъ книги Адольфа Коха. Напр., письмо Батенберга къ Государю, подлинность котораго не подлежитъ сомнѣнію, заимствовано мною у него.

Батенбергъ всегда ясно понималъ, что печатное слово, въ наше время есть сила, которой не безполезно заручиться—онъ имъ постоянно и весьма искусно пользовался. Многія корреспонденціи, изъ Болгаріи, печатавшіяся въ нашихъ и иностранныхъ газетахъ, составлялись у него въ кабинетѣ—русскія газеты долгое время спеціально пользовались свѣдѣніями изъ Болгаріи, отъ его секретаря, нѣкоего Головина, русскаго по происхожденію, преданнаго Батенбергу душею и тѣломъ.

Какъ искусно орудовалъ печатью бывшій Болгарскій князь, видно изъ того, что одно время его досужій секретарь помѣщалъ свои корреспонденціи даже въ «Руси» И. С. Аксакова.

Вліяя на русскую, нѣмецкую, англійскую и французскую печать—«Temps» и даже одно время «Debats» служили органами его политики, Батенбергъ не брезгалъ кромѣ того и печатью второстепенныхъ, если не по рангу, то по политической силѣ державъ, какова напр. Италія, и въ ней предпріимчивый князь спѣшилъ обзавестись друзьями.

Въ нынѣшнемъ году, нѣкто Вико-Мантегаца (Vico-Mantegazza), итальянецъ, проживавшій въ Болгаріи, въ качествѣ газетнаго корреспондента, напечаталъ книжку, подъ заглавіемъ «Due mensi in Bulgaria. Note d'un testimonio». (Два мѣсяца въ Болгаріи. Замѣтки очевидца). Въ этихъ замѣткахъ, авторъ съ свойственной итальянцамъ пылкой и наивной говорливостью, не жалѣя красокъ и эпитетовъ, восхваляетъ доблести, благородство характеръ и высокія душевныя качества Батенберга, причемъ въ порывѣ краснорѣчія у него проскакиваетъ слѣдующее интересное признаніе: несомнѣнно, пишетъ Вико-Мантегаца,

основной задачей политика Батенберга, въ Болгаріи, было обращеніе ея въ маленькое нѣмецкое государство (un piccolo stato tedesco). Это признаніе, друга и панегириста, весьма характерно и назидательно для болгаръ, между которыми, т. е. собственно говоря, среди такъ называемой интеллигенціи, есть не мало людей, желающихъ убѣдить себя и другихъ, что Батенбергъ всей душою былъ преданъ болгарскимъ національнымъ интересамъ и сроднился вполнѣ съ ихъ народнымъ дѣломъ и стремленіями.

Эти болгары, въ непонятномъ ослѣпленіи, объясняютъ всѣ его грѣхи и ошибки русскимъ вліяніемъ и видятъ въ немъ борца и жертву за самостоятельность и независимость Болгаріи. Болгарскіе патріоты— я готовъ допустить что такіе въ самомъ дѣлѣ имѣются между приверженцами Батенберга—если политическія и партейныя страсти не въ конецъ вытравили въ нихъ національнаго сознаніе, должны наконецъ понять, на сколько они заблуждались, вѣря въ сердечную преданность и любовь Батенберга къ Болгаріи и болгарамъ.

Въ подтвержденіе этого чистосердечнаго признанія, сорвавшагося съ пера итальянскаго панегириста Батенберга, можно привести не мало и другихъ свидѣтельствъ. Искусный лицедѣй и лицемѣръ, не смотря на свои молодые годы, бывшій Болгарскій князь, въ извѣстныхъ случаяхъ, когда это было нужно для показу, весьма правдоподобно т. е. и со всѣми признаками искренности и убѣжденія, заявлялъ о своихъ болгарскихъ чувствахъ и симпатіяхъ. Но пріѣзжая въ Петербургъ, Москву, Вѣну, Берлинъ и Бухарестъ, когда онъ снималъ съ себя мундиръ офиціальности и свою болгарскую маску, онъ высказывалъ и, притомъ въ крайне циничной формѣ, глубокое отвращеніе ко всему болгарскому.

Талантливый комедіантъ, онъ замѣчательно и умно и тонко морочилъ не только молодыхъ болгарскихъ офицеровъ и малоопытныхъ политиковъ, какъ это было въ Софіи, на праздникъ Кирилла и Меѳодія въ 1884 г., но и людей, болѣе ихъ видѣвшихъ на своему вѣку. Одно время онъ увѣрилъ М. Д. Скобелева и И. С. Аксакова въ томъ, что сталъ горячимъ славянофиломъ—славянская идея, говорилъ онъ имъ «такая грандіозная, новая, свѣжая идея, которая имѣетъ великую будущность, она овладѣла моимъ умомъ и сердцемъ, я посвящу ей себя всецѣло и охотно отдамъ всю мою жизнь на служеніе этой идеѣ будущаго».

Скобелеву онъ говорилъ и даже писалъ, что охотно готовъ уступить ему болгарскій престолъ, ибо убѣжденъ, что Скобелевъ такой человѣкъ, который, ставъ во главѣ Болгаріи, высоко подниметъ славянское знамя и доставитъ ему торжество побѣды.

Въ присутствіи болгарскихъ и русскихъ офицеровъ, по полученіи извѣстія о смерти Скобелева, Батенбергъ неутѣшно плакалъ и говорилъ: «этому человѣку я бы охотно уступилъ мой престолъ, я никогда не могу сдѣлать для успѣха болгарскаго и славянскаго дѣла, то, что онъ бы сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ». Эксплуатируя такимъ образомъ популярность М. Д. Скобелева, среди русской и болгарской офицерской молодежи и выдавая себя за горячаго его послѣдователя, Батенбергъ отнюдь не былъ таковымъ. Искренность его симпатіи къ Скобелеву подвергается большому сомнѣнію, вслѣдствіе его отношеній и образа дѣйствій относительно М. А. Хитрово.

Домогаясь отозванія г. Хитрово изъ Софіи, Батенбергъ между прочимъ, гдѣ то было нужно, пустилъ въ ходъ такого рода инсинуаціи—г. Хитрово, какъ горячій партизанъ, Скобелева подъ вліяніемъ послѣдняго пропагандируетъ де панславизмъ на Балканскомъ полуостровѣ и производитъ этимъ опасную агитацію умовъ.

Считаю не лишнимъ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Мой очеркъ ограничивается почти исключительно одною внѣшнею исторіей событій болгарской жизни. Меня могутъ упрекнуть въ томъ что я ограничиваюсь одной лишъ внѣшнею исторіей Болгаріи—излагаю внѣшнія политическія событія т. е. борьбу партій, ходъ переворотовъ дѣятельность болгарскихъ правителей и ихъ опонентовъ, умалчивая о развитіи жизни самого болгарскаго народа.

Я не сомнѣваюсь, что послѣдняя представляетъ не менѣе, если не болѣе интереса, однако я отнюдь не берусь за эту задачу. Въ мое оправданіе я могу сказать, что всякій авторъ вправѣ самъ себѣ назначить извѣстную цѣль и работать исключительно въ предѣлахъ имъ намѣченной задачи. Цѣль-же настоящей книги, считаю долгомъ сдѣлать эту оговорку, состоитъ въ томъ, чтобы представить историческій очеркъ внѣшней, политической жизни Болгаріи, за послѣдніе годы и ничего болѣе. Изображеніе хода и развитія внутренней жизни болгарскаго народа задача весьма заманчивая, но я не брался да и не могу взяться за нее, ибо считаю себя отнюдь не компетентнымъ для

выполненія таковой. Она доступна только лишь природному болгарину и вообще человѣку, болѣе меня знакомому съ бытомъ болгарскаго народа. Хотя я и прожилъ, около двухъ лѣтъ среди болгаръ, занимая должность совѣтника дирекціи правосудія, въ В. Румеліи, но я далекъ отъ претензіи на такое знаніе болгарской жизни и народнаго характера, которыя дали бы мнѣ возможность изложить внутреннею исторію Болгаріи, за это время.

Вопросъ о томъ какъ отразились бурныя событія политической жизни Болгаріи, которую я описываю, въ настоящемъ очеркѣ, на сознаніе самаго народа, конечно занимало и меня. Не подлежитъ сомнѣнію, что болгарская райя кое въ чемъ измѣнилась, съ того памятнаго для нея дня, когда русская армія перешла, въ Систовѣ, Дунай и вступила въ Болгарію.

Ограничусь передачей лишь личныхъ моихъ впечатлѣній, здѣсь въ предисловіи, отнюдь не перенося ихъ въ самый текстъ моего очерка, которому я желалъ придать характеръ послѣдовательнаго и документально мотивированнаго историческаго изложенія.

Мое личное впечатлѣніе вынесенное изъ двухъ-лѣтняго пребыванія въ Южной Болгаріи, гдѣ народная масса, по общему мнѣнію болѣе развита и способна къ сознательному участію въ политической жизни, таково, что болгарскій народъ пережилъ всѣ эти кризисы, отъ которыхъ онъ конечно не мало терпѣлъ и страдалъ, отнюдь въ нихъ не участвуя. Современная болгарская исторія отъ того такъ безтолкова, безпорядочна и проникнута антинаціональными стремленіями, что самъ народъ въ ней не участвуетъ, она творится сравнительно небольшимъ кружкомъ лицъ изъ такъ называемой интеллигенціи и болгарскимъ войскомъ.

Болгарское войско весьма не нормальный факторъ въ современной жизни Болгаріи. Оно получило искусственное развитіе, не соотвѣтствующее историческому росту, цѣлямъ и задачамъ политической жизни Болгаріи. Къ чему для Болгаріи слишкомъ стотысячная армія, если она должна оставаться въ предѣлахъ, отведенныхъ ей Берлинскимъ конгрессомъ?

Эта армія только раздувала политическія мечтанія и вожделенія болгаръ въ смыслѣ созданія «Цѣлокупной Болгаріи» отъ моря и до моря, имѣющей сказать новое слово въ политической жизни Европы. Эта армія питала только несбыточныя надежды на преобладающую роль Болгаріи

въ дальнѣйшихъ судьбахъ Балканскаго полуострова, развивая въ болгарскихъ политикахъ заносчивость и самонадѣянность, обременяла народъ непосильнымъ бременемъ налоговъ;—военный бюджетъ поглощалъ десятки милліоновъ, тогда какъ у населенія не хватало средствъ на покупку рабочаго скота для обработки полей.

Эта армія не пропорціональная силамъ и средствамъ Болгаріи и скромной политической роли опредѣленной для нея въ системѣ европейскихъ государствъ несомнѣнно обострила отношенія юной Болгаріи къ ея сосѣдямъ, именно сербамъ, грекамъ и румынамъ.

Въ смыслѣ защиты отъ турецкихъ вторженій и покушеній на болгарскую свободу, въ предѣлахъ установленныхъ Берлинскимъ конгрессомъ эта армія была слишкомъ велика или слишкомъ мала, если допустить возможность серьезныхъ покушеній такого рода со стороны Порты. Спѣшное пополненіе кадровъ офицеровъ развило въ послѣднихъ духъ карьеризма и склонность къ политическимъ приключеніямъ — вообще ненормальный и опасный духъ, для правильнаго развитія страны и порядка.

Правда эта армія оказала странѣ серьезную услугу, во время сербскаго нашествія, но таковое было вызвано безразсуднымъ переворотомъ 6 сентября и вторженіемъ войска въ вопросы политическіе. Едва ли можно сомнѣваться, что король Миланъ не пошелъ бы войной на Болгарію, еслибы послѣдняя не порвала такъ легкомысленно и безумно своихъ связей съ Россіей, ея естественной покровительницей и освободительницей.

Въ настоящее время болгарское войско совсѣмъ заслонило болгарскій народъ, оно распоряжается самовластно и беззаконно судьбами народа — положеніе ненормальное и гибельное для всякой страны, а тѣмъ болѣе для такъ недавно и слабо организованной, какъ Болгарія.

Болгарскій народъ не имѣетъ исторически сложившихся и развитыхъ классовъ населенія, не имѣя сословій, онъ не имѣетъ даже преданій самобытной исторической жизни—связь съ прошлымъ въ Болгаріи безслѣдно порвана—поэтому народъ въ Болгаріи обнаруживаетъ крайнюю пассивность, чтобы не сказать стадность, чѣмъ такъ злоупотребляютъ въ настоящее время смѣлые авантюристы, захватившіе власть.

Въ Болгаріи нѣтъ даже вліятельнаго духовенства, которое на извѣстной ступени историческаго развитія служитъ естественнымъ орга-

номъ народныхъ стремленій и желаній. Болгарское духовенство еще очень зелено и крайне не развито—оно бѣдно и поставлено въ ненормальное положеніе условіями своего отпаденія отъ Константинопольской патріархіи. Хотя болгары не хотятъ въ этомъ сознаться, но тѣмъ не менѣе болгарскій расколъ есть фактъ, «*его же не прейдеши*»; даже допуская, что произошелъ этотъ расколъ не по винѣ самихъ Болгаръ, болгарская церковь тѣмъ не менѣе лишена прочной почвы церковнаго преданія и авторитета каноническихъ правилъ—это ея больное мѣсто, которое съ теченіемъ времени можетъ обратиться въ глубокую язву. Болгарское духовенство такъ слабо и немощно, что не въ состояніи даже дать серьезный отпоръ пропагандѣ католической и протестантской — послѣдняя въ лицѣ американскихъ миссіонеровъ дѣлаетъ несомнѣнно завоеванія въ Болгаріи. Наиболѣе серьезные и добросовѣстные изъ дѣятелей борьбы и отпаденія болгарской церки отъ Патріархіи, напр. Бурмовъ-Стояновъ, Маркъ-Балобановъ, Гавріилъ Крестовичъ сознаютъ, что отпаденіе Болгарской церкви отъ патріаршаго престола въ Константинополѣ, сопровождалось упадкомъ религіозныхъ вѣрованій и авторитета духовной власти въ Болгарскомъ народѣ. Болгарская же интеллигенція теперь стала самой равнодушной, чтобы не сказать болѣе, въ Европѣ, къ вопросамъ вѣры, въ ея глазахъ духовенство — совершенно ненужное и излишнее сословіе.

Такимъ образомъ единственными представителями Болгарскаго народа являются его депутаты. Тырновская Конституція, хотя и даетъ, повидимому, широкое участіе народу въ представительныхъ учрежденіяхъ страны, какъ извѣстно, въ основу ея положено широкое демократическое начало народовластія, но роль народа въ управленіи дѣлами чисто *фиктивная*.

Составъ Народныхъ Собраній, не только въ В. Румеліи, гдѣ даже по Органическому Статуту народному представительству приданъ чисто чиновничій характеръ — Областное Собраніе этой области состояло сплошь изъ чиновниковъ, но и въ Болгарскомъ Княжествѣ, представительная система котораго распространена теперь и на Румелію, участіе народа во мнѣніяхъ и рѣшеніяхъ Собранія — совершенно призрачное.

Объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ составъ народныхъ Собраній. Всѣ болгарскіе депутаты это учителя, медики, журналисты, адвокаты и чиновники.

Намъ скажутъ, что эти люди вышли изъ народа и въ большинствѣ случаевъ очень не давно, да, но они имѣютъ очень мало общаго съ народомъ, они слишкомъ скоро усвоили себѣ совсѣмъ особый складъ понятій и относятся презрительно и свысока къ темной массѣ своихъ избирателей. Между Болгарскими селяками и занимающимися политикою ихъ представителями образовалась цѣлая пропасть въ понятіяхъ и требованіяхъ, а также коренное различіе интересовъ. Извѣстное сравненіе Аксакова интелигенціи съ форейторомъ, который оборвавъ постромки далеко и безъ оглядки ускакалъ впередъ, безусловно примѣнимо къ Болгаріи.

Чисто посивное отношеніе болгарскаго народа къ переживаемымъ страной кризисамъ, я могу иллюстрировать примѣрами, которыхъ я былъ очевидцемъ.

Во время переворота 27 апрѣля 1881 года, я жилъ въ В. Румеліи и знаю подлинно и достовѣрно какъ отнеслось къ нему населеніе. Мѣсяцъ спустя, послѣ переворота, мнѣ случилось совершить поѣздку по Области и видѣть въ натурѣ отношеніе къ нему народа, т. е. трудоваго, живущаго земледѣліемъ, промыслами и даже торговлею населенія, для котораго политика не составляла профессіи. Я посѣтилъ между прочимъ Казанлыкъ и проѣхалъ даже въ сосѣднее Габрово, находящееся уже въ предѣлахъ Княжества.

Я констатировалъ полное равнодушіе и глубоко пасивное отношеніе народа къ перевороту, хотя грамотность въ Болгаріи весьма развита, газетъ множество и я находилъ газеты, метавшія громъ и молнію противъ переворота, въ самыхъ глухихъ деревняхъ—болгарскія газеты стоятъ очень дешево и доступны бѣднякамъ. Повидимому это противорѣчитъ, во первыхъ тому что писалось въ всѣхъ газетахъ, европейскихъ и нашихъ, о народныхъ «*митингахъ негодованія*», которыми огласилась вся В. Румелія—въ княжествѣ эти митинги разгонялись полиціею и войскомъ, во второмъ тому, что я самъ говорю, въ III главѣ моей книгѣ о неудовольствіи которое возбудило переворотъ, указывая что безъ нашей поддержки князь Александръ не усидѣлъ бы тогда на престолѣ.

Объяснюсь. Митинги, о которыхъ писали въ газетахъ дѣйствительно собирались, на нихъ много и горячо шумѣли и громко негодовали,—говорились и это правда—зажигательныя рѣчи и даже писались громовыя резолюціи, разносившія въ пухъ и прахъ клятвопроступнаго князя,

вѣроломно нарушившаго Тырновскую конституцію, которой онъ торжественно присягнулъ.

Скажу болѣе, нѣкоторыя изъ этихъ митинговъ были даже довольно многолюдны. Но на всѣхъ этихъ митингахъ орудовала сотня другая лицъ, такъ было покрайней мѣрѣ въ В. Румеліи. Въ княжествѣ, гдѣ почти всѣ всѣ денутаты упраздненнаго Народнаго Собранія, числомъ слишкомъ 500 человѣкъ, явились ярыми антагонистами переворота и горячими агитаторами опозиціи, активный персоналъ митинговъ, тамъ гдѣ полиція и войска не успѣли или не хотѣли ихъ разогнать, очевидно были нѣсколько многочисленнѣе.

Митингъ негодованія въ Казанлыкѣ, въ маѣ 1881 года, былъ при мнѣ, о немъ было писано очень много, его называли особенно внушительнымъ. Газетныя статьи посвященныя этому митингу обратили вниманіе и смутили даже Болгарскаго князя и его совѣтниковъ въ Софіи.

Что же происходило на этой величавой, какъ тогда писали народной сходкѣ и насколько она была народна? Предсѣдательствовалъ на этой сходкѣ богатый болгарскій фабрикантъ розоваго масла, въ Казанлыкѣ, Попазъ-Оглу (т. е. въ переводѣ на русскій языкъ поповъ сынъ, богатые Болгаре при турецкомъ режимѣ переводили свои фамилія и прозвища на турецкій языкъ). Онъ благодушно слушалъ, кивая одобрительно головою рѣчамъ, которые говорили, пріѣхавшіе изъ Пловдива журналисты и одинъ депутатъ, пріятель Каравелова. Къ нимъ примкнуло нѣсколько человѣкъ мѣстныхъ сельскихъ учителей, сборщикъ податей, кассиръ города Казанлыка и два чиновника изъ Финансовой Дирекціи, доктора Странскаго, который тогда былъ ярымъ врагомъ Батенбергскаго принца и переворота. Мѣстный Околійскій начальникъ (т. е. по нашему исправникъ) увлекшись ихъ примѣромъ, въ краткой, но сильной по выраженіямъ рѣчи, не похвалилъ Баттенберга, замѣтивъ внушительно, что нарушившій присягу князь достоинъ смерти предателя и поставилъ себя нарушеніемъ Тырновской конституціи внѣ охраны законовъ. Ему аплодировали. Толпа слушала съ недоумѣніемъ и довольно апатично все это политическое краснорѣчіе, чтобы разшевелить селяковъ имъ шепнули, что Болгарскій князь нарушивъ присягу хочетъ де опять отдать Болгарскій народъ во власть Турокъ—толпа грозно зароптала, раздались возгласы неудовольствія противъ князя—распорядители митинга поспѣшили составить резолюцію, категорически и весьма рѣзко пори-

цавшую переворотъ и князя. Предсѣдатель митинга и сотни рукъ подписались подъ этой резолюціей и она на другой день, по телеграфу, облетѣла всю Европу.

Десять дней спустя пріѣхалъ въ, сосѣднюю съ Казанлыкомъ, Шипку (она находится на самой границѣ княжества и В. Румеліи), болгарскій князь. Русскій консулъ усиленно желалъ, чтобы изъ Казанлыка отправилась депутація привѣтствовать князя, но опасался, что, послѣ пресловутаго митинга, таковую трудно будетъ собрать. Онъ былъ крайне удивленъ общимъ желаніемъ населенія учавствовать въ депутаціи и притомъ прежде чѣмъ были приняты какія-либо для того мѣры,—первымъ вызвался и съ большимъ одушевленіемъ, желая фигурировать во главѣ депутаціи, тотъ же самый Попазъ-Оглу, онъ восторженно привѣтствовалъ князя, произнесъ съ большимъ увлеченіемъ, написанную для сего случая, рѣчь къ князю, въ которой высказывалось, что князь свѣтлая и неизмѣнная надежда всѣхъ Болгаръ. Послѣ рѣчи, поднося князю громадный букетъ изъ прекрасныхъ розановъ, онъ даже прибавилъ отъ себя, что эти розаны распустились, какъ только князь-солнце Болгаріи приблизился къ Шипкѣ.

Огромныя толпы народа привѣтствовала князя на Шипкѣ—все тѣже лица, за исключеніемъ агитаторовъ митинга:—депутатовъ, школьныхъ учителей и финансовыхъ чиновниковъ, доктора Странскаго; отсутствовали разумѣется также пріѣзжавшіе на митингъ журналисты изъ Пловдива. Околійской начальникъ колебался принять-ли ему участіе въ депутаціи или нѣтъ. Онъ явился къ секретарю нашего консульства, клялся и божился, что рѣчь его на митингѣ была передана въ газетахъ невѣрно,—резолюціи онъ не подписалъ. Онъ униженно объяснилъ, что участвовать въ депутаціи онъ очень-де желаетъ, но боится неудовольствія Алеко-Паши и Крестовича, а частнымъ образомъ явился къ болгарскому князю, съ увѣреніемъ въ своей глубокой преданности и даже просилъ у него мѣста на службѣ въ княжествѣ.

Неудовольствіе противъ князя вызванное переворотомъ, я въ этомъ вполнѣ убѣжденъ и притомъ на основаніи фактовъ, грозило ему низверженіемъ съ престола, безъ русской поддержки—это подтвердятъ конечно и сами болгаре, занимавшіеся тогда политикой. Но безусловно вѣрно, хотя дѣятельная агитація противъ переворота производилась нѣсколькими сотнями, но между ними были люди рѣшительные и даже отчаянные.

Большинство болгарскихъ офицеровъ не сочувствовали перевороту и не одобряло образа дѣйствій князя. Между офицерской молодежью, особенно юнкерами, были горячіе почитатели Каравелова и только авторитетъ русскаго имени, въ то время еще сильный, и дисциплина, поддерживаемая русскими офицерами, могли удержать войска отъ увлеченія пропагандой опозиціи, направленной къ низверженію князя. Всѣ чиновники княжества получившіе мѣста отъ либеральнаго министерства, а такихъ было очень много, бушевали и азартно требовали изгнаніа князя, зная, что при новомъ порядкѣ ихъ навѣрно прогонятъ со службы.

Всего этого было совершенно достаточно для изгнанія князя, тѣмъ болѣе, что кромѣ русскихъ офицеровъ и послушнаго имъ войска, онъ могъ разсчитывать лишь на десятокъ-другой, личныхъ своихъ приспѣшниковъ, людей робкихъ и отнюдь не расположенныхъ рисковать своей шкурой, какъ это говорила вполнѣ основательно опозиція, знавшая хорошо и близко этихъ господъ.

Все это, понималъ какъ нельзя лучше и самъ князь, который въ эти трудные для него дни, держался обѣими руками за русскихъ, а послѣ переворота старательно и не безуспѣшно искалъ личныхъ связей въ войскѣ, не щадя своего самолюбія для пріобрѣтенія личнаго расположенія и преданности болгарскихъ офицеровъ.

Батенбергъ отковенно и не разъ сознавался, что безъ рѣшительной поддержки войска, онъ не можетъ держаться на престолѣ. Ради привлеченія на свою сторону болгарскихъ офицеровъ, онъ всячески имъ льстилъ, благо выучился говорить по болгарски и бѣсѣдуя съ ними «дверьми притворенными» сѣтовалъ, что русская опека, связывающая его по рукамъ и ногамъ, къ великому его прискорбію, тормозитъ производство болгарскихъ офицеровъ и мѣшаетъ ихъ повышенію по службѣ, такъ какъ вслѣдствіе настоянія русскаго военнаго министра, онъ долженъ отдавать преимущество русскимъ офицерамъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго опредѣлить и изобразить отношеніе болгарскихъ селяковъ къ переживаемымъ Болгаріею кризисамъ довольно мудрено. Они люди скрытные и, въ высшей степени, недовѣрчивые. Къ тому-же они ужасно боятся политики, будучи убѣждены, что политика всегда ведетъ человѣка въ тюрьму.

Въ глазахъ болгарскаго селяка политикъ и комита [1]) это одно и

[1]) Комита по болгарски значитъ заговорщикъ.

тоже, а при турецкомъ режимѣ всѣ комиты, которые не успѣли бѣжать заграницу неизбѣжно попадали въ тюрьму.

Пріѣзжавшій минувшей зимою депутатъ прошлогодняго тырновскаго собранія изъ Румеліи г. П. Мусевичъ, говорилъ мнѣ, что послѣднее время многіе изъ Болгаръ, державшіеся въ сторонѣ отъ политики — торговцы и селяки, обнаруживаютъ теперь склонность къ болѣе активному участію въ дѣлахъ своей родины,—очень уже стало плохо жить. Можетъ быть это и такъ, г. Мусевичъ человѣкъ добросовѣстный и добропорядочный, самъ онъ также рѣшился выступить на политическое поприще, въ качествѣ депутата, только въ послѣднее время—прежде занимаясь торговлей онъ держался въ сторонѣ отъ политики.

Настоящій очеркъ, представляетъ законченное цѣлое т. е. изложеніе перваго періода новѣйшей исторіи Болгаріи до переворота 6 сентября 1885 года, изложеніе событій въ немъ доведено до этого рѣшительнаго момента въ политической жизни Болгаріи.

Румелійской переворотъ, Болгаро-Сербская война, низверженіе Батенберга, его возвращеніе въ Болгарію, вторичный отъѣздъ, учрежденіе и управленіе регентства составятъ предметъ втораго очерка, который выйдетъ въ свѣтъ въ концѣ года, когда надо надѣяться положеніе выяснится и кризису, который теперь переживаетъ Болгарія, будетъ положенъ конецъ.

Павелъ Матвѣевъ.

Петербургъ.
20 іюля, 1887 г.

БОЛГАРІЯ ПОСЛѢ БЕРЛИНСКАГО КОНГРЕССА.

(Историческій очеркъ).

I.

Дипломаты берлинскаго конгресса раскололи на три части Цѣлокупную Болгарію Санъ-Стефанскаго трактата, образовавъ изъ сѣверной Болгаріи (Мизіи) почти независимое княжество, изъ южной—именно Ѳракіи, по Адріанопольскій вилаэтъ, автономную область, весьма неудачно окрещенную названіемъ Восточной Румеліи, а Македонію оставивъ попрежнему подъ властью турецкаго султана. Церковно-объединенная, въ видѣ самостоятельнаго экзархата, по султанскому фирману 1872 года, единая, по своей исторіи и этнографическому составу населенія, Болгарія, какъ бездушный трупъ, была разрѣзана на куски. Такая операція in animi vili, произведенная надъ живымъ народомъ, такое открытое пренебреженіе къ ходу историческаго развитія, требованіямъ жизни и стремленіямъ пробудившагося народнаго сознанія, конечно, не могло пройдти безнаказанно для дѣла мирнаго развитія болгарскаго народа. Выбитое изъ естественной исторической колеи дальнѣйшее политическое развитіе Болгаріи подвергалось неизбѣжно великимъ опасностямъ въ будущемъ, дѣлая изъ несчастнаго Балканскаго полуострова игралище народныхъ страстей и дипломатическихъ интригъ. Въ концѣ XIX-го столѣтія, какъ и въ началѣ его,

на пресловутомъ Вѣнскомъ конгрессѣ, 1815 года, европейская дипломатія обнаружила полное пренебреженіе къ законамъ историческаго развитія и новому мощному фактору политической европейской жизни — національному принципу. На третьемъ, по счету, великомъ европейскомъ конгрессѣ, текущаго столѣтія, дипломатія, во имя чисто отвлеченныхъ и совершенно фактивныхъ интересовъ, игнотировала значеніе и силу національнаго принципа, который, по вѣрному замѣчанію одного французскаго публициста, «въ наши дни творитъ чудеса, возвращаетъ даръ слова нѣмымъ и призываетъ къ жизни мертвецовъ» [1]). Этотъ жизненный и могучій принципъ современной политической жизни былъ грубо попранъ на берлинскомъ конгрессѣ, и притомъ въ силу весьма шаткихъ и крайне призрачныхъ интересовъ и столь же легковѣсныхъ соображеній. Главный и самый ярый партизанъ разчлененія Болгаріи, маркизъ Салюсбюри, усердный сотрудникъ печальной памяти Биконсфильда, осенью 1885 г., послѣ переворота, 6-го сентября, т. е. всего только 7 лѣтъ послѣ конгресса, въ качествѣ премьера и руководителя политики Forreing Office королевы, обратился скоропостижно въ самаго ретиваго адвоката «Цѣлокупной Болгаріи» и національнаго объединенія болгарскаго народа. Всякая ломка жизни, во имя отвлеченныхъ умоначертаній теоріи или доктрины, хотя бы проводимой въ жизнь высокопоставленными представителями великихъ европейскихъ державъ, есть дѣло, по существу своему, безусловно революціонное, неизбѣжно вносящее въ жизнь народовъ, подвергающихся такой операціи, элементы смуты и броженія.

Вся политическая исторія Европы въ XIX-мъ вѣкѣ непреложно подтверждаетъ эту истину. Вѣнскій конгрессъ,

---

[1]) Anatole Leroy Beaulien «La Bouçarie et les derniers evenements d'Orient" (Revue Politique et Litteraire, 23 №. 1885).

1815 года, думалъ раздавить національныя стремленія итальянскаго народа. Регентъ европейскаго концерта того времени князь Меттернихъ напрягалъ всѣ усилія своего изобрѣтательнаго ума и всѣ средства дипломатической интриги, чтобы обратить Италію въ географическій терминъ. Апеннинскому полуострову былъ навязанъ его стараніями политическій порядокъ крайне искусственный, глубоко противный и враждебный народнымъ желаніямъ и историческому развитію. Европейская дипломатія, поддерживая этотъ порядокъ, думала затормозить въ Италіи пробужденіе національнаго духа и сознанія, подчинивъ дальнѣйшее историческое развитіе итальянскаго народа своимъ политическимъ комбинаціямъ и эгоистической политикѣ вѣнскаго кабинета.

Но задержанное усиліями дипломатіи національное движеніе въ Италіи не заглохло, а только получило революціонное направленіе, подкладку и окраску. Италія на нѣсколько десятковъ лѣтъ превратилась въ зловѣщій очагъ революціонной пропаганды, тревожившій Европу непрерывными революціонными вспышками, представлявшими постоянную угрозу миру Европы. Въ концѣ концовъ жизнь одолѣла дипломатію! Италія объединилась подъ властью савойской династіи, выставившей на своемъ знамени національную идею Италіи. Апеннинскій полуостровъ, наконецъ, избавился отъ европейской опеки, въ 1870 году, когда занятіемъ Рима дѣло объединенія Италіи было закончено. Италія успокоилась и затихла, хотя страна досихъ поръ еще не вполнѣ успѣла пережить и выбросить изъ своего политическаго организма тѣ зародыши смуты, которыя запали въ итальянскую почву въ это печальное время.

Берлинскій конгрессъ съигралъ совершенно аналогическую роль въ отношеніи Балканскаго полуострова. Вытѣсненная изъ Италіи войной 1859 года и событіями 1866 года, когда ей пришлось отказаться отъ Венеціанской области, выброшенная въ то же время, по Никольсбург-

скому миру, изъ германскаго союза, Австрія обратила взоры на Балканскій полуостровъ. По свойственному всѣмъ народамъ сѣвернаго и средняго климата тяготѣнію къ югу, имперія габсбурговъ перенесла объективъ своей политики съ Апеннинскаго полуострова на Балканскій.

Усерднымъ проповѣдникомъ и проводникомъ этой новой, восточной политики Австро-Венгріи явился весьма даровитый и предпріимчивый молодой дипломатъ, баронъ Веніаминъ Каллай, теперешній намѣстникъ австрійскаго императора въ Босніи и Герцеговинѣ. Сербъ, по матери, но ярый мадьяръ, по отцу и воспитанію, Каллай, авторъ извѣстной «Исторіи Сербіи», весьма красно и бойко формулировалъ программу этой политики, въ своемъ извѣстномъ и надѣлавшемъ немало шума мемуарѣ — «О восточной задачѣ Австро-Венгріи», представленномъ имъ, въ 1879 году, въ Пештскую академію наукъ [1]).

Идеи Каллая о великой исторической миссіи, которую будто бы призвана играть мадьярская раса въ судьбахъ Балканскаго полуострова, были приняты весьма благосклонно при дворѣ Франца Іосифа. Авторъ мемуара не замедлилъ получить сначала портфель имперскаго министра финансовъ, а вслѣдъ за симъ и соединенное съ этимъ портфелемъ управленіе Босніей и Герцеговиной—этимъ форпостомъ Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ. По общепринятому мнѣнію, Каллай наиболѣе вѣроятный преемникъ Кальноки и будущій руководитель внѣшней политики вѣнскаго кабинета, когда пробьетъ часъ приведенія въ исполненіе давно задуманныхъ плановъ, а именно перемѣщенія политическаго центра Ostreich, въ буквальномъ

---

[1]) Точное заглавіе этого мемуара слѣдующее: «Венгрія на рубежѣ Востока и Запада». (Ungarn an den Grenzen des Orients und Occidents). Этотъ мемуаръ былъ написанъ помадьярски, но одновременно и самимъ же авторомъ переведенъ былъ и понѣмецки, а вслѣдъ за симъ явились его переводы на всѣхъ европейскихъ языкахъ, за исключеніемъ русскаго.

переводѣ восточное государство, на востокъ, или, иначе говоря, на Балканскій полуостровъ. Хотя г. Каллай и не принималъ оффиціальнаго участія въ дебатахъ берлинскаго конгресса, но какъ близкій человѣкъ Андраши и Кароли, представителямъ Австро-Венгріи на конгрессѣ, онъ имѣлъ полную возможность дать практическое примѣненіе своимъ воззрѣніямъ на историческую миссію Австро-Венгріи на Востокѣ. Вдохновленные имъ дипломаты Вѣны и Пешта весьма успѣшно опутали на конгрессѣ Балканскій полуостровъ паутиной сложныхъ интригъ, конечная цѣль которыхъ подготовить совершенное подчиненіе этого полуострова Австро-Венгріи.

Такое направленіе австро-венгерской политики, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшее желаніямъ и видамъ «честнаго маклера конгресса», властно руководившаго его рѣшеніями, конечно, получило полную апробацію и санкцію конгресса. Одушевленная восточными планами хитроумнаго мадьяра, австрійская политика не замедлила приступить къ постепенному ихъ осуществленію. На первое время Австрія занялась преимущественно сербами. Получивъ отъ конгресса право на окупацію Босніи и Герцеговины, австрійская дипломатія, сверхъ того, добилась сооруженія спеціальной перегородки между Черногоріей и Сербіей, въ видѣ подвластной султану полосы, раздѣляющей эти славянскія государства сербскаго корня. Въ виду такихъ результатовъ, достигнутыхъ вѣнскимъ кабинетомъ на конгрессѣ, австро-венгерская пресса громко ликовала и во всеуслышаніе хвалилась, что въ славянское тѣло на Балканскомъ полуостровѣ вбитъ весьма солидный и «надежный колъ». Хотя извѣстный нѣмецкій ученый профессоръ Блюнчли, въ своемъ этюдѣ о Берлинскомъ трактатѣ [1]), и замѣчаетъ что ни одно

---

[1]) Revue de Droit International, за 1879 г. Le Congrés de Berlin etc.

изъ государствъ, заинтересованныхъ въ разрѣшеніи восточнаго вопроса, не могла остаться вполнѣ довольно этимъ трактатомъ, но, очевидно, про Австрію этого нельзя сказать.

Правда, обстоятельства, при которыхъ пришлось окупировать Боснію и Герцеговину, были довольно тревожнаго свойства. Австрійскимъ культуртрегерамъ на Балканскомъ полуостровѣ, снабженнымъ масляничными вѣтвями отъ конгресса, пришлось вступить въ Боснію и Герцеговину не съ этими эмблемами мира, а со штыками въ рукахъ. Невѣжественные герцеговинцы и босняки слышать не хотѣли о благодѣяніяхъ нѣмецкой культуры, которую несла съ собой австрійская окупація, вслѣдствіе чего приходилось во имя прогресса и цивилизаціи брать съ боя чуть ли не каждую деревню. Мѣстное населеніе смотрѣло на шваб о въ, посланныхъ къ нимъ конфессомъ, какъ на своихъ злѣйшихъ враговъ.

Но народное сопротивленіе было сломлено, хотя послѣ упорной борьбы и немалаго напряженія силъ. Австро-венгерскія войска, въ составѣ нѣсколькихъ корпусовъ, предводимыя генераломъ Филипповичемъ, наконецъ, одолѣли и разсѣяли какъ войска албанской лиги, такъ и четы герцеговинцевъ и босняковъ. Сераево было занято австрійцами, а вся окупированная область покрылась какъ щетиною австрійскими блокгаузами. Сербія, т. е. правители ея съ Миланомъ во главѣ, была куплена вѣнскимъ кабинетомъ, а австрійскій представитель при бѣлградскомъ дворѣ, графъ Рудольфъ Кевенгюллеръ, сдѣлался другомъ дома правителя Сербіи и властнымъ руководителемъ сербской политики.

Этотъ самый графъ Кевенгюллеръ, въ жилахъ котораго течетъ чешская кровь [1]) роковой человѣкъ въ судьбѣ

---

[1]) Его полная фамилія Кевенгюллеръ-Мечъ, это весьма родовитая и старая фамилія чешской аристократіи. Кевенгюллеръ-Мечъ фигурируетъ на весьма почетномъ мѣстѣ въ Готскомъ Альманахѣ, именно въ первомъ отдѣлѣ второй части. Графъ Рудольфъ, кавалеръ мальтійскаго ордена Іоаннитовъ, т. е. связанъ обѣтомъ безбрачія, за что и получаетъ 40 тыс. флориновъ въ годъ изъ капиталовъ ордена.

славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова. Состоя дипломатическимъ агентомъ при князѣ Александрѣ Болгарскомъ и пользуясь большимъ вліяніемъ на этого послѣдняго, онъ приготовилъ прискорбный переворотъ 27-го апрѣля 1881 года, надѣлавшій немало вреда Болгаріи и значительно испортившій наши отношенія къ послѣдней [1]).

Въ качествѣ представителя своего кабинета въ Бѣлградѣ, Кевенгюллеръ былъ душой сближенія Сербіи съ Австріей, а послѣ переворота 6-го сентября въ Восточной Румеліи, подстрекнулъ короля Милана къ войнѣ съ Болгаріей. Роль, которую Кевенгюллеръ игралъ при заключеніи перемирія между этими державами, слишкомъ еще свѣжа въ памяти нашихъ читателей, и мы объ ней здѣсь распространяться не будемъ. Вмѣшательство Австріи было облечено Кевенгюллеромъ въ такую форму, которая глубоко оскорбила какъ сербовъ, такъ и болгаръ и немало затруднила полное примиреніе этихъ братскихъ славянскихъ народовъ, столь искусно стравленныхъ лукавыми внушеніями вѣнской дипломатіи. Такимъ образомъ стараніями австрійской дипломатіи Балканскій полуостровъ былъ оцѣпленъ сѣтью хитро задуманныхъ интригъ, народныя страсти и вражда политическихъ партій распалена до точки кипѣнія; однимъ словомъ, сдѣлано было все возможное для успѣшнаго выполненія восточной программы мадьярскихъ политиковъ. Впрочемъ, одинъ изъ капитальныхъ пунктовъ этой программы — вызвать въ 1881 году вооруженное столкновеніе между освобожденнымъ русской кровью болгарскимъ народомъ и молодымъ болгарскимъ войскомъ, состоявшимъ тогда подъ командой русскихъ офицеровъ, — не увѣнчался успѣхомъ.

---

[1]) Кевенгюллеръ, собственно говоря, оставилъ Софію на нѣсколько мѣсяцевъ до переворота, но когда «каша была заварена» и князь Александръ окончательно уже рѣшилъ въ умѣ свой первый пресловутый переворотъ.

Эта коварная комбинація австрійской дипломатіи, вполнѣ достойная наслѣдниковъ Меттерниха, разлетѣлась какъ дымъ, благодаря политическому такту и личному авторитету въ глазахъ болгарскаго народа нашего дипломатическаго представителя въ Софіи въ эти печальные дни, т. е. лѣтомъ 1881 года, М. А. Хитрово.

Оказавъ дѣятельную поддержку князю Александру, висѣвшему, послѣ переворота 27-го апрѣля, на волоскѣ, что было категорически предписано ему изъ Петербурга, г. Хитрово, пользовавшійся большимъ вліяніемъ среди болгаръ, съумѣлъ удержать опозицію отъ вооруженнаго открытаго возстанія противъ князя Александра Баттенберга, съ цѣлью низверженія его. Въ виду тогдашняго настроенія нашихъ высшихъ правительственныхъ сферъ и взглядовъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ на положеніе вещей въ Болгаріи, такое революціонное движеніе неминуемо привело бы къ самымъ прискорбнымъ результатамъ, а именно обращенію русскаго оружія противъ только что освобожденнаго нами болгарскаго народа.

Такого исхода переворота 27-го апрѣля усердно желала австрійская дипломатія: графъ Кевенгюллеръ и его друзья заранѣе потирали руки въ ожиданіи той минуты, когда русскимъ офицерамъ, состоявшимъ на болгарской службѣ, придется вести молодыхъ болгарскихъ солдатъ противъ возставшаго на князя болгарскаго народа.

Къ счастью для Россіи и Болгаріи, эта горькая чаша насъ миновала! Заслуги въ этомъ отношеніи М. А. Хитрово, своевременно разгадавшаго замыслы враговъ славянства и отклонившаго это роковое столкновеніе, до сихъ поръ не оцѣнены еще по достоинству!

Этотъ знаменательный и въ высшей степени характерный эпизодъ изъ новѣйшей исторіи Болгаріи у насъ, къ сожалѣнію, мало извѣстенъ; наша печать, со словъ европейской прессы, привыкла повторять, что иниціатива пе-

реворота 27-го апрѣля исходила якобы изъ Петербурга, совершенно игнорируя ту роль, которую въ этомъ переворотѣ играла Австрія.

Нѣмецкая печать, конечно, лучше нашей знакомая съ закулисной стороной этого прискорбнаго переворота, разумѣется, не преминула лукаво свалить на русскую спину,—благо она широка,—вызванное этимъ переворотомъ неудольствіе болгаръ.

Мы же, русскіе люди, по винѣ нашей дипломатіи, страдающей неизлѣчимой печато-боязней и охраняющей аки зеницу ока канцелярскую тайну нашихъ внѣшнихъ сношеній и все касающееся нашей иностранной политики, хотя бы и въ явный ущербъ нашимъ политическимъ интересамъ, конечно, ровно ничего не сдѣлали, чтобы разсѣять эту злостную клевету.

Нѣсколько ниже я болѣе подробно и фактично изложу исторію этого перваго переворота князя Александра, который въ сущности для нашей дипломатіи былъ такимъ же сюпризомъ, какъ и послѣдовавшій 6-го сентября 1885 года. Въ болгарскихъ дѣлахъ и политическихъ смутахъ, волнующихъ страну послѣ берлинскаго конгресса, многое представляется загадочнымъ, пока мы не обратимъ вниманія на внѣшнія закулисныя пружины, узелъ которыхъ надо искать въ Вѣнѣ.

II.

Берлинскій конгрессъ весьма откровенно выразилъ тенденцію европейскихъ державъ, домогавшихся передачи на разсмотрѣніе сего европейскаго ареопага нашего мирнаго трактата съ Портой,—по словамъ одного, изъ засѣдавшихъ на немъ дипломатовъ, она заключалась въ томъ чтобы «a tout prix mêttre des bâtons dans les roues» всему тому, что сдѣлала Россія на Балканскомъ полу-

островѣ, во время и послѣ войны [1]). Правда, въ силу необходимости, Европа допустила временную оккупацію Болгаріи нашимъ войскомъ и наше гражданское управленіе этой страной, въ лицѣ императорскаго коммиссара, какъ то было постановлено въ Санъ-Стефано, но при этомъ, конечно, конгрессъ не преминулъ самымъ категорическимъ образомъ ограничить срокъ этого временнаго, переходнаго положенія.

Въ одно изъ первыхъ же засѣданій конгресса, именно 24-го іюня 1878 года, представитель Австро-Венгріи, графъ Андраши, заявилъ, что VIII статья Санъ-Стефанскаго договора внушаетъ ему нѣкоторыя опасенія (inspire certaines apprehensions). Это безпокойство руководителя политики союзной намъ Австріи было имъ мотировано тѣмъ обстоятельствомъ, что означенная статья обязываетъ Порту очистить Болгарію и срыть въ ней крѣпости, предоставляя Россіи право занимать своими войсками это страну впредь до полнаго образованія земскаго болгарскаго войска въ достаточномъ количествѣ для охраны порядка, безопасности и спокойствія [2]).

Дѣло конгресса,—инсинуировалъ графъ Андраши,—можетъ увѣнчаться успѣхомъ и оправдать внушенныя имъ всей Европѣ надежды, лишь подъ условіемъ скорѣйшаго перехода отъ положенія, созданнаго войной, къ совершенно мирному порядку вещей, столь нетерпѣливо всѣми ожидаемому. Поднеся намъ такую пилюлю, австро-венгерскій дипломатъ поспѣшилъ прибавить, что онъ вполнѣ

---

[1]) Любопытенъ отзывъ англійскаго дипломата-посла Лейярда о берлинскомъ конгрессѣ и тактикѣ европейской дипломатіи, въ разговорѣ съ М. Д. Скобелевымъ, происходившемъ въ 1878 г. послѣ конгресса. Лейярдъ между прочимъ сказалъ: «Quand les Gaules ont monté au Capitole les oies ont crié et les Gaules ont eu peur. Nous avons fait comme les oies et les russes ont eu peur». См. Біогр. Очеркъ Графъ Э. И. Тотлебенъ, т. II стр. 861, Н. К. Шильдера.

[2]) См. протоколъ конгресса, подъ № 5, въ издаваемомъ нашимъ Минист. Иностр. Дѣлъ. Annuaire Diplomatique de l'Empire de Russie, за 1878 г.

довѣряетъ добросовѣстности Россіи, которая, конечно, не будетъ искать поводовъ для затягиванія своей окупаціи, поэтому онъ, равно какъ, по всей вѣроятности, и представители другихъ державъ, не будутъ въ принципѣ возражать противъ оставленія въ Болгаріи, на нѣкоторое время, русскаго окупаціоннаго корпуса, для поддержанія на первое время порядка. Но ему представляется крайне неудобнымъ ставить время такой окупаціи въ зависимость отъ такихъ неопредѣленныхъ условій, каковы полная организація мѣстнаго земскаго войска и водвореніе новаго гражданскаго управленія, а тѣмъ паче продолжать эту окупацію на два года.

Общественное мнѣніе Европы не можетъ успокоиться,— объяснялъ гр. Андраши конгрессу,—пока войска одной изъ воевавшихъ державъ останутся на чужой территоріи, ибо при такомъ положеніи, собственно говоря, нельзя считать войну оконченной, и такимъ образомъ вызванный войной, въ Европѣ, кризисъ затянется, причиняя тѣмъ существенный вредъ общеевропейскимъ интересамъ кредита и торговли, къ явному ущербу и тѣхъ европейскихъ державъ, которыя не принимали непосредственнаго участія въ войнѣ. Въ виду этихъ соображеній, вѣнскій кабинетъ предложилъ конгрессу, въ измѣненіе VII и VIII статей Санъ-Стефановскаго договора, постановить слѣдующее:

1) Срокъ занятія Болгаріи русскихъ императорскимъ войскомъ ограничивается шестью мѣсяцами;

2) Русское правительство обязывается, въ два или три мѣсяца, послѣ этого срока, провести свои войска чрезъ Румынію и совершенно очистить эту область (l'evacuation complette de cette principauté);

3) Буде же, вопреки ожиданіямъ, по истеченіи указаннаго шестимѣсячнаго срока русской окупаціи, великія европейскія державы признаютъ необходимымъ присутствіе въ Болгаріи вспомогательнаго иностраннаго корпуса, для

поддержаніи въ ней порядка, то эта задача будетъ возложена на союзный европейскій корпусъ, въ количествѣ 15 тысячъ человѣкъ, образованный изъ войскъ всѣхъ европейскихъ державъ, распоряженіе которымъ будетъ отдано въ руки особой международной коммиссіи, а издержки на содержаніе котораго должны пасть на Болгарію.

Хотя это предложеніе графъ Андраши, противъ котораго энергично возсталъ нашъ представитель графъ П. А. Шуваловъ [1]), поддержанный въ этомъ случаѣ самимъ кня-

[1]) Князь Горчаковъ въ этомъ засѣданіи, по болѣзни, не присутствовалъ. Нашъ престарѣлый канцлеръ, огорченный ходомъ дѣлъ на конгрессѣ и не имѣя силъ и возможности измѣнить его, по-своему, т. е. совершенно постарчески, выражалъ свой протестъ, а именно онъ заболѣвалъ всякій разъ, когда на очереди стоялъ щекотливый вопросъ для нашего національнаго достоинства, по которому приходилось дѣлать уступки. Благодаря этому дипломатическому пріему, подпись князя Горчакова отсутствуетъ на протоколахъ наиболѣе обидныхъ для насъ засѣданій конгресса, хотя и стоитъ на самомъ трактатѣ. Послѣ сдѣланныхъ нами серьезныхъ уступокъ требованіямъ Европы въ болгарскомъ вопросѣ, князь Горчаковъ снова появился въ засѣданіяхъ конгресса и принялъ опять участіе въ его дебатахъ. Въ засѣданіяхъ 26-го іюня, онъ произнесъ весьма эфектную рѣчь, въ которой краснорѣчиво изобразилъ великое миролюбіе и готовность къ соглашенію, обнаруженныя въ этомъ случаѣ Россіей, не на словахъ, а на дѣлѣ. При этомъ онъ взволнованнымъ голосомъ прибавилъ, что, какъ ни велико это чувство, одушевляющее государя великой націи, оно имѣетъ свои предѣлы, исключающіе всякое посягательство со стороны какой бы то ни было державы переполнить ихъ чрезмѣрными притязаніями. Въ заключеніе своей рѣчи, — гласитъ протоколъ этого засѣданія *),—его свѣтлость (кн. Горчаковъ) повторилъ, что онъ рѣшительно устраняетъ всякую мысль о такихъ рѣшеніяхъ конгресса, которыя могли бы вызвать строгое осужденіе современниковъ и исторіи. Любопытенъ отвѣтъ лорда Биконсфильда на эту платоническую рѣчь Горчакова, въ которой прежде всего сказалось старческое безсиліе и желаніе отвести душу красивыми фразами, которыми мастерски владѣлъ нашъ маститый дипломатъ. Разсыпавшись въ любезностяхъ, подъ которыми звучитъ довольно ясно ироническая нота, практичный дипломатъ коварнаго Альбіона сказалъ, что онъ съ величайшимъ удовольствіемъ привѣтствуетъ появленіе кн. Горчакова въ настоящемъ засѣданіи конгресса и съ радостью видитъ въ краснорѣчивой рѣчи, произнесенной его свѣтлостью, несомнѣнный и счастливый знакъ вожделѣннаго возстановленія его здоровья. Рѣчь эта, выражающая желаніе миролюбиваго соглашенія между представителями державъ на конгрессѣ, которымъ они, впрочемъ, всегда были во-

*) См. протоколъ № 7 засѣданій конгресса Ibidem.

земъ Бисмаркомъ, и не было въ цѣлости принято конгрессомъ, а именно австрійской проектъ международной окупаціи отклоненъ, но, тѣмъ не менѣе, намъ пришлось поступиться первоначальнымъ срокомъ окупаціи, на что, впрочемъ, далъ свое согласіе и нашъ представитель, а именно вмѣсто двухлѣтней окупаціи Болгаріи, установленной Санъ-Стефанскимъ договоромъ, VIII статья Берлинскаго трактата ограничила время русскаго управленія Болгаріей всего 9 мѣсяцами, со дня обмѣны ратификацій этого трактата. Это постановленіе конгресса нанесло тяжелый ударъ дѣлу организаціи Болгаріи, съ которымъ приходилось крайне спѣшить, а среди болгарскаго населенія по ту и эту сторону Балканъ вызвало сильнѣйшую тревогу и общія опасенія за будущее страны и сохраненіе въ ней тишины и порядка.

одушевлены, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, что это общее чувство раздѣляется и кн. Горчаковымъ. Отнынѣ единодушное стремленіе къ мирному соглашенію всѣхъ дипломатовъ конгресса слѣдуетъ признать установившимся фактомъ и пожелать, чтобы работы конгресса продолжались въ томъ же духѣ, ибо это настроеніе еще необходимо сохранить для успѣшнаго завершенія задачи конгресса—водворенія мира въ Европѣ.

Чтобы понять все ехидство рѣчи Биконсфильда, надо припомнить что она была сказана какъ разъ наканунѣ дебатовъ о Босніи и Герцеговинѣ, когда вопросъ объ этихъ областяхъ, имѣвшихъ удовлетворить апетиты Австро-Венгріи, былъ уже поставленъ на очередь.

Отсутствіе Горчакова, по болѣзни, во время преній по болгарскому вопросу нѣсколько встревожило нашихъ друзей, въ родѣ Биконсфильта—опасались, что каверзное отношеніе къ намъ Австріи при разрѣшеніи болгарскаго вопроса переполнило мѣру нашего долготерпѣнія и пошатнуло наши отношенія и довѣріе къ этой державѣ. Думали, что, извѣрившись въ австрійскую дружбу, кн. Горчаковъ, по примѣру Андраши, выскажетъ съ своей стороны нѣкоторыя сомнѣнія относительно пригодности, въ видахъ поддержанія мира на Балканскомъ полуостровѣ окупаціи этихъ областей австрійскимъ войскомъ. Но этого не случилось, и во время отчаянныхъ протестовъ противъ австрійской окупаціи турецкихъ уполномоченныхъ, Горчаковъ сначала молчалъ, а въ заключеніе сказалъ даже нѣсколько словъ, поддерживая притязанія Австріи на Боснію и Герцеговину. Впослѣдствіи кн. Горчаковъ раскаялся въ такомъ потворствѣ видамъ Австріи, какъ объ томъ свидѣтельствуетъ нота его къ нашему послу въ Вѣнѣ Новикову, отъ 2 февраля 1879 г., приведенная г. Татищевымъ въ его статьѣ „Документальныя справки“. «Мос. Вѣдомости» № 116 за 1887 г.

Русское гражданское управленіе въ Болгаріи начало свою дѣятельность въ этомъ освобожденномъ нами отъ пятивѣковаго турецкаго рабства краѣ вслѣдъ за переходомъ нашей арміи черезъ Дунай. Состоявшій при главнокомандующемъ великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ, начальникъ гражданскаго управленія въ Болгаріи, князь В. А. Черкасскій, слѣдуя за арміей, въ ея быстромъ движеніи впередъ, въ первый періодъ компаніи, съ свойственной ему энергіей и практическимъ взглядомъ на вещи, такъ сказать, налету походныхъ маршей, вводилъ новую администрацію, въ замѣнъ убѣгавшихъ турецкихъ властей. Эта трудная и, казалось, почти невозможная задача была выполнена княземъ Черкасскимъ съ несомнѣннымъ успѣхомъ.

14-го іюня было взято Систово, а 24-го іюня главная квартира и гражданское управленіе уже были въ Тырновѣ, гдѣ сейчасъ же былъ назначенъ русскій губернаторъ генералъ Домантовичъ и вступили въ дѣйствіе, учрежденныя нашимъ гражданскимъ управленіемъ, власти.

Существенная задача, представившаяся на первыхъ же порахъ гражданскому управленію, была весьма вѣрно указана въ первыхъ же распоряженіяхъ и инструкціяхъ князя Черкасскаго, какъ только мы вступили на болгарскую почву. Она заключалась въ томъ, чтобы занимаемыя нами области не оставались ни на минуту безъ всякаго управленія, въ анархическомъ состояніи. Это было безусловно необходимо, въ виду возбужденія народныхъ страстей, племеннаго и религіознаго фанатизма и ненависти среди мѣстнаго населенія.

Свѣтлый государственный умъ покойнаго князя Черкасскаго сразу оцѣнилъ и опредѣлилъ условія положенія и требованія жизни, поставивъ наше гражданское управленіе на надлежащую точку съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности. Не задаваясь совершенно празднымъ, въ ту

минуту, теоретическимъ вопросомъ о наилучшихъ основаніяхъ для будущей организаціи края, сурово и даже нѣсколько деспотически устраняя всякаго рода разсужденія и соображенія по этому предмету, «какъ доктринерское пустословіе», онъ направилъ все свое вниманіе, всю свою желѣзную волю, не знавшую препятствій и не допускавшую противорѣчій, къ безотлагательному созданію новаго порядка управленія, хотя бы самаго простаго и несложнаго. Выполняя эту насущную задачу, онъ взялся за нее необыкновенно разумно и толково, а именно принявъ за основаніе ту безусловно вѣрную мысль, что на первое время вполнѣ достаточно возстановить самые необходимые органы прежняго управленія, только улучшивъ ихъ и передавъ въ другія руки.

Слѣдуя его инструкціямъ, наше гражданское управленіе обратило особое вниманіе на широкую организацію мѣстнаго самоуправленія. Сельскимъ и городскимъ обществамъ и населеніямъ отдѣльныхъ округовъ было предоставлено полное самоуправленіе, въ видѣ совѣтовъ, состоявшихъ изъ выборныхъ лицъ безъ различія народностей и вѣроисповѣданій. Съ этой цѣлью были возстановлены въ селахъ совѣты старѣйшинъ, а въ городахъ и округахъ (казахъ) учреждены городскіе и управительные совѣты, въ составъ которыхъ, въ качествѣ почетныхъ членовъ, были включены представители всѣхъ вѣроисповѣданій.

Этимъ совѣтамъ было предоставлено завѣдываніе всѣми хозяйственными дѣлами и наблюденіе за раскладкой и сборомъ налоговъ. Административно-полицейская власть на первое время была сосредоточена въ рукахъ русскихъ должностныхъ лицъ изъ военныхъ, во главѣ ея были поставлены въ санджакахъ губернаторы (мутесарифы), а въ округахъ, или околіяхъ, военные окружные начальники; послѣдніе обыкновенно, по-старому, назывались каймакамами.

Границы санджаковъ и околій, на сколько это было возможно, были оставлены прежнія, т. е. существовавшія при турецкомъ правительствѣ.

Однимъ словомъ, всякая ненужная бюрократическая ломка созданнаго жизнью и привычнаго населенію порядка, во имя кабинетныхъ бюрократическихъ соображеній, была безусловно устранена.

Хотя должности губернаторовъ были на первое время замѣщены русскими людьми, но къ нимъ въ помощь были приданы вице-губернаторы изъ болгаръ, а должности окружныхъ начальниковъ, въ виду условій военнаго времени, были замѣщены спеціально вызванными княземъ Черкасскимъ, по рекомендаціи полковыхъ командировъ, офицерами, съ которыми князь всегда знакомился лично прежде ихъ назначенія въ должности [1]). По его мысли, административный персоналъ изъ болгаръ долженъ былъ подготовиться къ предстоявшей ему дѣятельности постепенно, втеченіе двухъ лѣтъ.

Всѣ болѣе или менѣе крупные дѣятели прошлаго и настоящаго Болгаріи, при князѣ Черкасскомъ, прошли черезъ должности вице-губернаторовъ и пріобрѣли такимъ образомъ извѣстный административный навыкъ; одни изъ нихъ, каковы, напримѣръ, Драганъ Цанковъ, Петко Каравеловъ, Бурмовъ и т. д,—попали потомъ въ министры и даже премьеры, другіе были затерты борьбой партій и по

---

[1]) Одинъ русскій публицистъ (Е. Утинъ), наслушавшійся діатрибъ провіантскихъ чиновниковъ и кое-кого изъ болгаръ противъ князя Черкасскаго, жестоко осуждалъ послѣдняго за военную окраску нашего гражданскаго управленія. Но подобнаго рода обвиненіе, по своей очевидной неосновательности, не заслуживаетъ даже опроверженія. Участіе военнаго элемента на первое время въ нашемъ управленіи было такой неизбѣжной необходимостью, доказывать которую совершенно излишне. Австрія въ Босніи и Герцеговинѣ ввела первое время также военное управленіе. Нѣмецкіе публицисты, напр. проф. Нейманъ торжественно заявляли, что никто изъ здравомыслящихъ людей не станетъ отрицать безусловной необходимости такой организаціи въ странѣ, въ которой еще не успѣлъ разсѣяться пороховой дымъ.

старости лѣтъ, какъ, напримѣръ, Геровъ, сошли съ политическаго поприща.

Для приведенія въ исполненіе распоряженій административной власти въ качествѣ исполнительнаго органа была учреждена вольнонаемная изъ мѣстныхъ жителей полицейская стража, въ такомъ составѣ, что на каждую тысячу душъ населенія приходилось 4 стражара, изъ которыхъ трое должны быть конные.

Вмѣстѣ съ тѣмъ была организована и судебная часть. Въ этомъ отношеніи князь Черкасскій также поступилъ весьма практично и здраво, не предрѣшая вопроса о той или другой формѣ судебной организаціи и процесса, а заботясь прежде всего, чтобы дать населенію судъ скорый и близкій и притомъ доступный пониманію мѣстныхъ жителей. Онъ взялъ, что было подъ рукой готоваго для выполненія этой цѣли, т. е. обратилъ особое вниманіе на развитіе и упорядоченіе института судебныхъ совѣтовъ, или такъ называемыхъ меджилисовъ, предоставивъ, однако, губернаторамъ, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, вызванныхъ войною и враждой между мѣстнымъ населеніемъ различныхъ національностей, право изъятія изъ производства мѣстныхъ судовъ всякаго дѣла, когда губернаторъ признаетъ такую мѣру необходимой, въ интересахъ поддержанія въ краѣ спокойствія и порядка (см. «Главныя основанія гражданскаго управленія», изданныя княземъ Черкасскимъ 7-го іюля 1877 года, въ Систовѣ, во 2 вып. его оффиціальныхъ распоряженій).

Рамки настоящей статьи, къ сожалѣнію, лишаютъ меня возможности подробнѣе остановиться на перечнѣ и характеристикѣ всѣхъ мѣропріятій князя Черкасскаго, по части гражданскаго управленія Болгаріей, а также его плановъ и предположеній о будущей организаціи Болгаріи—вопросъ, который серьёзно занималъ князя Черкасскаго среди неотложныхъ заботъ текущей злобы дня, ка-

залось бы, долженствовавшихъ совершенно поглотить все его вниманіе. Изданные по его распоряженію «Матеріалы для изученія Болгаріи и инструкція» особо учрежденной юридической коммиссіей, подъ предсѣдательствомъ С. И. Лукьянова [1]), занявшаго впослѣдствіи должность управляющаго судебнымъ отдѣломъ Болгаріи, при князѣ Дондуковѣ-Корсаковѣ, свидѣтельствуютъ о дальновидныхъ и широкихъ планахъ Черкасскаго въ отношеніи будущей организаціи Болгаріи.

Если бы всѣмъ этимъ предположеніямъ суждено было осуществиться, Болгарія получила бы формы правленія вполнѣ самобытныя, приноровленныя къ условіямъ болгарской жизни и степени развитія ея населенія; это было бы прочно и разумно построенное зданіе, на почвѣ серьезнаго изученія условій народной жизни, а не сколокъ съ учрежденій другихъ государствъ, взятыхъ напрокатъ случайными составителями болгарской конституціи и румелійскаго органическаго статута.

Вообще вся дѣятельность князя Черкасскаго въ дѣлѣ гражданскаго управленія была проникнута строго послѣдовательнымъ проведеніемъ программы, изложенной въ извѣстной прокламаціи покойнаго государя императора, отъ 10-го іюня 1877 года, къ болгарскому народу, которая гласила, «что задача Россіи создавать, а не разрушать», въ силу чего, согласно заявленію этой прокламаціи, «по мѣрѣ того, какъ русскія войска подвигались вовнутрь страны, турецкія власти замѣнялись правильнымъ управленіемъ, къ дѣятельному участію въ которомъ немедленно были призваны мѣстные жители, подъ высшимъ руководствомъ установленной для сего власти».

---

[1]) Нынѣ сенаторъ и членъ коммиссіи по составленію новаго гражданскаго уложенія, считающійся спеціалистомъ по вопросамъ гражданскаго права. Юридическія познанія и знакомство съ Болгаріей, пріобрѣтенное С. И. Лукьяновымъ, во время управленія князя Черкасскаго, внушали къ нему особое довѣріе князя Дондукова-Корсакова.

Вслѣдствіе временнаго своего характера и другихъ болѣе неотложныхъ задачъ, наше гражданское управленіе почти не касалось частей духовной и учебной; въ этомъ отношеніи было признано необходимымъ только учредить для приготовленія переводчиковъ, въ Филиппополѣ, практическіе курсы русскаго языка для 40 стипендіатовъ и вольноприходящихъ, безъ ограниченія числа этихъ послѣднихъ. По части финансовой, въ виду обстоятельствъ военнаго времени, наше гражданское управленіе, очевидно, должно было ограничиться лишь нѣкоторыми отдѣльными мѣропріятіями, предоставляя будущему систематическую организацію новаго финансоваго управленія.

Во всѣхъ округахъ вслѣдъ за введеніемъ гражданскаго управленія, возстановлено было дѣйствіе окружныхъ казначействъ и таможенъ, тамъ, гдѣ они были учреждены до нашего прихода. Въ видахъ сосредоточенія денежныхъ поступленій и веденія правильной по нимъ отчетности, составлены были правила о санджаковыхъ казначействахъ, по образцу русскихъ. На первое время эти казначейства были открыты въ Софіи, Филиппополѣ и Рущукѣ.

Зорко присматриваясь къ тому, что было годнаго и полезнаго для края при турецкомъ управленіи, князь Черкасскій обратилъ серьёзное вниманіе на изученіе устройства земледѣльческихъ кассъ, заведенныхъ въ Болгаріи Мидхатомъ-пашей. По этому предмету собраны были весьма интересные матеріалы, и князь Черкасскій предполагалъ дать широкое развитіе этимъ кассамъ. Существовавшая при турецкомъ правительствѣ система налоговъ, для измѣненія которой требовалось время и предварительное обстоятельное изслѣдованіе экономическаго быта страны, была оставлена въ силѣ; наше гражданское управленіе уничтожило только поголовную подать, такъ называемую бедель, которая взималась исключительно съ христіанскаго населенія, въ видѣ выкупа за освобожденіе отъ военной службы.

Кромѣ того, былъ сдѣланъ опытъ замѣны десятиннаго налога съ получаемыхъ продуктовъ поземельной денежной податью. Всѣ же прочіе виды податей, какъ-то: верги [1]). акцизъ и таможенныя подати, были оставлены на прежнемъ основаніи, причемъ, однако, была измѣнена откупная система взиманія этихъ налоговъ, крайне ненавистная, по сопровождавшимъ ее злоупотребленіямъ, мѣстному населенію.

Впрочемъ, до конца 1877 года гражданское управленіе въ виду бѣдствій и опустошеній, произведенныхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя служили театромъ военныхъ дѣйствій, не признало возможнымъ приступить къ правильному сбору податей; не смотря на это, изъ таможенныхъ доходовъ, съ акциза и аренды казенныхъ имуществъ, а отчасти изъ поступленія податей, составилась въ 1877 году изрядная цифра доходовъ, имѣнно до 400 тыс. рублей, которые и были обращены на содержаніе новой администраціи санджаковъ Тырновскаго, Тульчинскаго, Систовскаго и отчасти Рущукскаго.

Заключеніе мира, по предположеніямъ князя Черкасскаго, должно было открыть второй періодъ болѣе широкой и систематической дѣятельности по части организаціи гражданскаго управленія, но ему не суждено было осуществить это предположеніе.

Напряженная работа въ непривычномъ знойномъ климатѣ, постоянная душевная тревога и огорченія въ тяжелые дни нашихъ плевненскихъ неудачъ, непрерывная борьба съ окружавшими его интригами, сломили желѣзное здоровье князя Черкасскаго. Уже совсѣмъ больной, въ январѣ 1878 года, переправился онъ вслѣдъ за главной квартирой черезъ Балканы, продолжая черезъ силу свои обычные доклады великому князю, но здѣсь злой недугъ

---

[1]) Особый родъ подоходнаго налога, практикуемаго въ Турціи.

скоро совсѣмъ сложилъ его въ постель, и 19-го февраля, въ достопамятный день подписанія Санъ-Стефанскаго договора, въ этомъ приморскомъ мѣстѣчкѣ, на берегахъ завѣтной Пропонтиды, въ виду Царьграда и св. Софіи, скончался этотъ доблестный сынъ Россіи, угасъ этотъ замѣчательный государственный умъ!

Дѣятельность князя Черкасскаго не ограничивалась устройствомъ лишь гражданскаго управленія, онъ много потрудился и по части организаціи учрежденій Краснаго Креста. Постоянно посѣщая госпитали и лазареты, онъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ посвящалъ свои силы дѣлу человѣколюбія—облегченію положенія больныхъ и раненыхъ.

Кромѣ того, покойный Черкасскій съ первыхъ же дней кампаніи обратилъ серьёзное вниманіе на дѣло, которое не входило непосредственно въ кругъ его обязанностей, но которое впослѣдствіи могло бы быть для насъ весьма полезнымъ—приготовленіе и сохраненіе запасовъ для продовольствія арміи изъ урожая жатвы того года. Наша армія вступила въ Болгарію передъ самымъ началомъ уборки хлѣба; войско беззаботно топтало желтѣвшую подъ ногами обильную жатву на широко раскинувшихся передъ нимъ тучныхъ нивахъ Болгаріи. Въ эти дни всеобщихъ, въ нашей арміи, иллюзій и упоенія дымомъ побѣды, никто не хотѣлъ думать, что эта самая жатва, сиротливо колосившаяся на покинутыхъ жителями поляхъ, можетъ быть полезной для продовольствія войска во время зимней кампаніи, самая возможность которой никѣмъ не допускалась. Въ главной квартирѣ, въ чаяніи столь же быстрыхъ и легкихъ успѣховъ въ будущемъ, полагали, что война неминуемо будетъ кончена къ началу осени, и, кажется, болѣе всего заботились какъ бы подогнать торжественную развязку кампаніи—заключеніе мира подъ стѣнами Константинополя, ко дню 30 августа. Одинъ только князь Черкасскій, какъ опытный хозяинъ, предусмотрительно занялся

собраніемъ и сбереженіемъ этого богатаго источника для продовольствія арміи, беззаботно расточавшагося. Его распоряженія по части уборки и сбереженія жатвы въ то время не только не одобрялись, но даже громко порицались какъ одно изъ проявленій его мелочнаго деспотизма и педантизма, напрасно стѣснявшаго нашу армію и гражданское управленіе. Впослѣдствіи же, однако, этими запасами можно и должно было пользоваться, хотя собранные княземъ Черкасскимъ продукты на половину растаяли и погнили, проходя рядъ интендантскихъ мытарствъ и всевозможныхъ интригъ, вызванныхъ корыстолюбивыми соображеніями лицъ, лично заинтересованныхъ въ дѣлѣ продовольствія арміи [1]).

---

[1]) Довольно подробное изложеніе дѣятельности кн. Черкасскаго по части гражданскаго управленія Болгаріей находится въ любопытной статьѣ Д. И. Георгіевскаго, служившаго въ этомъ управленіи, напечатанной въ журналѣ «Наблюдатель», за 1882 годъ, въ №№ 9 и 10. Этому же предмету посвященъ трудъ профессора Одесскаго университета В. Палаузова, ѣздившаго, по приглашенію князя, въ Болгарію для участія въ работахъ юридической коммиссіи, образованной, по распоряженію Черкасскаго, при нашемъ гражданскомъ управленіи. Статья г. Палаузова, по происхожденію болгарина, подъ названіемъ «Очеркъ дѣятельности русскаго гражданскаго управленія по устройству юстиціи въ Болгаріи» напечатана была въ «Журналѣ гражд. и угол. права», за 1880 г. книга 4-я. Обѣ эти статьи не даютъ, однако, надлежащей, всесторонней характеристики организаторской дѣятельности покойнаго князя въ Болгаріи. Этотъ знаменательный и полный содержанія моментъ въ исторіи возрожденія Болгаріи еще ждетъ своего историка. Богатый матеріалъ по этому вопросу заключается въ распоряженіяхъ и инструкціяхъ, изданныхъ въ это время княземъ Черкасскимъ; они были обнародованы вмѣстѣ съ «Матеріалами для изученія Болгаріи». Въ высшей степени любопытна также переписка изъ Болгаріи покойнаго князя съ его московскими и петербургскими друзьями, особенно интересны его письма изъ Болгаріи къ И. С. Аксакову, которыя, вѣроятно, сохранились въ бумагахъ нашего незабвеннаго и оплакиваемаго всѣмъ славянствомъ публициста. Не лишены также значенія для характеристики взглядовъ и отношенія кн. Черкасскаго къ его болгарской задачѣ рукописныя записки Проф. В. В. Богишича, приглашеннаго кн. Черкасскимъ изъ Парижа, гдѣ онъ занимался составленіемъ кодекса для Черногоріи, къ участію въ организаціи Граж. Управленія Болгаріей. Было бы весьма желательно, чтобы эти записки были изданы въ свѣтъ — онѣ представляютъ цѣнный матеріалъ для выясненія дѣятельности кн. Черкасскаго въ Болгаріи.

Преемникъ Черкасскаго князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, призванный Высочайшей волей изъ Кіева, гдѣ онъ во время войны занималъ должность генералъ-губернатора, на Балканскій полуостровъ для занятія поста императорскаго коммиссара, установленнаго согласно нашему мирному договору съ Портой для временнаго управленія Болгаріей, закончилъ дѣло гражданской и военной организаціи Болгаріи, поставилъ на ноги и пустилъ въ ходъ нами организованныя власти и созвалъ первое народное собраніе Болгаріи для разсмотрѣнія болгарской конституціи. Онъ же открылъ вслѣдъ затѣмъ, согласно этой конституціи, первое великое народное собраніе въ Тырновѣ, которое избрало, согласно желанію покойнаго государя, Александра Баттенберга наслѣдственнымъ княземъ освобожденной Болгаріи.

Имя князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова, снискавшаго себѣ живѣйшія симпатіи болгарскаго народа, среди котораго онъ до сихъ поръ пользуется громкой популярностью, записано такимъ образомъ въ лѣтописи болгарской исторіи и тѣсно связано съ великимъ дѣломъ гражданскаго возрожденія болгарскаго народа.

Такимъ образомъ, привѣтливый, обходительный и любезный преемникъ Черкасскаго какъ бы заслонилъ въ сознаніи многихъ изъ современниковъ суровую фигуру чиличанъ-човѣка [1]), какъ называли болгары учредителя и организатора сотворенной Россіей Болгаріи, который такъ много потрудился, по удачному выраженію одного нашего публициста [2]), «надъ основаніями, а не вѣнцомъ зданія».

Еще не настало время вполнѣ безпристрастной исторической оцѣнки заслугъ этихъ двухъ дѣятелей, создавшихъ гражданское бытіе нами сотворенной страны, какъ сказалъ И. С. Аксаковъ про Болгарію; многіе необходи-

---

[1]) Въ переводѣ порусски—стальнаго человѣка.

[2]) Князя А. И. Васильчикова, см. его статью въ «Новомъ Времени», за февраль 1878 года.

мые для сего матеріалы пока еще не обнародованы и дѣятельность обоихъ ждетъ суда потомства, который, какъ замѣтилъ князь А. И. Васильчиковъ въ своей прекрасной статьѣ по поводу смерти князя Черкасскаго, конечно, въ отношеніи къ нему «будутъ справедливѣе пересудовъ современниковъ». Продолжая дѣло Черкасскаго, его преемникъ не могъ вполнѣ послѣдовательно провести его программу по весьма многимъ причинамъ, и, между прочимъ, потому, что она еще не получила вполнѣ законченнаго внѣшняго выраженія, т. е. не была вполнѣ формулирована княземъ Черкасскимъ, во всей своей цѣлости на бумагѣ, а едва только сложилась въ умѣ своего творца. Много указаній и ясныхъ намековъ свидѣтельствуютъ, что планъ организаціи Болгаріи окончательно созрѣлъ въ головѣ князя Черкасскаго, когда, 1-го января 1878 г. онъ пѣшкомъ перешелъ Балканы, слѣдуя за главной квартирой въ Казанлыкъ; но этотъ цѣнный плодъ долгихъ размышленій былъ внезапно унесенъ имъ въ преждевременную могилу [1]).

Князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ вступилъ въ управленіе гражданской частью въ Болгаріи [2]), когда враждебное отношеніе къ намъ Европы, таившееся и молчавшее во время войны, сказалось во всей силѣ, и дипломатія подняла бурю противъ заключенаго нами съ Туріей трактата [3]).

---

[1]) Между прочимъ, извѣстно, что князь Черкасскій привезъ съ собой въ Санъ-Стефано проектъ учрежденія высшаго управленія Болгаріею, который онъ однако, кажется не успѣлъ доложить великому князю въ послѣдній свой докладъ 18-го февраля, наканунѣ своей кончины (см. О послѣднихъ дняхъ его жизни, стр. 362, въ книгѣ: «Князь В. А. Черкасскій». Москва, 1879).

[2]) Князь А. М. Дондуковъ пріѣхалъ въ Болгарію только къ началу лѣта 1878 году; до его прибытія гражданскимъ управленіемъ завѣдовалъ директоръ канцеляціи Черкасскаго генералъ Анучинъ.

[3]) Весьма любопытныя данныя по этому предмету, извлеченныя изъ дипломатическихъ документовъ и переписки заключаются въ прекрасной книгѣ Адольфа д'Авриля «Negotiations relatives au Traité de Berlin» изданной въ нынѣшнемъ году въ Парижѣ, Обществомъ Исторіи Дипломатіи.

Такое вмѣшательство Европы и настроеніе нашихъ высшихъ дипломатическихъ сферъ, склонявшихся къ уступкамъ Европѣ, конечно, не могли остаться безъ вліянія на дѣятельность нашего гражданскаго управленія въ Болгаріи, которое было въ значительной степени парализовано нашими колебаніями и чрезмѣрнымъ желаніямъ угодить Европѣ. Такимъ образомъ, точное осуществленіе программы Черкасскаго, т. е. созданіе въ Болгаріи самобытнаго гражданскаго строя, согласно условіямъ ея историческаго развитія и свойствамъ народнаго характера, въ смыслѣ и духѣ прочнаго сближенія съ Россіей и тѣсной съ ней солидарности,—уже представлялось весьма затруднительнымъ. Въ виду же постановленій берлинскаго конгресса, существенно измѣнившаго срокъ нашей окупаціи и предоставленное намъ время для окончательной организаціи гражданскаго управленія Болгаріи, приходилось во что бы то ни стало спѣшить этимъ дѣломъ.

Къ тому же для нашего новаго императорскаго коммиссара возложенная на него задача была дѣломъ мало знакомымъ. Онъ не былъ къ нему подготовленъ своей предшествующей дѣятельностью. Князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ до назначенія его на этотъ постъ, какъ извѣстно, никогда не занимался восточнымъ вопросомъ вообще, а болгарскимъ дѣломъ въ частности.

Поэтому, не имѣя особыхъ предварительно и самостоятельно выработанныхъ взглядовъ на дѣло организаціи Болгаріи, онъ охотно подчинялся въ этомъ вопросѣ сужденію лицъ, считавшихся спеціалистами, прислушивался къ мнѣніямъ и желаніямъ болгарской интеллигенціи, а въ заключеніе представилъ соображенія, выработанныя по этому вопросу его сотрудниками, въ Петербургъ, для окончательнаго разрѣшенія и направленіе всего дѣла, сложивъ съ себя, такимъ образомъ, отвѣтственность за правильное разрѣшеніе этой задачи. Какъ извѣстно, проектъ органи-

ческаго статута для Болгаріи былъ представленъ имъ въ Петербургъ покойному государю, по распоряженію котораго и былъ разработанъ особой коммиссіей подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя С. Н. Урусова [1]).

Князь Дондуковъ-вступилъ въ управленіе Болгаріей, когда мы согласились уже въ принципѣ предоставить европейскому конгрессу окончательное рѣшеніе болгарскаго вопроса и происходилъ оживленный обмѣнъ сношеній между кабинетами по вопросу о программѣ и предѣлахъ дѣятельности, а также мѣстѣ созванія конгресса. Поэтому князь, принявъ мѣры къ скорѣйшему составленію проекта органическаго статута для Болгаріи, обратилъ главнымъ образомъ свое вниманіе на организацію болгарскаго земскаго войска и устройство сельской и городской полиціи, которой предстояло охранять тишину и порядокъ въ странѣ, послѣ оставленія ея нами.

Берлинскій конгрессъ въ первыхъ же засѣданіяхъ своихъ въ началѣ іюня 1878 года установилъ разчлененіе Болгаріи Санъ-Стефанскаго трактата, въ силу чего двѣ губерніи, именно: Пловдивская и Сливненская, отходили изъ вѣдѣнія нашего гражданскаго управленія, выдѣляясь отъ Болгаріи для образованія особой автономной области, придуманной европейскими дипломатами. Организація послѣдней возла-

---

[1]) Г. Георгіевскій и Палаузовъ въ статьяхъ своихъ, вышецитированныхъ, почему-то игнорируютъ это обстоятельство и изображаютъ дѣло такъ, что проектъ болгарской конституціи, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе тырновскаго собранія, былъ непосредственно выработанъ совѣтомъ при гражданскомъ управленіи. Оба указанные авторы совершенно умалчиваютъ о пересмотрѣ и передѣлкѣ этого проекта коммиссіей князя С. Н. Урусова, состоявшей изъ товарища князя Урусова, по II Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, статсъ-секретаря Бруна, вице-директора азіатскаго департамента дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мельникова и профессора государственнаго права Петербургскаго университета А. Д. Градовскаго; послѣдній, впрочемъ, подалъ особое мнѣніе, въ которомъ заявилъ, что, будучи весьма мало знакомъ съ бытомъ и положеніемъ Болгаріи, считаетъ себя совершенно не компетентнымъ въ разрѣшеніи вопроса, какая форма правленія и организація требуются условіями народной жизни въ этой странѣ.

галась на специальную международную коммиссію, на которую было возложено 18-ю статьей берлинскаго трактата составленіе органическаго статута для Восточной Румеліи, а 19-ю статьей того же трактата этой коммиссіи предоставлялось завѣдованіе финансами сказанной области.

Въ виду такихъ постановленій конгресса, князь Дондуковъ-Корсаковъ обратилъ особое вниманіе на двѣ вышеуказанныя губерніи, отходившія отъ княжества, и принялъ самыя энергическія мѣры къ тому, чтобы въ этомъ сравнительно позднѣе занятомъ нами краѣ новое гражданское управленіе получило достаточно самостоятельную постановку и было сколько возможно болѣе приспособлено къ положенію вещей, установленному конгрессомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано было распоряженіе объ образованіи, собственно для Восточной Румеліи, особаго земскаго болгарскаго войска, въ составѣ 9 дружинъ пѣхоты и 2 сотенъ кавалеріи.

Послѣ этихъ приготовительныхъ распоряженій, нашъ императорскій коммиссаръ поручилъ управленіе Восточной Румеліей командиру 9-го корпуса, расположеннаго въ этой области, генералу А. Д. Столыпину, который и завѣдывалъ гражданскимъ управленіемъ Румеліи до ухода изъ нея нашихъ войскъ и вступленія въ должность, согласно органическому статуту Восточной Румеліи, султаномъ назначеннаго, автономнаго генералъ-губернатора Алеко-паши Богориди, принявшаго бразды правленія въ апрѣлѣ 1879 года.

Назначеніе генерала Столыпина временнымъ генералъ-губернаторомъ Южной Болгаріи обусловливалось его положеніемъ, какъ командира корпуса, и послѣдовало по личной волѣ государя императора.

Генералъ Столыпинъ, человѣкъ европейски образованный и владѣвшій европейскими языками, былъ признанъ лицомъ наиболѣе подходящимъ для занятія этого

поста[1]) въ виду тѣхъ отношеній, въ которыя было поставлено конгрессомъ наше гражданское управленіе, въ двухъ южныхъ губерніяхъ Болгаріи, къ европейской международной коммиссіи, назначенной для окончательной организаціи Восточной Румеліи.

Дѣйствительно, генералу Столыпину приходилось немало возиться съ несообразными претензіями европейскихъ дипломатовъ коммиссіи, которые сначала думали вообще подчинить нашу гражданскую администрацію Восточной Румеліи своему контролю, о чемъ французскій делегатъ баронъ Рингъ, опираясь на постановленіе Берлинскаго трактата, и сдѣлалъ торжественное письменное заявленіе въ первомъ же засѣданіи коммиссіи[2]).

Англійскій коммиссаръ, сэръ Друммондъ Вольфъ, стяжавшій послѣднее время довольно печальную извѣстность въ качествѣ интимнаго агента маркиза Салюсбюри, своими неудачными миссіями въ Константинополѣ и Египтѣ, особенно надоѣдалъ нашему управленію своими притязаніями и назойливымъ желаніемъ мѣшаться въ дѣла нашего управленія. Этотъ достопочтенный дипломатъ постоянно носился всевозможными обвиненіями на русскую администрацію и ретиво ополчался противъ дѣйствія нашей власти въ Румеліи, оспаривая даже законность нашего гражданскаго управленія этой областью, такъ какъ, по его толкованію, конгрессъ предоставилъ Россіи лишь право

---

[1]) М. Д. Скобелевъ, временно командовавшій 4-мъ корпусомъ, предназначеннымъ также для окупаціи Южной Болгаріи, по молодости и условіямъ военной іерархіи, не былъ признанъ подходящимъ для занятія этого поста. А. Д. Столыпинъ прибылъ въ Филиппополь изъ Андріанополя 12 октября 1878 г. вступилъ въ обязанности Ген.-Губерн. В. Румеліи, получая при этомъ указанія и инструкціи отъ Главнокомандующаго гр. Тотлебена.

[2]) См. протоколы коммиссіи въ англійской Синей книгѣ, за 1879 годъ, въ этомъ случаѣ почтенный французскій дипломатъ явился лишь porte voix такъ сказать отголоскомъ тенденцій и взглядовъ представителей Англіи и Австріи. Политика Франціи, въ восточномъ вопросѣ, въ это время не отличалась самостоятельностью: Франція—шла на буксирѣ у Англіи.

военной окупаціи, а не гражданскаго управленія этой областью, которое, по его словамъ, принадлежало имъ, европейскимъ коммиссарамъ.

Генералъ Столыпинъ съ большимъ хладнокровіемъ и остроуміемъ переписывался съ коммиссіей, и уступилъ коммиссіи только то, что было ей категорически предоставлено 19-ою ст. Берлинскаго трактата, т. е. завѣдываніе финансовымъ управленіемъ Восточной Румеліи.

Самъ же кн. Дондуковъ-Корсаковъ, принявъ въ Филиппополѣ международную коммиссію и сдавъ управленіе Румеліей А. Д. Столыпину, въ половинѣ октября, 1878 года, съ своей канцеляріей и состоявшимъ при немъ гражданскимъ управленіемъ, переѣхалъ въ Софію, гдѣ его присутствіе представлялось крайне необходимымъ, въ виду сильнѣйшаго возбужденія умовъ въ Македоніи, вызваннаго рѣшеніями конгресса [1]). Софія, по своему географическому положенію—именно по близости отъ Македоніи, была весьма удобнымъ пунктомъ для наблюденія за ходомъ дѣлъ въ этой области, въ которой тогда стали проявляться тревожные признаки народнаго возбужденія, вызваннаго измѣненіемъ Санъ-Стефанскаго трактата. Революціонное движеніе въ Македоніи легко могло охватить все болгарское населеніе этой области и въ связи съ организовавшейся въ это время албанской лигой могло снова зажечь пламя на всемъ Балканскомъ полуостровѣ.

Среди этихъ заботъ политическаго свойства, сдерживая волненіе умовъ, охватившее македонскихъ болгаръ, устраивая положенія болгарскихъ бѣженцовъ, стекавшихся въ княжество изъ областей, оставленныхъ подъ властью Порты, князь Дондуковъ принялъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры

---

[1]) Волненіе въ Македоніи нашла отголосокъ въ Болгаріи, вслѣдствіе чего покойный Государь высказалъ свое неудольствіе нашему гражданскому управленію. См. II томъ книги Шильдера «Графъ Э. И. Тотлебена», стр. 937.

для скорѣйшаго окончанія военной и гражданской организаціи княжества Болгарскаго.

Къ февралю мѣсяцу 1879 года, т. е. ко дню открытія перваго народнаго болгарскаго собранія въ Тырновѣ, въ итогѣ дѣятельности нашего управленія Болгаріей, въ дѣлѣ организаціи ея военной и гражданской части, имѣлись на лицо слѣдующіе результаты.

Для огражденія внутренняго порядка и внѣшней безопасности княжества Болгарскаго было образовано земское войско, состоявшее изъ 21 пѣшей дружины и 4-хъ конныхъ сотенъ, одной саперной строевой, одной саперной учебной роты и одной роты осадной артиллеріи. Впослѣдствіи было сформировано еще 6 дружинъ и 6 полевыхъ батарей, по 8 орудій въ каждой. Численность этого войска доходила до 25,000 человѣкъ, не считая русскихъ кадровъ. Эти послѣдніе состояли изъ 394 офицеровъ (въ томъ числѣ одинъ штабъ-офицеръ и 35 оберъ-офицеровъ болгарскаго происхожденія) и 2,700 нижнихъ чиновъ.

Военное обученіе войска шло весьма успѣшно, такъ какъ болгарское населеніе горячо сочувствовало образованію своего народнаго войска, а болгары, по отзывамъ нашихъ инструкторовъ, въ опытныхъ рукахъ представляютъ хорошій матеріалъ для боевой арміи, по свойствамъ своего характера, выносливости и привычкѣ къ труду [1]). Въ Софіи было открыто военное училище для приготовленія офицеровъ въ постоянную болгарскую армію, въ которое было принято на первое время 250 молодыхъ болгаръ. Кромѣ того, 90 молодыхъ людей было послано въ Россію, въ Елисаветоградскую юнкерскую кавалерійскую школу, а 42 болгарина посланы для обученія въ школы: пиротехниче-

---

[1]) Графъ Э. И. Тотлебенъ, въ своей запискѣ Государю Императору отъ 9 марта 1879 года передъ отъѣздомъ изъ Болгаріи даетъ самый лестный отзывъ о болгарскомъ войскѣ и способности болгаръ къ военной службѣ. См. стр. 967 II томъ вышеуказанной книги Н. К. Шильдера.

скую въ Петербургѣ и оружейную — въ Тулѣ. Воинская повинность сдѣлана была общеобязательной для всего населенія Болгаріи, отъ 20 до 30 лѣтъ, безъ различія вѣры и національности; срокъ дѣйствительной службы опредѣленъ въ два года. Система отбыванія воинской повинности принята милиціонная-территоріальная. Она заключалась въ томъ, что каждый округъ долженъ былъ поставлять рекрутъ только въ свою дружину. Рекруты же со всей губерніи поступали для формированія конной сотни и батареи, и при томъ той же самой губерніи. Дружины были расположены въ центральныхъ пунктахъ округовъ, а сотни и батареи — въ такихъ же пунктахъ губерній. Дружины были сформированы въ составѣ 1,000 человѣкъ каждая, сотни—въ 150, а батареи—въ 250.

Призывъ 20 тысячъ новобранцевъ для сформированія болгарскаго войска былъ произведенъ втеченіе полумѣсяца и прошелъ весьма успѣшно. Поведеніе новобранцевъ въ городахъ, гдѣ ихъ скоплялось по нѣскольку тысячъ, не смотря на довольно слабый надзоръ за ними, было безупречно. Недоборъ призывныхъ былъ самый ничтожный, и главной причиной его было уменьшеніе границъ княжества, широкія льготы по семейному положенію, строгій медицинскій осмотръ и выбытіе нѣкоторой части молодежи на заработки за границу.

Наибольшій процентъ недобора призывныхъ палъ на Виддинскій санджакъ, что зависѣло отъ занятія его сербами, упорно медлившими очищеніемъ 3-хъ ближайшихъ округовъ этого санджака, не смотря на ратификацію трактата. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ приморскихъ округахъ Сливненской губерніи, именно тѣхъ, въ которыхъ преобладало греческое населеніе, также оказался недоборъ.

Зато болгарская молодежь Киркилисскаго округа Сливненской губерніи, отошедшая по трактату къ Турціи, собравшись въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ, заявила желаніе

поступить на службу въ болгарское войско, что̀ и было имъ дозволено, но подъ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы они записывались охотниками и поступали по одиночкѣ, а не всѣ разомъ. Такой пріемъ ихъ въ болгарское войско устранялъ характеръ политической демонстранціи, которую дипломаты непремѣнно бы приписали этому стремленію болгарской молодежи, въ случаѣ коллективнаго ихъ поступленія въ болгарское войско.

Въ софійскую дружину были приняты охотниками многіе болгары изъ Джумайскаго округа, который также отходилъ отъ Восточной Румеліи къ Турціи.

Наше военное министерство для вооруженія болгарскаго войска, по числу 27 пѣшихъ дружинъ, отпустило 27 тысячъ винтовокъ системы Крынка, хотя только половина изъ нихъ оказалась годными для употребленія. Для исправленія остальныхъ, попортившихся во время войны, пришлось завести въ Болгаріи оружейныя мастерскія, которыхъ прежде въ Болгаріи и въ поминѣ не было.

Вещи и матеріалъ для боеваго снаряженія и обмундированія новобранцевъ были отпущены изъ нашихъ интендантскихъ вещевыхъ складовъ. При томъ, однако, возникли немаловажныя затрудненія, въ виду того обстоятельства, что въ нашихъ складахъ готовой одежды не было; поэтому новобранцамъ выдавались матеріалы на руки для изготовленія одежды ими самими, но въ ихъ средѣ почти вовсе не оказалось ни портныхъ, ни закройщиковъ.

Благодаря экономическимъ суммамъ, образовавшимся за время войны, въ дружинахъ бывшаго болгарскаго ополченія, удалось выписать швейныя машины и поручить за извѣстную плату шитье обмундировальныхъ вещей частнымъ портнымъ и нашимъ войскамъ.

Для запаса болгарскаго войска, имѣвшаго образоваться въ ближайшемъ будущемъ, русское правительство предо-

ставило болгарамъ всѣ ружья и орудія, взятыя у турокъ въ минувшую войну, различныхъ системъ и калибровъ, для исправленія которыхъ было проектировано устройство арсенала [1]).

Склады артиллеріи и разнаго оружія были намѣчены въ Разградѣ и Плевнѣ; наше управленіе остановилось на этихъ пунктахъ, какъ въ виду удобства развозки изъ нихъ оружія, такъ и принимая во вниманіе условія безопасности отъ внезапнаго захвата этихъ складовъ непріятелемъ, для чего требовалось удалить эти склады отъ границы.

При этомъ было также обращено серьёзное вниманіе на организацію военно-медицинской части: въ каждой губерніи были устроены лазареты, на 60 кроватей каждый, и школы для приготовленія фельдшеровъ изъ болгаръ.

Смотръ, произведенный 30 августа 1878 года, въ день тезоименитства покойнаго государя, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ 8 дружинамъ, филиппопольскаго лагеря, былъ блестящимъ доказательствомъ успѣшныхъ результатовъ обученія молодыхъ войскъ Южной Болгаріи, о чемъ могъ засвидѣтельствовать нашъ императорскій коммиссаръ передъ лицемъ населенія Южной Болгаріи, собравшагося огромными массами для поздравленія князя съ этимъ національнымъ праздникомъ всѣхъ болгаръ. Военная выправка, бодрый видъ, смѣлый, широкій шагъ, стройность и спокойствіе фронта молодаго болгарскаго войска изумили какъ самихъ болгаръ, такъ и европейскихъ дипломатическихъ агентовъ, присутствовавшихъ на этомъ смотру [2]).

Въ княжествѣ Болгарскомъ, гдѣ мы имѣли болѣе вре-

---

[1]) При этомъ мы передали массу винтовокъ Снайдера, Пибоди, Мартини и друг. въ количествѣ 96 тыс. штукъ и, кромѣ того, 142 орудія полевой артиллеріи и 31—крѣпостной осадной.

[2]) Въ разноцвѣтныхъ дипломатическихъ книгахъ парламентовъ всей Западной Европы находятся подробныя описанія этого смотра, произведшаго, повидимому сильное впечатлѣніе на европейскихъ консуловъ въ Филиппополѣ.

мени для обученія болгарскаго войска, организація послѣдняго шла еще успѣшнѣе и представила болѣе серьезные результаты.

Въ гражданской администраціи края, прежде всего, были приняты безотлагательно необходимыя мѣры къ введенію въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя по особымъ условіямъ прежняго военнаго времени, еще находились въ вѣдѣніи военныхъ властей, гражданскаго управленія; вмѣстѣ съ тѣмъ были выработаны видоизмѣненія и дополненія первоначально изданныхъ положеній, вызванныя новыми условіями, въ которыя была поставлена Болгарія постановленіями конгресса.

Въ основаніе организаціи гражданскаго управленія Болгаріей, какъ я уже сказалъ выше, были положены начала децентрализаціи и самаго широкаго мѣстнаго самоуправленія. Административныя дѣла въ селеніяхъ, околіяхъ (нахіяхъ), городахъ округахъ и даже губерніяхъ, были сосредоточены въ рукахъ особыхъ совѣтовъ, состоявшихъ изъ лицъ, выбранныхъ мѣстнымъ населеніемъ. Въ интересахъ поддержанія порядка и ради приданія болѣе правильнаго хода дѣйствіямъ администраціи, предѣлы вѣдомства городскихъ и окружныхъ совѣтовъ были точнѣе опредѣлены, городскимъ совѣтамъ было предоставлено лишь управленіе городскимъ хозяйствомъ и благоустройствомъ, а на окружные совѣты возложены, кромѣ завѣдыванія земско-хозяйственными дѣлами округа, также и дѣла, сопряженныя съ интересами казны какъ въ округѣ, такъ и въ городѣ. Наше гражданское управленіе болѣе довѣряло и полагалось на сельское населеніе, чѣмъ на городское, въ средѣ котораго преобладали такъ называемые чорбаджіи, глубоко испорченные турецкимъ управленіемъ.

Установленъ порядокъ изданія обязательныхъ для городскихъ жителей постановленій, по соглашенію губернатора съ управительнымъ совѣтомъ и т. д.

Губернаторы, окружные начальники и всѣ вообще административныя лица не по выбору, а по назначенію, снабжены инструкціями, строго и точно опредѣлявшими кругъ ихъ правъ и обязанностей.

При этомъ обращено было особенное вниманіе на точное опредѣленіе обязанностей и круга дѣйствій полиціи, какъ чисто исполнительнаго органа власти и т. д.

Въ виду крайне печальнаго положенія тюремъ, были приняты возможныя мѣры къ улучшенію ихъ положенія, и въ этихъ видахъ былъ составленъ и обнародованъ новый тюремный уставъ, которымъ надѣялись хотя отчасти исправить прежніе безпорядки и злоупотребленія.

Турецкія тюрьмы представляли изъ себя ужасные вертепы, смрадныя темницы, въ буквальномъ значеніи этого слова. О положеніи заключенныхъ въ этихъ темницахъ турецкія власти отнюдь не заботились, откровенно объясняя, что назначеніе тюрьмы причинять наиболѣе страданій заключеннымъ въ ней. Этой цѣли турецкія тюрьмы достигали вполнѣ.

Серьёзная тюремная реформа требовала значительныхъ матеріальныхъ средствъ и продолжительнаго времени; поэтому пришлось, конечно, на первое время удовольствоваться устраненіемъ произвольныхъ арестовъ и отдѣленіемъ тяжкихъ преступниковъ отъ заключенныхъ за маловажные проступки—такое распредѣленіе арестантовъ, по роду преступленій, совершенно игнорировалось при турецкомъ режимѣ.

Вслѣдъ за тюремнымъ уставомъ были изданы также уставы: медицинскій и больничный, и учреждены окружныя и губернскія больницы.

Особенное вниманіе было обращено на организацію судебной части, причемъ весьма полезными оказались матеріалы, собранные учрежденной, при самомъ началѣ дѣя-

тельности нашего гражданскаго управленія, еще при князѣ Черкасскомъ, юридической коммиссіей [1]).

Всѣ суды раздѣлены на сельскіе, въ качествѣ суда полюбовнаго, для разсмотрѣнія дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, затѣмъ суды общіе (окружные и губернскіе) и суды особенные (т. е., во первыхъ, суды духовные, причемъ для мусульманскаго населенія, по дѣламъ гражданскимъ, былъ сохраненъ судъ кадіевъ, и, во вторыхъ, суды административные.

Всѣ общіе суды, т. е. какъ окружные, такъ и губернскіе, были подчинены суду высшей инстанціи, одному на все княжество [2]). Для руководства судебныхъ учрежденій 24 августа 1878 года въ Филиппополѣ были изданны «Временныя правила для устройства судебной части въ Болгаріи» [3]).

Гражданское судопроизводство, введенное этими правилами, по своимъ началамъ мало отличалось отъ русскаго гражданскаго процесса по уставу 20 ноября 1864 года; въ уголовномъ процессѣ были сдѣланы болѣе существенныя измѣненія въ виду мѣстныхъ условій. Институтъ присяжныхъ, между прочимъ, былъ устраненъ. При существовавшей среди населенія племенной и религіозной враждѣ, было признано невозможнымъ предоставить присяжнымъ постановлять рѣ-

---

[1]) Кн. Черкасскій придавалъ большое значеніе устройству судебной части и будучи еще въ Кишеневѣ старался подъискать компетентныхъ людей для этого дѣла. За нѣсколько дней до объявленія войны, князь писалъ Проф. Новороссійскаго Университета г. Богишичу, проживавшему тогда въ Парижѣ, приглашая его въ главную квартиру для участія въ организаціи Суд. части въ Болгаріи. Проф. Богишичъ поспѣшилъ исполнить желаніе князя Черкасскаго и прибылъ въ главную квартиру въ Плоешти, до перехода нашей арміи черезъ Дунай. Онъ остался при Главной квартирѣ до Сентября—не принимая впрочемъ дѣятельнаго участія въ организаціи судебной части, вслѣдстіи разногласія взглядовъ съ г. Лукьяновымъ.

[2]) Этотъ высшій судъ, собственно для княжества, былъ учрежденъ нѣсколько позднѣе изданія Временныхъ Правилъ 24 августа 1878 г., а именно 25 сентября того же года.

[3]) Русскій подлинникъ этихъ Правилъ былъ напечатанъ тогда же въ Одессѣ, а одновременно съ нимъ былъ изданъ въ Филиппополѣ и оффиціальный болгарскій переводъ.

шенія по уголовнымъ дѣламъ безапеляціонно и притомъ не мотивируя своихъ рѣшеній [1]).

Судебный персоналъ былъ избранъ исключительно изъ туземныхъ жителей, конечно, со включеніемъ въ число таковыхъ и тѣхъ болгаръ, которые учились въ Россіи и пріѣхали на родину во время и послѣ войны. Многіе изъ болгаръ высказывали желаніе пригласить на первое время юристовъ изъ Россіи, для организаціи судебной части, но это предположеніе не получило надлежащаго исполненія, по причинамъ, о которыхъ я здѣсь говорить не буду. Болгарское правительство, заступившее наше гражданское управленіе, не разъ впослѣдствіи возвращались къ этой мысли, и ставшій послѣ переворота 27 апрѣля руссофобомъ, извѣстный П. Каравеловъ, какъ только попалъ въ министры, неоднократно и весьма горячо выражалъ желаніе пригласить русскихъ юристовъ на болгарскую службу. Съ этой цѣлью онъ вступалъ въ переговоры и сношенія съ разными лицами и учрежденіями въ Петербургѣ и, если не ошибаюсь, въ Москвѣ.

Дѣйствительно, личный персоналъ, которымъ располагала Болгарія для организаціи судебной части, былъ крайне недостаточенъ. За немногими исключеніями, среди болгаръ, лица съ юридическимъ образованіемъ блистали своимъ отсутствіемъ. Людей, получившихъ медицинское и даже военное образованіе, было гораздо больше; особенный недостатокъ чувствовался въ замѣщеніи должностей по прокурорскому надзору. Въ княжествѣ старались замѣстить эти дол-

---

[1]) Болѣе подробное изложеніе и обстоятельную оцѣнку дѣятельности нашего гражданскаго управленія представляетъ вышеуказанная статья проф. Палаузова, написанная въ защиту того, что было сдѣлано нами по судебной части въ Болгаріи противъ слишкомъ строгой критики г. Соловьева, въ его статьѣ «Судебная реформа въ Болгаріи» (Юрид. Вѣстникъ, за 1878 г., т. 2), и глумленія нѣкоторыхъ фельетонныхъ борзописцевъ, появившихся тогда въ «Голосѣ». Судебная организація введенная нами въ Болгаріи погрѣшали вовсе не тѣмъ въ чемъ ея упрекали. Главный недостатокъ ея заключали въ томъ, что не смотря на нѣкоторыя упрощенія — оно все таки представлялось слишкомъ формальной, сложной и поэтому не вполнѣ соотвѣтствующей условіямъ быта.

жности, какъ болгарами, учившимися въ Россіи, такъ и нѣкоторыми русскими, которые, впрочемъ, получили эти назначенія не отъ нашего гражданскаго управленія, а отъ болгарскаго министерства. Въ Восточной Румеліи пригласили на прокурорскія должности чиновниковъ изъ Австріи, такъ называемыхъ чеховъ.

Я говорю—такъ называемыхъ чеховъ, потому что подъ этимъ флагомъ въ Восточную Румелію попало нѣсколько проходимцевъ, принадлежность которыхъ къ чешской національности была весьма проблематична; таковъ былъ, напримѣръ, товарищъ главнаго прокурора Восточной Румеліи д-ръ Хитиль, отъ котораго чехи торжественно отрекались [1]), докторскій дипломъ котораго былъ столь же мало достовѣренъ, какъ и славянское его происхожденіе. Этотъ самозванный докторъ писалъ тайкомъ изъ Румеліи кореспонденціи въ вѣнскую Neüe Freie Presse.

Но наиболѣе труда и заботъ представила нашему гражданскому управленію организація финансовой части и народнаго кредита. При совершенномъ отсутствіи сколько нибудь надежныхъ статистическихъ данныхъ и краткости срока, оставленнаго въ распоряженіи нашего гражданскаго управленія конгрессомъ, нечего было и думать о радикальномъ преобразованіи существовавшей до нашего прихода системы налоговъ и податей. Очевидно, пришлось въ этомъ дѣлѣ безусловно слѣдовать системѣ Черкасскаго, т. е. принять за основаніе существовавшіе при туркахъ порядки, только упорядочивъ ихъ и очистивъ, по возможности, отъ наиболѣе вопіющихъ злоупотребленій.

Еще передъ вступленіемъ нашихъ войскъ въ Болгарію, 5-го іюня, въ Плоэштахъ, были изданы составленныя княземъ Черкасскимъ и высочайше утвержденныя правила

---

[1]) Жаргонъ и физіогномія г. Хитиля несомнѣнно обличали въ немъ Еврея—кромѣ того было констатировано, что онъ членъ Alliance Israelite, съ которой состоялъ въ постоянныхъ сношеніяхъ.

главныхъ основаній казеннаго управленія, въ силу которыхъ 1) всѣ вообще жители, безъ различія вѣроисповѣданія, были освобождены отъ уплаты подати за изъятіе отъ военной службы; 2) съ 1878 года отмѣнялось взиманіе такъ называемаго ошура, т. е. десятинной подати съ произведеній земли. Въ замѣнъ десятины съ этого года предписывалось взимать поземельную подать, какъ было сказано въ этихъ правилахъ, на правильныхъ основаніяхъ. При этомъ было указано, что въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, вызванныхъ войной, въ текущемъ 1877 году десятина должна еще взиматься деньгами или натурой, смотря по требованіямъ для продовольствія войска.

20-го іюня, въ Зимницѣ послѣдовало высочайшее утвержденіе «Основаній для финансоваго управленія Болгаріей», въ силу которыхъ было сохранено существованіе въ «казахъ», т. е. округахъ, сборщиковъ податей, производившихъ пріемъ денегъ и расходы по управленію въ казахъ, а при каждомъ управленіи санджака учреждены временныя казначейства, по образу нашихъ.

Оставляя временно, втеченіе 1877 года, взиманіе десятины, наше финансовое управленіе измѣнило порядокъ взиманія этой подати, ненавистной населенію, т. е. отдачу этой подати на откупъ. Но такая перемѣна, сдѣланная съ весьма благимъ и понятнымъ намѣреніемъ удовлетворить желаніямъ населенія, вызвала большія затрудненія, вслѣдствіе неудобства полученія этой подати деньгами. Посему въ Забалканской Болгаріи, именно въ губерніяхъ Сливненской и Пловдивской, уже было предписано брать десятину натурой, а въ Адріанопольскомъ вилаэтѣ, когда онъ былъ занятъ нашими войсками, пришлось возвратиться къ старому порядку, т. е. отдачѣ десятины на откупъ.

Въ губерніяхъ Сливненской и Пловдивской въ рукахъ нашего гражданскаго управленія скопились значительные запасы продуктовъ, образовавшіеся отъ сборовъ десятины

натурой. Передача этихъ запасовъ интендантскому вѣдомству, вслѣдствіе существовавшихъ тогда въ немъ порядковъ, была признана невозможною.

Убѣдившись изъ опыта, что переломить эти порядки нелегко, князь Дундуковъ-Корсаковъ, подавленный массой разнообразныхъ заботъ, рѣшился продать гуртомъ десятинный сборъ въ зернѣ, хранившійся въ складахъ нашихъ окружныхъ начальниковъ, французскому негоціанту, нѣкоему Марешалю. Контрактъ съ этимъ левантинскимъ аферистомъ, заключенный, въ сентябрѣ 1878 года, нашимъ императорскимъ коммиссаромъ, вызвалъ немало нареканій.

Конечно, этотъ контрактъ нельзя признать удачной финансовой мѣрой, ибо г. Марешаль, получавшій хлѣбные продукты, которые онъ принималъ къ тому же отъ окружныхъ начальниковъ на безмѣнъ (въ контрактѣ не было условлено, на какихъ именно вѣсахъ слѣдуетъ производить пріемъ продуктовъ), т. е. при самомъ нагломъ обвѣшиваніи, продавалъ вслѣдъ за симъ имъ же нашимъ интендантскимъ чиновникамъ, съ огромнымъ барышемъ [1]). Но въ оправданіе князя Дондукова-Корсакова слѣдуетъ сказать, что онъ рѣшился на эту, очевидно, невыгодную сдѣлку, опасаясь, что иначе, въ виду пререканій съ интендантствомъ, десятинный сборъ натурой можетъ совсѣмъ погибнуть безъ всякой пользы.

Намъ приходилось спѣшить ликвидаціей дѣлъ гражданскаго управленія, а, оставляя десятинный сборъ натурой въ складахъ, мы рисковали погноить его.

Въ заключеніе обзора распоряженій гражданскаго управленія по финансовой части замѣтимъ, что въ 1877 году для пяти губерній Сѣверной Болгаріи, а въ 1878 году

---

[1]) Такъ, по отзывамъ лицъ вполнѣ компетентныхъ, и въ томъ числѣ одного гвардейскаго офицера, занимавшаго должность окружнаго начальника въ Ямболи, Марешаль продавалъ за серебряный слишкомъ рубль то самое зерно, которое ему приходилось по франку на основаніи этого контракта.

для двухъ губерній Южной, т. е. Забалканской Болгаріи, были сложены накопившіяся за населеніемъ недоимки.

Кромѣ того, сборъ косвенныхъ налоговъ былъ до извѣстной степени упорядоченъ и установленъ на болѣе правильныхъ началахъ, причемъ особенное вниманіе было обращено на сборъ акциза съ табаку и вина, и съ этой цѣлью былъ изданъ новый акцизный уставъ. Благодаря этой мѣрѣ, акцизные сборы значительно возросли и составили весьма серьезный источникъ доходовъ вь бюджетѣ Болгаріи [1]).

Князь Дондуковъ-Корсаковъ, слѣдуя примѣру своего предшественника, предписалъ финансовому управленію заняться пересмотромъ устава земледѣльческихъ кассъ, этого весьма разумнаго кредитнаго учрежденія, введеннаго въ дѣйствіе еще при турецкомъ правительствѣ, извѣстнымъ Митхадомъ-пашой. Этихъ кассъ было учреждено Митхадомъ-пашой въ Болгаріи всего 33 кассы, съ капиталомъ въ 10 милліоновъ франковъ; но наличность большаго числа этихъ кассъ была увезена бѣжавшими во время войны турками.

По распоряженіямъ князя Черкасскаго, энергически подтвержденнымъ его преемникомъ, наше гражданское управленіе приняло рядъ мѣръ къ возстановленію операціи этихъ кассъ и успѣло открыть къ введенію въ дѣйствіе болгарской конституціи 7 кассъ въ Софійской губерніи, 5 — въ Тырновской, 2 — въ Рущукской и 1 — въ Варненской.

Наконецъ, таможенные сборы, весьма крупный источникъ доходовъ въ Болгаріи, находившіеся въ хаотическомъ состояніи при турецкомъ управленіи, получили новую, болѣе цѣлесообразную организацію и стали давать значительный доходъ. Благодаря всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ, русское управленіе Болгаріею, не обременяя населенія новыми сборами, не смотря на опустошеніе и раз-

---

[1]) Въ дѣлѣ организаціи акцизныхъ сборовъ Болгаріи принималъ самое дѣятельное участіе знатокъ по этой части К. Л. Буянинъ, Т. С. и Членъ Совѣта Министерства Финансовъ.

зореніе страны, неизбѣжно слѣдующее за войной,—имѣло возможность не только пополнить текущіе расходы по гражданскому управленію, но и оставить запасный фондъ въ 14 милліоновъ франковъ, переданныхъ нами вновь организованному народному болгарскому правительству.

Ему же, кромѣ того, были переданы нашимъ гражданскимъ управленіемъ подробныя свѣдѣнія о всѣхъ безъ исключенія расходахъ казенныхъ болгарскихъ суммъ и проектъ государственной смѣты на 1879 годъ.

По этой смѣстѣ, доходовъ ожидалось къ поступленію 24 милліона франковъ, но болгарское народное собраніе нашло возможнымъ увеличить эту смѣту до 28 милліоновъ франковъ.

За недостаткомъ мѣста, я не касаюсь многихъ другихъ сторонъ многообразной дѣятельности нашего гражданскаго управленія, какъ, напримѣръ, по народному образованію, призрѣнію пострадавшихъ отъ войны жителей, устройству положенія такъ называемыхъ бѣженцовъ, которые, послѣ заключенія Берлинскаго трактата, массами прибывали изъ турецкихъ владѣній въ Болгарское княжество и которые направлялись преимущественно въ губерніи Пловдивскую и Сливненскую, губернаторы которыхъ, полковникъ Шепелевъ и болгаринъ русской службы г. Ивановъ, были буквально подавлены заботами объ устройствѣ участи этихъ несчастныхъ, не имѣвшихъ ни одежды, ни средствъ къ пропитанію, оставшихся безъ пищи, крова и одежды.

Въ концѣ сентября 1878 года когда началось отступленіе нашихъ войскъ изъ Южной Ѳракіи, за ними хлынули толпы бѣженцовъ-христіанъ, которые, изъ страха турецкихъ репрессалій, бросая свои жилища и свое имущество, рѣшились слѣдовать за отступающимъ русскимъ войскомъ. Образъ дѣйствій турецкихъ властей, замѣщавшихъ нашихъ окружныхъ начальниковъ по мѣрѣ отхода нашихъ войскъ и очищенія территоріи, отчасти оправдывали эту панику

болгарскаго населенія. Въ высшей степени интересной и поучительной книги Н. К. Шильдера «Графъ Э. И. Тотлебенъ, его жизнь и дѣятельность», именно во второмъ томѣ приведены факты несомнѣнно свидѣтельствующіе, что болгарское населеніе имѣло основаніе относиться съ полнымъ недовѣріемъ къ возстановленію турецкаго режима. Энергическое представленіе нашего главнокомандующаго гр. Тотлебена однако образумило турокъ и заставило ихъ измѣнить то невозможное отношеніе къ болгарамъ, которое они проявили на первыхъ порахъ [1]).

Вслѣдъ за ними стали прибывать изъ Константинополя мусульмане, возвращавшіеся, въ виду заключенія мира, на мѣста прежняго своего жительства, жилище и поля которыхъ были отчасти захвачены болгарами. Это подало поводъ къ безконечнымъ пререканіямъ этихъ мусульманъ, находившихъ горячихъ защитниковъ въ лицѣ дипломатическихъ представителей Европы, съ мѣстнымъ болгарскимъ населеніемъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ княжествѣ скопилось болѣе 50 тысячъ человѣкъ этого пришлаго, не имѣвшаго крова и средствъ къ пропитанію люда, попеченіе объ участи котораго легло всей тяжестью на наше гражданское управленіе.

Таковы были результаты нашего гражданскаго управленія, начавшагося въ пороховомъ дыму героической борьбы, поднятой русскимъ народомъ и государствомъ за дѣло осво-

---

[1]) См. Вышеуказанный второй томъ историческаго труда ген. Н. К. Шильдера, стр. 924. Въ отрывкѣ изъ «Дневника» Тотлебена, въ немъ напечатанномъ, мы читаемъ, между прочимъ слѣдующее: назначены были на мѣсто нашихъ окружныхъ начальниковъ тѣже каймакамы, которые управляли до нашего прихода. Жители были встревожены появленіемъ этихъ лицъ, которыми были казнены многіе болгары. Они собирались толпами и говорили нашимъ начальникамъ о жертвахъ, которые они понесли. Почти каждое семейство оплакивало убитыхъ и повѣшенныхъ. Въ Мидію (городъ Андріанопольскаго вилаэта) каймакамы въѣхали верхомъ на болгарахъ» и т. д.

божденія Болгаріи, которая, по энергическому выраженію покойнаго И. С. Аксакова, воистину «на русскихъ костяхъ стала».

Россія дала освобожденному ею болгарскому народу гражданское управленіе, способное управлять страной, организовала войско, способное охранять цѣлость и неприкосновенность территоріи отъ непріятельскаго вторженія и въ случаѣ надобности поддержать порядокъ и безопасность внутри страны; снабдила это войско кадрами, офицерами, оружіемъ и боевыми запасами, обмундировала его и надѣлила госпитальными принадлежностями и медикаментами, отдавъ болгарамъ богатые остатки, находившіеся въ госпиталяхъ, лазаретахъ и складахъ Краснаго Креста и дѣйствовавшей арміи; кромѣ того, мы подарили Болгаріи дунайскую флотилію, взятую нами во время войны, и всѣ конскіе запасы именно лишнихъ лошадей интендантскихъ транспортовъ, въ количествѣ 20,000 головъ.

Эти лошади русской породы были распредѣлены поровну между всѣми округами и послужили, при весеннихъ работахъ, великимъ подспорьемъ населенію, крайне нуждавшемуся въ рабочемъ скотѣ.

Затѣмъ, 19-го февраля 1879 года, россійскимъ коммиссаромъ княземъ Дондуковымъ было созвано первое собраніе болгарскихъ именитыхъ людей, въ древней столицѣ Болгарскаго царства, Тырновѣ. для разсмотрѣнія органическаго статута Болгарскаго княжества, а 17 апрѣля того же года собралось уже, на основаніи этой болгарской конституціи, второе великое народное собраніе для избранія князя болгарскаго.

Почти одновременно завершилась и новая организація Восточной Румеліи. 14 (26) апрѣля 1879 года послѣдовалъ султанскій фирманъ, утвердившій органическій статутъ Восточной Румеліи, составленный европейской международной коммиссіей, на основаніи XVIII статьи Берлинскаго трак-

тата, для этой автономной области, отрѣзанной берлинскимъ конгрессомъ отъ княжества Болгарскаго.

Вмѣстѣ съ этимъ, султанъ Абдулъ-Гамидъ, по правиламъ, установленнымъ XIII и XVII статьями того же трактата, т. е. по соглашенію съ великими державами, назначилъ христіанскаго генералъ-губернатора автономной области, на пять лѣтъ, избравъ, согласно съ желаніемъ Россіи, на этотъ постъ православнаго князя Вогоридеса, или Богориди, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Алеко-паши, бывшаго посла Высокой Порты при вѣнскомъ дворѣ. Выставленный Франціей кандидатъ на этотъ постъ Рустемъ-паша, католикъ, руку котораго держала и Австрія, былъ устраненъ.

Княземъ Болгаріи, согласно желанію покойнаго государя, былъ избранъ принцъ Александръ Батенбергъ, родной племянникъ нашего государя отъ морганатическаго брака принца Александра Гессенскаго съ знакомой петербургскому обществу, фрейлиной покойной императрицы, дѣвицей Гауке—сестрой извѣстнаго повстанца Босака, геройски погибшаго, въ рядахъ гарибальдійцевъ, подъ стѣнами Дижона, въ 1869 году. Батенбергъ фигурировалъ тогда въ первой части извѣстнаго Готскаго Альманаха, но въ 1885 году, согласно заключенію берлинскаго геральдическаго трибунала, былъ перенесенъ въ третью часть.

Болгары утѣшались, что послѣ жестокихъ разочарованій, постигшихъ на конгрессѣ ихъ національныя стремленія, по крайней мѣрѣ, оба правителя болгарскихъ областей носятъ имя великаго освободителя болгарскаго народа, Царя Александра, и будутъ вмѣстѣ съ нимъ и Россіей праздновать торжественный день 30-го августа.

Кромѣ того, какъ было заявлено тогда въ нѣкоторыхъ органахъ болгарской печати, извѣстной гарантіей для дальнѣйшаго развитія и упроченія болгарскаго дѣла, должно служить то обстоятельство, что оба правителя Болгаріи

пользовались расположеніемъ русскаго государя и считались его кандидатами.

Изложенію обстоятельствъ, сопровождавшихъ введеніе этого новаго конституціоннаго режима въ Сѣверной и Южной Болгаріи, будутъ посвящены слѣдующія за симъ главы моего историческаго очерка.

III.

Выработанный, въ концѣ осени 1878 года, совѣтомъ управленія нашего императорскаго коммиссара органическій статутъ для Болгаріи, значительно передѣланный въ Петербургѣ вышеуказанною коммиссіей статсъ-секретаря князя С. Н. Урусова, въ январѣ 1879 года, въ исправленномъ видѣ, былъ доставленъ князю А. М. Дондукову-Корсакову, который, согласно постановленію берлинскаго трактата, созвалъ на 10-е февраля 1879 года въ Тырновѣ первое собраніе представителей болгарскаго народа, для разсмотрѣнія этого статута.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію довольно бурныхъ дебатовъ перваго тырновскаго народнаго собранія, я считаю нелишнимъ въ общихъ чертахъ познакомить читателей съ содержаніемъ этого самаго проекта статута, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ предложенъ кн. Дондуковымъ-Корсаковымъ собранію, которое, какъ извѣстно, подвергло его весьма существеннымъ измѣненіямъ.

Этотъ проектъ органическаго статута, по петербургской его редакціи [1]), предполагалъ учрежденіе въ княжествѣ

---

[1]) При составленіи настоящей статьи я, къ сожалѣнію, не имѣлъ подъ руками подлиннаго текста этого проекта, и мнѣ пришлось довольствоваться тѣми указаніями на его содержаніе, которыя находятся въ статьѣ Д. Георгіевскаго, напечатанной въ октябрьской книгѣ журнала «Наблюдатель», за 1882 годъ, и отчасти дневникомъ тырновскаго народнаго собранія, котораго у меня имѣется, къ сожалѣнію, не совсѣмъ полный экземпляръ. Пренія этого собранія я изла-

Болгарскомъ наслѣдственной конституціонной монархіи, съ народнымъ представительствомъ, состоящей въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Портѣ.

Князь—верховный представитель и глава княжества. Безъ согласія народнаго собранія онъ не можетъ быть правителемъ другаго государства. Власть законодательная принадлежитъ князю совмѣстно съ народнымъ представительствомъ. Исполнительная власть принадлежитъ князю, всѣ органы этой власти дѣйствуютъ его именемъ, подъ его верховнымъ надзоромъ. Онъ же главный начальникъ военныхъ силъ княжества.

Власть судебная принадлежитъ судебнымъ мѣстамъ и лицамъ, а князю предоставлялось право смягченія наказаній и помилованія осужденныхъ, за исключеніемъ, впрочемъ, министровъ, осужденныхъ за нарушеніе органическаго статута княжества.

Сношенія съ иностранными государствами предоставлялись князю, но всѣ его постановленія и распоряженія имѣютъ дѣйствительную силу лишь послѣ скрѣпы подлежащими министрами, которые и несутъ на себѣ отвѣтственность за всѣ такія постановленія и распоряженія передъ собраніемъ. Княжеское достоинство наслѣдственно въ потомствѣ по мужской и женской линіи.

Совершеннолѣтіе царствующему князю, княгинѣ, а также наслѣднику престола установлено въ 18 лѣтъ. До достиженія совершеннолѣтія, народное собраніе учреждаетъ регентство. Членами регентства (которое состоитъ изъ трехъ

гаю на основаніи какъ протоколовъ собранія, такъ и свѣдѣній, напечатанныхъ въ статьѣ Георгіевскаго и книгѣ г. Драндара (болгарина) на французскомъ языкѣ, изд. въ Парижѣ книгопродавцемъ Дантю, въ 1884 году, подъ заглавіемъ «Cinq ans de Regne. Le Prince Alexandre de Battenberg en Bulgarie». Г. Драндаръ—мало извѣстный дѣятель, но при составленіи своей книги, онъ, какъ я слышалъ, пользовался указаніями такихъ политическихъ дѣятелей Болгаріи, каковы Маркъ Балабановъ, Бурмовъ-Стояновъ и нѣкоторые другіе, участвовавшіе въ качествѣ представителей болгарскаго народа въ тырновскомъ собраніи.

лицъ) могутъ быть министры, члены государственнаго совѣта, предсѣдатель и члоны высшаго суда княжества, а равно и лица, безупречно проходившія эти должности; кромѣ того, родственники князя, пребывающіе въ Болгаріи.

Расходы на личное содержаніе князя и его двора отпускаются народнымъ собраніемъ, въ размѣрѣ одного милліона франковъ въ годъ. Эта цыфра не можетъ быть увеличена безъ согласія собранія, ни уменьшена безъ соизволенія князя.

Содержаніе наслѣдника престола опредѣляется особо народнымъ собраніемъ. Народному же собранію предоставляется также дотація князя изъ государственныхъ имуществъ княжества. Господствующая религія въ княжествѣ есть христіанская, православная, восточнаго исповѣданія. Болгарскій князь и его потомки не могутъ исповѣдывать никакой другой религіи, кромѣ православной; исключеніе сдѣлано лишь для перваго избраннаго князя— если онъ будетъ принадлежать къ иной вѣрѣ, то можетъ неизмѣнно въ ней пребывать.

Всѣ вѣроисповѣданія пользуются полной свободой, подъ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы исполненіе ихъ обрядовъ не нарушало существующихъ въ княжествѣ законовъ. Ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ, дополненъ, измѣненъ или отмѣненъ, иначе какъ путемъ обсужденія и принятія его народнымъ собраніемъ. Никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію, иначе какъ по судебному приговору. Печать свободна, подъ условіемъ отвѣтственности за злоупотребленія печатнымъ словомъ, согласно постановленіямъ особыхъ законовъ о печати. Первоначальное обученіе обязательно для всѣхъ подданныхъ княжества. Жителямъ Болгаріи предоставлено право мирныхъ, безъ оружія, сходокъ, для обсужденія своихъ дѣлъ, но собранія на открытомъ воздухѣ, внѣ зданій, подчиняются общимъ полицейскимъ правиламъ. Представительство страны имѣетъ

своимъ органомъ народное собраніе, которое бываетъ обыкновенное и чрезвычайное (великое). Народное собраніе составляется изъ представителей по праву (экзарха, митрополитовъ, предсѣдателей и членовъ судовъ), представителей по выбору—таковые избираются на три года, прямой подачей голосовъ, по одному на каждые 20 жителей обоего пола, и представителей по назначенію князя, въ количествѣ, на половину меньшемъ выборныхъ депутатовъ.

Народное собраніе избираетъ изъ своей среды шесть кандидатовъ, изъ которыхъ князь, по своему усмотрѣнію, назначаетъ предсѣдателя и вице-предсѣдателей собранія.

Членамъ собранія, т. е. депутатамъ, жительствующимъ не въ мѣстѣ засѣданій собранія, выдаются суточныя и прогонныя деньги въ оба пути. Никакого другаго содержанія депутатамъ не полагается.

Высшія правительственныя учрежденія, по этому проекту, составляли: государственный совѣтъ, совѣтъ министровъ и министерства.

Государственный совѣтъ предполагалось учредить изъ членовъ по назначенію князя, числомъ отъ 7 до 11 человѣкъ, и изъ лицъ, выбираемыхъ народнымъ собраніемъ, по два отъ каждой губерніи, срокомъ на два года. Предсѣдатель и вице-предсѣдатель государственнаго совѣта должны были назначаться княземъ, и при томъ изъ лицъ, имъ самимъ введенныхъ въ составъ совѣта.

Вѣдѣнію государственнаго совѣта должны были подлежать слѣдующіе предметы: 1) предварительное обсужденіе всякаго рода законопроектовъ, 2) разсмотрѣніе пререканій между правительственными мѣстами и должностными лицами и преданіе суду лицъ судебнаго вѣдомства, 3) разрѣшеніе государственныхъ займовъ и сверхбюджетныхъ расходовъ, до созванія народнаго собранія. Министерствъ предполагалось учредить семь: 1) иностранныхъ дѣлъ и

вѣроисповѣданій, 2) внутреннихъ дѣлъ, 3) народнаго просвѣщенія, 4) финансовъ, 5) общественныхъ работъ и земледѣлія, 6) юстиціи и 7) военное.

Этотъ органическій статутъ долженъ былъ дѣйствовать въ теченіе пяти лѣтъ, по истеченіи же сего срока, согласно указаніямъ опыта, онъ имѣлъ быть пересмотрѣнъ народнымъ собраніемъ.

10-го февраля 1879 года, было созвано въ городѣ Тырновѣ, древней столицѣ Болгарскаго царства, нашимъ императорскимъ коммиссаромъ народное собраніе нотаблей (именитыхъ людей) Болгаріи для разсмотрѣнія предложеннаго собранію княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ вышеизложеннаго проекта органическаго статута.

Собраніе это состояло, во-первыхъ, изъ членовъ по званію, т. е. высшаго православнаго духовенства, въ числѣ 11 митрополитовъ, а равно и двухъ представителей иновѣрческаго духовенства, 2-хъ представителей суда высшей инстанціи и предсѣдателей судовъ и управительныхъ совѣтовъ всѣхъ 5-ти губерній — Софійской, Тырновской, Виддинской, Рущукской и Варненской, въ числѣ 103 лицъ, во-вторыхъ, изъ депутатовъ по выбору отъ округовъ, въ числѣ 89 лицъ, въ-третьихъ, депутатовъ отъ учрежденій и обществъ и, въ-четвертыхъ, изъ 21 лица, назначенныхъ въ это собраніе русскимъ коммиссаромъ, т. е. княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ виддинскій митрополитъ Анѳимъ.

Открывая народное собраніе, князь Дондуковъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Достопочтеннѣйшее собраніе представителей Болгарскаго княжества!

«По волѣ и предначертаніямъ всемилостивѣйшаго моего государя, привѣтствую васъ съ открытіемъ перваго въ освобожденной странѣ вашей народнаго собранія, долженствующаго положить прочное основаніе государ-

ственному устройству новаго княжества. По званію императорскаго россійскаго коммиссара и въ силу данныхъ мнѣ высочайшихъ полномочій, представляю на ваше обсужденіе проектъ органическаго устава, опредѣляющаго, въ общихъ основаніяхъ, права будущаго болгарскаго князя и права болгарскаго народа, въ дѣлѣ управленія страною. Въ связи съ проектомъ органическаго устава, сообщаю также записку, заключающую въ себѣ общій сводъ правилъ и положеній, послужившихъ основаніемъ настоящаго устройства страны по всѣмъ отраслямъ управленія. Увѣренъ, что, одушевляемые чувствами святаго долга и любовью къ возрождающейся дорогой родинѣ, вы глубоко вдумаетесь и вполнѣ оцѣните все величіе вашей исторической задачи и всю почесть выпавшаго на вашу долю призванія. Вамъ предстоитъ съ полнымъ безпристрастіемъ, прямотою, правдивостью и преданностью святому дѣлу обсудить представляемый проектъ органическаго устава, устранивъ всякія личныя, случайныя побужденія и предвзятыя цѣли. Вамъ слѣдуетъ имѣть въ виду единственно благо страны и ея прочное государственное устройство, составляющее залогъ будущаго матеріальнаго и нравственнаго преуспѣянія, и, согласно съ симъ, сказать откровенное, добросовѣстное и послѣднее слово. Предлагаемый на обсужденіе ваше проектъ есть не болѣе какъ программа для облегченія трудовъ вашихъ: поставленнымъ въ немъ вопросамъ дано такое направленіе, которое казалось наиболѣе прочнымъ и наиболѣе устойчивымъ для вашего блага и счастія. Но программа не должна стѣснять и связывать вашихъ убѣжденій. Съ полною свободою и независимостью, въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ и общихъ преніяхъ, да выскажется каждый изъ васъ, по совѣсти и убѣжденію, памятуя, что въ вашихъ рукахъ находится счастіе, благоденствіе и будущая судьба отечества, призваннаго къ новой политической жизни. Представляемая вамъ о настоящемъ временномъ

устройствѣ края записка,—прочитать которую въ первыхъ же засѣданіяхъ поручаю управляющему отдѣломъ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, профессору Дринову [1]),—познакомитъ васъ ближе съ дѣятельностью русскаго временнаго управленія, имѣвшаго цѣлью призвать къ участію въ общественныхъ дѣлахъ всѣ лучшія силы болгарскаго народа и поднять, по возможности, матеріальный и моральный уровень страны, только-что вышедшей изъ продолжительной кровавой борьбы. Турецкое управленіе вездѣ замѣнилось нынѣ національнымъ, а временныя правила, какъ указываетъ самое ихъ названіе, составляютъ лишь первый, переходный шагъ къ гражданскому устройству и введенію возможнаго порядка въ краѣ. Они несомнѣно должны подвергнуться измѣненіямъ и дополненіямъ, по указаніямъ времени, опыта и новыхъ общественныхъ потребностей, но эту задачу слѣдуетъ предоставить будущему правительству страны и конституціоннымъ ея органамъ; въ настоящее же время я полагалъ бы необходимымъ оставить ихъ въ дѣйствіи, дабы не колебать только-что установленнаго гражданскаго строя. Мнѣ остается напомнить вамъ, что русская администрація должна была дѣйствовать при обстоятельствахъ крайне неблагопріятныхъ. Эти обстоятельства, надѣюсь, оправдаютъ въ глазахъ вашихъ незаконченность изданныхъ мною правилъ и положеній: имѣлъ я единственную цѣль—замѣнить существовавшую въ странѣ смуту возможнымъ порядкомъ и подготовить населеніе къ болѣе стройной и нормальной политической жизни. Для разъясненія вопросовъ, могущихъ возникнуть при обсужденіи органическаго устава, и для представленія вамъ необходимыхъ объясненій и справокъ, назначаю моимъ упол-

---

[1]) М. Дриновъ—болгаринъ по происхожденію, извѣстный своими учеными изслѣдованіями, по исторіи болгарскаго народа, профессоръ Харьковскаго университета.

номоченнымъ, на время настоящаго собранія, управляющаго судебнымъ отдѣломъ Лукьянова. Чисто совѣщательный голосъ его, полагаю, будетъ вамъ полезенъ во всѣхъ могущихъ возникнуть недоразумѣніяхъ, при обсужденіи предложеннаго вашему вниманію проекта. Но послѣднее рѣшительное слово принадлежитъ вамъ, и единственно вамъ. Да поможетъ вамъ Всевышній при исполненіи святаго долга; да благословитъ ваши начинанія и труды на счастіе и благоденствіе страны, столь близкой намъ, русскимъ, по крови, по принесеннымъ Россіею жертвамъ и по великодушнымъ къ вамъ чувствамъ нашего царя, освободителя Болгарскаго народа. Объявляю первое собраніе представителей болгарскаго княжества открытымъ и приглашаю васъ, господа, по подписаніи протокола, вмѣстѣ со мною, въ древнемъ тырновскомъ соборѣ, вознести Господу Богу наши молитвы объ успѣшномъ окончаніи предстоящихъ вамъ трудовъ и принести благодареніе Царю-царей, сподобившему насъ соприсутствовать великой исторической минутѣ возрожденія вашего многострадальнаго отечества».

Засѣданія этого перваго собранія представителей болгарскаго народа, освобожденнаго Россіей отъ многовѣковаго рабства, были бурныя.

Прежде всего, конечно, пришлось установить извѣстныя правила для управленія ходомъ дебатовъ. Проектъ такого правильника былъ изготовленъ канцеляріей кн. Дондукова и предложенъ имъ на обсужденіе собранія; однимъ изъ параграфовъ этого правильника предсѣдателю собранія предоставлялось право удалять изъ залы засѣданій депутатовъ, позволившихъ себѣ нарушать порядокъ. Противъ этого правила горячо возстали многіе депутаты, а въ томъ числѣ извѣстный болгарскій патріотъ-агитаторъ и поэтъ Славейковъ, депутаты Станчевъ, Михайловскій и другіе, заявившіе, что внесеніе въ правильникъ такого постано-

вленія роняетъ достоинство собранія и представляется имъ неумѣстнымъ и постыднымъ для собранія [1]), хотя другіе депутаты, особенно г. Стоиловъ, пріобрѣтшій впослѣдствіи извѣстность въ качествѣ самаго близкаго друга и интимнаго совѣтника князя Александра Батенберга, старались отстоять такое полномочіе предсѣдателя собранія, объясняя, что во время преній могутъ разыграться страсти и возникнуть личныя нападки и оскорбленія, вслѣдствіе чего удаленіе обидчика станетъ дѣломъ безусловной необходимости и т. д.

На это Славейковъ и его сторонники возражали, что обиды и даже драки могутъ случиться въ собраніи въ томъ только случаѣ, если кого либо изъ депутатовъ станутъ выводить изъ засѣданія. Когда этотъ параграфъ правильника былъ пущенъ на голоса, собраніе значительнымъ большинствомъ высказалось въ пользу мнѣнія Славейкова и Станчева, и этотъ пунктъ правильника, задѣвшій самолюбіе болгарскихъ депутатовъ, былъ исключенъ.

Австрійскій и турецкій делегаты (европейскія державы, подписавшія берлинскій трактатъ, прислали въ Тырныво своихъ делегатовъ для наблюденія за ходомъ преній собранія) уклонились отъ подписи протокола объ открытіи собранія.

Это обстоятельство нѣсколько встревожило народное собраніе, которое, по предложенію одного изъ депутатовъ [2]), вошло въ сношенія съ европейскими делегатами для разъясненія этого недоразумѣнія, и въ концѣ концовъ собраніе добилось того, что протоколъ объ его открытіи былъ подписанъ австро-венгерскимъ и турецкимъ делегатами.

Тырновское народное собраніе, съ оффиціальной точки зрѣнія, по буквѣ берлинскаго трактата, было собраніемъ

---

[1]) Дневникъ тырновскаго народнаго собранія, протоколъ 1-й, стр. 15.

[2]) Балабанова.

представителей одного только княжества, но въ сознаніи какъ самихъ представителей, собравшихся въ этой древней столицѣ Болгарскаго царства въ первый разъ послѣ многовѣковаго рабства, такъ и всего народа, было общеболгарскимъ народнымъ собраніемъ.

Князь Дондуковъ-Корсаковъ, согласно полученнымъ имъ инструкціямъ, хотя и внушалъ членамъ собранія передъ его открытіемъ, что они отнюдь не должны уклоняться изъ рамокъ оффиціально установленной программы, для ихъ совѣщаній, т. е. организаціи управленія княжества и одного только княжества, совѣтуя имъ воздержаться отъ всякаго рода протестовъ противъ постановленій конгресса, тѣмъ не менѣе допустилъ избраніе въ депутаты собранія и такихъ болгаръ, которые вовсе не были уроженцами княжества и не имѣли въ послѣднемъ никакой осѣдлости. Болѣе того, въ числѣ лично имъ назначенныхъ членовъ собранія фигурировали П. Каравеловъ [1]) и Славейковъ, родина которыхъ была отрѣзана конгрессомъ отъ княжества.

Война и наша оккупація фактически связала въ одно цѣлое Сѣверную Болгарію съ Южной (В. Румеліей), Санъ-Стефанскій договоръ намѣтилъ границы цѣлокупной Болгаріи въ ея этнографическихъ границахъ, созданныхъ исторіей. Нашъ коммиссаръ, также какъ и все болгарское населеніе края, видѣлъ въ разчлененіи Болгаріи актъ политическаго насилія, временную и крайне прискорбную уступку требованіямъ европейской дипломатіи [2]).

Такое общее настроеніе, конечно, не могло не выска-

---

[1]) Петко Каравеловъ уроженецъ мѣстечка Копривщицы въ В Румеліи.

[2]) Даже такіе хладнокровные люди, какъ нашъ главнокомандующій гр. Э. И. Тотлебенъ, не скрывали своего неудовольствія и раздраженія противъ рѣшеній берлинскаго конгресса. См. любопытный отзывъ Графа Тотлебена о дипламатахъ конгресса въ перепискѣ приложенной ко второму тому его біографич. очерка стр. 347 письмо изъ Андріанополя, отъ 22 сентября 1878 г.

заться и въ преніяхъ собранія, хотя князь Дондуковъ-Корсаковъ настоятельно совѣтовалъ болгарамъ не подымать этого жгучаго вопроса, что, однако, не удержало многихъ изъ членовъ тырновскаго народнаго собранія отъ протестовъ противъ рѣшеній конгресса [1]).

Но совѣты благоразумія одержали верхъ. Погорячившись и пошумѣвъ по адресу Европы, искалѣчившей цѣлокупную Болгарію, тырновское народное собраніе, тѣмъ не менѣе, перешло къ разсмотрѣнію предстоявшей ему задачи, обсужденію органическаго статута княжества.

Драганъ Цанковъ, глава народной партіи, игравшей такую крупную роль во все время управленія Батенберга въ качествѣ наиболѣе авторитетнаго вождя опозиціи князю Александру, весьма остроумно характеризовалъ положеніе, въ которое было поставлено тырновское собраніе, сказавъ: «Мы знаемъ одно только княжество, но границъ его мы не знаемъ. Кромѣ того, намъ запрещено говорить о дѣлахъ, не вошедшихъ въ программу (Дневникъ собранія, прот. № 9, стр. 45), поэтому займемся же пока той задачей, ради которой мы сюда созваны, — исторія сдѣлаетъ свое дѣло». Слѣдуя этому совѣту, собраніе и перешло къ обсужденію органическаго устава, внесеннаго на его разсмотрѣніе.

По предложенію депутата Стоилова, сначала была избрана особая коммиссія, изъ 15 членовъ, для предварительнаго разсмотрѣнія проекта органическаго статута и представленія о немъ доклада собранію.

Самое же собраніе, въ ожиданіи этого доклада занялось разсмотрѣніемъ многочисленныхъ заявленій о народ-

---

[1]) Г. Драндаръ говоритъ: «Тырновское собраніе прежде всего задалось мыслію протестовать противъ раздробленія Болгаріи, нѣкоторые депутаты даже предлагали совсѣмъ отказаться отъ выполненія учредительной задачи, возложенной на собраніе (de se former en constituante) и намѣривались протестомъ разойдтись по домамъ, оставляя Европѣ заботу вѣдаться съ этимъ дѣломъ, какъ она знаетъ» (Cinq ans de Regne, стр. 22 и 23).

ныхъ нуждахъ и потребностяхъ, поступившихъ въ собраніе изъ разныхъ концовъ Болгаріи, вмѣстѣ съ поздравительными телеграммами и заявленіями сочувствія. Особенно сильное впечатлѣніе произвела привѣтственная телеграмма изъ Москвы И. С. Аксакова, въ отвѣтъ на посланную ему собраніемъ въ день открытія этого послѣдняго. Благодаря за память, Аксаковъ отвѣчалъ, что присоединяется къ надеждамъ болгаръ, «вѣруя въ будущность и цѣлокупность Болгаріи».

Между тѣмъ коммиссія изготовила свой докладъ, который и былъ внесенъ на обсужденіе собранія, въ засѣданіе 21-го (марта 2 апрѣля н. с.).

Въ первыхъ засѣданіяхъ собранія, партіи не успѣли еще обрисоваться. Этимъ объясняется случайный составъ коммиссіи, въ которую, за исключеніемъ Драгана Цанкова, попали именно тѣ депутаты, которые отнюдь не представляли мнѣній большинства собранія (напримѣръ, Начевичъ, Грековъ, Балабановъ, Вулковичъ, Поменовъ).

Поэтому докладъ коммиссіи, предлагавшей одобрить съ незначительными и притомъ несочувственными большинству измѣненіями, проектъ, внесенный княземъ Дондуковымъ, былъ встрѣченъ крайне непріязненно собраніемъ. Докладчикъ коммиссіи г. Поменовъ, по объясненію г. Драндара, кромѣ того, въ своемъ докладѣ затронулъ довольно безтактно самолюбіе депутатовъ неумѣстнымъ напоминаніемъ о политической незрѣлости болгарскаго народа, который де слишкомъ неопытенъ въ политической жизни для пользованія широкой политической свободой, поэтому крайне либеральная конституція непригодна для княжества Болгарскаго. Эта мысль, въ своемъ основаніи безусловно вѣрная, но высказанная въ не совсѣмъ ловкой формѣ и притомъ лицомъ, не пользовавшимся авторитетомъ въ собраніи,—подняла въ немъ бурю.

На этотъ докладъ посыпались рѣзкія выраженія, особенно ожесточенными напалъ на него П. Каравеловъ, сразу выдвинувшійся въ глазахъ собранія своими рьяно нападеніями на докладъ коммиссіи, «въ которомъ, по его словамъ, не было ни политики, ни логики, ни граматики. Вмѣсто принциповъ,—говорилъ Каравеловъ,—мы видимъ въ этомъ докладѣ какія-то четыре начала, подбитыя консервативнымъ вѣтромъ, вмѣсто тезисовъ—пустую болтовню, вмѣсто мотивовъ... о мотивахъ я не буду говорить, приведу только слова Данта: «а на этихъ посмотри и уходи». Одинъ изъ членовъ коммиссіи Др. Цанковъ заявилъ, что раздѣляетъ мнѣніе опозиціи о несостоятельности доклада, представленнаго коммиссіей. Это подало поводъ другому члену коммиссіи г. Грекову упрекнуть Цанкова въ измѣнчивости мнѣній, на что Цанковъ отвѣчалъ весьма рѣзко, отрицая съ своей стороны всякую солидарность съ мнѣніями коммиссіи, вслѣдствіе чего между Цанковымъ и Грековымъ разыгралась весьма бурная сцена.

При обсужденіи доклада коммиссіи по статьямъ, когда дошли до вопроса о второй камерѣ, страсти окончательно разыгрались. Вокругъ Каравелова, Цанкова и Славейкова сгруппировалось большинство, которое рѣшительно отвергло предложенное проектомъ и докладомъ коммиссіи учрежденіе государственнаго совѣта.

Послѣ голосованія вопроса о государственномъ совѣтѣ, отвергнутаго большинствомъ собранія, М. Балабановъ, Стоиловъ, Начевичъ, Грековъ и нѣкоторые другіе члены собранія оставили залу засѣданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе признало, что право быть депутатомъ пріобрѣтается исключительно путемъ выборовъ прямой подачей голосовъ.

Послѣ двухмѣсячныхъ и весьма горячихъ дебатовъ, обсужденія, органическій статутъ былъ наконецъ расмотрѣнъ и утвержденъ собраніемъ, но съ весьма значительными измѣненіями.

Князь Дондуковъ-Корсаковъ,—говоритъ вышеозначенный болгарскій писатель,—отнесся весьма политично и со свойственнымъ ему тактомъ къ такому рѣшенію вопроса тырновскимъ народнымъ собраніемъ. Онъ сдѣлалъ даже болѣе—благодаря его предстательству, русскій императоръ одобрилъ болгарскую конституцію, въ томъ видѣ и редакціи, которые были приняты тырновскимъ собраніемъ (см. Drandar, ibid. стр. 25).

Въ общихъ чертахъ эта тырновская конституція создавала слѣдующій порядокъ вещей: власть князя была еще болѣе ограничена, а значеніе представительнаго собранія расширено. Изъ состава народнаго собранія исключены всѣ члены по занимаемымъ ими должностямъ (въ томъ числѣ и высшее духовенство), а также лица по назначенію князя. Обыкновенное народное собраніе было составлено исключительно изъ депутатовъ, избираемыхъ прямою подачей голосовъ, по одному на 10.000 жителей обоего пола [1]). Депутаты эти избираются на три года. Избирательное право принадлежитъ всѣмъ безъ изъятія болгарскимъ гражданамъ, достигшимъ 21 года и пользующимся гражданскими и политическими правами. Депутатами могутъ быть всѣ не лишенные правъ граждане, буде они достигли 30 лѣтъ отъ роду.

Порядокъ возбужденія законодательныхъ вопросовъ также измѣненъ, слѣдующимъ образомъ: 1) законодательная инициатива предоставлена князю и народному собранію; 2) законопроекты и предложенія правительства вносятся въ народное собраніе подлежащими министрами, по распоряженію князя. Каждый депутатъ также можетъ внесть въ народное собраніе законопроектъ или предложеніе, если они подписаны одною четвертью присутство-

---

[1]) См. конституцію княжества Болгарскаго, изданную на русскомъ и болгарскомъ языкѣ въ 1879 году въ Тырновѣ. Типографія Л. Каравелова и Н. Жейнова, при народномъ собраніи.

вавшихъ депутатовъ, и 3) каждый законопроектъ или предложеніе, внесенное въ собраніе, могутъ быть взяты обратно, пока не послѣдовало голосованія собранія. Учрежденіе государственнаго совѣта отвергнуто собраніемъ, какъ несогласное съ духомъ и условіями быта болгарскаго народа. Партія Цанкова, Каравелова и Славейкова, располагавшая, какъ я уже сказалъ, большинствомъ голосовъ въ собраніи, слышать не хотѣла объ учрежденіи государственнаго совѣта въ Болгаріи.

Въ главѣ II конституціи, о существѣ и предѣлахъ княжеской власти, въ статьѣ 1-й сказано, что княжество Болгаріи есть монархія, наслѣдственная, конституціонная съ народнымъ представительствомъ, безъ упоминанія о томъ, что она находится въ вассальныхъ отношеніякъ къ Портѣ [1]). Въ порядкѣ наслѣдованія княжескаго престола также сдѣланы были измѣненія—наслѣдственное право, за потомствомъ перваго избраннаго князя, признавалось только въ прямой, нисходящей, мужской линіи. Въ текстѣ конституціи исключено всякое упоминаніе о правахъ на престолъ особъ женскаго пола. Представители болгарскаго народа, вслѣдствіе свойственнаго восточнымъ народамъ взгляда на женщину, сочли невозможнымъ допущеніе таковыхъ на княжескій престолъ Болгаріи.

При перечисленіи лицъ, имѣющихъ право на участіе въ регентствѣ, были исключены ближайшіе родственники князя—эти полномочія возлагаются исключительно на подданныхъ княжества, заявившихъ свои способности и преданность народнымъ интересамъ на службѣ княжества. Кромѣ того, въ виду упраздненія проектированнаго государственнаго совѣта, исключена статья о допущеніи въ составъ регентства членовъ этого совѣта.

---

[1]) О чемъ, согласно берлинскому трактату, говорилось въ русскомъ проектѣ органическаго статута.

Далѣе собраніе уменьшило цифру бюджета личныхъ расходовъ князя и на содержаніе его двора, отпустивъ на этотъ предметъ вмѣсто ассигнованнаго, по проекту, милліона франковъ, всего 600 тысячъ франковъ.

Въ отдѣлѣ о гражданскихъ правахъ подданныхъ княжества включены слѣдующія три статьи: 1) титулъ благородства и другія отличія, а равно ордена, въ Болгарскомъ княжествѣ не допускаются; 2) князю предоставляется право учредить только знакъ отличія, исключительно для военныхъ, за дѣйствительно совершонные ими подвиги во время войны; и 3) торговля рабами не допускается въ Болгарскомъ княжествѣ. Всякій рабъ, какого бы ни былъ онъ вѣроисповѣданія, пола, рода и племени, вступая на территорію Болгарскаго княжества, становится свободнымъ.

Въ отдѣлъ о личной неприкосновенности гражданъ княжества включена слѣдующая статья: никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію, не установленному въ законахъ. Пытка и конфискація имуществъ воспрещаются. Свобода печати формулирована въ новой болѣе широкой редакціи. Тырновское народное собраніе, при обсужденіи этого вопроса, имѣло въ виду исключительно установленіе наибольшихъ гарантій, въ смыслѣ развитія свободнаго выраженія мнѣній въ печати, почти игнорируя при этомъ столь же цѣнныя и нужныя для общества гарантіи отъ злоупотребленія свободой печатнаго слова.

Постановленія болгарской конституціи о печати заключаются въ трехъ статьяхъ (79—81). Первая изъ нихъ гласитъ: «Печать свободна. Никакой цензуры не допускается и никакого залога не требуется отъ авторовъ, издателей и типографщиковъ. Если авторъ извѣстенъ и жительствуетъ въ княжествѣ, издатель и типографщикъ никакой отвѣтственности не подлежатъ».

Слѣдующая 80 статья устанавливаетъ нѣкоторыя ограниченія для изданій, назначенныхъ для богослуженія, какъ-

то: книгъ священнаго писанія, богослужебныхъ и сочиненій догматическаго содержанія; а также учебниковъ закона Божія для православныхъ—изданіе таковыхъ допускается лишь съ одобренія святѣйшаго синода. Въ силу 83 статьи конституціи, преступленія по дѣламъ печати судятся, по закону, въ общихъ судебныхъ установленіяхъ[1]).

Признанная первоначальнымъ проектомъ свобода сходокъ дополнена еще одной статьей, предоставляющей болгарскимъ гражданамъ право составлять дружества безъ всякяго предварительнаго разрѣшенія, если только цѣль и средства этихъ дружествъ не приносятъ вреда государственному и общественному порядку, религіи и добрымъ нравамъ.

Въ отношеніи высшихъ государственныхъ учрежденій, тырновское народное собраніе, какъ было выше сказано, упразднило государственный совѣтъ и, кромѣ того, сократило одно изъ предположенныхъ министерствъ, именно общественныхъ работъ и земледѣлія. Вообще въ этомъ первомъ собраніи народныхъ представителей сказалась свойственная національному характеру болгаръ бережливость и стремленіе къ экономіи—ораторскія фразы весьма рѣдко увлекаютъ болгарина до забвенія денежной стороны дебатируемаго вопроса.

Органическій статутъ, такимъ образомъ передѣланный, былъ названъ конституціей Болгарскаго княжества. Его подписали предсѣдатель собранія высокопреосвященный Анѳимъ (митрополитъ виддинскій), уполномоченный нашего коммиссара, сенаторъ тайный совѣтникъ С. И. Лукьяновъ и всѣ 208 членовъ собранія.

---

[1]) Эта болгарская конституція, какъ сказано выше, была немедленно же обнародована на русскомъ и болгарскомъ языкѣ въ Тырновѣ Французскій переводъ ея Дареста (Dareste) помѣщенъ въ Annuaire de la Sociéte de la legislation comparée, 9-me année. Очеркъ этой конституціи напечатанъ въ 1-мъ томѣ извѣснаго труда Демомбина «Les Constiiutions Européennes. стр. 668—676.

Вслѣдъ за симъ первое болгарское собраніе было закрыто княземъ Дондуковымъ, который въ произнесенной имъ, при этомъ случаѣ, рѣчи вполнѣ сочувственно привѣтствовалъ окончательныя рѣшенія собранія, поздравивъ болгарскихъ депутатовъ съ успѣшнымъ окончаніемъ, какъ сказано было въ его рѣчи, «сего великаго и перваго національнаго труда». Коснувшись мимоходомъ неизбѣжныхъ и весьма естественныхъ, въ виду новизны дѣла и важности задачи, недоразумѣній, возникшихъ во время обсужденія статута собраніемъ, князь Дондуковъ сказалъ депутатамъ: «Послѣднія и окончательныя рѣшенія ваши устраняютъ всѣ поводы къ обвиненію васъ въ незрѣлости и въ неподготовкѣ къ предоставленной вамъ свободной политической жизни. Счастливое, правильное и законное довершеніе вами возложеннаго на васъ законодательнаго труда торжественно оправдываетъ довѣріе къ вамъ великаго моего государя» (см. рѣчи кн. Дондукова-Корсакова, въ дневникѣ собранія).

Эта рѣчь князя Дондукова вызвала восторженныя заявленія сочувствія и благодарности со стороны болгарскихъ депутатовъ, которые не находили словъ для восхваленія князя Дондукова: «популярность русскаго императорскаго коммисара въ Болгаріи,—писали газетные корреспонденты и европейскіе дипломатическіе агенты,—огромная, болгары превозносятъ его до небесъ».

Засимъ, на 17-е число того же апрѣля мѣсяца, вновь созвано, избранное уже, согласно установленнымъ конституціей правиламъ, новое великое народное собраніе, въ томъ же Тырновѣ, для избранія князя.

Если бы депутатамъ этого собранія была предоставлена полная свобода выбора князя, — говоритъ въ своей книгѣ Драндаръ, — то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что княземъ болгарскимъ былъ бы избранъ Дондуковъ-Корсаковъ.

Къ нему, какъ заявляетъ этотъ болгарскій писатель, депутаты обращались съ настойчивой просьбой принять престолъ Болгаріи, но князь Дондуковъ отвѣчалъ имъ, что признано невозможнымъ, чтобы княземъ Болгаріи былъ избранъ русскій, и при этомъ заявилъ, что ему положительно извѣстно, что государь императоръ желаетъ, чтобы выборъ депутатовъ остановился на принцѣ Александрѣ Батенбергѣ, который и былъ избранъ въ тотъ же день.

Другіе кандидаты, о которыхъ передъ тѣмъ было немало толковъ въ печати, именно славный своими боевыми подвигами, племянникъ черногорскаго князя, Божидаръ Петровичъ, впрочемъ, отнюдь не домогавшійся этого избранія, и румынскій князь Бибеско, сынъ низвергнутаго въ 1848 году господаря Валахіи, и нѣкоторые другіе, были устранены, какъ только собраніе узнало волю русскаго императора.

Одно время передъ выборами производилась нѣкоторая агитація съ цѣлью провести на княжескій престолъ Болгаріи сербскаго Милана[1]). Эта комбинація съ точки зрѣнія усиленія матеріальнаго и политическаго значенія новаго Болгарскаго княжества имѣла за себя немало шансовъ, хотя едва ли бы она была допущена Европой.

Но эта попытка не имѣла никакого успѣха среди болгаръ, вслѣдствіе крайне непріязненныхъ отношеній, издавна существующихъ между болгарами и ихъ ближайшими сосѣдями сербами. Въ самомъ же собраніи о кандидатурѣ Милана никто изъ депутатовъ даже не заикнулся.

Тырновское народное собраніе, избравъ князя, выбрало изъ среды своей депутацію изъ 6-ти представителей, для передачи рѣшенія собранія избраннику болгарскаго народа, Александръ Батенбергъ находился въ это время, въ

---

[1]) См. статью Д. Георгіевскаго «Гражданское управленіе въ Болгаріи», «Наблюдатель» за 1882 годъ, № 10, стр. 191.

Берлинѣ и по его собственнымъ словамъ, узналъ о своемъ избраніи изъ газетной телеграммы, въ клубѣ Gardes du corps, гдѣ его товарищи по службѣ сейчасъ же вспрыснули Мозелемъ mouseux это радостное извѣстіе.

Получивъ, на другой день оффиціальное извѣстіе отъ нашего Государя и текстъ тырновской конституціи, изъ нашего Посольства, Александръ Батенбергъ, завернувъ на нѣсколько дней въ Дармштадтъ, поспѣшилъ въ Ливадію, куда къ нему и была выслана болгарская депутація, для формальнаго извѣщенія его о рѣшеніи болгарскаго народа предложить ему престолъ Княжества,

Молодой принцъ Александръ Батенбергъ, второй сынъ дяди великаго герцога Гессенскаго, принца Александра Гессенскаго, отъ морганатическаго брака послѣдняго съ дѣвицей Гауке, лейтенантъ прусской службы, обладавшій весьма скромными финансовыми средствами, широкой натурой и честолюбіемъ, конечно, могъ только радоваться и благодарить, за такое избраніе, но ознакомившись съ содержаніемъ и характеромъ Тырновской конституціи, Александръ Батенбергъ, по совѣщаніи съ гессенскими министрами и юристами, выразилъ сомнѣніе въ возможности управлять страной, при дѣйствіи тырновской конституціи, и заявилъ объ этомъ въ Ливадіи покойному Государю, указавъ на необходимость нѣкоторыхъ измѣненій въ этой конституціи; въ особенности онъ считалъ желательнымъ учрежденіе Государственнаго Совѣта. Въ виду такихъ его заявленій, подъ предсѣдательствомъ самого Государя, состоялось засѣданіе особаго совѣщанія, въ которое были приглашены Военный Министръ, графъ Д. А. Милютинъ и Министръ Двора, графъ А. В. Адлербергъ. Результата этого совѣщанія мнѣ подлинно неизвѣстны. По разсказу самого Батенберга, Адлербергъ телеграфировалъ кн. Дондукову о желаніи избраннаго болгарами князя произвести пересмотръ конституціи, въ трехъ пунктахъ,

на что Дондуковъ отвѣчалъ телеграммой, что онъ снесся по этому предмету съ вліятельными дѣятелями Тырновскаго Собранія и что желаніе князя будетъ уважено. По другимъ разсказамъ, Батенбергъ уступая желанію нашего Государя согласился принять избраніе его княземъ Болгарскимъ, безъ всякихъ условій и отказался такимъ образомъ отъ мысли объ измѣненіяхъ въ конституціи впредь до указанія опыта. Несомнѣнно только то, что вопросъ объ передѣлкѣ въ Тырновской конституціи обсуждался въ Ливадіи и поэтой именно причинѣ болгарская депутація должна была нѣсколько дней дожидать пріемной аудіенціи у Александра Батенберга.

Изъ числа прибывшихъ въ Ливадію депутатовъ народнаго собранія, новый болгарскій князь особенно сблизился съ г. Стоиловымъ, такимъ же молодымъ человѣкомъ, какъ и онъ самъ. Уроженецъ Восточной Румеліи, Стоиловъ получилъ образованіе въ одномъ изъ германскихъ университетовъ, именно въ Гейдельбергѣ, куда его послали учиться родители, люди довольно зажиточные и притомъ весьма честолюбивые. Стоиловъ хорошо говорилъ по-нѣмецки и притомъ свободно владѣлъ и другими европейскими языками. Это послѣднее обстоятельство особенно сблизило его съ принцемъ Александромъ Батенбергомъ.

Онъ удержалъ Стоилова при себѣ, предложилъ ему тотчасъ же мѣсто домашняго своего секретаря, обѣщавъ ему многія и великія милости въ будущемъ.

Откланявшись въ Ливадіи, князь Александръ отправился по европейскимъ столицамъ, съ обычными, въ подобныхъ случаяхъ, визитами [1]). Въ Берлинѣ, бесѣдуя съ Бисмаркомъ, Александръ Батенбергъ, какъ разсказываютъ,

---

[1]) Drandar, page 31. Въ Ливадіи покойный Государь пожаловалъ Батенбергу генеральскій чинъ и онъ сразу такимъ образомъ изъ поручиковъ прусской службы превратился въ русскаго генерала и Болгарскаго князя.

высказалъ опасеніе за ожидающую его судьбу, въ Болгаріи, ссылаясь на шаткое положеніе дѣлъ въ Болгаріи и радикальный характеръ тырновской конституціи и т. д. Бисмаркъ его успокоилъ остроумнымъ замѣчаніемъ: «Ничего, принцъ,—будто бы сказалъ ему желѣзный канцлеръ,— поѣзжайте себѣ въ Болгарію, во всякомъ случаѣ, у васъ останется пріятное воспоминаніе подъ старость» [1]).

Объѣхавъ европейскія столицы, молодой болгарскій князь поспѣшилъ представиться султану въ Константинополѣ, гдѣ Абдулъ-Гамидъ принялъ его съ подобающею случаю любезностью. Старые турки качали головами, смотря на юнаго князя болгарской райи, который держалъ себя весьма независимо и вовсе не походилъ на прежнихъ господарей княжествъ, пріѣзжавшихъ на поклонъ къ падишаху.

Изъ Константинополя князь отправился въ Варну, гдѣ и вступилъ на болгарскую территорію. Въ Варнѣ князя Александра встрѣтилъ Дондуковъ-Корсаковъ, проводившій его до Тырнова; здѣсь новый князь принесъ присягу на вѣрность конституціи болгарской, въ самыхъ торжественныхъ и категорическихъ выраженіяхъ. Говорятъ, что голосъ его слегка дрожалъ, когда онъ произносилъ торжественныя слова присяги.

За симъ, пожелавъ новому правителю Болгаріи, принявшему такимъ образомъ бразды правленія, всякаго благополучія и успѣха, А. М. Дондуковъ-Корсаковъ прямо

---

[1]) Передъ отъѣздомъ изъ Ливадіи Александръ Батенбергъ былъ снабженъ особыми инструкціями отъ нашего правительства, которыя были составлены Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, въ видѣ трехъ записокъ или нотъ. Я имѣлъ случай познакомиться съ этими записками и съ удивленіемъ убѣдился изъ ихъ чтенія, что они никакихъ опредѣленныхъ указаній, никакой серьезной политической программы въ себѣ не заключали. На это обстоятельство впослѣдствіи нерѣдко указывалъ Батенбергъ, въ своихъ разговорахъ съ русскими, объясняя возникавшіе между нимъ и Россіей недоразумѣнія, отсутствіемъ точной и опредѣленной политики въ нашихъ отношеніяхъ къ Болгаріи.

изъ Тырнова уѣхалъ въ Россію, а князь болгарскій отправился въ Софію [1]).

Берлинскій трактатъ и болгарская конституція не предрѣшили вопроса о выборѣ столицы для Болгарскаго княжества. Князю предстояло избрать для этого одинъ изъ двухъ городовъ. Удобства мѣстоположенія и благопріятныя физическія условія, также какъ и историческое прошлое, указывали на Тырново. Тырново обладаетъ превосходнымъ климатомъ, живописными окрестностями, расположено въ самомъ центрѣ княжества. Въ виду всѣхъ этихъ удобствъ, оно и было избрано мѣстомъ созванія народнаго собранія, для разсмотрѣнія органическаго статута и избранія князя.

Но въ пользу Софіи громко говорили другія соображенія—военныя и политическія. Назначая столицей княжества Софію, князь Александръ занималъ весьма удобный сторожевой постъ, для наблюденія за ходомъ дѣлъ въ сосѣдней Македоніи, на которую неизбѣжно обращались взоры болгарской политики въ будущемъ и которая, какъ то было ясно уже тогда, становилась яблокомъ раздора между Болгаріей и соперничающей съ ней Сербіей.

Софія, какъ столица княжества, служила выраженіемъ твердой рѣшимости правительства болгарскаго преградить стремленіе сербовъ къ расширенію территоріи въ этомъ направленіи. Кромѣ того, дѣлая центромъ управленія и резиденціею князя Софію, болгарское правительство торжественно заявляло, что оно будетъ неуклонно слѣдовать политикѣ соединенія и считаетъ Восточную Румелію неотъемлемой частью княжества. Имѣя столицей Софію, Болгарское княжество всегда было на-готовѣ перешагнуть

---

[1]) Кн. Александръ впослѣдствіи жаловался на кн. Дондукова-Корсакова, говоря что былъ обманутъ послѣднимъ относительно согласія болгаръ измѣнить нѣкоторыя постановленія Тырновской конституціи.

черезъ постановленіе берлинскаго конгресса, отколовшаго Южную Болгарію отъ Сѣверной.

Князь Дондуковъ, послѣ подписанія берлинскаго трактата, сначала предполагалъ перенести свою резиденцію въ Тырново, но обстоятельства заставили еге измѣнить это намѣреніе, и онъ, какъ я говорилъ выше, призналъ необходимымъ, послѣ отъѣзда изъ Филиппополя, перенести наше гражданское управленіе княжествомъ въ Софію.

Софія (Сердика древнихъ) расположена въ центрѣ Балканъ. Климатическія и физическія условія этого города неособенно благопріятны. Рѣзкіе переходы температуры—отъ сильнѣйшаго зноя къ весьма чувствительному холоду; холодная и суровая зима—въ январѣ ртуть нерѣдко опускается на 20° ниже нуля; кромѣ того, частыя и рѣзкія колебанія суточной температуры дѣлаютъ климатъ Софіи весьма вреднымъ для здоровья [1]). Кромѣ того, Софія подвержена землетрясеніямъ. Все это вмѣстѣ взятое представляетъ мало благопріятнаго условія для избранія этого города столицей Болгаріи.

Но молодой болгарскій князь, мечтавшій съ самаго начала замѣнить княжескую корону турецкаго вассала болѣе блестящею королевской короною наслѣдника Асѣней и Крума, конечно, избралъ своей резиденціей Софію.

Въ этомъ случаѣ его не остановила даже отдаленность новой столицы отъ рельсовыхъ путей сообщенія, соединяющихъ княжество съ Европой.

Въ это же время была издана, какъ мнѣ говорили, на счетъ князя Александра, налитографированная гдѣ-то въ Германіи, картинка, изображающая юнаго князя Болгаріи, вокругъ котораго радостно сплетаютъ руки символическія изображенія Мизіи, Ѳракіи и Македоніи.

---

[1]) См. весьма любопытныя наблюденія надъ климатомъ Софіи французскаго ученаго метеоролога г. Тонара (Thonard).

Политика и образъ дѣйствій князя Александра вызвали немало вполнѣ заслуженныхъ нареканій, но надо сказать что, не смотря на всю свою лживость, лицемѣріе и шатаніе въ разныя стороны, Александръ Батенбергъ съ первыхъ же шаговъ своей политической дѣятельности обнаружилъ желаніе служить дѣлу объединенія Болгаріи. Онъ многократно и съ самаго начала заявлялъ, что цѣль его политики созданіе исторической, цѣлокупной Болгаріи. Этимъ объясняются симпатіи болгаръ, которыми пользовался князь Александръ, до переворота 27-го апрѣля 1881 года, а равно то, что онъ усидѣлъ на престолѣ послѣ этого переворота и пользуется до сихъ поръ извѣстной симпатіей нѣкоторой части болгарской интеллигенціи и даже народа.

На упреки, дѣлаемые ему европейскими преставителями за отношенія его правительства къ политической пропагандѣ и агитаціи въ Македоніи и Восточной Румеліи,— комитеты соединенія въ Восточной Румеліи довольно открыто сносились съ Софіей,—князь Александръ хотя и въ дипломатическихъ выраженіяхъ, но довольно ясно и твердо давалъ понять, что онъ не можетъ держаться во власти, идя наперекоръ національнымъ стремленіямъ болгарскаго народа, и что для него такая національная политика объединенія въ силу вещей обязательна.

По пріѣздѣ князя въ Софію, гдѣ его ожидалъ рядъ торжественныхъ встрѣчъ, депутацій и всякаго рода овацій, онъ былъ первое время увлеченъ празднествами и выраженіями народнаго энтузіазма. Это были дни общаго ликованія и самыхъ свѣтлыхъ надеждъ на будущее. Болгаре были въ восторгѣ отъ своего князя—его молодость (ему едва минуло 22 года), красивая наружность и военная выправка произвели на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе.

Правда, нѣкоторые скептики, въ родѣ Драгана Цанкова, уже тогда высказывали опасенія, какъ бы такой мо-

лодой, красивый да бойкій князь не сталъ мотать лишнихъ денегъ. Цанкова упрекали за такія слова и требовали отъ него объясненій, почему онъ противъ князя и не раздѣляетъ общаго восторга. Упрямый старикъ отвѣчалъ: «Я не противъ князя, можетъ быть онъ и хорошій человѣкъ. Я только думаю, что онъ намъ будетъ слишкомъ дорогъ. Мы могли бы устроиться подешевле».

Менѣе разсчетливое большинство, въ эти медовые дни перваго знакомства съ новымъ княземъ, не заходило такъ далеко и не думало задаваться вопросомъ, во что обойдется болгарскому карману молодой и щеголеватый князь. Ради общенароднаго торжества и радости, возбужденной во всемъ болгарскомъ населеніи видомъ молодаго, красиваго и привѣтливаго князя, на старомъ престолѣ болгарскихъ царей, болгарскіе политики забыли меркантильные разсчеты и даже осуждали за такого рода соображенія Цанкова. Такое широкое и либеральное отношеніе болгарскихъ политиковъ къ экономической сторонѣ дѣла, впрочемъ, объяснялось наличностью 14.000.000 франковъ, оставленныхъ русскимъ управленіемъ въ кассахъ княжества. Такой солидный фондъ, въ глазахъ болгаръ, гарантировалъ ихъ отъ необходимости прибѣгать къ увеличенію налоговъ. Пока для нихъ этого было довольно.

Болгарскіе селяки и даже шопы [1]) изъ сосѣднихъ деревень приходили въ Софію, чтобы посмотрѣть на своего молодаго князя; они радовались, слыша, что это племянникъ царя Александра. Одинъ старикъ изъ Казанлыка, попавъ въ Софію и встрѣтивъ случайно на улицѣ князя Александра, остановилъ его громкимъ выраженіемъ своей наивной симпатіи, говоря, что его болгарское сердце взы-

---

[1]) Шопы, составляющіе особое малочисленное племя, нѣсколько отличное отъ настоящихъ болгаръ (по мнѣнію ученыхъ, остатки древнихъ пеласговъ), возбуждаютъ насмѣшки болгаръ своей простотой, доходящей до глупости.

грало радостью, при видѣ князя: «Такой ты молодой, да бравый, да хорошій—не то что нашъ старый паша» (т. е. Богориди),—прибавилъ онъ со вздохомъ. Это простое и безцеремонное выраженіе сочувствія и сравненіе съ Алеко пашой очень понравилось молодому князю. Словоохотливый старикъ получилъ въ подарокъ нѣсколько серебряныхъ монетъ.

Но праздники и ликованіе, какъ все на свѣтѣ, прошли, приходилось подумать о будничныхъ и при томъ неотложныхъ заботахъ—объ организаціи управленія. Народное собраніе, согласно конституціи, должно было собраться только осенью, а для управленія княжествомъ необходимо было тотчасъ же составить министерство.

Во время путешествія князя по Европѣ, когда онъ по дорогѣ въ Константинополь прибылъ въ Бриндизи, въ этомъ городѣ его встрѣтилъ полковникъ Шепелевъ [1]), котораго Дондуковъ-Корсаковъ послалъ навстрѣчу болгарскому князю, чтобы познакомить послѣдняго съ положеніемъ дѣлъ въ Болгаріи, а такъ же и съ людьми, съ которыми придется вступить въ сношенія для управленія страной.

Полковникъ Шепелевъ представилъ подробный докладъ по этимъ предметамъ болгарскому квязю, въ заключеніе котораго сказалъ, что не можетъ скрыть отъ него, что въ Болгаріи ощущается несомнѣнный недостатокъ въ политическихъ людяхъ, стоящихъ на высотѣ положенія, созданнаго обстоятельствами, и вполнѣ способныхъ управлять страной, но что съ этимъ фактомъ волей-неволей надо примириться и взять то, что имѣется подъ руками. Поэтому онъ и рекомендовалъ князю для составленія его перваго кабинета министровъ—Драгана Цанкова, Петко Каравелова и Грекова, какъ наиболѣе выдавшихся и вліятель-

---

[1]) Шепелевъ при этомъ случаѣ вручилъ Болгарскому Князю, на первые необходимые расходы 30 или 40 тысячъ рублей золотомъ.

ныхъ представителей двухъ партій, образовавшихся въ тырновскомъ народномъ собраніи.

Князь Александръ, конечно, счелъ долгомъ принять эти указанія, вполнѣ разумныя, къ свѣдѣнію. Онъ это сдѣлалъ тѣмъ охотнѣе, что у него не было никакихъ личныхъ антипатій или симпатій къ тѣмъ или другимъ лицамъ въ Болгаріи, а его секретарь Стоиловъ на первое время не посмѣлъ рискнуть своимъ положеніемъ, навязывая своихъ пріятелей князю. У Стоилова, понятно, были личные счеты съ болгарскими партіями тырновскаго собранія, но онъ благоразумно рѣшился подождать благопріятнаго времени и обстоятельствъ, чтобы свести эти счеты а пока его болѣе всего занималъ вопросъ объ упроченіи своего личнаго положенія при князѣ.

По порученію князя, Стоиловъ телеграфировалъ Цанкову въ Варну, гдѣ послѣдній занималъ въ то время должность губернатора, передавая ему предложеніе князя составить кабинетъ съ участіемъ Петко Каравелова и Грекова.

Телеграмма была подписана не княземъ, а Стоиловымъ. Это не понравилось Цанкову, а тѣмъ паче поставленное ему телеграммой условіе пригласить въ составъ министерства Грекова, съ которымъ Цанковъ имѣлъ столько столкновеній въ засѣданіяхъ тырновскаго собранія. Онъ оставилъ цѣлыя сутки телеграмму безъ отвѣта, подъ тѣмъ предлогомъ, что не знаетъ, отъ кого послана ему телеграмма (фамилія Стоилова была переврана телеграфистомъ), а на вторичную телеграмму Стоилова отвѣчалъ отказомъ.
Въ этомъ случаѣ Цанковъ едва ли поступилъ тактично, потому что задѣлъ самолюбіе князя и далъ карты въ руки своимъ противникамъ, т. е. тому кружку честолюбивыхъ интригановъ, который образовался, подъ эгидой Стоилова, изъ Грекова и Начевича. Этотъ печальной памяти тріумвиратъ надѣлалъ не мало зла Балгаріи.

Петко Каравеловъ, въ виду отказа Цанкова, также отклонилъ предложенный ему министерскій портфель. Князь Александръ принялъ это за личную обиду и, крайне разсерженный первой своей неудачей, еще тѣснѣе сблизился съ противниками радикаловъ и совсѣмъ отдался въ руки друзей своего «симпатичнаго секретаря», какъ онъ называлъ Стоилова.

Это обстоятельство, т. е. сближеніе князя съ Стоиловымъ, по мнѣнію г. Драндара, имѣло самыя роковыя послѣдствія: оно послужило зерномъ, изъ котораго выросли всѣ послѣдовавшіе конфликты между княземъ и народнымъ собраніемъ и даже самый переворотъ 27 апрѣля 1881 года.

Такое объясненіе политическихъ кризисовъ, пережитыхъ Болгарскимъ княжествомъ, свидѣтельствуетъ лишь о желаніи отыскать козла отпущенія, щадя по возможности самого князя, но оно погрѣшаетъ противъ логики исторіи и не выдерживаетъ критики, выдавая поводы за причины, а мелкія интриги и людей, служившихъ лишь орудіемъ, за главныхъ факторовъ политическихъ событій. Спору нѣтъ, что Стоиловъ показалъ себя плохимъ патріотомъ своего отечества, мелкимъ интриганомъ и честолюбцемъ, служившимъ не благу страны, а своимъ личнымъ цѣлямъ и лицамъ,—все это вѣрно, но очевидно, что такого сорта люди не руководятъ событіями, а дѣлаются лишь орудіями въ чужихъ рукахъ. Такова и была роль Стоилова, котораго князь приблизилъ къ себѣ и сдѣлалъ изъ него довѣреннаго совѣтника, потому что на первыхъ же порахъ разгадалъ въ немъ человѣка, вполнѣ готоваго служить не народу, а личнымъ интересамъ князя.

Часто говорятъ французы: «les grands événements sont produit par des petites causes; въ этомъ остроумномъ изрѣченіи отъ частаго его употребленія стерся настоящій смыслъ—оно подчеркиваетъ наиболѣе наглядную и доступ-

ную пониманію публики сторону событій, указывая, что они вызываются нерѣдко мелкими, ничтожными обстоятельствами, именно вызываются, но не создаются.

Болгарскіе же политики и публицисты, въ родѣ Драндара, простодушно считаютъ эти мелкія случайныя обстоятельства и личныя интриги за настоящія коренныя причины разразившихся надъ ихъ страной политическихъ кризисовъ. Слишкомъ долго замкнутый въ тѣсныхъ рамкахъ мелкихъ общинныхъ интересовъ болгарскій умъ пока еще не успѣлъ развить въ себѣ способности къ болѣе широкимъ обобщеніямъ и серьезному пониманію историческихъ событій.

Сужденія г. Драндара, въ этомъ случаѣ, не что иное какъ отголосокъ ходячихъ мнѣній, вполнѣ раздѣляемыхъ болѣе авторитетными политическими дѣятелями Болгаріи, твердо убѣжденными, что всѣ бѣды, постигшія княжество за послѣдніе годы, произошли именно оттого, что народное собраніе въ числѣ другихъ депутатовъ послало въ Ливадію къ князю г. Стоилова, а Др. Цанковъ отказался отъ предложенія князя составить первый кабинетъ для княжества.

Такое объясненіе какъ этого, такъ и другихъ явленій новѣйшей болгарской исторіи мнѣ не разъ приходилось встрѣчать въ болгарской печати и слышать въ личной бесѣдѣ отъ болгарскихъ политиковъ. Такъ, напримѣръ, болгары пресерьезно меня увѣряли, что нерасположеніе къ П. Каравелову нашихъ дипломатическихъ сферъ объясняется неловкостью Каравелова, разбившаго чашку съ чаемъ на вечерѣ у русскаго дипломатическаго агента въ Софіи г. Давыдова [1]). «Князь Дондуковъ-Корсаковъ, какъ

---

[1]) Г. Давыдовъ, первый нашъ представитель въ Софіи, оставался на этомъ посту весьма недолго, тяготясь своимъ положеніемъ въ Болгаріи; онъ получилъ другое назначеніе и умеръ въ прошломъ году нашимъ посланникомъ въ Японіи.

человѣкъ военный, не обращалъ вниманія на угловатоость манеръ Каравелова и оказывалъ ему постоянно свое расположеніе, но ваши дипломаты послѣ этого случая съ чашкой чая стали каситься на Петку». Переворотъ 6-го сентября прошлаго года, пріѣзжавшіе въ Петербургъ болгары старались объяснить по той же мѣркѣ Переворотъ произошелъ де оттого, что Крестовичъ прогналъ со службы Захарія Стоянова,

Въ первой главѣ настоящаго очерка я указалъ на крайне ненормальное разрѣшеніе болгарскаго вопроса конгрессомъ, которое заключало въ себѣ неизбѣжныя сѣмена смуты въ будущемъ. Кромѣ того, наше управленіе, вслѣдствіе сокращенія срока оккупаціи лишено было возможности создать вполнѣ прочный порядокъ политическаго и общественнаго устройства Болгаріи, въ томъ духѣ и по той программѣ, которая была задумана княземъ Черкасскимъ. Наконецъ, самый выборъ князя былъ затрудненъ вмѣшательствомъ Европы въ болгарскія дѣла и происками западной дипломатіи, которая приходила въ ужасъ отъ одной мысли видѣть княземъ Болгаріи правителя славянской крови. Угождая европейской дипломатіи, Россія рѣшительно устранила не только русскихъ кандидатовъ, о которыхъ мечтали болгары (Дондукова-Корсакова и Н. П. Игнатьева), но и Божидара Петровича, избраніе котораго не нравилось европейской дипломатіи, опасавшейся, что этотъ воинственный и даровитый черногорецъ, сдѣлавшись княземъ Болгаріи, будетъ держаться чисто народной политики и высоко подниметъ на Балканскомъ полуостровѣ знамя славянской идеи и историческіе интересы славянской расы.

Такими отношеніями Европы и былъ обусловленъ выборъ принца Александра Батенберга, пользовавшагося, кромѣ того, личными симпатіями нашего покойнаго императора.

Но, сажая на престолъ Болгарскаго княжества, согласно желанію Европы, молодаго нѣмецкаго принца, офи-

цера прусской службы, хотя и связаннаго узами родства съ нашимъ императорскимъ домомъ, Россія, въ виду его молодости и невозможности заранѣе опредѣлить свойства его характера и направленія, естественно колебалась ввѣрить ему полновластное распоряженіе судьбами болгарскаго народа, искупленнаго нами изъ турецкаго плѣна такой дорогою цѣною. Наши государственные люди, голосъ которыхъ имѣлъ значеніе въ рѣшеніи болгарскихъ дѣлъ, а тѣмъ болѣе сами представители болгарскаго народа, находили крайне рискованнымъ предоставить широкія прерогативы власти молодому принцу, совершенно чуждому по воспитанію, чувствамъ, вѣрѣ и языку народу, которымъ онъ призванъ былъ управлять. Отсюда весьма естественное и понятное желаніе тырновскаго народнаго собранія ограничить права и полномочія князя широкимъ и властнымъ участіемъ народнаго представительства въ дѣлахъ управленія.

Хотя князь Адександръ и пользовался въ началѣ несомнѣнными, вполнѣ искренними симпатіями русской власти, тѣмъ не менѣе рѣшительное желаніе тырновскаго народнаго собранія измѣнить первоначальную, т. е. петербургскую, редакцію конституціи, въ смыслѣ расширенія правъ народнаго представительства, было уважено государемъ императоромъ, согласно представленіямъ князя Дондукова-Корсакова[1]). Въ этомъ случаѣ Россія руководилась совершенно вѣрной мыслью, что ея политика на Балканскомъ полуостровѣ можетъ и должна опираться на народъ, а не на отдѣльныя лица. Европейская дипломатія, съ своей стороны,

---

[1]) Какъ мною было указано выше отношеніе нашего Правительства и самого покойнаго Государя къ Тырновской конституціи представляется не вполнѣ выясненными. Сторонники Батенберга и онъ самъ упорно утверждаютъ, что князь Дондуковъ, ради популярности и ввелъ въ заблужденіе покойнаго Государя и Болгарскаго князя ложнымъ извѣщеніемъ о согласіи болгаръ на измѣненія конституціи. Довѣрившись Дондукову, молодой князь Болгарскій не рѣшался до вступленія на престолъ поднимать вопросъ о пересмотрѣ. На сколько это вѣрно не берусь судить.

также не протестовала противъ постановленій тырновской конституціи, хотя нѣкоторые органы европейской печати отмѣтили, тогда же, слишкомъ радикальный характеръ болгарской конституціи. Мотивы такого благодушнаго отношенія Западной Европы, конечно, вытекали изъ совсѣмъ другихъ соображеній и побужденій: зная по опыту практику конституціоннаго режима, европейскіе дипломаты отлично понимали, что тырновская конституція неизбѣжно приведетъ къ рѣзкимъ столкновеніямъ между княземъ и народнымъ собраніемъ, что, конечно, было весьма на руку нашимъ врагамъ тайнымъ и явнымъ, ибо одной изъ главныхъ задачъ конгресса и политики западныхъ державъ было парализировать успѣшное развитіе болгарской народности на Балканскомъ полуостровѣ.

Молодой, самолюбивый князь, желающій во что бы то ни стало играть политическую роль и фигурировать въ глазахъ общественнаго мнѣнія на полуостровѣ и въ Европѣ, и чисто демократическое, полновластное народное собраніе, руководимое ярыми радикалами, людьми, необузданными во мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ, и притомъ народное собраніе, опирающееся на одну изъ самыхъ радикальныхъ конституцій въ Европѣ,—такое стеченіе обстоятельствъ не могло представлять достаточной гарантіи для нормальнаго развитія политической жизни новаго княжества [1]).

Послѣдствія были ясны и очевидны. Зимой 1881 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до переворота 27 апрѣля 1881 года, графъ Кевенгюллеръ, оставляя свой дипломатическій постъ въ Софіи, гдѣ онъ близко изучилъ характеръ князя и настроеніе народнаго собранія, потирая руки, говорилъ, что всѣ элементы политической драмы въ Болгаріи на-

---

[1]) Такой взглядъ на болгарскую конституцію раздѣляется всѣми тѣми, кто лично знаетъ Болгарію и Болгаръ и искренне желаетъ блага этой странѣ. см. статью Біанкони, въ майской книжкѣ Revue Francaise за текущій годъ: La verité sur la crise Bulgare.

лицо и въ полномъ ходу, поясняя при этомъ, что драма разыграется съ трескомъ и къ немалому ущербу русскаго вліянія въ Болгаріи, причинивъ великія заботы и огорченія русской дипломатіи.

Ту же мысль, подъ видомъ лукаваго соболѣзнованія къ такой перспективѣ, высказалъ баронъ Каллай, разставаясь съ княземъ А. Н. Цертелевымъ въ Константинополѣ, послѣ изданія, въ апрѣлѣ 1879 года, органическаго статута Восточной Румеліи, надъ которымъ они оба работали нѣсколько мѣсяцевъ. Въ мартѣ 1881 года, когда, я былъ въ Константинополѣ, Макензи Валласъ, спеціальный корреспондентъ «Times», хорошо знакомый Петербургу, посланный послѣ конгресса пресловутымъ органомъ Лондонскаго Сити, не безъ основанія называемымъ 7-ю великою державою, на берега Босфора для спеціальнаго наблюденія за ходомъ дѣлъ и имѣвшій, благодаря своимъ матеріальнымъ средствамъ, самыя обстоятельныя и точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Болгаріи, говорилъ мнѣ: «Созданное Россіей положеніе вещей въ Болгаріи представляетъ всѣ элементы неизбѣжныхъ кризисовъ; я полагаю, что ваша дипломатія ихъ не желаетъ, но она находится въ очевидномъ противорѣчіи сама съ собой. Не раздѣляя славянофильскихъ теорій, но, уступая этому теченію въ дѣлѣ организаціи княжества и игнорируя указанія политическаго опыта Западной Европы, Россія одобрила радикальные, ультра-демократическіе принципы, положенные въ основу тырновской конституціи. Съ одной стороны—одна палата, и притомъ въ чисто демократическомъ духѣ народнаго суверенитета, руководимая депутатами, воспитанными въ Россіи, въ духѣ крайнихъ теорій, близкихъ ко взглядамъ вашихъ нигилистовъ, а съ другой—молодой, властолюбивый князь, воспитанный въ совершенно иныхъ понятіяхъ, и которому порядокъ вещей, узаконенный тырновской конституціей, кажется вопіющей

аномалiей. Между княземъ Александромъ и радикальнымъ кабинетомъ Каравелова нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго—это два противоположные полюса, взаимно и глубоко враждебныя начала; столкновенiе между ними и притомъ самое рѣшительное неизбѣжно. Скоро въ Софiи разыграется очень крупная политическая драма, вѣроятно, это произойдетъ даже скорѣе, чѣмъ думаютъ ваши дипломаты, которымъ Софiя готовитъ немало заботъ, хлопотъ и огорченiй» [1]).

Европейская печать была au courant такого положенiя вещей въ княжествѣ, и только за недостаткомъ мѣста я не привожу выписокъ изъ «Times», «Algemeine Zeitung», «Кёльнской Газеты», «Fremdenblatt» и «Neue Freie Presse» Pester Lloyd'a а также «Débats» и другихъ газетъ, которыя несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что ожиданiе и даже неизбѣжность крупныхъ политическихъ кризисовъ въ княжествѣ не составляли секрета для европейской печати, слѣдившей за хо-

---

[1]) Макензи Валласъ имѣлъ въ Константинополѣ совсѣмъ исключительное положенiе, такъ сказать, рангомъ выше обыкновенныхъ корреспондентовъ «Times», хотя таковые, какъ извѣстно, вообще снабжены весьма широко денежными средствами. Г. Валласъ имѣлъ въ разныхъ частяхъ полуострова своихъ собственныхъ корреспондентовъ и даже особыхъ курьеровъ и скорѣе походилъ на сверхштатнаго дипломатическаго агента великой державы, чѣмъ на обыкновеннаго корреспондента. При немъ состоялъ особый секретарь, изъ турецкихъ армянъ, г. Поладъ, своего рода волшебникъ и магъ, проникавшiй, въ силу своего пронырства и благодаря англiйскому золоту, въ самые потаенные ящики и наисекретнѣйшiе пакеты Высокой Порты, добывая копiи съ самыхъ секретныхъ документовъ, интересовавшихъ г. Валласа. Припомню для примѣра исторiю, случившуюся съ тайными инструкцiями чрезвычайнаго посла, отправленнаго султаномъ въ Берлинъ. Эти инструкцiи были напечатаны въ «Times», какъ разъ передъ представленiемъ посла Бисмарку. Абдулъ-Гамидъ, приведенный въ бѣшенство опубликованiемъ этихъ инструкцiй, приказалъ выслать Валласа изъ Константинополя, но корреспондентъ «Times» былъ сила, и, не смотря на все желанiе султана выдворить изъ своей столицы всюду проникающаго корреспондента, г. Валласъ преспокойно прожилъ еще нѣсколько лѣтъ въ Константинополѣ. Замѣчу кстати, что этотъ самый г. Поладъ былъ вхожъ и въ наше посольство, въ которомъ онъ бывалъ, давая уроки турецкаго языка одному высокопоставленному лицу.

домъ дѣлъ въ Болгаріи. Европейскіе дипломаты въ Константинополѣ все это знали еще ближе и, конечно, были весьма довольны такимъ ходомъ дѣлъ. Скажу болѣе: дипломатія, по крайней мѣрѣ, австрійская, старалась даже несомнѣнно обострить болгарскій кризисъ и усердно дѣйствовала въ этомъ духѣ.

Такъ, напримѣръ, австро-венгерское посольство весьма предупредительно обращало вниманіе нашего посла въ Константинополѣ Е. П. Новикова, послѣ 1 марта, на нѣкоторыя безтактныя, чтобы не сказать хуже, статьи болгарскихъ газетъ, по поводу злодѣйскаго преступленія, повергшаго всю Россію въ глубокое горе. Австро-венгерскіе дипломаты искусно пользовались обстоятельствами для возбужденія антипатій почтеннаго Е. П. Новикова, человѣка въ высшей степени впечатлительнаго, къ существовавшему въ Болгаріи порядку вещей, хотя нашъ посолъ отнюдь не погрѣшалъ избыткомъ сочувствія къ болгарамъ. Такіе взгляды Е. П. Новикова прежде всего, конечно, отзывались на сношеніяхъ нашего посла съ г. Балабановымъ, представителемъ княжества въ Константинополѣ. Г. Балабанова въ русскомъ посольствѣ постоянно встрѣчали такіе отзывы объ его соотечественникахъ, отъ которыхъ даже ему приходилось морщиться, хотя г. Балабановъ по этой части былъ человѣкъ обстрѣленный.

Но,—что гораздо важнѣе,—такое настроеніе нашего посла въ Константинополѣ, конечно, высказывалось и въ его донесеніяхъ и депешахъ въ Петербургъ министерству иностранныхъ дѣлъ, а такіе отзывы о положеніи вещей въ княжествѣ могли имѣть нѣкоторую долю вліянія на отношенія нашего кабинета къ первому coup d'état князя Александра. Правда, пока постъ военнаго министра занималъ гр. Д. А. Милютинъ, принимавшій близкое участіе въ вопросахъ нашей внѣшней политики, относительно Балканскаго полуострова вообще и болгарскаго вопроса въ

частности, взгляды и мнѣнія посольства въ Константинополѣ не могли поколебать общихъ руководящихъ началъ нашей политики въ отношеніи Болгаріи. Покойный государь, принимавшій непосредственное личное участіе въ разрѣшеніи болгарскихъ дѣлъ, такъ сказать, самъ руководилъ нашей политикой въ этомъ вопросѣ, постоянно совѣщаясь, по болгарскимъ дѣламъ, съ военнымъ министромъ, графомъ Милютинымъ. Въ Болгаріи всѣмъ и каждому, а тѣмъ болѣе князю Александру, было извѣстно, что и графъ Милютинъ держится вполнѣ установившихся взглядовъ на порядокъ вещей, созданный тырновской конституціей въ княжествѣ, и рѣшительно противится всякимъ комбинаціямъ, направленнымъ къ упраздненію участія народнаго представительства въ дѣлахъ управленія.

Смерть государя и выходъ въ отставку Д. А. Милютина значительно измѣняли положеніе вещей. Вниманіе правительственное было поглощено заботами подавленія крамолы. Россія была глубоко потрясена ужасной катастрофой 1-го марта, и вниманіе ея Державнаго Вождя было исключительно посвящено нашимъ внутреннимъ дѣламъ. Князь Александръ болгарскій, пріѣзжавшій въ Петербургъ, на погребеніе покойнаго государя, могъ лично убѣдиться, что въ глазахъ императора и всей Россіи болгарскія дѣда отошли на второй планъ. Поэтому онъ могъ разсчитывать, что наша дипломатія будетъ менѣе энергично стоять за неприкосновенность тырновской конституціи. Такимъ образомъ, князь болгарскій уѣхалъ изъ Петербурга съ убѣжденіемъ, что Россія теперь не наложитъ рѣшительнаго veto на давно затѣянный имъ переворотъ, съ цѣлью упраздненія тырновской конституціи. Послѣ 1 марта, разговаривая съ Каравеловымъ, князь Александръ измѣнилъ тонъ и поставилъ ему на видъ, что его партія не можетъ болѣе разсчитывать на поддержку русскаго правительства, что тырновская конституція лишается силь-

наго защитника въ лицѣ графа Милютина, голосъ котораго уже не имѣетъ прежняго значенія въ вопросахъ внѣшней политики Россіи по отношенію къ Болгаріи [1]) «а г. Новиковъ вовсе не сочувствуетъ вашей партіи и тырновской конституціи»,—прибавилъ иронически князь. Всѣ эти обстоятельства несомнѣнно повліяли на рѣшеніе князя Александра произвести переворотъ, упразднившій на нѣкоторое время тырновскую конституцію. Согласія Россія на этотъ переворотъ князь Александръ не получилъ, ибо въ инструкціяхъ М. А. Хитрово, отправившагося изъ Петербурга, черезъ Вѣну, въ Софію, къ мѣсту своего новаго назначенія русскаго дипломатическаго агента въ Болгаріи, не было дано указаній по этому предмету; г. Хитрово, узнавъ въ Вѣнѣ о переворотѣ, долженъ былъ испросить новыхъ инструкцій. Тѣмъ не менѣе, поѣздка въ Петербургъ князя Александра имѣла извѣстное вліяніе на приведеніе въ исполненіе задуманнаго имъ переворота [2]).

Теперь, послѣ этихъ общихъ замѣчаній, установивъ точку зрѣнія на характеръ разразившихся надъ Болгаріей кризисовъ, перехожу къ очерку самихъ фактовъ, въ ихъ исторической послѣдовательности. Разсерженный отказомъ Цанкова и Каравелова принять на себя составленіе министерства, князь Александръ круто отвернулся отъ нихъ и совершенно предался въ руки камарильи, образовавшей-

---

[1]) Объ этомъ разговорѣ кн. Александра съ Каравеловымъ мнѣ передавалъ самъ Каравеловъ, поселившись послѣ переворота, 27 апрѣля 1881 года, въ Филиппополѣ. Правдивость этого разсказа я имѣлъ возможность провѣрить и другими источниками, вполнѣ подтвердившими на этотъ разъ слова Каравелова.

[2]) Управлявшій тогда т. е. послѣ отъѣзда А. М. Кумани, изъ Софіи, нашимъ консульствомъ г. Лишинъ, человѣкъ молодой и повидимому довольно легкомысленный, игралъ весьма странную роль въ отношеніи къ задуманному княземъ перевороту. Нашъ молодой дипломатъ слѣпо подчинился вліяній Князя и обратился въ его послушное оружіе. Явно потворствуя перевороту, онъ упорно умалчивалъ объ немъ въ своихъ донесеніяхъ. Г. Лишинъ какъ только пріѣхалъ А. М. Хитрово былъ отозванъ.

ся при немъ изъ его секретаря Стоилова и друзей послѣдняго—Грекова и Начевича, которые и стали излюбленными и довѣренными руководителями князя. Не желая показывать сразу своихъ картъ и обнаруживать, что они теперь полновластные хозяева положонія, сей хитрый тріумвиратъ предложилъ постъ предсѣдателя совѣта министровъ, составленнаго ихъ кружкомъ, г. Бурмову, человѣку честному и благонамѣренному, но который, по свойствамъ своего характера, не могъ играть выдающейся роли, дать тонъ и направленіе политикѣ этого перваго министерства княжества.

Г. Бурмовъ-Стояновъ получилъ образованіе въ Россіи [1]), по профессіи онъ педагогъ и занималъ мѣсто профессора въ одной изъ нашихъ духовныхъ семинарій. Интересуясь болѣе всего церковнымъ вопросомъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ горячей полемикѣ, поднятой болгарами вслѣдствіе ихъ несогласій съ константинопольскимъ патріархомъ. Г. Бурмовъ напечаталъ рядъ статей на болгарскомъ и русскомъ языкѣ по этому вопросу. Онъ имѣлъ репутацію хорошаго болгарскаго патріота, человѣка осторожнаго и честнаго, къ тому же онъ пользовался довѣріемъ и расположеніемъ нашего правительства. Вліяніе на князя онъ пріобрѣсть не могъ, какъ человѣкъ вовсе не свѣтскій и далеко не вкрадчивый, что̀ было весьма на руку властолюбивому тріумвирату, полагавшему не безъ основанія, что въ министерствѣ Бурмова, подъ его фирмой, они могутъ свободно заправлять дѣлами. Г. Драндаръ замѣчаетъ, что, вмѣстѣ съ образованіемъ министерства Бурмова, г. Стоиловъ получилъ новое назначеніе: для него была создана особая должность начальника политической канцеляріи князя, дававшая ему право участія въ совѣщаніяхъ совѣта министровъ, и онъ на самомъ дѣлѣ сдѣлался настоящимъ

[1]) Въ кіевской духовной семинаріи.

главой министерства, которымъ и руководилъ съ большимъ апломбомъ, импонируя на другихъ членовъ кабинета своими интимными отношеніями и близкой дружбой съ княземъ. Министерство знало, что оно не пользуется расположеніемъ народнаго собранія и можетъ держаться во власти только поддержкой князя [1]).

Занимавшійся прежде коммерческими дѣлами и сильно запутавшійся передъ войной, въ разныхъ не совсѣмъ-то удачныхъ аферахъ въ Вѣнѣ, Начевичъ получилъ портфель министра финансовъ [2]). Адвокатъ, практиковавшій прежде (т. е. до освобожденія Болгаріи) въ румынскихъ судахъ, г. Грековъ, изучавшій французское право въ городѣ Э (Aix), гдѣ онъ получилъ юридическій дипломъ (licencié), полурумынъ, по языку, характеру и происхожденію, получилъ портфель юстиціи. Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ вышепоименованный М. Балабановъ, а народнаго просвѣщенія—д-ръ Атанасевичъ, личность довольно безцвѣтная и мало извѣстная даже между болгарами. Военнымъ министромъ, въ виду того, что инструкторами болгарскаго войска состояли русскіе офицеры и что Россія принимала самое живое участіе въ созданіи и организаціи болгарскаго войска, былъ назначенъ русскій—именно генералъ Паренсовъ [3]).

Это первое министерство князя Александра немедленно и весьма усердно занялось перетасовкой административнаго персонала и всѣхъ вообще чиновниковъ княжества, вслѣдствіе чего десятки и даже сотни лицъ, состоявшихъ

---

[1]) Ibid., стр. 36.

[2]) Начевичъ теперешній министръ иностранныхъ дѣлъ регенства, одинъ изъ злѣйшихъ враговъ Россіи и наиболѣе вредныхъ людей той клики, которая держитъ теперь въ своихъ рукахъ Болгарію. Во время русской акупаціи Начевичъ усердно заискивалъ въ русскихъ и писалъ корреспонденціи въ русскія газеты между прочимъ и въ «Новое Время» выдавалъ себя за яраго русофила.

[3]) См. характеристику этого перваго министерства князя Александра въ вышеуказанной статьѣ Біанкони.

на службѣ и заподозрѣнныхъ въ сочувствіи къ вожакамъ такъ называемой радикальной партіи, т. е. Цанкову, Каравелову и Славейкову, лишились мѣста и сдѣлались злѣйшими врагами этого, считавшаго себя консервативнымъ, министерства. Одно только военное министерство не сочло нужнымъ производить такую сортировку своихъ чиновниковъ, и въ этомъ министерствѣ все шло стройно и своимъ порядкомъ. Въ другихъ же министерствахъ поголовное изгнаніе чиновниковъ вызвало сильный ропотъ и великую кутерьму.

Наживя этой мѣрой немало враговъ, которые отплатили за это министерству, при наступившихъ за симъ выборахъ, обратившись въ самыхъ рьяныхъ агентовъ опозиціи, или такъ называемой радикальной партіи, министерство, раздавая мѣста новымъ лицамъ, не пріобрѣло этимъ путемъ надежныхъ чиновниковъ и слугъ. Вновь назначенные чиновники, видя шаткость положенія министерства и понимая, что оно сломитъ шею, какъ только откроется народное собраніе, усерднѣйшимъ образомъ забѣгали къ вожакамъ радикальной партіи, стараясь увѣрить ихъ въ своей преданности. Это вызвало новыя увольненія отъ должностей, что̀ еще болѣе усилило ряды опозиціи. При такихъ условіяхъ и имѣя явно противъ себя общественное мнѣніе, министерство Бурмова должно было приступить, согласно конституціи, къ выборамъ въ народное собраніе.

Разсчитывая на свое положеніе, престижъ власти, распологающей мѣстами, матеріальными благами и различными средствами для выраженія своего благоволенія, министерство ласкало себя надеждой получить большинство въ собраніи, а въ крайнемъ случаѣ надѣялось сфабриковать таковое, переманивъ на свою сторону депутатовъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго направленія и болѣе или менѣе равнодушныхъ въ вопросахъ политики.

Впрочемъ, министерство Бурмова особаго давленія на выборы не производило, такъ какъ самъ Бурмовъ, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, стоя во главѣ администраціи, не былъ склоненъ къ практикованію слишкомъ энергическихъ и неразборчивыхъ средствъ, для проведенія въ депутаты своихъ кандидатовъ, а другіе министры, въ этомъ отношеніи болѣе отважные, не обладали еще достаточнымъ навыкомъ и опытностью въ искусствѣ склонять выборы въ пользу своихъ кандидатовъ? Это искусство пріобрѣтается постепенно, и орудовать выборами, даже въ такой странѣ, какъ Болгарія, гораздо труднѣе, чѣмъ это кажется.

Результаты выборовъ ошеломили министерство. Изъ 170 депутатовъ министерство едва могло разсчитывать на голоса 30 депутатовъ, естальные принадлежали къ депутатамъ радикальной партіи, и притомъ большинство этихъ депутатовъ оказалось людьми, мало податливыми на заискиванія передъ министерствомъ.

Народное собраніе открылось 27 октября 1881 года. Въ произнесенной княземъ, при открытіи собранія, рѣчи, онъ далъ понять, что не одобряетъ тенденцій опозиціи, и старался поддержать авторитетъ министерства личнымъ своимъ вліяніемъ на собраніе.

Въ слѣдующемъ же засѣданіи народное собраніе отвѣтило на такую попытку князя—сохранить свое министерство, принявъ огромнымъ большинствомъ розолюцію, выразившую полное недовѣріе собранія къ министерству [1]). Вопреки здравому смыслу и существующимъ на этотъ предметъ правиламъ и обычаямъ, министерство, однако, не желало и не думало выходить въ отставку. Нѣсколько дней прошло въ довольно оригинальныхъ и комичныхъ пререка-

---

[1]) Въ этомъ собраніи болѣе всего шумѣлъ и неистовствовалъ противъ министерства, въ то время еще совсѣмъ юный, Стефанъ Стамбуловъ, теперешній регентъ, депутатъ отъ Тырнова.

ніяхъ министерства съ собраніемъ, которое было рѣшительно враждебно министерству, Наконецъ, 3 ноября, черезъ недѣлю послѣ открытія засѣданій, народное собраніе было распущено указомъ князя, въ которомъ говорилось, что народное собраніе распускается, потому что оно по своему составу не представляетъ достаточныхъ гарантій для правильнаго разрѣшенія дѣлъ и водворенія надлежащаго порядка въ княжествѣ.

Согласіе Россіи на такую рѣшительную мѣру молодаго князя привело многихъ въ недоумѣніе. Г. Драндаръ, а также и другіе болгары негодуютъ и сильно порицаютъ Россію за ея согласіе на такое рѣшеніе князя. Не подлежитъ сомнѣнію, что такой образъ дѣйствій представлялся непрактичнымъ и не могъ обѣщать успѣха. Результаты новыхъ выборовъ не возбуждали никакого сомнѣнія, и распущеніе народнаго собранія во всякомъ случаѣ представлялось безцѣльнымъ.

Оффиціальные источники, по которымъ можно было разъяснить мотивы согласія Россіи на такую крутую мѣру молодаго князя, для меня были недоступны. Поэтому мнѣ приходится на этотъ счетъ ограничиться лишь предположеніями [1]).

Г. Драндаръ увѣряетъ въ своей книгѣ, что наши дипломаты, не имѣя точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ княжествѣ, дали себя провести совѣтникамъ князя и, какъ выражается этотъ болгарскій публицистъ, проспали, т. е. проглядѣли значеніе этого весьма важнаго политическаго акта. Но такое объясненіе во всякомъ случаѣ нельзя признать вполнѣ вѣрнымъ. Въ то

---

[1]) Мнѣ положительно извѣстно, что въ архивѣ нашего консульства въ Софіи хранятся весьма любопытные документы, опубликованіе которыхъ пролило бы самый благопріятный свѣтъ на нашу политику того времени, но, едва-ли наши дипломаты рѣшатся на такую мѣру, хотя она могла бы только поднять престижъ Россіи въ глазахъ болгаръ.

время русское правительство внимательно слѣдило за ходомъ дѣлъ въ княжествѣ и, давая свое согласіе на такое проявленіе самостоятельной воли молодаго князя, конечно, серьезно обсудило положеніе вещей. Нашъ дипломатическій агентъ въ Софіи г. Давыдовъ, какъ извѣстно, не симпатизировалъ Цанкову и «неистовому Каравелову», какъ онъ называлъ тогдащняго лидера болгарскихъ либераловъ считая рискованнымъ предоставить управленіе княжествомъ людямъ этой партіи. Стоиловскій тріумвиратъ, а также и самъ премьеръ Бурмовъ, оскорбленный выходками противъ него въ собраніи и печати радикальной партіи, старались, и не безъ успѣха, еще болѣе возстановить нашего дипломатическаго представителя, которому, и независимо отъ ихъ инсинуацій, лично весьма не нравился демагогическій духъ, какъ онъ говорилъ, болгарскихъ народныхъ представителей.

Народные политики, въ родѣ Каравелова, Славейкова и ихъ единомышленниковъ, какъ бы щеголяя своей безтактностью и радикальнымъ задоромъ, привели г. Давыдова къ убѣжденію, что при неограниченной свободѣ, которая была предоставлена болгарской печати, и малой зрѣлости всего общественнаго и политическаго строя въ княжествѣ, при той необузданности въ рѣчахъ и мнѣніяхъ, которая высказалась во время первой борьбы министерства съ собраніемъ, князь поступилъ бы неосторожно, призывая къ управленію страной радикальное министерство. Такое радакальное министерство можетъ привести княжество, объяснялъ г. Давыдовъ, въ состояніе совершенной анархіи. Кромѣ того, г. Давыдовъ, мало знакомый съ характеромъ болгаръ, полагалъ, что распущеніе собранія послужитъ полезнымъ урокомъ и предостереженіемъ болгарскому народу, какъ выраженіе того, что Россія не одобряетъ избранія слишкомъ радикальныхъ депутатовъ. Полагаясь на вліяніе Россіи, которое было тогда

очень сильно, нашъ дипломатическій агентъ думалъ, что распущеніе собранія, одобренное Россіей, подорветъ популярность радикальной партіи въ глазахъ болгарскаго народа, который на новыхъ выборахъ, пошлетъ въ собраніе болѣе благоразумныхъ и здравомыслящихъ депутатовъ.

Однимъ словомъ, онъ поддержалъ заявленіе князя о невозможности управлять княжествомъ съ такимъ радикальнымъ собраніемъ народныхъ представителей. Къ сожалѣнію, г. Давыдовъ, человѣкъ образованный и умный, но совершенно кабинетный, не питавшій большихъ симпатій къ болгарскому народу и относившійся довольно брезгливо къ политическимъ людямъ и борьбѣ партій въ княжествѣ, не далъ себѣ вполнѣ яснаго отчета о характерѣ, желаніяхъ и тенденціяхъ Стоиловскаго кружка, которому онъ оказывалъ покровительство, и который, пользуясь обстоятельствами, рѣшительно забиралъ князя Александра въ свои руки. Графъ Кевенгюллеръ съ своей стороны всѣми средствами поддерживалъ Стоилова и его пріятелей.

Вслѣдъ за распущеніемъ народнаго собранія послѣдовала перемѣна въ составѣ кабинета. Президентъ совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ г. Бурмовъ былъ признанъ недостаточно энергичнымъ для управленія администраціей княжества; подчиненные ему губернаторы и вицегубернаторы не съумѣли руководить выборами и имъ были крайне недовольны. Князь далъ понять Бурмову, что для управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ нужно усилить дисциплину, вслѣдствіе чего князю приходится передать этотъ портфель въ другія руки; Бурмовъ былъ уволенъ, а на его мѣсто назначенъ г. Икономовъ, приглашенный на этотъ постъ изъ Восточной Румеліи.

Въ особенности отличились своей рѣзкостью и опозиціоннымъ духомъ учителя — это скомпрометировало положеніе министра народнаго просвѣщенія Атанасевича; ему

посовѣтовали возратиться въ Бухарестъ, откуда онъ былъ вызванъ, при составленіи кабинета Бурмова.

М. Балабановъ также не былъ вполнѣ своимъ человѣкомъ въ Стоиловскомъ кружкѣ, хотя въ то время онъ вполнѣ раздѣлялъ озлобленіе кружка противъ радикальной партіи, а въ великомъ тырновскомъ собраніи, вкупѣ съ Стоиловымъ, Начевичемъ и Грековымъ, усерднѣйшимъ образомъ препирался съ радикалами. Болѣе того, онъ вмѣстѣ съ ними удалился изъ собранія, когда оно отвергло учрежденіе государственнаго совѣта. Тѣмъ не менѣе, его также рѣшено было спустить. Придрались къ какому-то ничтожному недоразумѣнію между нимъ и г. Давыдовымъ и посовѣтывали князю отпустить Балабанова. Кружку не нравилось, что онъ не совсѣмъ порвалъ свои отношенія съ Цанковымъ и Каравеловымъ, состоя съ послѣднимъ въ нѣкоторомъ отдаленномъ свойствѣ, а съ первымъ въ отношеніяхъ стараго знакомства.

Для удаленія Балабанова построили золотой мостъ, т. е. ему дали почетное и видное мѣсто представителя князя въ Константинополѣ, при Высокой Портѣ. Министерство иностранныхъ дѣлъ временно было поручено управленію Начевича, а министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ тырновскій епископъ, преосвященный Климентъ [1]), которому, сверхъ того, было предоставлено предсѣдательствованіе въ совѣтѣ министровъ. Этимъ назначеніемъ думали подѣйствовать на религіозное чувство болгарскаго народа, его благочестіе и заслужить одобреніе Россіи.

Духовный санъ преосвященнаго Климента долженъ былъ санкціонировать въ глазахъ болгарскаго народа этотъ обновленный кабинетъ. Стоиловъ и компанія разсчитывали,

---

[1]) Климентъ Браницкій, извѣстенъ какъ горячій патріотъ и талантливый свѣтскій писатель—его историческій романъ *„Несчастное семейство“* и драма *„Иванко убійца Асиня“* имѣли большой успѣхъ. Подъ этими произведеніями Климента подписано его свѣтское имя—Василій Друмевъ.

что рѣзкія нападки опозиціи на министерство, имѣющее главой уважаемое духовное лицо, скомпрометируютъ радикаловъ въ глазахъ русскихъ славянофиловъ.

Новое министерство, слѣдуя прежней политикѣ, продолжало учердно заниматься очищеніемъ персонала чиновниковъ отъ элементовъ, заподозрѣнныхъ въ радикальномъ образѣ мыслей.

За симъ князь Александръ уѣхалъ въ Россію, чтобы присутствовать на празднованіи 25-ти-лѣтняго юбилея вступленія на престолъ императора Александра Николаевича.

Въ Петербургѣ князь Александръ воспользовался возможностью личныхъ и устныхъ объясненій съ своимъ августѣйшимъ дядей, чтобы съ большей настойчивостью изложить передъ нимъ свои затрудненія относительно управленія страной, при дѣйствіи тырновской конституціи.

Покойный русскій императоръ,—говоритъ г. Драндаръ,—старался успокоить своего юнаго племянника, поставивъ ему на видъ, что радикальное измѣненіе конституціи, только-что введенной въ дѣйствіе, представляется крайне неудобнымъ. Оно взволнуетъ еще болѣе умы и поселитъ общее убѣжденіе въ шаткости политическаго положенія княжества Болгарскаго. Надо подождать болѣе продолжительнаго указанія опыта. Если новые выборы,—сказалъ императоръ (привожу этотъ разговоръ со словъ Драндара, въ его книгѣ),—дадутъ въ собраніи большинство опозиціи, слѣдуетъ сдѣлать опытъ сближенія съ этой партіей, образумить ея представителей обращеніемъ къ ихъ патріотизму и выработать программу соглашенія. Этимъ путемъ благоразумнаго соглашенія страна избѣгнетъ опасной политической агитаціи, сопровождающей всякіе кризисы [1]).

---

[1]) Драндаръ, стр. 48. Нѣкоторыя изъ писемъ покойнаго Государя къ князю Болгарскому хранятся въ архивѣ нашего консульства въ Софіи. Они драгоцѣнны въ многихъ отношеніяхъ. Заключая въ себѣ указанія и совѣты высокой политической мудрости, эти письма при томъ обрисовываютъ въ самомъ привлекательномъ видѣ возвышенный образъ мыслей и чувствъ покойнаго Императора.

Князь Алексанръ подчинился совѣтамъ Русскаго императора, но по возвращеніи возобновилъ свои жалобы на невозможность управлять княжествомъ, безъ существенныхъ измѣненій въ тырновской конституціи.

Нѣкоторые болгарскіе публицисты, и въ томъ числѣ г. Драндаръ, ссылаясь на циркуляръ управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирса, отъ 10-го мая 1880 года, къ нашимъ дипломатическимъ агентамъ, утверждаютъ, что этотъ циркуляръ слѣдуетъ толковать въ томъ смыслѣ, что Россія, наконецъ, согласилась предоставить свободу дѣйствій болгарскому князю и рѣшилась не противиться болѣе измѣненіямъ въ тырновской конституціи.

Но такое толкованіе этого циркуляра крайне произвольно и не подтверждается ни его текстомъ, ни послѣдующими событіями, ибо Болгарской князь почти одновременно съ изданіемъ этого циркуляра, сдѣлалъ попытку сближенія съ радикальной партіей [1]). Именно, когда, послѣ возвращенія князя изъ Петербурга, послѣдовали новые выборы, на которыхъ министерство, не смотря на всѣ старанія, имѣло еще менѣе успѣха, и собралось народно собраніе, открытое, также какъ и первое, лично самимъ княземъ 4-го апрѣля 1880 года, огромное большинство собранія, едва только князь оставилъ залу засѣданія, разразилось горячими протестами противъ политики министерства.

На этотъ разъ министерство сочло дальнѣйшее упорство съ своей стороны безполезнымъ и подало въ отставку, а князь, слѣдуя совѣтамъ, даннымъ ему въ Петербугѣ, пригласилъ Драгана Цанкова, П. Каравелова и Славейкова составить новое министерство.

---

[1]) Такое толкованіе не только ошибочно, но и не добросовѣстно, ибо многимъ болгарскимъ политическимъ дѣятелямъ, извѣстно содержаніе вышеуказанныхъ писемъ Государя къ князю Болгаріи, безусловно исключающихъ всякую возможность такого отношенія Императорскаго кабинета къ этому вопросу.

Управленіе этого министерства, надѣлавшаго вслѣдствіе политической незрѣлости молодыхъ сотрудниковъ Цанкова и увлеченій собранія, а также болгарской печати, немало ошибокъ, ускорившимъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми внѣшними причинами, переворотъ,—будетъ изложено въ слѣдующей главѣ вмѣстѣ съ описаніемъ переворота 27-го апрѣля 1881 года и послѣдующихъ событій исторіи Болгарскаго княжества.

IV.

Драганъ Цанковъ, которому князь Александръ, въ апрѣлѣ 1880 года, поручилъ составленіе либеральнаго кабинета, личность интересная и весьма характерная: его имя было извѣстно и фигурировало въ европейскихъ газетахъ ранѣе нашей послѣдней войны и освобожденія Болгаріи. Онъ съумѣлъ пріобрѣсти извѣстное политическое положеніе, въ глазахъ дипломатіи, еще въ началѣ 60-хъ годовъ.

Драганъ (Дмитрій Цанковъ), родомъ изъ Свиштова, или Систова, на Дунаѣ; въ окрестностяхъ этого города пріютилось нѣсколько селъ павликіанъ, т. е. болгаръ, перешедшихъ въ католичество, изъ распространенной въ средніе вѣка между болгарами богомильской секты. Хотя самъ Цанковъ родился православнымъ, но люди, близко его знающіе, говорили мнѣ, что онъ имѣетъ какія-то семейныя связи съ павликіанами.

Въ молодости, проживая въ Вѣнѣ, Драганъ Цанковъ (онъ знаетъ европейскіе языки), подъ руководствомъ извѣстнаго филолога Миклошича, издалъ въ 1852 году первую болгарскую грамматику, на нѣмецкомъ языкѣ.

Въ 1859 году, въ самый разгаръ болгарской распри съ константинапольской патріархіей, онъ выступилъ въ

Константинополѣ на поприщѣ журналиста, начавъ изданіе газеты «Болгарія», надѣлавшей много шума.

Эта газета издавалась на французскомъ и болгарскомъ языкахъ и была органомъ католической пропаганды среди болгаръ. Въ то время Франція имѣла преобладающее положеніе на востокѣ. Наполеоновская дипломатія, игравшая очень крупную роль на берегахъ Босфора, пользовалась католическимъ духовенствомъ, какъ весьма пригоднымъ орудіемъ, для проведенія своихъ политическихъ цѣлей на востокѣ. Это весьма любопытный и до сихъ поръ мало изслѣдованный эпизодъ изъ исторіи восточнаго вопроса.

Возрожденіе болгарской народности и предстоящая ей роль въ судьбахъ Балканскаго полуострова не укрылась отъ зоркаго взора властолюбиваго Рима. Латинская пропаганда скоро оцѣнила значеніе болгарскаго вопроса и чрезъ десять лѣтъ послѣ изданія извѣстной книги Юрія Венелина, родоначальника болгарскаго возрожденія, была учреждена въ Константинополѣ миссіонерская станція, изъ монаховъ конгрегаціи лазаристовъ, для пропаганды католичества среди болгаръ.

Эти миссіонеры-лазаристы были помѣщены въ монастырѣ св. Бенедикта, въ Галатѣ; они вербовались преимущественно изъ поляковъ, какъ наиболѣе способныхъ къ усвоенію болгарскаго языка. Начальникомъ этой миссіонерской станціи былъ назначенъ нѣкто Боре́, человѣкъ очень ловкій, свободно владѣвшій болгарскимъ языкомъ. Эта миссіонерская станція была открыта въ 1840 году, а нѣсколько лѣтъ спустя, она уже заявила себя учрежденіемъ въ одномъ из предмѣстій Константинополя, именно Бебекѣ, школы (collegium'a) для 200 мальчиковъ и дѣвочекъ. Первые опыты болѣе рѣшительной пропаганды католичества среди болгаръ на первыхъ порахъ потерпѣли неудачу. Въ началѣ 40-хъ годовъ, когда извѣстный болгарскій патріотъ, іеромонахъ Неофитъ (Бозвели), пробуж-

давшій въ болгарахъ своими проповѣдями народный духъ и доказывавшій, что желаніе болгаръ имѣть свое болгарское духовенство, вмѣсто греческаго, отнюдь не противно уставамъ церкви, навлекъ на себя неудовольствіе константинопольскаго патріарха, сославшаго его за такія проповѣди въ одинъ изъ аѳонскихъ монастырей, лазаристы постарались привлечь опальнаго Неофита на свою сторону. Передъ ссылкой на Святую Гору, Неофитъ былъ вызванъ патріархомъ для объясненій. Boré воспользовался его пребываніемъ въ Константинополѣ и вошелъ съ нимъ въ сношенія, стараясь разжечь въ немъ естественное чувство обиды, вызванной поднятымъ противъ него гоненіемъ. Но благочестивый болгарскій монахъ, свято чтившій ученіе православной церкви, смиренно подчинился волѣ патріарха, и отправился безропотно на Аѳонскую гору. Онъ не только отвергъ предложенія католической пропаганды, но, въ своихъ посланіяхъ съ Аѳона къ болгарамъ, краснорѣчиво и усердно предостерегалъ своихъ единоплеменниковъ отъ латинскихъ козней, раскидывающихъ сѣти для уловленія болгарскаго народа.

Послѣ парижскаго конгресса и изданія пресловутаго султанскаго-гатти—гумаюна, 28-го февраля 1856 года, стремленія болгаръ къ самостоятельному церковному управленію замѣтно оживились и стали гораздо настойчивѣе и рѣшительнѣе.

Греческое фанаріотское духовенство, относясь крайне высокомѣрно и презрительно къ болгарской національности (греки отрицали даже самое существованіе таковой), подливало масло на огонь. Споры и пререканія между болгарами и греками, по церковнымъ дѣламъ, стали обостряться, принимая, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе страстный характеръ взаимнаго раздраженія.

Въ 1858 году, греческій національный совѣтъ при патріархѣ (новое учрежденіе, созданное султанскимъ гат-

томъ 1856 года) отвергъ, въ крайне обидной формѣ для національнаго самолюбія болгаръ, извѣстные восемь пунктовъ болгарскихъ требованій (самостоятельное болгарское церковное управленіе, допущеніе болгарскихъ представителей въ патріаршій синодъ въ Константинополѣ, съ правомъ участія въ избраніи патріарха, назначеніе въ болгарскія епархіи архіереевъ изъ природныхъ болгаръ и т. д.). Это вызвало сильное возбужденіе умовъ между болгарами, и безъ того въ высшей степени раздраженныхъ противъ константинопольскаго патріарха и греческаго духовенства, усилившимися, въ то время, притѣсненіями со стороны фанаріатовъ и личными свойствами нѣкоторыхъ греческихъ епископовъ въ болгарскихъ епархіяхъ.

Католическіе миссіонеры, сильные, въ то время, покровительствомъ вліятельной въ Совѣтахъ блистательной Порты, французской дипломатіи, окрылились надеждами, думая, что наступаетъ желанный моментъ для рѣшительной пропаганды среды болгаръ. Тюльерійскій кабинетъ обѣщалъ имъ самую дѣятельную поддержку.

Въ это время, а именно въ 1859 году, Цанковъ и приступилъ къ изданію своей газеты «Болгарія», которая явилась усерднымъ органомъ католической пропаганды. Докторъ К. Иречекъ, въ своей «Исторіи болгаръ» [1]), упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ вскользь и мимоходомъ. Но направленіе и характеръ газеты, не говоря уже о многихъ прямыхъ указаніяхъ болгарской печати того времени, хорошо знакомой съ обстановкой редакціи «Болгаріи», неопровержимо удостовѣряютъ, что Цанковъ сос-

---

[1]) См. его «Исторію болгаръ», въ русскомъ переводѣ Ф. К. Бруна и В. Н. Палаузова, изданіе душеприказчиковъ Априлова. Одесса, 1878 года. Стр. 711. Эта исторія болгаръ, написанная по-чешски профессоромъ Пражскаго университета, докторомъ Константиномъ Иречкомъ и переведенная самимъ авторомъ по-нѣмецки, считается лучшимъ и самымъ полнымъ трудомъ по исторіи болгаръ. Кромѣ вышеуказаннаго русскаго перевода, имѣется и другой г. Яковлева, появившійся въ Варшавѣ въ 1877 году.

тоялъ тогда въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Боре и лазаристами монастыря св. Бенедикта [1]).

«Болгарія» съ первыхъ же нумеровъ взялась за проповѣдь болгарской уніи съ католичествомъ. Увлекаясь ненавистью къ греческому духовенству и племеннымъ патріотизмомъ, Драганъ Цанковъ, съ свойственнымъ болгарскому характеру упрямствомъ и односторонностью фанатика, пошелъ по скользкому пути подчиненія религіозныхъ вопросовъ политическимъ цѣлямъ и страстямъ. Такое направленіе болгарскаго церковнаго вопроса, которое патріархъ константинопольскій Іоакимъ, въ своемъ окружномъ посланіи отъ 25-го февраля 1861 года, весьма характерно назвалъ «филитизмомъ», было дѣломъ Цанкова, который своими статьями, въ газетѣ «Болгарія», въ значительной степени разжегъ прискорбную болгарскую распрю съ греками

Энергическіе протесты болгарской общины въ Константинополѣ и убѣдительныя возраженія и увѣщанія болгарскихъ патріотовъ, напримѣръ, извѣстнаго писателя Раковскаго въ «Дунайскомъ Лебедѣ», газетѣ, издававшейся, въ Бѣлградѣ, Гавріила Крестовича и Стоянова-Бурмова [2]), въ константипольскомъ журналѣ «Болгарскія Книжицы» авторитетно и рѣшительно возставшихъ противъ уніи съ

---

[1]) Интересныя указанія по этому предмету встрѣчаются въ статьяхъ болгарскихъ сотрудниковъ, издававшагося въ Парижѣ, православнаго журнала «Union Chretienne», между прочимъ, въ статьѣ, посвященной Цанкову (онъ же Дмитрій Гиковъ или Киріяковъ въ № 24 этого изданія за 1865 годъ).

На связи Цанкова съ лазаристами многократно указывалъ и извѣстный болгарскій писатель Раковскій, въ своихъ полемическихъ статьяхъ по вопросу о болгарской уніи, печатавшихся въ разныхъ болгарскихъ изданіяхъ того времени. Дѣятельность католической пропаганды лазаристовъ и исторіи болгарской уніи довольно подробно изложены профессоромъ Московской духовной академіи Е. Голубинскимъ, въ его извѣстной и весьма солидной книгѣ: «Очеркъ исторіи православныхъ церквей, болгарской, сербской и румынской». Москва 1871 г.

[2]) Того самаго Крестовича, генералъ-губернатора Восточной Румеліи, который былъ низверженъ 6-го сентября 1885 года. Стояновъ-Бурмовъ—предсѣдатель перваго министерства княжества, о которомъ говорилось въ III-й главѣ настоящаго очерка.

папой, проповѣдуемой Цанковымъ, не остановили послѣдняго. Онъ настойчиво продолжалъ свою пропаганду и многихъ смутилъ своими страстно и бойко написанными статьями, въ которыхъ, не обинуясь, доказывалъ, что для болгаръ самое вѣрное и практическое средство избавиться отъ ненавистнаго и угнетающаго ихъ греческаго духовенства представляется въ уніи съ римской церковью.

Завязалась горячая полемика по этому жгучему вопросу. Люди благоразумные и знакомые съ исторіей рѣшительно отшатнулись отъ Цанкова, но его пропаганда производила впечатлѣніе на умы незрѣлые, вербуя себѣ сторонниковъ между молодежью и болгарскими купцами, обнаружившими большую склонность къ уніи, ради цѣлей политическихъ. Нѣсколько болгарскихъ общинъ, даже не дожидаясь уніи, перешло въ католицизмъ [1]).

Наконецъ, въ довѣршеніе затѣяннаго дѣла, Цанковъ, Николай Сапоновъ, Стояновъ, Джейковъ и другіе образовали особую депутацію изъ своихъ единомышленниковъ [2]), которая, въ декабрѣ 1860 года, вступила въ соглашеніе съ папскимъ викаріемъ, въ Константинополѣ, монсиньеромъ Брунони, объ условіяхъ болгарской уніи, причемъ подали Брунони просьбу на имя папы, въ которой они заявляли, что признаютъ его святѣйшество главой всей каѳолической церкви, какъ преемника св. Петра и намѣстника Іисуса Христа; исповѣдуютъ всѣ истины, которымъ учитъ св. римская церковь, согласно съ актомъ исповѣданія вѣры, представленнымъ депутаціей ихъ эминенціямъ монсиньеру Брунони и примасу католическихъ армянъ Гассуни, выговаривая себѣ

---

[1]) Такъ, напримѣръ, Полянская община близъ Солуни. См. статью Богобоева: «Question Boulgare», въ названномъ журналѣ «Union Chretienne», №№ 24 и 25 за 1866 г.

[2]) Въ составѣ этой болгарской депутаціи было нѣсколько болгарскихъ клириковъ, именно архимандриты Макарій и Іосифъ, впослѣдствіи посвященный папой въ санъ уніатскаго архіепископа Болгаріи; священники Ѳедоръ и Дмитрій и діаконъ Висаріонъ.

при этомъ славянскую литургію. Для новообращеннаго стада, съ торжествомъ принятаго католической пропагандой, въ Константинополѣ сейчасъ же была устроена временная церковь, въ которой примасъ католическихъ армянъ Гассуни отслужилъ парадную мессу для болгарскихъ уніатовъ, а французское посольство выхлопотало у Порты признаніе за ними правъ особаго «милетта», то-есть независимой отъ константинопольскаго патріарха, совершенно самостоятельной церковно-политической общины (Annuaire de deux Mondes, за 1861 годъ. стр. 544).

Въ началѣ слѣдующаго 1861 года, болгары, обратившіеся въ унію, снарядили торжественную депутацію въ Римъ, къ папѣ, съ Цанковымъ, какъ однимъ изъ усерднѣйшихъ пропагандистовъ уніи, во главѣ. Вслѣдъ за депутаціею туда же отправился и миссіонеръ Боре съ архимандритомъ Іосифомъ Сокольскимъ, котораго онъ держалъ безотлучно при себѣ, боясь, чтобы этотъ простой и обманутый человѣкъ не ускользнулъ изъ рукъ католической пропаганды.

Въ апрѣлѣ того же года, болгарская депутація имѣла торжественную аудіенцію у Пія IX, а нѣсколько дней спустя архимандритъ Іосифъ Сокольскій, человѣкъ малообразованный, чтобы не сказать малограмотный (онъ былъ прежде болгарскимъ гайдукомъ и провелъ всю молодость въ Балканахъ, въ своеобразныхъ приключеніяхъ болгарскаго гайдучества, отличающагося отъ обыкновеннаго разбойничества только національной окраской и борьбой противъ турокъ), былъ посвященъ лично самимъ папой въ санъ архіепископа вновь присоединенной болгарской уніатской церкви. Объ этомъ торжествѣ Пій IX возвѣстилъ всему міру въ грамотѣ на имя монсиньера Брунони, заявляя свою великую радость по поводу столь вожделѣннаго событія, какъ возсоединеніе болгаръ, и моля Бога о довершеніи начатаго дѣла (эта грамота напечатана

въ изданной въ Парижѣ въ 1861 году однимъ ревностнымъ католикомъ брошюрѣ «La Boulgarie Chretienne»).

Впослѣдствіи Драганъ Цанковъ, человѣкъ равнодушный въ вопросахъ религіозныхъ, отказался отъ уніи, объясняя свой тогдашній образъ дѣйствій желаніемъ понудить Россію къ болѣе дѣятельному участію въ болгарской церковной распрѣ въ пользу болгарскихъ національныхъ стремленій [1]).

«Унія намъ была нужна,—увѣрялъ Цанковъ, во время послѣдней турецкой кампаніи, нашихъ газетныхъ корреспондентовъ,—какъ гроза противъ бездѣятельности русской дипломатіи». Но такое героическое средство отнюдь не вызывалось положеніемъ дѣлъ. Русская дипломатія въ предѣлахъ возможнаго и до возникновенія уніи поддерживала болгарскія ходатайства. Провозглашеніе уніи хотя и встревожило не только русскую, но и англійскую дипломатію, тѣмъ не менѣе отнюдь не повело къ крупнымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ въ пользу болгарскихъ притязаній. Это былъ такой щекотливый и сложный вопросъ, который глубоко затрогивалъ интересы церковнаго міра на Балканскомъ полуостровѣ, и его, очевидно, невозможно было разрѣшить однимъ почеркомъ пера съ барабаннымъ боемъ, не испробовавъ предварительно всѣхъ средствъ мирнаго соглашенія.

Только девять лѣтъ спустя, когда всѣ попытки такого соглашенія были истощены и надежда мирнаго разрѣшенія распри властью патріарха, въ духѣ взаимнаго соглашенія, была окончательно утрачена, нашъ посолъ въ Константинополѣ Н. П. Игнатьевъ, посовѣтовалъ Портѣ своею властью разрѣшить, наконецъ, эти прискорбныя пререканія. Церковное управленіе въ Болгаріи, глубоко

---

[1]) По настоянію нашего пола въ Константинополѣ Н. П. Игнатьева, Цанковъ даже торжественно отрекся отъ католицизма въ болгарской церкви въ Константинополѣ.

потрясенной въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ этой неурядицей и страстной племенной борьбой, находилось въ совершенной анархіи, которую терпѣть долѣе было нельзя.

При этомъ случаѣ, какъ кажется [1]), нашъ посолъ призналъ нужнымъ высказаться въ пользу признанія болгарскаго экзархата, на что намекаютъ нѣкоторые писатели и, между прочимъ, Иречекъ.

Великій визирь Али-паша, считавшій полезнымъ держать руку болгаръ, изъ политическихъ соображеній, ради противовѣса грекамъ, охотно исполнилъ желаніе русской дипломатіи, поддержанное также и Англіей, которая съ самаго начала болгарской церковной распри была въ пользу болгарскихъ требованій, опасаясь, что упорное сопротивленіе греческаго патріарха народнымъ стремленіямъ болгаръ не заставило бы ихъ, наконецъ, броситься въ объятія римскаго католицизма.

27 февраля 1870 года, былъ составленъ султанскій фирманъ объ учрежденіи болгарскаго экзархата, хотя самое назначеніе экзарха болгарскаго послѣдовало только годъ спустя, вслѣдствіе протестовъ константинопольскаго патріарха противъ этого султанскаго фирмана, какъ акта, нарушающаго церковные каноны.

Когда избранный болгарами экзархъ Анѳимъ отправился, наконецъ, къ своей паствѣ, встрѣчаемый народнымъ энтузіазмомъ во всѣхъ болгарскихъ епархіяхъ своего экзархата, а назначенные, въ силу султанскаго фирмана, въ патріаршій синодъ болгарскіе митрополиты отслужили самовольно, т. е. безъ патріаршаго благословенія, литургію въ болгарской церкви въ Константинополѣ, съ водосвятіемъ, въ день Богоявленія, 6-го января 1873 года,

---

[1]) Въ виду того, что наши дипломатическіе переговоры съ Портою по болгарскому церковному вопросу до сихъ поръ не обнародованы въ подробностяхъ, я не считаю возможнымъ положительно утверждать это обстоятельство, на которое указываютъ лишь частные источники.

патріархъ отлучилъ ихъ вмѣстѣ съ экзархомъ и народомъ болгарскимъ отъ общенія со вселенскою православною церковью. Послѣ такого отлученія болгаръ, расколъ сталъ формально совершившимся фактомъ. Такимъ образомъ, историческая справка опровергаетъ объясненіе уніи, придуманное Цанковымъ уже впослѣдствіи, ради своего оправданія въ нашихъ глазахъ. Пропагандируя унію, Цанковъ преслѣдовалъ совсѣмъ другія цѣли, онъ желалъ заручиться покровительствомъ Франціи, и въ этомъ случаѣ служилъ, сознательно или нѣтъ, орудіемъ латинской пропаганды. Чешскій ученый д-ръ Иречекъ, крайне неохотно разоблачающій интриги Рима въ болгарскихъ дѣлахъ и желающій по возможности обѣлить Цанкова, однако, не отрицаетъ того обстоятельства, что вожаки польской эмиграціи въ Парижѣ, графъ Владиславъ Замойской и князь Чарторійской, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, мечтали въ-серьезъ, опираясь на лазаристовъ (т. е. миссіонеровъ монастыря св. Бенедикта) и проживавшихъ въ Константинополѣ польскихъ эмигрантовъ, присоединить болгаръ къ католической церкви [1]).

Связи Цанкова съ этими магнатами польской эмиграціи въ Парижѣ не подлежатъ сомнѣнію. Я знаю достовѣрно, что Цанковъ, послѣ своей поѣздки въ Римъ, побывалъ въ Парижѣ (время съ точностью опредѣлить не могу), гдѣ, благодаря покровительству польскихъ эмигрантовъ, имѣлъ секретную аудіенцію въ Тюльерійскомъ дворцѣ.

Но, какъ человѣкъ практическій, Цанковъ черезъ нѣсколько лѣтъ убѣдился, что наполеоновскій цезаризмъ отнюдь не надежный союзникъ для Болгаріи. Послѣ Садовой вліяніе Франціи стало слабѣть на Балканскомъ полуостровѣ, а послѣдовавшій затѣмъ въ 1869—1870 годахъ разгромъ Франціи заставилъ Цанкова горько раскаяться

---

[1]) См. исторію болгаръ Константина Иречка, стр. 711.

въ увлеченіяхъ своей молодости; онъ послѣ 1870 года круто отрекся отъ своего франкофильства, изъ котораго, впрочемъ, извлекъ нѣкую пользу, пока Франція имѣла силу на Балканскомъ полуостровѣ. Благодаря покровительству французской дипломатіи, онъ поступилъ на турецкую службу и получилъ должность турецкаго каймакама, которой и воспользовался для цѣлей болгарской пропаганды [1]).

Затѣянная имъ унія скоро разсыпалась. Послѣ возвращенія изъ Рима, новопоставленный архіепископъ Іосифъ Сокольскій, встрѣченный съ большой помпой католическими миссіонерами,—они понудили даже французское посольство вступить въ переговоры съ Портой о дарованіи ему титула болгарскаго патріарха,—не замедлилъ испытать тернія своего положенія. Его окружили іезуиты, которые стали осаждать его требованіями безпрекословнаго признанія всѣхъ догматовъ и обрядовъ католической церкви, вопреки торжественнымъ обѣщаніямъ папы. Болгарскій народъ, слѣдуя совѣтамъ своихъ наиболѣе авторитетныхъ руководителей, относился къ уніатскому епископу весьма подозрительно и холодно. Угловатые манеры и простота Іосифа ставили его въ неловкое положеніе среди католическихъ патеровъ, людей совсѣмъ другаго образованія.

Сознавая, что попалъ не въ свою колею, новый уніатскій пастырь упалъ духомъ, впалъ въ уныніе и началъ раскаяваться въ принятой имъ на себя роли. Это сдѣлалось извѣстно русскому посольству, которое вступило съ нимъ въ сношенія. Кончилось тѣмъ, что епископъ Іосифъ въ одно прекрасное утро исчезъ изъ Константинополя; онъ удалился въ Россію, отрекся отъ уніи, объяснивъ чисто-

---

[1]) Добиваясь мѣста каймакама, Д. Цанковъ сталъ искать сближенія съ нашимъ посольствомъ, посломъ въ это время былъ Н. П. Игнатьевъ, голосъ котораго имѣлъ вѣсъ и значеніе въ Совѣтахъ Порты. По требованію Игнатьва, Цанковъ далъ подписку, что отречется отъ католицизма. Дѣйствительно онъ это сдѣлалъ затѣмъ публично.

сердечно мотивы своего отреченія въ посланіи къ болгарамъ, и поселился въ Кіево-Печерской лаврѣ [1]).

Западная католическая печать, заживо задѣтая отреченіемъ отъ уніи главы новообращенной паствы, пустила въ ходъ слухъ, что Сокольскій былъ увезенъ обманомъ въ Россію, по распоряженію нашего посла генерала Игнатьева.

Съ удаленіемъ со сцены Сокольскаго, унія стала быстро распадаться, попытка пріискать ему преемника не имѣла успѣха, нѣкоторыя болгарскія общины, принявшія унію, снова возвратились къ православной церкви. Цанковская «Болгарія» закрылась за недостаткомъ подписчиковъ, а самъ онъ поступилъ на турецкую службу.

Неудача, постигшая унію, и разочарованіе въ надеждахъ на Францію,—въ политическое могущество Австріи Цанковъ никогда не вѣрилъ, раздѣляя въ этомъ отношеніи общій всѣмъ старымъ болгарамъ взглядъ,—были тяжкимъ, но полезнымъ урокомъ для такого горячаго и никогда не падавшаго духомъ патріота, какъ Цанковъ.

Послѣ 1870 года, онъ сталъ настойчиво искать сближенія съ Россіей, хотя въ виду его прошлаго ему было нелегко пріобрѣсти довѣріе русскаго правительства; но онъ, какъ человѣкъ находчивый и обладающій непреклонной волей, въ этомъ не отчаявался. Я знаю очень мало про тѣ годы жизни Цанкова, которые онъ провелъ послѣ франко-прусской войны до поселенія своего въ Букарештѣ. Одно время турки оцѣнили его голову и усердно желали повѣсить своего бывшаго каймакама [2]), агитаторская дѣятельность котораго въ Болгаріи и участіе въ болгарскихъ революціонныхъ комитетахъ и газетахъ, наконецъ, обнару-

---

[1]) Это посланіе Іосифа Сокольскаго къ болгарамъ, въ которомъ онъ приноситъ покаяніе въ грѣхѣ временной измѣны православію и предостерегаетъ ихъ противъ козней іезуитовъ, напечатано въ французскомъ переводѣ въ журналѣ «Union Chretienne», за 1867 годъ, № 11.

[2]) Т. е. по-нашему вице-губернаторъ

жились, приведя въ ярость турецкія власти. Хотя болгары отлично знаютъ другъ друга, но и для нихъ въ жизни Цанкова есть не мало темныхъ и совершенно неизвѣстныхъ страницъ. Достовѣрно то, что, когда начались болгарскія избіенія, предшествовавшія сербской войнѣ, Драганъ Цанковъ ѣздилъ съ Балабановымъ по Европѣ, въ качествѣ депутата отъ Болгаріи и ходатая за угнетенный турками болгарскій народъ. Русскій манифестъ о войнѣ засталъ Цанкова въ Букарештѣ, въ качествѣ предсѣдателя болгарскаго революціоннаго комитета. Цанковъ, какъ человѣкъ въ высшей степени энергичный и властный, всегда и во всякой обстановкѣ умѣлъ пріобрѣсти вліяніе. По отзывамъ болгаръ, проживавшихъ въ Букарештѣ, онъ и тамъ пользовался вліяніемъ, авторитетно распоряжался комитетомъ, избравшимъ его въ предсѣдатели.

Когда былъ полученъ манифестъ о войнѣ, Цанковъ со свойственной ему практичностью и рѣшительностью сообразилъ, что дѣятельность революціонныхъ болгарскихъ комитетовъ должна стушеваться и даже совсѣмъ упразднится, иначе могутъ возникнуть нежелательныя для болгаръ столкновенія съ русской властью. Онъ сейчасъ же созвалъ комитетъ и поднялъ вопросъ объ его закрытіи. «Намъ пока болѣе нечего дѣлать, наше дѣло взяла въ свои руки великая Россія, теперь не объ чемъ болѣе разсуждать, надо спѣшить предложеніемъ своихъ услугъ Россіи, теперь все отъ нея зависитъ; мы должны на время стать ея слугами, пристроиться къ русской арміи, хотя бы въ качествѣ переводчиковъ»,— сказалъ Цанковъ, прибавивъ, что самостоятельная дѣятельность для болгаръ можетъ открыться только послѣ освобожденія Болгаріи.

Это предложеніе встрѣтило возраженія и комитетъ даже поспѣшилъ издать воззваніе къ болгарскому народу, призывая болгаръ къ революціи. Манифестъ комитета былъ задержанъ, по требованію кн. Черкасскаго, который категориче-

ски объяснилъ болгарамъ, что въ настоящее время болгарскій вопросъ рѣшается русскими штыками, а потому революціонная пропаганда не можетъ имѣть болѣе мѣста. Мнѣ нужны послушные исполнители, а не болгарскіе гарибалдійцы, заключилъ князь.

Болгарскій революціонный комитетъ былъ закрытъ Л. Н. Соболевымъ, правителемъ канцеляріи Черкасскаго, по приказанію этого послѣдняго. Кн. Черкасскій призналъ дальнѣйшее существованіе этого комитета, намѣревавшагося издавать свои прокламаціи къ болгарамъ—вреднымъ. Говорятъ, первая встрѣча Цанкова съ княземъ Черкасскимъ, вообще неособенно баловавшимъ болгаръ, была весьма характерна. Князь зналъ довольно подробно прошлое Цанкова и сразу далъ ему понять, что вести свою политику Цанковъ при Черкасскомъ не можетъ, что ему предстоитъ подчиниться строгой дисциплинѣ, если онъ дѣйствительно желаетъ служить русскому гражданскому управленію въ Болгаріи.

Цанковъ смиренно выслушалъ довольно жесткую рѣчь князя Черкасскаго и съ величайшей покорностью обязался безпрекословно и усердно служить всѣмъ распоряженіямъ русской власти. Дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ опытовъ князь Черкасскій отзывался про Цанкова, что онъ совсѣмъ шелковый, и вскорѣ назначилъ его вице-губернаторомъ въ Тырново.

При жизни Черкасскаго и даже во время управленія Дондукова-Корсакова, Цанковъ являлся однимъ изъ наиболѣе исполнительныхъ болгарскихъ чиновниковъ, и если во время великаго народнаго собранія въ Тырновѣ опонировалъ русскому проекту болгарской конституціи, то только убѣдившись достовѣрно, что князь Дондуковъ допускаетъ свободное выраженіе мнѣній со стороны депутатовъ собранія и даже этого желаетъ.

Стоило князю Дондукову сказать серьёзно нѣсколько внушительныхъ словъ, и Цанковъ сейчасъ же подчинялся его мнѣнію; такъ было, напримѣръ, съ вопросомъ о предѣлахъ компетенціи тырновскаго собранія и предстоящей ему задачѣ. Согласно указанію нашего коммиссара, Цанковъ весьма круто осадилъ болѣе пылкихъ и молодыхъ болгарскихъ патріотовъ, желавшихъ непремѣнно протестовать противъ разчлененія Болгаріи берлинскимъ конгрессомъ.

Назначенный передъ удаленіемъ нашихъ войскъ изъ Болгаріи, въ ожиданіи пріѣзда уже избраннаго князя, губернаторомъ въ Варну, Цанковъ измѣнилъ политику; онъ сталъ держать себя гораздо самостоятельнѣе и при случаѣ даже показывалъ зубы. Какъ губернаторъ Варны, онъ одинъ изъ первыхъ встрѣтилъ князя Александра, менѣе другихъ заискивалъ расположеніе молодаго князя и даже отказался принять на себя составленіе перваго министерства, въ виду требованія князя, чтобы въ составъ этого министерства былъ приглашенъ глубоко ненавистный ему Грековъ.

Цанковъ твердо вѣрилъ, что при существованіи тырновской конституціи, съ ея широкимъ и властнымъ народнымъ представительствомъ, его ждетъ неизбѣжно весьма видная и вліятельная политическая роль въ будущемъ, и потому отнюдь не желалъ забѣгать впередъ. Старый практикъ, много видѣвшій на своемъ вѣку, человѣкъ по природѣ въ высшей степени упрямый, самоувѣренный и самовластный, Цанковъ, въ случаѣ надобности, нерѣдко обнаруживалъ замѣчательную для его натуры гибкость и, когда было нужно, умѣлъ прилаживаться ко всякимъ обстоятельствамъ.

Онъ не особенно краснорѣчивъ, какъ ораторъ, не обладаетъ даромъ слова, легкой и плавной рѣчью, но говоритъ всегда внушительно, съ авторитетомъ и въ такомъ демократическомъ собраніи, какъ народное собраніе пред-

ставителей княжества Болгарскаго, всегда умѣлъ играть крупную роль.

Другой вліятельный и выдающійся министръ новаго либеральнаго кабинета и, въ то время еще, большой другъ Цанкова, былъ Петко Каравеловъ. Цанковъ взялъ на себя, кромѣ предсѣдательствованія въ совѣтѣ министровъ, и портфель иностранныхъ дѣлъ, а Каравелову поручилъ управленіе министерствомъ финансовъ.

Петко Каравеловъ, родной братъ знаменитаго болгарскаго агитатора и писателя Любена Каравелова, также, какъ и этотъ послѣдній, воспитанникъ Московскаго университета [1]). Восторженный и краснорѣчивый народный трибунъ, неутомимый агитаторъ, онъ вообще большой энтузіастъ, долгое время фанатически увлекавшійся всякаго рода либеральными и даже радикальными доктринами.

Изъ долгаго пребыванія въ Россіи Петко Каравеловъ вынесъ любовь къ русской литературѣ и крайнее пристрастіе къ либеральнымъ воззрѣніямъ, съ нигилистическимъ оттѣнкомъ, бывшими въ ходу у насъ въ 60-хъ годахъ. Человѣкъ, обладающій живымъ и впечатлительнымъ умомъ и немалой начитанностью, — онъ свободно читаетъ по-англійски и по-французски, а русскимъ языкомъ владѣетъ какъ своимъ роднымъ, — Петко Каравеловъ погрѣшаетъ недостаткомъ выдержки и отсутствіемъ политическаго такта,—условіями, необходимыми для всякаго государственнаго человѣка, даже въ такой странѣ, какъ Болгарія. Къ тому же онъ плохой администраторъ; такимъ онъ несомнѣнно заявилъ себя, завѣдуя министерствомъ финансовъ, во время управленія перваго либеральнаго кабинета княжества. Всякая администрація, а тѣмъ болѣе вѣдающая финансо-

---

[1]) Болѣе подробная характеристика Петка Каравелова напечатана мною въ „Новомъ Времени“ за 1883 г., № 2579, см., кромѣ того, біографію Любена Каравелова въ пловдивскомъ журналѣ „Наука“ за 1881 г., № 1, авторъ ея С. Бобчевъ, болгаринъ и горячій почитатель Любена Каравелова.

вою частію, требуетъ соблюденія извѣстнаго, хотя бы чисто бюрократическаго, порядка, а Каравеловъ, какъ принципіальный врагъ всякой бюрократіи, желая упрощенія дѣлопроизводства, но, не умѣя этого сдѣлать толково, производилъ немалую безурядицу въ руководимомъ имъ министерствѣ.

Носясь постоянно съ отвлеченными вопросами соціальной доктрины, почитывая англійскія книжки и русскіе журналы, посвящая бо́льшую часть своего времени рѣчамъ въ собраніи, на сходкахъ, бесѣдамъ съ пріятелями и многочисленными посѣтителями, Петко Каравеловъ неизбѣжно запускалъ текущія дѣла своего министерства, а тѣмъ болѣе, когда ему, сверхъ того, было поручено временно завѣдывать министерствомъ правосудія (юстиціи).

Даже сторонники Каравелова не отрицаютъ того обстоятельства, что внѣшняго порядка во ввѣренныхъ его управленію министерствахъ было не много. Такъ, по отзыву одного русскаго прокурора, изгнаннаго изъ княжества за дружбу съ Каравеловымъ, послѣ переворота 27-го апрѣля, въ управляемыхъ имъ министерствахъ господствовалъ нигилизмъ въ болгарскомъ вкусѣ, т. е. отсутствіе формальнаго порядка и всякой дисциплины.

При недостаткѣ у Каравелова административнаго опыта и навыка, это представляется вполнѣ естественнымъ.

По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, если не ошибаюсь по юридическому факультету, Петко Каравеловъ былъ гдѣ-то учителемъ. По объявленіи войны Турціи, онъ поспѣшилъ въ главную квартиру нашей арміи; гражданское управленіе въ Болгаріи вскорѣ назначило его вице-губернаторомъ въ Видинѣ. Въ виду отдаленности этого пункта отъ главной квартиры, онъ избѣгъ ферулы князя Черкасскаго, не дававшаго потачки болгарамъ, получавшимъ должности по гражданскому управленію.

Занимая постъ вице-губернатора въ Видинѣ, П. Каравеловъ весьма мало занимался своей службой. Тяжкая

болѣзнь его брата, извѣстнаго болгарскаго дѣятеля Любена Каравелова [1]), извиняла въ глазахъ русской власти такое отношеніе П. Каравелова къ его служебнымъ обязанностямъ; къ тому же, владѣя хорошо русскимъ языкомъ, онъ и самъ лично пользовался расположеніемъ своихъ русскихъ начальниковъ, которые смотрѣли весьма снисходительно на его служебную бездѣятельность.

Знаніемъ русскаго языка, а также и своими манерами и обращеніемъ, напоминавшимъ скорѣе русскаго студента, чѣмъ болгарина, П. Каравеловъ понравился А. М. Дондукову-Корсакову, который благоволилъ къ нему, считая его за вполнѣ обрусѣвшаго болгарина и хорошаго малаго, хотя совершенно неотесаннаго и довольно взбалмошнаго.

Благодаря такому отношенію главнаго начальника гражданскаго управленія, Каравеловъ могъ смѣло разсчитывать на весьма снисходительное отношеніе къ его служебной дѣятельности, или, точнѣе сказать, бездѣятельности, со стороны его ближайшаго начальства, чѣмъ онъ широко и пользовался.

Онъ находился постоянно въ отлучкахъ и разъѣздахъ, занимаясь болѣе политическими вопросами, касавшимися общихъ интересовъ Болгаріи, чѣмъ текущими дѣлами администраціи той губерніи, въ которой онъ состоялъ вице-губернаторомъ. Русское начальство, видя, что имя Каравеловыхъ, благодаря заслугамъ брата его Любена, весьма популярно среди болгаръ, предоставляло ему полную свободу распоряжаться собой, какъ онъ вздумаетъ. Полагали, что его вліяніе среди болгаръ, когда нибудь можетъ пригодиться.

Такимъ образомъ, состоя на службѣ, при нашемъ гражданскомъ управленіи, благодаря своему привиллегированному положенію, онъ пріобрѣлъ весьма мало служебной

[1]) Онъ умиралъ отъ чахотки въ Рущукѣ, т. е. въ близкомъ сосѣдствѣ съ Видиномъ.

опытности и навыка. По открытіи тырновскаго народнаго собранія, онъ былъ избранъ вице-предсѣдателемъ этого собранія и весь ушелъ въ политику, партійную борьбу и журналистику.

П. Каравеловъ, несомнѣнно горячій и даже довольно искренній патріотъ; я не буду отрицать въ немъ этого качества, какъ теперь это дѣлаютъ многіе у насъ, но только замѣчу, что патріотизмъ его крайне узкій и въ высшей степени односторонній. Это тотъ близорукій и легкомысленный патріотизмъ болгарскаго племени, который одинъ изъ компетентныхъ знатоковъ Балканскаго полуострова К. Н. Леонтьевъ [1]) называетъ «племеннымъ патріотизмомъ крови и мяса». Въ П. Каравеловѣ этотъ племенной болгарскій патріотизмъ высказывается во всей своей односторонности; онъ рѣшительно неспособенъ возвыситься до разумнаго и широкаго пониманія общеславянскихъ интересовъ, хотя много толкуетъ о славянской идеѣ.

Не смотря на университетское образованіе, П. Каравеловъ обнаруживаетъ крайнюю нетерпимость и страстную вражду къ сербамъ, свойственную самымъ дикимъ и неразвитымъ простолюдинамъ болгарскаго племени.

Эта ненависть къ сербамъ въ немъ такъ необузданна, что онъ съ желчью и озлобленіемъ упрекалъ, находившагося уже при смерти, брата Любена за то, что послѣдній, будучи женатъ на сербкѣ, дружитъ сербамъ и черезъ это вредитъ болгарскому дѣлу.

Любенъ Каравеловъ, обладавшій болѣе возвышеннымъ умомъ и широкимъ пониманіемъ болгарскаго вопроса, считалъ установленіе тѣсной солидарности и взаимнаго сбли-

---

[1]) См. сборникъ статей К. Н. Леонтьева, подъ заглавіемъ „Востокъ, Россія и славянство“, томъ первый, Москва, 1885 года. Г. Леонтьевъ долго пробылъ на Балканскомъ полуостровѣ, среди болгаръ, въ качествѣ нашего консула и имѣлъ возможность хорошо изучить болгаръ.

женія всѣхъ южныхъ славянъ основнымъ догматомъ своихъ политическихъ стремленій и вѣрованій.

Крайній партикуляризмъ и упорное стремленіе къ совершенной обособленности представляетъ характерную національную черту болгарской интеллигенціи. Трудно себѣ представить, пока самъ этого не увидишь своими глазами, какой политической близорукостью и тупымъ фанатизмомъ отличаются многіе изъ современныхъ политическихъ дѣятелей Болгаріи, которые въ своемъ національномъ ослѣпленіи думаютъ, что всѣ племена и народы земнаго шара исключительно призваны служить интересамъ болгаръ. Это отчасти объясняется тѣмъ, что болгарская народность была такъ долго сжата, въ двойныхъ тискахъ, и изуродована въ своемъ развитіи, какъ физическимъ гнетомъ турокъ въ политическомъ отношеніи, такъ и интеллектуальнымъ гнетомъ грековъ, въ области духовной.

Болгарское народное чувство было такъ унижено и жестоко подавлено, почти совсѣмъ стерто, что теперь, когда оно воскресло и выбилось наконецъ на свѣтъ, на немъ отразились, какъ въ зеркалѣ слѣды этого гнета,— поэтому понятно, что теперь оно воодушевлено тѣми мотивами и стремленіями, которые его такъ долго давили.

Остальные члены министерства Цанкова были личности довольно безцвѣтныя, и я на нихъ останавливаться не буду.

Имѣя такихъ представителей, какъ Цанковъ и Каравеловъ, это министерство пользовалось огромнымъ вліяніемъ въ народномъ собраніи, которое стѣной стояло за нихъ и слѣпо вотировало всѣ ихъ предложенія, съ азартомъ заглушая слабые голоса весьма немногихъ депутатовъ оппозиціи, пытавшіеся возражать популярнымъ въ народѣ министрамъ.

Петко Славейковъ, предсѣдатель народнаго собранія, издатель газеты „Цѣлокупная Болгарія“, служившей орга-

номъ партіи, когда она состояла еще въ оппозиціи, закадычный другъ Каравелова, на первое время не получилъ министерскаго портфеля,—думали, что онъ будетъ полезнѣе на креслѣ президента собранія.

Петко Славейковъ также личность довольно интересная и выдающаяся. Его считаютъ однимъ изъ наиболѣе даровитыхъ литераторовъ Болгаріи. Онъ хорошій знатокъ болгарской старины и народнаго языка и знаетъ лучше другихъ этнографію и исторію своей страны. Онъ написалъ немало статей, повѣстей, поэмъ, драматическихъ пьесъ и массу стихотвореній, на болгарскомъ языкѣ, собиралъ народныя пѣсни, издавалъ учебники, для народныхъ школъ, и усердно подвизался на журнальномъ поприщѣ, издавая нѣсколько газетъ.

Славейковъ восторженный патріотъ и краснорѣчивый ораторъ, но также отнюдь не государственный человѣкъ, и даже въ этомъ отношеніи долженъ уступить Каравелову; онъ погрѣшаетъ кромѣ того одною слабостью, довольно рѣдкою между болгарами—любитъ выпить. Этотъ недостатокъ, впрочемъ, вообще свойственъ многимъ даровитымъ славянскимъ народнымъ писателямъ.

Кажется, въ молодости Славейковъ увлекался франкофильствомъ, какъ и многіе другіе изъ его сверстниковъ въ Болгаріи. Систематическаго образованія онъ не получилъ и правильной школы не проходилъ. Это даровитый самородокъ и автодидактъ, въ полномъ смыслѣ слова.

Отношенія либеральнаго министерства къ князю, повидимому, были хороши, но не были искренни. Князь Александръ оказывалъ сначала своимъ новымъ министрамъ подобающія ихъ положенію любезность и предупредительность, но не довѣрялъ имъ и въ душѣ терпѣть ихъ не могъ[1]).

---

[1]) Представитель Австріи, при князѣ, блестящій и остроумный Кевенгюллеръ всячески подстрекалъ и возбуждалъ Батенберга противъ министерства болгарскихъ санкюлетовъ, какъ онъ называлъ министерство Цанкова.

Каравеловъ рѣзкостью своихъ манеръ, длинными и плохо разчесанными волосами долженъ былъ болѣе всего коробить князя, но князь обнаруживалъ особое нерасположеніе не къ нему, а къ Цанкову, который былъ осторожнѣе, тактичнѣе и приличнѣе своего сотоварища по министерству. Цанковъ, много вращавшійся въ прежніе годы въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ, обладалъ несомнѣнно большимъ навыкомъ и умѣньемъ обращаться съ такими особами, какъ князь Александръ.

Это обстоятельство на первый разъ представляется загадочнымъ, но оно вполнѣ объясняется тѣми вліяніями, которыя окружали князя Александра и которымъ онъ вполнѣ подчинялся.

Стоиловскій кружокъ и австрійскій дипломатическій агентъ графъ Кевенгюллеръ, состоявшій съ княземъ болгарскимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и секретно, т. е. съ соблюденіемъ величайшей тайны, принимавшій близкое участіе въ вопросахъ внутренней политики Болгарскаго княжества, считали самымъ опаснымъ врагомъ Цанкова[1]).

По ихъ мнѣнію, Каравеловъ былъ неистовый сорванецъ, человѣкъ, который безъ Цанкова сейчасъ же зарвется, срѣжется и надѣлаетъ такихъ глупостей, которыя могутъ принести только благопріятные результаты ихъ комбинаціямъ. Поэтому Стоиловскій тріумвиратъ и Кевенгюллеръ направили всѣ свои усилія, чтобы подкопаться сначала подъ Цанкова и столкнуть его. Впослѣдствіи, когда Каравеловъ сдѣлался премьеромъ, вмѣсто Цанкова, графъ Кевенгюллеръ радовался этой перемѣнѣ, считая Каравелова роковымъ человѣкомъ для русскаго вліянія въ

---

[1]) При томъ, Кевенголлеръ и пасторъ Кохъ, т. е. самые довѣренные совѣтники Батенберга не могли простить Цанкову того, что онъ обманулъ миссіонеровъ запада, возвратившись въ православіе послѣ перехода въ унію.

Болгаріи. Кевенгюллеръ былъ твердо убѣжденъ, что Караве-ловъ приведетъ Болгарское княжество къ такимъ политическимъ кризисамъ, которые причинятъ большія затрудненія русской дипломатіи и расшатаютъ преобладающее положеніе, пріобрѣтенное Россіей среди болгаръ, благодаря великимъ жертвамъ, принесеннымъ нами дѣлу освобожденія Болгаріи.

Первымъ поводомъ къ неудовольствіямъ между княземъ и его либеральными министрами послужило министерство финансовъ, что̀, однако, не измѣнило положенія вещей и спеціальнаго нерасположенія князя къ Цанкову.

Финансовое управленіе вызвало двоякаго рода столкновенія между княземъ и его министрами. Во-первыхъ, возникъ раздоръ, по поводу французскаго финансиста, приглашеннаго на болгарскую службу, еще прежнимъ министерствомъ, именно Начевичемъ, начавшимъ переговоры черезъ Стоилова и французскаго консула съ министерствомъ Вадингтона [1]) о командированіи въ Болгарію французскаго чиновника.

Въ маѣ 1880 года, вскорѣ послѣ вступленія новаго министерства въ управленіе дѣлами, французскій консулъ въ Софіи, бывшій бонапартистъ и большой руки интриганъ, Жюль Шефферъ, извѣстилъ Цанкова, какъ министра иностранныхъ дѣлъ, что, согласно желанію князя болгарскаго, французское правительство командировало г. Бенедикта Хокдѐ, бывшаго воспитанника политехнической школы, одного изъ инспекторовъ по финансовой части (inspecteur des finances), въ Болгарію для организаціи болгарскаго финансоваго управленія, котораго при этомъ и представилъ Цанкову, требуя немедленнаго подписанія контракта объ условіяхъ его службы въ Болгаріи.

---

[1]) Который въ то время былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и главой кабинета маршала Макъ-Магона.

Условія матеріальныя, т. е. жалованье въ 40 тысячъ франковъ, въ годъ, и 2-хъ-лѣтній срокъ контракта, были предрѣшены заранѣе, но въ перепискѣ, хранившейся въ болгарскомъ министерствѣ, о предѣлахъ власти, кругѣ дѣятельности и вообще служебномъ положеніи этого французскаго совѣтника министерства финансовъ, ничего опредѣленнаго условлено не было.

По смыслу же контракта, подписаніе котораго требовалъ Шефферъ, г. Хокдѐ, въ качествѣ совѣтника по финансовой части, предоставлялось вполнѣ самостоятельное и совершенно независимое отъ болгарскаго министра положеніе, даже съ правомъ производить, когда ему вздумается, ревизіи финансовыхъ учрежденій княжества, его денежныхъ кассъ, увольнять тѣхъ финансовыхъ чиновниковъ, которыхъ онъ найдетъ мало знающими или неисправными и т. д.

П. Каравеловъ, вообще весьма недовольный прибытіемъ этого финансоваго совѣтника, выписаннаго изъ Франціи его политическими врагами, окончательно возмутился такими притязаніями г. Хокдѐ, который къ тому же, безъ разрѣшенія Каравелова и даже не извѣстивъ его о томъ, тотчасъ же по пріѣздѣ и не дожидаясь опредѣленія своего служебнаго положенія, отправился въ софійское казначейство, съ цѣлью обревизовать это учрежденіе. По приказанію Каравелова, его не пустили въ казначейство; взбѣшенный этимъ Хокдѐ поднялъ страшный шумъ и въ великомъ негодованіи поѣхалъ жаловаться на такое оскорбленіе достоинства Франціи своему консулу. Цанкову пришлось расхлебывать заваренную такимъ манеромъ кашу. Князь Александръ желалъ, чтобы французскій совѣтникъ просвѣтилъ свѣтомъ европейской науки его болгарскихъ министровъ, о финансовыхъ познаніяхъ которыхъ князь былъ невысокаго мнѣнія. Каравеловъ же слышать не хотѣлъ про этого навязаннаго ему сотрудника, сразу заявив-

шаго претензію распоряжаться самовольно дѣлами финансоваго управленія.

Каравеловъ въ самомъ способѣ приглашенія Хокдѐ видѣлъ дерзкое нарушеніе конституціи. Онъ былъ приглашенъ на службу въ Болгарское княжество, помимо разрѣшенія на то народнаго собранія, вслѣдствіе домашняго соглашенія между бывшимъ министромъ финансовъ Начевичемъ и секретаремъ князя Стоиловымъ. Всѣ переговоры по вопросу о приглашеніи Хокдѐ велъ съ французскимъ правительствомъ Стоиловъ, причемъ не сочли даже нужнымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія народнаго собранія. Очевидно, такая постановка вопроса являлась нарушеніемъ духа и даже буквы конституціи. Г. Хокдѐ назначалось весьма крупное вознагражденіе, какъ жалованіемъ, такъ и на путевые расходы; выдача этихъ денегъ, не предусмотрѣнная въ смѣтѣ расходовъ, вотированныхъ собраніемъ, составляла такой сверхбюджетный расходъ, на который министръ финансовъ не былъ уполномоченъ.

Поэтому приглашеніе г. Хокдѐ, помимо согласія народнаго собранія и безъ ассигнованія послѣднимъ денегъ на вознагражденіе французскаго совѣтника, было явнымъ нарушеніемъ конституціи и актомъ княжескаго произвола. Щадя, по возможности, самолюбіе князя, Цанковъ отнесся къ этому щекотливому дѣлу весьма политично и осторожно. Онъ почтительно объяснилъ князю, что, какъ отвѣтственный, по конституціи, министръ, онъ не можетъ разрѣшить помимо народнаго собранія условія приглашенія г. Хокдѐ на болгарскую службу, а долженъ испросить на этотъ предметъ согласіе народныхъ представителей; это было возможно, такъ какъ собраніе продолжало еще засѣдать, обѣщая съ своей стороны настоять, чтобы денежная сторона вопроса была разрѣшена собраніемъ, согласно обѣщаніямъ, даннымъ княземъ французскому правительству, въ письмѣ Стоилова къ французскому дипло-

матическому агенту въ Софіи, Шефферу. Но при этомъ Цанковъ обратилъ вниманіе князя, что болгарскими финансами, въ силу конституціи, управляетъ, отвѣтственный передъ собраніемъ, болгарскій министръ, который не можетъ нести отвѣтственности за распоряженія и дѣйствія французскаго совѣтника, если тотъ будетъ поставленъ какъ вполнѣ самостоятельное лицо, облеченное властью внѣ всякой зависимости отъ министра финансовъ, и что поэтому условія служебнаго положенія г. Хокдѐ, какъ они изложены въ контрактѣ, составленномъ французскимъ консуломъ, должны быть измѣнены и согласованы съ постановленіями конституціи. Князь Александръ выслушалъ эти объясненія Цанкова, съ видимымъ неудовольствіемъ, но не могъ ничего возразить противъ ихъ основательности, предоставивъ Цанкову войдти въ переговоры по этому предмету съ французскимъ консуломъ.

26-го мая того же года, въ весьма любезномъ письмѣ къ французскому консулу, Драганъ Цанковъ, благодаря французское правительство за его доброе вниманіе и желаніе содѣйствовать организаціи финансоваго управленія княжества, выразившіяся въ командированіи Хокдѐ, обратилъ вниманіе французскаго консула на указанныя соображенія и, принимая въ принципѣ условія консула относительно службы г. Хокдѐ, просилъ нѣсколько измѣнить форму этихъ условій, опредѣляющихъ служебное положеніе совѣтника и его отношенія къ министру финансовъ, причемъ для видимости приложилъ свой проектъ контракта, который отличался тѣмъ, что въ немъ было оговорено, что французскій совѣтникъ исполняетъ хотя и тѣ же самыя служебныя функціи, которые были проектированы, но не самостоятельно, а по предложенію министра финансовъ. Эта переписка Цанкова съ Шефферомъ кончилась, однако, тѣмъ, что французскій консулъ отказался, въ довольно рѣзкой формѣ, отъ всякаго измѣненія условій своихъ предложеній

и потребовалъ уплаты 80 тысячъ франковъ жалованья, слѣдовавшаго Хокдѐ за два года службы и 5 тысячъ франковъ путевыхъ расходовъ. Хокдѐ приглашали на 2 года, съ жалованьемъ въ 40 тысячъ франковъ ежегодно.

Народное собраніе, въ тайномъ засѣданіи 27-го мая 1880 года, по предложенію Цанкова разсмотрѣвъ всю переписку, по этому вопросу, согласно требованію Цанкова, отпустило 85 тысячъ франковъ, на удовлетвореніе Хокдѐ, которые и были немедленно предоставлены въ распоряженіе французскаго консула.

Получивъ съ болгаръ деньги, г. Хокдѐ уѣхалъ на службу въ Египетъ, гдѣ черезъ годъ или два и умеръ. Болгары не безъ огорченія уплатили эту контрибуцію французскому совѣтнику, служебная дѣятельность котораго ограничилась неудачнымъ покушеніемъ на ревизію софійскаго казначейства. Цанковъ утѣшалъ ихъ и Каравелова, метавшаго, по поводу всей этой исторіи, громы и молніи, по адресу расхитителей трудовыхъ денегъ болгарскаго народа, что этой цѣной княжество, по крайней мѣрѣ, откупилось отъ вреднаго соглядатая, который въ случаѣ ссоры могъ сообщить разнаго рода фактическія данныя о болгарскихъ финансахъ турецкому правительству, что̀ могло причинить немалый ущербъ болгарамъ, которые, не желая платить, установленной берлинскимъ трактатомъ, дани султану, очевидно, должны были остерегаться участія французскаго чиновника, въ ихъ финансовомъ управленіи.

Кромѣ того, удовлетворивъ этими 85 тысячами франковъ Хокдѐ,—объяснялъ Цанковъ,—«мы избѣжали непріятныхъ и рискованныхъ столкновеній съ нашимъ княземъ, я вѣдь вамъ съ самаго начала говорилъ, что намъ князь недешево обойдется; хорошо бы было, если бы этимъ кончились наши протори и убытки, по части капризовъ его свѣтлости, опасаюсь, какъ бы не пришлось платить крупнѣе».

Но князь, не смотря на то, что министерство, въ угоду ему, рѣшалось на такую денежную жертву, негодовалъ на своихъ министровъ и видѣлъ въ отказѣ подписать контрактъ съ Хокдѐ личный афронтъ. Австрійскій и французскій агенты, Кевенгюллеръ и Шефферъ, усердно его подстрекали въ этомъ случаѣ, также какъ и стоиловскій кружокъ, толкуя князю, что контрактъ съ Хокдѐ не былъ принятъ вслѣдствіе желанія либеральнаго министерства самовольно хозяйничать финансами княжества. Опытный французскій финансистъ, — горевали они, — конечно, нашелъ бы новые источники доходовъ и обогатилъ бы казну, давъ возможность увеличить бюджетъ страны и суммы, отпускаемыя въ распоряженіе князя, а либеральное министерство по своему невѣжеству этого не захотѣло. Теперь прогрессъ въ финансовомъ развитіи княжества сталъ невозможенъ.

Съ этого времени Жюль Шефферъ, старый бонапартистъ, началъ напѣвать князю Александру о неудобствахъ тырновской конституціи, которая-де тормозитъ развитіе благоустройства княжества и стѣсняетъ князя, рисуя при этомъ заманчивую перспективу благодѣтельнаго coup d'état, во вкусѣ пресловутаго переворота 2-го декабря 1852 года[1]). Такія внушенія Шеффера, хотя тайно, но со всѣмъ усердіемъ, поддерживалъ и графъ Кевенгюллеръ.

Одновременно съ этимъ первымъ столкновеніемъ между княземъ и его министерствомъ возникъ рядъ другихъ, имѣвшихъ также своимъ предметомъ составъ административнаго персонала княжества.

Либеральное министерство, слѣдуя дурному примѣру своихъ предшественниковъ, стало также гнать со службы чиновниковъ, назначенныхъ прежними министрами. Стои-

---

[1]) На такія инсинуаціи Шеффера прямо указываетъ и Драндаръ въ своей книгѣ.

ловъ и его друзья сейчасъ же забили тревогу, и по ихъ настоянію князь Александръ нѣсколько разъ отказывался подписывать декреты о такихъ увольненіяхъ.

Хотя персоналъ чиновниковъ былъ совершенно незнакомъ князю, и поэтому его вмѣшательство въ такія распоряженія министровъ были не всегда удачны и притомъ нарушали конституцію, по которой увольненіе и назначеніе чиновниковъ предоставлено министрамъ, отвѣтственнымъ за служебную дѣятельность своихъ чиновниковъ передъ собраніемъ; но, по совѣту Цанкова, министерство и въ этомъ случаѣ подчинялось волѣ князя, во избѣжаніе крутыхъ съ нимъ столкновеній. Покровительствуемые княземъ болгарскіе чиновники сохраняли за собою свои мѣста.

Только радикальная болгарская печать разносила въ своихъ передовыхъ статьяхъ князя за такое нарушеніе конституціи и метала чернильные громы и молніи противъ деспотизма власти, проповѣдуя, что всякая власть, кромѣ той, которая исходитъ отъ народа и его представителей, есть беззаконіе, оскорбляющее чувство справедливости и священныя права народа.

Удовлетворяя въ извѣстныхъ случаяхъ личнымъ желаніямъ князя, стараясь услужить ему, на сколько это позволяли обстоятельства и настроеніе собранія, — вліяніе либеральнаго министерства на собраніе, хотя и было велико, но имѣло свои предѣлы,—Цанковъ, какъ осторожный и тонкій политикъ, надѣялся избѣжать рѣшительнаго кризиса и упрочить власть своего министерства.

Но его разсчеты не оправдались. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ вступленія въ управленіе дѣлами, Цанковъ долженъ былъ сначала оставить званіе президента совѣта министровъ, а затѣмъ и совсѣмъ выйдти изъ министерства. Произошло это такимъ образомъ.

55 статья берлинскаго трактата возложила на европейскую международную коммиссію разработку устава о пла-

ваніи и рѣчной полиціи по Дунаю, отъ Желѣзныхъ воротъ до Галаца. Эта коммиссія была учреждена еще парижскимъ трактатомъ и продолжена лондонской конференціей 1871 года; берлинскій трактатъ, подтвердивъ и даже расширивъ полномочія этой коммиссіи, не упомянулъ ни слова объ особой прибрежной коммиссіи для Дуная, которая была проектирована парижскимъ трактатомъ и лондонской конференціей и согласно 18 статьѣ парижскаго трактата должна была замѣнить европейскую коммиссію, по окончаніи ею, возложенныхъ на нее работъ. Лондонская конференція продолжила срокъ полномочія европейской дунайской коммиссіи въ 1871 году еще на двѣнадцать лѣтъ; поэтому объ особой прибрежной коммиссіи, казалось бы, до истеченія этого срока не могло быть и рѣчи.

Международное значеніе было признано трактатами только за нижнимъ теченіемъ Дуная, именно отъ Желѣзныхъ воротъ до устья, т. е. внѣ предѣловъ Австріи; поэтому послѣдняя не имѣла, строго говоря, права поднимать вопросъ о прибрежной коммиссіи, тѣмъ болѣе, что она имѣла своего делегата въ европейской коммиссіи. Дѣйствительно, два года послѣ обнародованія берлинскаго трактата прошли спокойно, Австрія никакихъ особыхъ претензій не заявляла. Она даже весьма мало заботилась о ходѣ работъ коммиссіи, по составленію устава судоходства. Но съ начала 1880 года, вслѣдъ за извѣстнымъ визитомъ Бисмарка въ Вѣну[1]), австрійская дипломатія зашевелилась и стала усердно заниматься вопросомъ о судоходствѣ по Дунаю, ясно обнаруживая тенденціи забрать дѣло въ свои руки, и въ этихъ видахъ внесла въ европейскую коммиссію свой проектъ смѣшанной, прибрежной дунайской ком-

---

[1]) *Прим.* Какъ извѣстно, Бисмаркъ пріѣхалъ осенью 1879 г. въ Вѣну и заключилъ союзъ съ Австріей. См. любопытную статью объ этомъ союзѣ французскаго дипломата Ротана въ первой книжкѣ, за текущій годъ «Revue d'histoire diplomatique».

миссіи, предназначенной вѣдать полицію и опекать судоходство по Дунаю отъ Желѣзныхъ воротъ до Галаца; разумѣется, въ этомъ проектѣ предсѣдательство предоставлялось Австріи.

Этотъ австійскій проектъ подлежалъ обсужденію европейской коммиссіи, при участіи делегатовъ прибрежныхъ государствъ (т. е. Сербіи, Румыніи и Болгаріи); берлинскій трактатъ призывалъ ихъ въ коммиссію, для содѣйствія выработки правилъ судоходства по Дунаю, поэтому Австрія усердно налегла на правительство юныхъ придунайскихъ государствъ, стараясь предварительно склонить ихъ въ пользу своего проекта, съ тѣмъ чтобы выступить съ заявленіемъ о состоявшемся соглашеніи между ней и этими наиболѣе заинтересованными государствами, т. е. Сербіей, Румыніей и Болгаріей (хотя Россія владѣетъ однимъ изъ лучшихъ дунайскихъ гирлъ, именно Сулинскимъ, но объ ея участіи австрійскій проектъ упорно умалчивалъ),—иначе говоря, взять въ свои руки прибрежную полицію на Дунаѣ, опекая по своему усмотрѣнію все судоходство по этой рѣкѣ. Графъ Кевенгюллеръ, согласно полученнымъ имъ изъ Вѣны инструкціямъ, взялся за дѣло весьма энергично, подготовивъ, какъ слѣдуетъ, въ этомъ направленіи князя Александра, и затѣмъ купно съ послѣднимъ обрушился на Цанкова, съ самыми категорическими требованіями его согласія на австрійскій проектъ.

Цанковъ въ этомъ случаѣ поступилъ, какъ истый восточный человѣкъ. Видя, что къ нему пристаютъ чуть не съ ножомъ къ горлу, вынуждая его согласіе на австрійскій проектъ, представлявшій Австріи предсѣдательство въ придуманной ею смѣшанной придунайской коммиссіи, онъ уступилъ и далъ въ требуемомъ въ смыслѣ, инструкціи дипломатическому агенту, посланному Болгаріей въ коммиссію (если не ошибаюсь, своему родственнику), Кирьяку Цанкову, а на словахъ, кажется, указалъ послѣднему, что

австрійскій проектъ находится въ явномъ противорѣчіи съ національными и коммерческими интересами княжества.

По крайней мѣрѣ, когда черезъ двѣ недѣли собралась европейская коммиссія, для разсмотрѣнія австрійскаго проекта, австрійскій делегатъ, извѣщенный Кевенгюллеромъ о томъ, что Болгарія въ пользу проекта, былъ непріятно пораженъ, видя, что болгарскій делегатъ вотируетъ противъ него. Негодованіе Кевенгюллера и князя, по полученіи изъ Вѣны телеграммы о такомъ образѣ дѣйстій болгарскаго представителя, не знало предѣловъ. Графъ Кевенгюллеръ обратился лично къ князю съ протестомъ противъ вѣроломной политики болгарскаго министерства, требуя удовлетворенія и наказанія виновныхъ. Такое нарушеніе даннаго слова,—объяснялъ онъ,—не можетъ быть терпимо, Драганъ Цанковъ, немедленно же вытребованный въ княжескій дворецъ для объясненій, категорически заявилъ, что данныя имъ инструкціи были составлены въ смыслѣ желаній австрійскаго дипломата.

На несчастнаго Киріяка Цанкова посыпались грозные запросы. Онъ принялъ на себя роль козла отпущенія и отвѣчалъ министру, что, познакомившись съ вопросомъ, онъ рѣшился дѣйствовать вопреки инструкціямъ, и повинуясь долгу совѣсти и болгарскаго патріотизма подалъ мнѣніе противъ предложеній Австріи, стремящейся къ рѣшительному преобладанію на Дунаѣ, въ явный ущербъ для другихъ прибрежныхъ государствъ. Національная болгарская политика указываетъ на полную солидарность ея интересовъ, въ этомъ вопросѣ, съ Румыніей и Сербіей, къ мнѣнію которыхъ на австрійскій проектъ онъ и счелъ долгомъ присоединиться.

Такимъ отвѣтомъ Киріякъ Цанковъ искусно ставилъ вопросъ на весьма щекотливую политическую почву, такъ что, карая его, правительство Болгарскаго княжества какъ бы,

заявляло, что оно обращается въ послушное орудіе Австріи, становится въ вассальныя къ ней отношенія.

«Это—византійская комедія, которую вы передо мной разыгрываете»,– сказалъ князь Цанкову, когда тотъ ему доложилъ объ отвѣтѣ болгарскаго делегата.

Вслѣдъ за тѣмъ князь передалъ совѣту министровъ записку, составленную Стоиловымъ, но подписанную княземъ,—говоритъ Драндаръ,—въ которой были изложены жалобы на Цанкова, причемъ князь просилъ совѣтъ министровъ увѣдомить его о томъ рѣшеніи, которое послѣдуетъ по содержанію этой записки [1]).

Драганъ Цанковъ сейчасъ же подалъ прошеніе объ отставкѣ, но, уступая настойчивымъ просьбамъ своихъ сотоварищей по министерству, желавшихъ, чтобы онъ остался въ составѣ кабинета, согласился, отказавшись отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, принять на себя портфель министра внутреннихъ дѣлъ, уступивъ при этомъ Каравелову званіе премьера, о чемъ и было доложено князю. Но Кевенгюллеръ и интриговавшій купно съ нимъ Стоиловскій кружокъ этимъ неудовольствовались, имъ для достиженія ихъ цѣлей нужно было совсѣмъ выпихнуть Цанкова изъ министерства. Они были увѣрены, что министерство Каравелова, безъ Цанкова, неизбѣжно приведетъ страну къ рѣшительному политическому кризису, что входило въ планы австрійской политики.

Стоиловъ, Грековъ и Начевичъ явно, а Кевенгюллеръ тайно продолжали работать надъ княземъ въ этомъ смыслѣ.

Князь Александръ, настроенный ими и думавшій, что ему будетъ удобнѣе справиться съ Каравеловымъ, безъ этого «хитраго и упрямаго старика», какъ онъ называлъ Цанкова, двѣ недѣли спустя, написалъ слѣдующее, въ выс-

---

[1]) „Cinq ans de regne“, page 66.

шей степени любопытное письмо, къ новому президенту своего министерства, т. е. Каравелову.

«Любезный министръ.

«Прошло болѣе двухъ недѣль съ того времени, какъ я вынужденъ былъ обратить вниманіе совѣта министровъ на двусмысленное поведеніе г. Д. Цанкова, въ дѣлѣ дунайской коммиссіи. Объясненія по этому предмету г. Драгана Цанкова съ одной стороны, а г. Белдимана [1]) съ другой, вызванныя, по требованію графа Кевенгюллера, и происходившія въ присутствіи консуловъ Россіи [2]) и Германіи, устраняютъ всякое сомнѣніе въ этомъ вопросѣ. Къ сожалѣнію, этотъ случай отнюдь не составляетъ исключенія. Напомню вамъ другое подобное дѣло Валтера.

«Въ интересахъ огражденія достоинства болгарскаго правительства, я желаю, чтобы г. Драганъ Цанковъ оставилъ министерство. Я надѣюсь, что г. Цанковъ, въ виду такихъ прискорбныхъ недоразумѣній и самъ, съ своей стороны, признаетъ необходимымъ подать прошеніе объ отставкѣ. Я надѣюсь, что вы во всякомъ случаѣ посовѣтуете ему это сдѣлать.

«Дѣло идетъ,—повторяю это еще разъ,—объ охраненіи достоинства и репутаціи Болгаріи. Народное собраніе должно завтра разойдтись, а моя цѣль не достигнута, вслѣдствіе чего я вынужденъ повторить мое желаніе и просить васъ, чтобы г. Драганъ Цанковъ отказался отъ портфеля внутреннихъ дѣлъ,—изберите ему преемника и сдѣлайте мнѣ объ немъ представленіе до закрытія настоящей сессіи.

«Александръ».

---

[1]) Белдиманъ былъ чиновникомъ австрійскаго консульства.

[2]) Т. е. собственно секретаря, управлявшаго консульствомъ, г. Лишина, который, въ этой неприличной исторіи какъ и всегда держалъ сторону Батенберга, что и дало возможность послѣднему выбросить Цанкова изъ министерства.

На другой день воля князя была исполнена. Петко Славейковъ, предсѣдатель народнаго собранія, съ которымъ я уже познакомилъ читателей выше, замѣстилъ Цанкова въ министерствѣ, а Драгану Цанкову, на сторонѣ котораго были симпатіи всего собранія и министровъ, дали мѣсто предсѣдателя коммиссіи для изслѣдованія поземельнаго вопроса въ княжествѣ.

Во всей этой исторіи либеральное министерство обнаружило несомнѣнно отсутствіе той строптивости, въ которой его обвиняли, и смиренно подчинилось отнюдь не конституціонному образу дѣйствій князя, который въ этомъ дѣлѣ преслѣдовалъ исключительно свои личные виды, желая угодить Австріи, къ явному ущербу интересамъ Болгарскаго княжества. Министерство Каравелова мало чѣмъ отличалось по своей программѣ и дѣйствіямъ отъ Цанковскаго; вся разница заключалась въ томъ, что въ ходѣ дѣлъ замѣчалось еще менѣе порядка, а Каравеловъ, никѣмъ болѣе не сдерживаемый, въ своихъ рѣчахъ и сношеніяхъ съ дипломатическими агентами высказывалъ болѣе рѣзкій тонъ, шокировавшій дипломатовъ. Но слова оставались словами, а въ оффиціальныхъ дѣйствіяхъ министерства не было ничего особенно предосудительнаго [1]).

Правда, болгарская печать начала писать еще задорнѣе; Каравеловъ и его министры думали поднять престижъ конституціоннаго режима, потерпѣвшаго нѣкоторый афронтъ, вслѣдствіе антиконституціоннаго удаленія Цанкова

---

[1]) Собственно говоря серьезнаго порицанія заслужила дѣятельность Министерства народнаго просвѣщенія, допустившаго и даже благопріятствовавшаго развитію крайне вреднаго направленія въ ходѣ и организаціи школьнаго дѣла въ Болгаріи. Преподаваніе въ болгарскихъ школахъ получило явно нигилистическую окраску, болгарское юношество, въ этихъ своеобразныхъ школахъ, обучалось не наукамъ, а анархическимъ ученіямъ. Но противники Каравелова вовсе не за это негодовалъ на него, лучшимъ доказательствомъ чего можетъ служить то обстоятельство, что послѣ переворота 27 апрѣля не было сдѣлано почти ничего серьезнаго, для оздоровленія болгарской школы и улучшенія въ ней преподаванія.

изъ министерства, въ угоду князю, предоставивъ полную волю печати. Они даже не скрывали своего сочувствія къ ея неистовымъ нападкамъ противъ старыхъ предразсудковъ,—такъ называли молодые болгарскіе публицисты всѣ существующія понятія о власти и государственномъ порядкѣ, которыхъ придерживалась старая Европа.

Это имѣло, конечно, дурныя послѣдствія, потому что старые болгары, напримѣръ, Бурмовъ-Стояновъ, М. Балабановъ и нѣкоторые другіе, въ виду антинаціональныхъ и явно своекорыстныхъ стремленій Стоиловскаго кружка, державшіе сторону министерства Цанкова, испуганные этими журнальными статьями, отшатнулись отъ Каравелова. Они не признали за нимъ того авторитета, которымъ пользовался въ ихъ глазахъ старый, хотя и не безгрѣшный боецъ за болгарское дѣло, Драганъ Цанковъ.

Эти старые болгары имѣли связи въ Россіи, особенно въ Москвѣ, ихъ отзывы о положеніи дѣлъ въ княжествѣ имѣли вліяніе на мнѣнія о болгарскихъ дѣлахъ двухъ вліятельныхъ органовъ московской печати — аксаковской «Руси» и «Московскихъ Вѣдомостей». Болгаринъ Станишевъ, одинъ изъ учителей Катковскаго лицея, авторитетный сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей» по болгарскимъ дѣламъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ И. С. Аксакова, получая постоянно письма изъ Болгаріи и читая болгарскія газеты, возмущался ходомъ дѣлъ въ княжествѣ и рѣшительно порицалъ политику Каравеловскаго кабинета, которая дѣйствительно, судя по газетамъ, представлялась ультрарадикальной.

Этимъ объясняется, что оба указанные органа московской печати отнеслись сочувственно къ перевороту 27-го апрѣля, думая, что все зло и неурядица въ княжествѣ есть дѣло Каравелова. Они привѣтствовали переворотъ, полагая, что онъ вызванъ общимъ желаніемъ установить

порядокъ и авторитетъ власти, а не личными интригами князя и враговъ Россіи и славянства. Изучивъ подробно всѣ акты и распоряженія либеральнаго болгарскаго министерства, сначала имѣвшаго главой Цанкова, а затѣмъ Каравелова, я не нашелъ рѣшительно ничего такого, чтобы могло служить серьезнымъ оправданіемъ переворота.

Болгарское либеральное министерство, конечно, заслуживаетъ упрекъ въ безтактности, особенно за время президентства Каравелова, оно слишкомъ кокетничало съ печатью, упорно уклоняясь отъ изданія предписанныхъ конституціей законовъ о печати, преслѣдующихъ за злоупотребленія печатнымъ словомъ. Сверхъ того, нѣкоторыя изъ рѣчей Каравелова въ собраніи и на сходкахъ могли шокировать людей здравомыслящихъ, но и только. Но этого было недостаточно для такой крутой мѣры, какъ переворотъ 27-го апрѣля.

Радикализмъ Каравелова проявлялся преимущественно въ его рѣчахъ, его дѣйствія и распоряженія ничего особенно радикальнаго въ себѣ не заключали, за исключеніемъ нѣкоторыхъ распоряженій въ отношеніи школъ и преподаванія, хотя къ этимъ именно распоряженіямъ консервативные противники Каравелова относились довольно равнодушно.

Переворотъ 27-го апрѣля былъ мѣрой крайне легкомысленной и вредной, особенно потому, что виновники его отнюдь не имѣли въ виду замѣнить тырновскую конституцію другой серьезно обдуманной системой управленія; производя переворотъ, они вовсе не думали о народномъ благѣ и благоустройствѣ княжества, преслѣдуя исключительно свои личныя цѣли, въ надеждѣ наживы изъ казны княжества, послѣ упраздненія тырновской конституціи и погрома либеральной партіи.

Правда, тырновская конституція не отвѣчала потребностямъ и условіямъ болгарскаго быта, но, допуская даже, что она была зломъ, слѣдуетъ признать, что насильственное упраздненіе ея было зломъ сугубымъ, именно въ виду того, что переворотъ давалъ неограниченную власть надъ судьбами Болгарскаго княжества князю Александру Батенбергу, который ничѣмъ не заявилъ серьезнаго желанія служить вѣрой и правдой дѣлу развитія болгарскаго народа; напротивъ, цѣлый рядъ его поступковъ несомнѣнно свидѣтельствовалъ, что въ своей власти надъ болгарскимъ народомъ, онъ исключительно видѣлъ одно лишь орудіе къ достиженію своихъ личныхъ, не всегда красивыхъ цѣлей.

Всѣ его заботы были направлены къ увеличенію денежныхъ средствъ, отпускаемыхъ на личное его содержаніе, хотя, казалось бы, 600 тыс. франковъ, ассигнованныхъ народнымъ собраніемъ на содержаніе князя и его двора, совершенно достаточно, особенно принимая во вниманіе неприхотливыя условія болгарской жизни и добавочное содержаніе, получаемое княземъ Александромъ отъ Россіи [1]). Весьма скромные размѣры бюджета княжества предписывали довольствоваться этимъ окладомъ.

Такимъ образомъ естественно является вопросъ: что же вызвало переворотъ 27-го апрѣля?

Изъ всего мною вышеизложеннаго, кажется, довольно ясно слѣдуетъ, что этотъ несчастный переворотъ, немало повредившій взаимнымъ отношеніямъ между Россіей и болгарами, былъ дѣломъ личныхъ интригъ князя и его друзей, изъ партіи Стоилова, плодомъ коварной политики Австріи, т. е. ея дипломатическаго представителя графа Кевенгюллера, нашедшаго собѣ усерднаго союзника во французскомъ консулѣ Жюлѣ Шефферѣ [2]).

---

[1]) Князь Александръ, пока онъ состоялъ на русской службѣ, т. е. до осени 1885 года, получалъ довольно значительное содержаніе и отъ Россіи.

[2]) Шефферъ въ этомъ случаѣ велъ часто личную политику, не обращая вниманія на инструкціи своего правительства.

Драндаръ въ своей книгѣ [1]) категорически заявляетъ, что главной причиной переворота было неудовольствіе князя на болгарскихъ либераловъ, скупившихся въ отпускѣ кредитовъ, которые князь желалъ получить отъ собранія на постройку себѣ новаго дворца. Было рѣшено передѣлать старый турецкій конакъ въ новое роскошное зданіе, на что приходилось тратить немало денегъ. Народное собраніе отпускало кредиты на эту перестройку довольно скупо; вообще болгары народъ очень экономный. Это крайне раздражало князя, который гораздо болѣе заботился о благоустройствѣ своего дворца, чѣмъ княжества. Подрядъ на перестройку дворца былъ сданъ, еще прежнимъ министерствомъ, одному болгарину, по фамиліи Хадженову, человѣку весьма близкому къ Стоилову.

Этотъ Хадженовъ отъявленный аферистъ и проходимецъ. До войны онъ занимался какими-то темными коммерческими дѣлишками въ Румыніи, гдѣ порядкомъ запутался въ разныхъ не совсѣмъ чистыхъ спекуляціяхъ и пріобрѣлъ весьма незавидную репутацію. Какъ только князь Александръ вступилъ на болгарскую территорію, Хадженовъ выросъ передъ нимъ, какъ грибъ изъ земли — онъ одинъ изъ первыхъ встрѣчалъ князя въ Варнѣ, съ выраженіемъ своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ и затѣмъ слѣдовалъ, какъ тѣнь, по стопамъ князя, чуя, что людямъ пользующимся расположеніемъ князя будетъ нажива изъ болгарской канзы. Хадженовъ, разумѣется, поспѣшилъ, при этомъ, также сблизиться и даже подружиться и со Стоиловымъ.

Дружба эта стала еще тѣснѣе послѣ того, какъ консервативное министерство отпустило деньги Хадженову на перестройку дворца, сданную ему на подрядъ Начевичемъ, и притомъ на весьма широкихъ условіяхъ. Болгар-

---

[1]) Скупость, съ которой собраніе отпускало деньги на перестройку дворца,— пишетъ Драндаръ,—была одной изъ главныхъ причинъ переворота. «Cinq ans du regne», стр. 71.

скіе консерваторы, по части расходованія средствъ болгарскаго казначейства, были весьма либеральны. Когда власть перешла къ либераламъ, Хадженовъ сначала усердно старался сблизиться съ Цанковымъ и Каравеловымъ, но, не успѣвъ въ этомъ, сдѣлался отъявленнымъ врагомъ либеральнаго министерства и самымъ дѣятельнымъ агитаторомъ опозиціи, а наконецъ и душой заговора противъ тырновской конституціи.

Онъ служилъ кошелькомъ Стоиловскаго кружка, дѣятельнымъ перомъ котораго былъ Начевичъ. Хадженовъ давалъ деньги на изданіе «Болгарскаго Гласа», органа партіи, въ которомъ Начевичъ съ своимъ единомышленниками, усердно подкапывался подъ либеральное министерство и тырновскую конституцію.

Ошибка Каравеловскаго министерства заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что оно не предусмотрѣло переворота и ничего не сдѣлало для его предупрежденія.

Сталкиваясь съ европейскими консулами, по разнымъ финансовымъ вопросамъ (между прочимъ, по дѣлу о вознагражденіи желѣзно-дорожной компаніи Рущукъ-Варна, по вопросу о скорѣйшемъ соединеніи желѣзно-дорожной сѣти на Балканскомъ полуостровѣ [1]) и т. д.), вслѣдствіе вполнѣ законнаго нежеланія отдать страну въ жертву экономической эксплоатаціи Европы, либеральное министерство ничего не сдѣлало, чтобы упрочить за собой поддержку русскаго правительства.

Каравеловское министерство не предусмотрѣло возможности переворота, потому что, гордое большинствомъ въ народномъ собраніи, оно считало себя неуязвимымъ и

---

[1]) Для осуществленія пресловутаго raccordement желѣзныхъ дорогъ полуострова, о которомъ такъ усердно хлопотала западная дипломатія, нужно было содѣйствіе Болгаріи, которой, предстояло, согласно берлинскому трактату, соорудить свой участокъ, для связи сѣти сербскихъ дорогъ съ рельсовымъ путемъ, соединяющимъ Филиппополь съ Босфоромъ и Мраморнымъ моремъ.

легкомысленно думало, что судьба Болгарскаго княжества исключительно зависитъ отъ счета голосовъ въ этомъ собраніи.

Конечно, если бы Каравеловъ и его сотрудники были люди болѣе дальновидные, они могли бы обратить вниманіе Россіи на махинаціи Кевенгюллера и Стоиловскаго кружка, и такимъ образомъ обнаружить тайныя пружины направленной противъ нихъ и Россіи интриги.

Но самоувѣренное Каравеловское министерство ничего не видало дальше этого собранія; ослѣпленное своимъ вліяніемъ на собраніе, оно считало себя вполнѣ гарантированнымъ отъ всякихъ случайностей.

Болѣе серьезный политическій дѣятель, на мѣстѣ Каравелова, конечно, постарался бы заручиться довѣріемъ Россіи, открылъ бы глаза русскому правительству на цѣли и побужденія затѣяваемаго переворота и избавилъ бы этимъ Болгарію отъ многихъ бѣдъ. Передъ поѣздкой князя въ Петербургъ, въ мартѣ 1881 года, существовавшій въ Болгаріи порядокъ вещей былъ подкопанъ интригами князя, дѣйствовавшаго по наущенію австрійской дипломатіи и Стоиловскаго кружка; близость кризиса слышалась въ воздухѣ и въ предостереженіяхъ не было недостатка: нужно было быть слѣпымъ, чтобы этого не замѣтить.

А. М Кумани, замѣнившій г. Давидова на дипломатическомъ постѣ представителя Россіи въ Софіи, былъ болѣе расположенъ къ либеральному министерству, чѣмъ его предшественникъ, и поддерживалъ довольно близкія отношенія къ Каравелову.

Конечно, онъ не скрывалъ отъ Каравелова, что русское правительство отчасти предубѣждено противъ либеральнаго болгарскаго кабинета, что надъ нимъ тяготѣетъ обвиненіе въ анархическихъ стремленіяхъ. На это указывали, кромѣ того, и статьи нѣкоторыхъ московскихъ га-

зетъ, также какъ и отзывы нашихъ дипломатическихъ сферъ, напримѣръ посольства въ Константинополѣ о положеніи дѣлъ въ княжествѣ.

Кромѣ того, Каравелову было достаточно извѣстно, что князь неоднократно обращался въ Петербургъ, съ самыми рѣшительными заявленіями о невозможности порядка вещей, созданнаго въ Болгаріи тырновской конституціей, рисуя мрачными красками, въ глазахъ русскаго кабинета, управленіе болгарскаго либеральнаго министерства.

Все это указывало Каравелову и его товарищамъ по министерству, что они должны дѣйствовать съ величайшей осмотрительностью и осторожностью, чтобы уберечь политическія учрежденія Болгаріи, которыми они такъ дорожили, отъ скопившихся вокругъ и около нихъ подводныхъ камней.

Но П. Каравеловъ все это игнорировалъ. Злодѣйское преступленіе 1-го марта и поѣздка князя въ Петербургъ, повидимому, не возбудили въ умѣ Каравелова никакихъ опасеній относительно того, какъ отзовутся эти событія на судьбахъ Болгаріи.

Настроеніе и мнѣніе русскаго правительства его мало занимали, хотя отзывы нѣкоторыхъ болгарскихъ газетъ (укажу для примѣра на издававшуюся въ Рущукѣ нѣкоимъ сумасбродомъ Караджевымъ газету „Работникъ“) о катастрофѣ 1-го марта должны были обратить на себя вниманіе болгарскаго министерства, тѣмъ болѣе, что „Болгарскій Гласъ“ старательно собиралъ и подчеркивалъ эти нелѣпыя и безтактныя статьи, которыми князь, кажется, воспользовался, во время пребыванія въ Петербургѣ, какъ орудіемъ противъ либеральнаго министерства и распущенности болгарской печати.

Кромѣ того, Каравеловъ, какъ нарочно, позволилъ себѣ нѣсколько безтактностей, въ отношеніи незадолго передъ тѣмъ прибывшаго изъ Россіи, на мѣсто генерала Паренцова,

для управленія болгарскимъ военнымъ министерствомъ, генерала Эрнрота.

Суровый финляндецъ, старый служака, генералъ Эрнротъ относился несочувственно къ болгарскимъ порядкамъ. Его коробило отсутствіе дисциплины и нѣкоторая распущенность, которыя замѣчались въ болгарскихъ правительственныхъ сферахъ, онъ громко осуждалъ за это либеральное министерство Каравелова. Самая личность болгарскаго премьера его шокировала: въ Каравеловѣ онъ видѣлъ воплощенное отрицаніе всего того, что онъ привыкъ уважать въ представителѣ власти.

Князь Александръ въ Петербургѣ, въ мартѣ 1881 года, добился того, что русская дипломатія перестала въ принципѣ стоять за тырновскую конституцію, но, тѣмъ не менѣе, категорическаго согласія на переворотъ русскимъ кабинетомъ дано не было; кажется, по обстоятельствамъ времени, серьезныхъ переговоровъ по этому предмету даже вовсе не велось.

Условлено было отсрочить окончательное обсужденіе этого предмета, до болѣе благопріятнаго времени, и во всякомъ случаѣ до пріѣзда на мѣсто новаго дипломатическаго агента М. А. Хитрово, назначеннаго на мѣсто А. М. Кумани, которымъ князь Александръ былъ недоволенъ, обвиняя его въ слишкомъ дружескихъ отношеніяхъ къ Каравеловскому кабинету.

Такимъ образомъ переворотъ, упразднившій созданный, при участіи русскаго гражданскаго управленія, порядокъ вещей въ Болгаріи, явился сюрпризомъ какъ для Каравеловскаго министерства, такъ и для нашихъ правительственныхъ сферъ; на это обстоятельство я указывалъ ранѣе, оно не подлежитъ сомнѣнію, констатируется многими фактами [1]). Нашъ новый дипломатическій агентъ, только что

[1]) Генералъ Эрнротъ, въ письмѣ своемъ Л. Н. Соболеву впрочемъ утверждаетъ, что управлявшій нашимъ консульствомъ К. Н. Лишинъ, 16 апрѣля, до-

назначенный генеральнымъ консуломъ въ Софію въ началѣ апрѣля, отправляясь изъ Петербурга черезъ Вѣну въ Болгарію, узналъ о переворотѣ, котораго онъ никакъ не ожидалъ, лишь изъ газетныхъ телеграммъ въ Вѣнѣ. Наше министерство также ничего не знало о затѣянномъ переворотѣ, ибо дало М. А. Хитрово порученіе принять участіе въ засѣданіяхъ коммиссіи a quatres, происходившихъ въ Вѣнѣ [1]), вслѣдствіе чего г. Хитрово небылъ въ Софіи въ моментъ переворота.

Но для австрійскихъ и германскихъ дипломатовъ на Балканскомъ полуостровѣ этотъ переворотъ далеко не былъ сюрпризомъ. Усиленная дѣятельность и разъѣзды курьеровъ, присутствіе въ Софіи всѣхъ западныхъ дипломатическихъ агентовъ, отзывы европейскихъ газетъ о переворотѣ и многія другія обстоятельства, съ достаточною ясностью свидѣтельствуютъ, что въ Вѣнѣ и Берлинѣ были болѣе приготовлены къ перевороту, чѣмъ люди, управлявшіе политикой въ Петербургѣ и Софіи; въ послѣдней, конечно, это можно сказать только относительно Каравеловскаго министерства.

Каравелова переворотъ засталъ совершенно въ расплохъ. 27-го апрѣля 1881 [2]), рано по утру, на стѣнахъ публичныхъ зданій, въ Софіи, была вывѣшена прокламація князя Александра слѣдующаго содержанія:

несъ о неминуемости кризиса министерству, но прибавляетъ онъ, въ Петербургѣ этимъ не интересовались. Это лаконическое заявленіе Эрнрота нисколько не измѣняетъ сути дѣла, г. Лишинъ могъ писать, что онъ считаетъ переворотъ неминуемымъ, но онъ не извѣстилъ министерство, что переворотъ подготовленъ и что все готово и сдѣлано для приведенія переворота въ исполненіе. (См. «Рус. Старина», кн. XI за 1886 г.).

[1]) Князь Александръ за нѣсколько дней передъ этимъ вернулся изъ Петербурга, проѣхавъ при этомъ черезъ Вѣну.

[2]) Коммисія à quatres, т. е. изъ представителей Австріи, Румыніи, Сербіи и Болгаріи, была созвана для обсужденія вопроса о желѣзныхъ дорогахъ на Балканскомъ полуоствѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ обнародованія этой прокламаціи, въ «Державномъ Вѣстникѣ», оффиціальномъ органѣ болгарскаго правительства, появилось письмо или рескриптъ князя на имя генерала Эрнрота, съ приложеніемъ трехъ пунктовъ «этихъ необходимыхъ для управленія княжествомъ условій».

Они заключали въ себѣ слѣдующія требованія. Во-первыхъ, предоставленіе неограниченныхъ полномочій князю, на управленіе страной въ теченіи семи лѣтъ, въ силу которыхъ князь могъ бы создавать новыя учрежденія, улучшать и преобразовывать всѣ отрасли внутренней администраціи, въ видахъ болѣе правильнаго хода управленія.

Во-вторыхъ, отмѣна созыва обыкновеннаго очереднаго народнаго собранія, въ томъ году, съ правомъ продолжить дѣйствіе бюджета, вотированнаго для текущаго года, и на слѣдующій годъ.

Въ-третьихъ, въ предоставленіи князю права, по истеченіи семилѣтняго срока, созвать великое народное собраніе, для пересмотра конституціи, согласно указаніямъ опыта, на основаніи практики новыхъ учрежденій, которыя будутъ введены княземъ.

Въ письмѣ, на имя генерала Эрнрота, было указано, что князь считаетъ необходимымъ прежде всего учрежденіе государственнаго совѣта, объясняя, что въ составъ этого совѣта войдутъ исключительно лица болгарскаго происхожденія. Въ этомъ же письмѣ князь выразилъ желаніе, чтобы предстоящій разрѣшенію великаго народнаго собранія вопросъ былъ поставленъ въ такой формѣ, чтобы собраніе избрало одно изъ двухъ, т. е. приняло бы три пункта княжескихъ требованій, или его отреченіе отъ престола.

Въ день обнародованія прокламаціи 27-го апрѣля, къ Каравелову и членамъ его министерства была приставлена полицейская стража, а всѣ дѣла и атрибуты власти у нихъ отобраны.

Вызванное прокламаціей волненіе и нѣкоторые уличные безпорядки побудили принять строгія военно-полицейскія мѣры. Были назначены 5 чрезвычайныхъ военныхъ комиссаровъ, по одному въ каждую губернію, для поддержанія тишины и порядка.

Драндаръ, въ своей книгѣ, довольно подробно разбираетъ мотивы и аргументы княжеской прокламаціи; я не послѣдую за нимъ въ разборѣ хитросплетеній княжеской казуистики. Ограничусь замѣчаніемъ, что образъ дѣйствій князя и вся эта прокламація находились въ явномъ противорѣчіи съ заявленнымъ въ ней желаніемъ служить болгарскому дѣлу и прямотой характера, которую себѣ приписывалъ князь Александръ. Его увѣреніе, что онъ сохранитъ вѣрность данной имъ присягѣ блюсти свято и ненарушимо конституцію, очевидно, расходилось съ требованіемъ отмѣны тырновской конституціи.

Князь Александръ, конечно, имѣлъ полное право, не нарушая присяги, отказаться отъ престола Болгарскаго княжества, но онъ только грозилъ это сдѣлать, на самомъ же дѣлѣ отнюдь не желая отказаться отъ него.

Заявленное имъ отреченіе было лишь угрозой, съ цѣлью выманить у представителей болгарскаго народа ихъ согласіе на предоставленіе ему неограниченныхъ полномочій власти въ теченіе 7-ми лѣтъ. Никакіе извороты софистики не могутъ измѣнить того яснаго какъ день факта, что князь Александръ нарушилъ данную имъ присягу.

Александръ Батенбергъ, если онъ дѣйствительно былъ убѣжденъ въ невозможности управлять страной, при дѣйствіи тырновской конституціи, долженъ былъ просто и прямо сложить свою власть и удалиться изъ Болгаріи.

Но онъ этого не сдѣлалъ и, какъ я сказалъ, отнюдь не желалъ этого сдѣлать. Онъ билъ лишь на то, чтобы, дѣйствуя изъ-за русской спины, перевернуть весь строй въ Болгаріи и свалить съ себя вину въ измѣнѣ принесен-

ной присягѣ. Самое его убѣжденіе въ невозможности управлять княжествомъ, при дѣйствіи тырновской конституціи, было въ высшей степени несерьёзно: не болѣе какъ черезъ два года онъ призналъ вполнѣ возможнымъ возстановить тырновскую конституцію и, забывъ всѣ свои заявленія на эту тему, преспокойно сохранилъ за собой тотъ самый престолъ, отъ которой категорически отказывался, если тырновская конституція останется въ дѣйствіи.

Есть извѣстныя нравственныя начала, обязательныя для всѣхъ и каждаго; образъ дѣйствій князя Александра представлялъ явное нарушеніе этихъ началъ. Даже допуская, что положеніе дѣлъ въ Болгаріи дѣйствительно требовало отмѣны тырновской конституціи и усиленія авторитета и значенія власти князя, слѣдовало признать, что для проведенія такой реформы необходимо было другое лицо.

Вѣроломное нарушеніе княземъ Александромъ принесенной имъ присяги лишало его авторитета и довѣрія въ глазахъ всѣхъ честныхъ людей; было очевидно, что, начавъ такимъ образомъ играть словами и присягой, князь Александръ неизбѣжно пойдетъ и дальше, по этому скользкому пути.

Наше правительство, въ лицѣ своихъ дипломатическихъ органовъ, въ интересахъ сохраненія мира на Балканскомъ полуостровѣ, признало, однако, за лучшее поддержать князя Александра и удержать его на престолѣ Болгаріи.

Увлекаясь своимъ извѣстнымъ миролюбіемъ и преувеличеннымъ опасеніемъ усложненія дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, русская дипломатія приняла сторону князя Александра, хотя такая политика неизбѣжно вовлекала Россію въ цѣлый омутъ политическихъ интригъ, изъ котораго не было другаго исхода, кромѣ рѣшительнаго вмѣшательства въ болгарскія дѣла или совершеннаго отказа отъ всякаго вліянія на Болгарію.

Удаленіе князя Александра изъ Болгаріи, хотя, конечно, представляло извѣстнаго рода затрудненія, въ ту минуту, но значительно расчищало почву въ будущемъ. Дипломаты же, вообще говоря, охотно держатся правила: «довлѣетъ дневи злоба его», и не любятъ заглядывать въ будущее.

Навязавъ Россіи совершившійся фактъ, въ видѣ переворота 27-го апрѣля, князь Александръ создалъ весьма прискорбный антецедентъ, и напрасно было думать, что онъ остановится на этомъ первомъ опытѣ, въ случаѣ благопріятнаго его исхода. Этимъ переворотомъ онъ завязывалъ гордіевъ узелъ интригъ, направленныхъ противъ русскаго вліянія въ Болгаріи, единственная развязка котораго— удаленіе князя, подъ управленіемъ котораго Болгарія превратилась въ непрестанно кипящій котелъ политическихъ смутъ; подъ его управленіемъ эта несчастная страна не знала ни покоя, ни отдыха.

Удаленіе князя Александра въ 1881 году, безъ поддержки Россіи, было дѣломъ неизбѣжнымъ, и это была самая желательная для насъ развязка затѣяннаго нашими врагами переворота. Она дѣйствительно и послѣдовала 9 августа 1886 года, но тогда уже много было испорчено и въ странѣ русское вліяніе было радикально подорвано.

Къ сожалѣнію, мы испугались такого исхода, оказали дѣятельную поддержку князю Александру, предоставивъ въ его распоряженіе нашихъ офицеровъ, состоявшихъ на болгарской службѣ, и то громадное вліяніе, которымъ Россія пользовалась въ Болгаріи, купленное нами цѣной огромныхъ пожертвованій послѣдней войны.

Теперь мы пожинаемъ плоды этой политики, а передъ нами опять-таки стоитъ роковая дилемма,—или совершенно отказаться отъ всякаго вліянія на Болгарію, или дѣятельно вмѣшаться въ болгарскія дѣла, прибѣгнувъ въ концѣ концовъ къ окупаціи Болгаріи и изгнанію тѣхъ реген-

товъ, которыхъ Батенбергъ, покидая Болгарію, оставилъ ей въ наслѣдство.

Правда, еще остается третій путь—политика выжиданія, которая, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, какъ упорно надѣется наша дипломатія, дастъ возможность возстановить порядокъ въ Болгаріи. Но два года опыта учатъ насъ, что далеко не всѣ ожиданія нашей дипломатіи сбываются на дѣлѣ.

V.

Вслѣдъ за изданіемъ прокламаціи, 27-го апрѣля началась усиленная агитація для склоненія болгарскихъ избирателей въ пользу принятія княжескихъ требованій. Особенное усердіе въ этомъ отношеніи проявили личные друзья князя Александра: Стоиловъ, Начевичъ, Грековъ и Хадженовъ; они лѣзли изъ кожи, чтобы въ имѣвшее собраться великое народное собраніе попали депутаты, благопріятствующіе принятію требованій князя Александра. Эта избирательная компанія была обильна трагическими и комическими эпизодами.

Прискорбно было однако то, что министерство, во главѣ котораго стоялъ русскій генералъ, въ силу положенія вещей должно было нести долю отвѣтственности за избирательные маневры этихъ господъ, которые старательно выставляли на видъ свою солидарность съ министерствомъ Эрнрота. Это было тѣмъ болѣе печально, что Стоиловская партія, зная отлично, что принятіе народнымъ собраніемъ требованій князя — для нихъ вопросъ жизни и смерти, обнаружила крайнюю неразборчивость въ средствахъ и компрометировала въ глазахъ болгаръ и всѣхъ южныхъ славянъ министерство Эрнрота.

Избирательная кампанія была въ полномъ ходу, когда пріѣхалъ въ Софію, нашъ новый дипломатическій агентъ,

М. А. Хитрово; положеніе было на столько испорчено, что поправить его было слишкомъ трудно, чтобы не сказать, невозможно.

Къ тому же г. Хитрово было категорически предписано оказать поддержку князю и употребить вліяніе Россіи на болгаръ для избранія въ народное собраніе депутатовъ, склонныхъ къ принятію предложеній князя.

Стоиловскій кружокъ дѣйствовалъ съ отчаяннымъ усердіемъ, проявляя пожирающую дѣятельность, агитируя вездѣ и всюду въ пользу переворота. Особое вниманіе было обращено при этомъ и на печать, причемъ болѣе всего занялись, разумѣется, европейскими газетами. Нѣкто Фарлей, родомъ англичанинъ, бывшій турецкій консулъ въ Ливерпулѣ, близкій пріятель Стоилова, повезъ, по словамъ Драндара, нѣсколько тысячъ франковъ, которыми его снабдили въ Софіи, для того, чтобы расположить англійскую прессу въ пользу переворота [1]).

При выборѣ депутатовъ были также пущены въ ходъ деньги. Хадженовъ на это истратилъ, по словамъ Драндара, около 60 тысячъ франковъ. Но рѣшительное вліяніе на направленіе выборовъ имѣло вмѣшательство русскаго дипломатическаго агента, г. Хитрово, который отлично говорилъ по болгарски и притомъ по своей прежней службѣ въ Македоніи и личнымъ качествамъ пользовался большимъ авторитетомъ въ глазахъ болгаръ.

Вслѣдъ за прибытіемъ г. Хитрово въ Софію, въ виду возбужденія умовъ, вызваннаго переворотомъ, онъ вмѣстѣ

---

[1]) Деньги были выданы Фарлею Хадженовымъ и княземъ, — говоритъ Драндаръ, стр. 87. Впрочемъ, европейская печать и помимо подкупа, — приведенная сумма была слишкомъ ничтожна для подкупа вліятельныхъ органовъ печати,— имѣла основаніе неособенно претендовать на князя за переворотъ. Въ запискѣ генерала Л. Н. Соболева приведены документы свидѣтельствующіе, что Батенбергъ старался заручиться симпатіями европейской печати и обзавестись въ ней негласными органами задолго до переворота, какъ это видно изъ письма секретаря князя Хоггера отъ 8 (20) декабря 1879 г. къ Фарлею. Это письмо напечатано Соболевымъ въ «Русской Старинѣ» книжка IX, за 1886 г.

съ княземъ предпринялъ поѣздку по Болгаріи, во время которой много разъ бесѣдовалъ съ представителями болгарскаго населенія разныхъ мѣстностей, и его слова и увѣщанія произвели сильное впечатлѣніе. Народъ послушался нашего дипломатическаго представителя и воздержался отъ открытаго возстанія, которое готово было вспыхнуть [1]).

Но, оказывая самую дѣятельную поддержку князю, г. Хитрово высказалъ рѣшительное нежеланіе прибѣгать къ военной силѣ противъ народнаго движенія за тырновскую конституцію, если бы таковое возникло. Это такая печальная необходимость, на которую русское правительство затруднится дать свое согласіе, безъ крайней необходимости, — объяснялъ г. Хитрово. Изъ этихъ разговоровъ князь убѣдился, что нашъ дипломатическій агентъ отнюдь не желаетъ быть слѣпымъ орудіемъ княжеской политики и не допуститъ легкомысленнаго употребленія въ дѣло оружія.

Этимъ объясняется, что нѣкоторые изъ приближенныхъ князя, не смотря на такое полновѣсное содѣйствіе нашего дипломатичесскаго агента князю, стали высказывать неудовольствіе противъ г. Хитрово, сначала исподтишка, а потомъ все громче и громче.

Г. Грековъ, пріѣзжавшій въ это время въ Филиппополь, жаловался на г. Хитрово своимъ филиппопольскимъ пріятелямъ, сожалѣя, что г. Давыдова нѣтъ болѣе въ княжествѣ.

Князь же сталъ тревожиться за исходъ рѣшеній собранія и рѣшился вызвать изъ Константинополя (если не

---

[1]) Вліяніе г. Хитрово было такъ сильно, что Драганъ Цанковъ рѣшился протестовать противъ вмѣшательства нашего представителя въ борьбу князя со сторонниками тырновской конституціи. Цанковъ написалъ открытое письмо къ г. Хитрово, въ которомъ выражалъ сожалѣніе о такомъ вмѣшательствѣ русскаго дипломата во внутреннія дѣла княжества. Это письмо было напечатано въ нѣкоторыхъ болгарскихъ и многихъ европейскихъ газетахъ. Въ этомъ письмѣ заключалась и слѣдующая знаменательная фраза, послужившая какъ бы политической программой для болгарской интеллигенціи—«мы болгаре не хотимъ ни русскаго меда, ни русскаго жала».

ошибаюсь, по совѣту нашего представителя) болгарскаго экзарха, высокопреосвященнаго Іосифа [1]). Послѣдній прибылъ въ княжество, согласно желанію князя, и, объѣзжая свою паству, старался внушить болгарамъ чувства уваженія къ князю и убѣжденіе въ необходимости поддержать авторитетъ власти [2]).

Нашъ представитель и болгарскій экзархъ, дѣйствуя такимъ образомъ, жертвовали своей популярностью, среди болгаръ. Впрочемъ, экзархъ поступалъ такъ не вполнѣ безкорыстно. Тонкій дипломатъ, онъ видѣлъ, что шансы успѣха, благодаря поддержкѣ Россіи, на сторонѣ князя, и потому желалъ заручиться его расположеніемъ. Кромѣ того, у него съ Каравеловскимъ министерствомъ были неудовольствія изъ-за духовныхъ дѣлъ [3]).

Агенты Стоилова и компаніи, усердно рыскавшіе по деревнямъ, спрашивали болгарскихъ селяковъ, за кого они: за князя или Каравелова? и когда эти темные люди, привыкшіе чтить въ князѣ ставлѐнника русскаго царя, освободившаго ихъ отъ турецкаго ига, заявляли свою преданность князю, то, при крикахъ «ура», раздавали списки кандидатовъ, рекомендуемымъ княземъ въ депутаты собранія.

---

[1]) Въ это время до князя постоянно доходили слухи о тайныхъ заговорахъ на его жизнь. Во время поѣздки его по Болгаріи имъ были получены даже телеграммы изъ Берлина, предостерегавшія князя относительно готовящагося покушенія на его жизнь.

[2]) Проѣздомъ черезъ Пловдивъ Экзархъ имѣлъ продолжительное совѣщаніе, въ Метрополіи, съ политическими дѣятелями Южной Болгаріи, т. е. В. Румеліи, послѣдніе настойчиво убѣждали Экзарха не вмѣшиваться въ борьбу князя съ сторонниками Тырновской конституціи и не становиться на сторону князя.

Общественное мнѣніе въ Румеліи громко и открыто высказывалось противъ переворота. Даже такая умѣренная газета, какъ «Марица», писала, что легкомысленная политика Болгарскаго князя губитъ Болгарію.

[3]) Экзархъ кромѣ того получалъ изъ княжества, ежегодно, довольно крупную сумму, около 300 тыс. франковъ, на устройство школъ въ Македоніи, а раздраживъ князя онъ рисковалъ лишиться этихъ денегъ. См. статью въ «Русской Старинѣ» кн. XI за 1886 г. «Къ новѣйшей исторіи Болгаріи».

Говорили и писали въ болгарскихъ газетахъ (разумѣется, тѣхъ, которыя издавались въ Восточной Румеліи), что въ нѣкоторыхъ глухихъ округахъ агенты князя даже сулили сельскимъ жителямъ освобожденіе отъ податей и сборовъ, въ случаѣ принятія народнымъ собраніемъ предложеній князя.

Либеральная партія съ отчаянной энергіей вела страстную пропаганду противъ переворота и полномочій, требуемыхъ княземъ, клеймя послѣдняго названіемъ клятвопреступника и измѣнника тырновской конституціи, которой онъ присягалъ. Это вызвало строгія репрессивныя мѣры со стороны министерства генерала Эрнрота, такъ какъ манифесты и горячія воззванія либераловъ къ народу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вызвали уличные безпорядки.

Видя, что Россія рѣшительно стала на сторону князя, Цанковъ и Каравеловъ телеграфировали Гладстону и Гамбеттѣ, который держалъ тогда въ своихъ рукахъ французскую палату и внѣшнюю политику Франціи, протестуя противъ военнаго деспотизма, нарушившаго свободу выборовъ въ Болгаріи [1]).

Выборы были произведены 14-го (26-го) мая; не смотря на неблагопріятную для либераловъ обстановку, они провели въ собраніе 25 депутатовъ изъ своей партіи.

Нѣкоторые округа, именно: Раховскій, Плевненскій и Никопольскій, вовсе отказались послать отъ себя депутатовъ въ собраніе, протестуя противъ давленія, производимаго на выборы, и заявляя, что признаютъ напередъ незаконнымъ собраніе, выборы въ которое производились при такихъ условіяхъ.

---

[1]) Цанковъ, прежде чѣмъ обратиться съ такимъ воззваніемъ къ политическимъ людямъ Западной Европы, телеграфировалъ графу Н. П. Игнатьеву, бывшему тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, но получилъ отъ него хотя весьма любезный отвѣтъ, въ которомъ, однако, было сказано, что графъ Игнатьевъ никакого участія въ вопросахъ внѣшней политики не имѣетъ.

По окончаніи выборовъ, результаты которыхъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидались во всѣхъ концахъ Болгаріи, «Державный Вѣстникъ», оффиціальный органъ правительства князя, торжественно возвѣстилъ, что избрано 304 депутата расположенныхъ въ пользу предложеній князя противъ 25 либераловъ.

Обычное мѣсто засѣданій болгарскаго великаго народнаго собранія, Тырново, въ которомъ князь Александръ еще такъ недавно присягалъ на вѣрность конституціи, было признано неудобнымъ для созванія въ немъ настоящаго собранія, тѣмъ болѣе, что Тырновскій округъ обнаружилъ крайне враждебное отношеніе къ князю, избравъ въ депутаты исключительно однихъ только либераловъ.

Народное собраніе было созвано, въ хорошо знакомымъ русскимъ читателямъ Систовѣ, населеніе котораго отличалось полнымъ равнодушіемъ къ вопросамъ политики; тамъ нельзя было ожидать какихъ-либо враждебныхъ народныхъ демонстрацій.

Князь Александръ, съ тревожнымъ нетерпѣніемъ ожидавшій исхода выборовъ, хотя онъ это тщательно скрывалъ, а равно его друзья, начиная Стоиловымъ и кончая Хадженовымъ, были въ восторгѣ отъ такого результата [1]).

Весь персоналъ Стоиловской партіи попалъ въ депутаты; даже Хадженовъ, репутація котораго была такова,— говоритъ Драндаръ, — что въ нормальное время самый послѣдній и глухой округъ княжества не захотѣлъ бы имѣть его своимъ представителемъ, прошелъ съ большимъ

---

[1]) Приведенная въ отчаяніе результатомъ Систовскаго собранія, оппозиція, т. е. кажется, собственно говоря, радикальная фракція ея, со Степаномъ Стамбуловымъ (теперешнимъ регентомъ), Миларовымъ и Гродинаровымъ во главѣ, собравшаяся въ Рущукѣ въ количествѣ 40 человѣкъ, составила заговоръ противъ жизни князя, съ цѣлью убить Баттенберга, во время торжественной аудіенціи, при пріемѣ депутатовъ, но вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ рѣшеніе это не было приведено въ исполненіе.

успѣхомъ, во главѣ списка депутатовъ, избранныхъ отъ Софіи.

Передъ открытіемъ собранія въ Систовѣ, представители княжеской партіи избрали отъ себя депутацію, для чествованія и выраженія благодарности г. Хитрово за услуги, оказанныя дѣлу порядка его благотворнымъ вліяніемъ на болгаръ.

Во главѣ этой депутаціи фигурировалъ уже знакомый нашимъ читателямъ г. Грековъ, который еще такъ недавно жаловался своимъ пріятелямъ въ Восточной Румеліи на то, что г. Хитрово слишкомъ деликатничаетъ съ либералами и отнюдь не желаетъ пускать въ ходъ войско противъ этихъ крамольниковъ.—«На что же намъ и войско, которое организуется подъ командой русскихъ офицеровъ, если имъ не хотятъ пользоваться въ такую критическую минуту!»—съ негодованіемъ разсуждалъ этотъ румынскій адвокатъ, интимный совѣтникъ князя Александра, состоявшій въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ графомъ Кевенгюллеромъ, когда послѣдній занималъ въ Софіи постъ дипломатическаго агента Австріи.

На этотъ разъ г. Грековъ былъ совершенно иначе настроенъ, и потому во время представленія депутаціи г. Хитрово, въ рѣчи, обращенной имъ къ нашему дипломатическому представителю, разсыпался, со свойственнымъ ему краснобайствомъ, въ увѣреніяхъ безпредѣльной преданности Россіи благонамѣренныхъ болгаръ, благоговѣйно сознающихъ святыя узы, связывающія болгарскій народъ съ его великой освободительницей.

Систовское народное собраніе было открыто 1-го (13-го) іюля самимъ княземъ. Въ рѣчи, произнесенной имъ, при открытіи собранія, онъ сказалъ; «Я обратился къ моему возлюбленному болгарскому народу, съ искреннимъ довѣріемъ и готовностью пожертвовать своимъ положеніемъ его благу. Адресы, которые я получалъ во время моей по-

слѣдней поѣздки по княжеству, и послѣдовавшіе затѣмъ выборы ознакомили меня съ дѣйствительными желаніями народа. Я счастливъ, видя, что мои намѣренія оцѣнены по достоинству.

«Вамъ извѣстна, гг. депутаты, цѣль созыва настоящаго собранія. Я не сомнѣваюсь, что глубоко проникнутые сознаніемъ важности задачи, возложенной на васъ довѣріемъ вашихъ избирателей, вы одобрите внесенныя мной предложенія и облечете ихъ въ законную форму, согласно желаніямъ народа» [1]).

Наканунѣ открытія собранія, предводители либеральной партіи, опасаясь насилій въ систовскомъ собраніи, поспѣшили разъѣхаться. Славейковъ и Каравеловъ совсѣмъ даже оставили княжество; они уѣхали сначала въ Букарештъ, а оттуда въ Восточную Румелію, откуда, безъ всякаго риска лично для себя, могли продолжать агитацію противъ переворота. Алеко-паша, генералъ-губернаторъ Восточной Румеліи, честолюбивый старикъ, серьезно мѣтившій, въ то время, на престолъ Болгаріи, встрѣтилъ ихъ весьма радушно и усердно имъ покровительствовалъ.

Драганъ Цанковъ не послѣдовалъ ихъ примѣру, не желая покидать княжество, въ трудныя минуты, которыя оно тогда переживало; онъ уѣхалъ въ Рущукъ, намѣреваясь затѣмъ проѣхать въ Тырново, избравшее его своимъ представителемъ, чтобы поблагодарить тырновскихъ гражданъ за ихъ преданность свободѣ и интересамъ Болгаріи.

Единственный органъ печати, еще остававшійся въ рукахъ либераловъ, газета «Независимость», по указу князя, была закрыта наканунѣ открытія собранія.

По выслушаніи рѣчи князя, при открытіи засѣданій, систовское собраніе въ тотъ же самый день, безъ обыч-

---

[1]) См. Драндаръ, стр. 96.

ной провѣрки правильности выборовъ, поспѣшило провозгласить свое согласіе на всѣ три пункта княжескихъ требованій. Засѣданіе продолжалось не болѣе 20 минутъ,— говоритъ Драндаръ.

Закрывая собраніе, князь Александръ горячо благодарилъ гг. депутатовъ за такое патріотическое выраженіе довѣрія,—какъ онъ выразился: «Благодаря васъ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодарю и весь мой народъ за его чувства ко мнѣ. Въ этомъ чувствѣ любви и единенія между мной и народомъ, я вижу коренной залогъ и самую серьезную гарантію всѣми нами горячо желаемаго благоденствія и величія Болгаріи».

Въ это время князь Александръ старался усвоить идеи и языкъ славянофиловъ; онъ считалъ тогда необходимымъ надѣть славянофильскій мундиръ (это его собственное выраженіе) и вступилъ въ переписку съ главой московскихъ славянофиловъ, покойнымъ И. С. Аксаковымъ [1]).

Систовское народное собраніе, прежде чѣмъ окончательно разойтись, рѣшило подать адресъ князю, въ коемъ оно выражало желаніе, чтобы генералъ Эрнротъ, во время управленія министерствомъ княжества, оказавшій столько услугъ странѣ энергическимъ поддержаніемъ порядка, а

---

[1]) Въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ, онъ написалъ весьма любезное письмо И. С. Аксакову, въ которомъ выражалъ ему благодарность отъ имени своего и болгаръ за дѣятельность Аксакова на пользу Болгаріи, высказывалъ надежды на успѣшное развитіе Болгарскаго государства, и вызывая Ивана Сергѣевича на обмѣнъ мыслей по вопросу объ организаціи Болгаріи. Аксаковъ, 30-го іюля 1881 года, отвѣчалъ князю длиннымъ письмомъ, по французски, въ которомъ изложилъ свои взгляды на основы государственнаго устройства славянскаго типа, именно: правительство, внушающее любовь и довѣріе народу своей энергіей, силой, безкорыстіемъ и національнымъ характеромъ; демократія въ основаніи: самостоятельность общинъ, народъ, истинный народъ центромъ тяжести, первенство духу народному (l'esprit national primant sur toute chose), частое совѣщаніе съ народомъ, уваженіе къ религіи и т. д. («Русь», 1882 г., № 4). Это письмо, перепечатано пасторомъ Кохомъ, въ его книгѣ «Fürst Alexander von Bulgarien», представляющей ничто иное, какъ тенденціозный и лживый панегирикъ Александра Батенберга.

равно и успѣшной организаціей болгарскаго войска, остался во главѣ министерства. Этотъ адресъ князю заключался ходатайствомъ о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности Драгана Цанкова, Каравелова и нѣкоторыхъ другихъ либераловъ, за ихъ обращеніе къ иноземнымъ государствамъ, съ цѣлью вызвать ихъ вмѣшательство во внутреннія дѣла княжества.

Князь, по совѣту дипломатическаго представителя Россіи, не призналъ нужнымъ воздуждать уголовное преслѣдованіе по этому дѣлу.

Въ манифестѣ къ болгарскому народу, изданномъ въ день закрытія систовскаго собранія, князь торжественно возвѣщалъ свое твердое намѣреніе уважать свободу и народныя права. Манифестъ заявлялъ, что князь настаивалъ на предоставленіи ему полномочій власти, только ради устраненія преградъ, мѣшавшихъ правильному и прочному благоустройству страны, чтобы положить конецъ неурядицы и произволу, тяготѣвшимъ надъ болгарскимъ народомъ. Правда, нелицепріятіе, вниманіе и уваженіе ко всѣмъ серьезнымъ нуждамъ и интересамъ страны, отнынѣ станутъ руководящими началами правительства, которое послѣдовательно и настойчиво займется исцѣленіемъ народныхъ язвъ, остававшихся слишкомъ долгое время въ небреженіи. Каждый годъ, а въ случаѣ нужды и чаще, будутъ собираться народные представители для обсужденія бюджета и опредѣленія подлежащихъ взиманію налоговъ, такъ что рѣшающій голосъ по этимъ вопросамъ будетъ предоставленъ народному представительству. Неуклонно стремясь къ водворенію прочнаго порядка въ дѣлахъ управленія, болгарское правительство безусловно откажется отъ частыхъ удаленій со службы чиновниковъ княжества, какъ это дѣлалось до того времени, дезорганизуя правильное отправленіе администраціей ея служебныхъ обязанностей. Манифестъ кончается горячимъ воззваніемъ къ патріотизму всѣхъ болгаръ, призывая ихъ

на дружную совмѣстную работу, на пользу великаго дѣла народнаго возрожденія, чтобы оправдать любовь русскаго императора и народа къ ихъ болгарскимъ братьямъ, свобода которыхъ куплена Россіей цѣною столь великихъ жертвъ [1]).

Но этой широкой программѣ, облеченной княземъ Александромъ въ такія пышныя и громкія слова, не суждено было осуществиться. Да и самая искренность выраженныхъ въ ней намѣреній подлежала сомнѣнію. Для выполненія ея требовалась твердая воля, неослабное и серьезное желаніе блага странѣ, отсутствіе всякихъ личныхъ, эгоистическихъ стремленій, а этими качествами князь Александръ къ сожалѣнію отнюдь не обладалъ.

Въ первыя минуты упоенія своимъ торжествомъ, князь, подъ впечатлѣніемъ радости, вызванной въ немъ благополучнымъ исходомъ рискованнаго переворота, и, подъ вліяніемъ разговоровъ съ г. Хитрово, писемъ Аксакова, можетъ быть, былъ и не прочь даровать болгарскому народу золотую эру всякаго благополучія, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы это не стоило ему большаго труда и главное не стѣсняло бы его въ свободномъ распоряженіи болгарскими финансами. Князь Александръ любилъ широкую и пышную жизнь и терпѣть не могъ стѣсненій по денежной части.

Генералъ Эрнротъ, вслѣдъ за закрытіемъ систовскаго собранія, считая свою тяжелую миссію оконченной, подалъ прошеніе объ отставкѣ и, не смотря на всѣ убѣжденія князя, настоялъ на своемъ увольненіи и скоро уѣхалъ въ Россію.

Трудный и полный непріятностей постъ, который занималъ этотъ почтенный генералъ,—говоритъ Драндаръ,—очевидно, показался ему невыносимымъ, онъ задыхался въ

---

[1]) Драндаръ, стр. 98.

непривычной атмосферѣ политическихъ интригъ, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать, и, только повинуясь долгу службы, скрѣпя сердце, дотянулъ это бремя до конца, т. е. до утвержденія систовскимъ собраніемъ полномочій князя.

Надо думать, что генералъ Эрнротъ, имѣвшій случай за это время довольно близко познакомиться съ характеромъ князя, не надѣялся, что данныя князю полномочія будутъ обращены послѣднимъ на пользу благоустройства и развитія страны. Кромѣ того нашъ дипломатическій представитель въ Княжествѣ М. А. Хитрово рѣшительно не одобрялъ политики генерала Эрнрота.

Удаленіе генерала Эрнрота было непріятно князю и Стоиловской котеріи, которая была весьма довольна генераломъ: онъ такъ энергично поддерживалъ порядокъ и такъ мало вмѣшивался въ политику. Генералъ не искалъ ни популярности въ народѣ, ни вліянія на князя и при этомъ внушалъ страхъ и почтеніе самымъ ярымъ либераламъ.

Стоиловцы съ удовольствіемъ опирались на желѣзную руку суроваго русскаго генерала, тѣмъ болѣе, что эта рука никогда и ни въ чемъ ихъ не стѣсняла.

Къ нашему дипломатическому представителю въ Софіи антуражъ князя относился иначе; имъ не нравилась популярность г. Хитрово, среди болгаръ, кромѣ того, они опасались его вліянія на князя, сознавая, что онъ будетъ «не наковальней, а молотомъ».

Самъ князь раздѣлялъ эти чувства своихъ приближенныхъ и, хотя сначала любезничалъ съ г. Хитрово, нуждаясь въ его поддержкѣ, но, тѣмъ не менѣе, считалъ его человѣкомъ, стѣснительнымъ.

Постъ генерала Эрнрота былъ замѣщенъ также военнымъ, полковникомъ русской службы Ремлингеномъ, завѣдовавшимъ до этого назначенія военнымъ училищемъ въ

Софіи. Его сдѣлали, впрочемъ, только управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, давая тѣмъ понять, что его управленіе будетъ имѣть чисто временный характеръ.

Военнымъ министромъ былъ назначенъ также русскій, генералъ Крыловъ.

Недостатокъ серьёзной правительственной программы обнаружился очень скоро, добившись съ такими усиліями и трескомъ власти, князь болгарскій не имѣлъ яснаго и отчетливаго представленія о томъ, что́ ему дѣлать съ этой властью.

Россія, поддержавъ своимъ вліяніемъ требованія князя о предоставленіи ему широкихъ полномочій власти, устранявшихъ на 7 лѣтъ дѣйствіе конституціи, сочла долгомъ, въ лицѣ своего представителя, контролировать дѣйствія болгарскаго правительства и настояла, чтобы бюджетъ и финансовое управленіе княжества, въ теченіе этого періода продолжали оставаться подъ наблюденіемъ выборныхъ представителей народа, а, между тѣмъ, князь прежде и болѣе всего домогался права свободно распоряжаться финансовыми средствами страны; въ остальномъ его преимущественно интересовала возможность предоставлять министерскія мѣста людямъ Стоиловскаго кружка, но и въ этомъ онъ встрѣтилъ препятствіе со стороны русскаго генеральнаго консула, совѣтовавшаго ему въ виду исключительныхъ обстоятельствъ положенія, организовать управленіе изъ людей, стоящихъ внѣ борьбы партій.

На первое время князь рѣшился заняться образованіемъ государственнаго совѣта, учрежденіе котораго считалось капитальнымъ пунктомъ новой правительственнной системы.

Для составленія проекта этого учрежденія былъ приглашенъ изъ Россіи профессоръ М. Дриновъ [1]), ученый

---

[1]) Г. Маринъ Дриновъ, родомъ болгаринъ, учился въ Россіи, занимаетъ каѳедру славянскихъ нарѣчій въ Харьковскомъ университетѣ.

филологъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ болгарской исторіи. Исполняя желаніе князя, г. Дриновъ поспѣшилъ пріѣхать въ Софію, съ цѣлью составить проектъ государственнаго совѣта княжества и указалъ князю, что государственный совѣтъ Болгаріи можетъ имѣть авторитетъ и значеніе, въ глазахъ населенія, только въ томъ случаѣ, если будетъ опираться на выборное начало. Стоиловъ, Грековъ и Начевичъ, зная, что имъ никоимъ образомъ не превозмочь тяготѣющей надъ ними непопулярности между болгарскими избирателями, отнюдь этого не желали.

Отсюда возникли недоразумѣнія. М. Дриновъ требовалъ учрежденія совѣта, избираемаго въ цѣломъ составѣ народными представителями, только обставивъ доступъ въ совѣтъ болѣе строгими условіями выбора; съ этой цѣлью онъ предлагалъ для избранія въ совѣтъ установленіе двухъ ступеней выборовъ. Князь и его приближенные настаивали, чтобы, по крайней мѣрѣ, одна треть членовъ государственнаго совѣта назначалась непосредственно княземъ. Вслѣдствіе такого разногласія во мнѣніяхъ, г. Дриновъ отказался отъ выполненія возложенной на него задачи и уѣхалъ въ Россію.

Государственный совѣтъ былъ организованъ изъ 12 членовъ, изъ нихъ четыре назначались самимъ княземъ. Остальные восемь членовъ избирались слѣдующимъ порядкомъ. Каждые сто очаговъ въ княжествѣ назначали отъ себя одного делегата въ особую избирательную коммиссію, которая изъ своей среды избирала установленное число членовъ государственнаго совѣта.

Кромѣ этихъ постоянныхъ членовъ совѣта, въ немъ должны были засѣдать, съ правомъ голоса, во-первыхъ, всѣ министры и затѣмъ представители духовенства, всѣхъ вѣроисповѣданій, существующихъ въ княжествѣ; послѣдніе, впрочемъ, только спеціально по вопросамъ, касающимся ихъ вѣдомства. Условія возраста для членовъ совѣта отли-

чались отъ требуемыхъ отъ депутатовъ собранія; такими могли быть только лица, достигшія 30 лѣтъ. Званіе члена совѣта было объявлено несовмѣстимымъ со всякой другой службою, члены совѣта отправляли свои обязанности, въ теченіе трехъ лѣтъ, и затѣмъ половина ихъ состава возобновлялась вышеуказаннымъ порядкомъ. Предсѣдатель и вице-предсѣдатель совѣта назначались княземъ. Въ объяснительной запискѣ, при изданіи закона объ этомъ новомъ государственномъ учрежденіи, упоминалось, что на необходимость его неоднократно указывалъ великій освободитель болгарскаго народа. императоръ Александръ II.

Княжескій указъ о созваніи выборныхъ, для избранія двухъ третей совѣта, появился 14-го (26-го) сентября, а самые выборы были назначены 1-го (13-го) ноября. Передъ началомъ этихъ выборовъ было издано нѣсколько распоряженій, съ цѣлью установленія строгой дисциплины при выборахъ: чиновникамъ, состоящимъ на службѣ княжескаго правительства, были подъ строгой отвѣтственностью воспрещены: политическая агитація, участіе въ избирательныхъ сходкахъ, а равно всякаго рода демонстраціи противъ правительственной власти.

Эти распоряженія вызвали ожесточенные протесты либеральной партіи, которая, впрочемъ, имѣла возможность изливать свое негодованіе противъ такого стѣсненія свободы выборовъ, лишь въ южно-болгарской печати, т. е. въ газетахъ, издававшихся въ Восточной Румеліи [1]).

Выборы дали результаты благопріятные для правительства князя, такъ какъ въ члены совѣта не прошелъ никто изъ извѣстныхъ представителей либеральной партіи. Но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ выборныхъ членовъ государственнаго совѣта возбудили сомнѣнія относительно

---

[1]) Благодаря близкому сосѣдству, постояннымъ сношеніямъ и малочисленности пограничной стражи, южно-болгарскія газеты свободно проникали въ княжество, не смотря на всѣ запрещенія.

своей политической благонадежности; это вызвало измѣненія въ только-что изданномъ законѣ нѣкоторыхъ его постановленій, именно въ отношеніи повѣрки правильности выборовъ [1]).

Учрежденный при такихъ условіяхъ и при такой обстановкѣ Государственный Совѣтъ не могъ пріобрѣсти авторитета и значенія въ глазахъ болгаръ; онъ явился съ самаго начала, какъ и всякая искусственная комбинація, учрежденіемъ мертворожденнымъ. Никакой серьёзной политической роли этотъ совѣтъ не игралъ и просуществовалъ онъ весьма недолго.

Желая придать нѣкоторый авторитетъ этому совѣту, князь сначала предложилъ предсѣдательство въ немъ Дринову, а потомъ Балабанову, а когда они оба отъ этого отказались, предсѣдателемъ государственнаго совѣта былъ назначенъ Икономовъ, а вице-предсѣдателемъ Грековъ [2]).

Составъ членовъ совѣта образовался изъ такъ называемыхъ консервативныхъ чиновниковъ княжества и даже бывшихъ министровъ, напримѣръ, г. Бурмова, но вообще въ немъ не было людей выдающихся способностей и совѣтъ не обнаружилъ никакой самостоятельности. При недостаткѣ людей, со спеціальной подготовкой, болгарскій государственный совѣтъ не оправдалъ даже и тѣхъ ожиданій, въ отношеніи разработки законодательныхъ вопросовъ, которые на него возлагались.

Со введеніемъ въ дѣйствіе этого новаго государственнаго органа въ княжествѣ, совпало вступленіе въ министерство людей Стоиловскаго кружка. Начевичъ получилъ министерство финансовъ, а Грековъ изъ вице-предсѣдателей государственнаго совѣта былъ назначенъ министромъ юстиціи.

---

[1]) См. Драндаръ, стр. 111.

[2]) Тотъ самый Икономовъ, который былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ княжества, послѣ перваго роспуска княземъ народнаго собранія, въ министерствѣ преосвященнаго Климента.

Всѣ эти министерскія перемѣны представляютъ мало интереса. Стоиловцы и князь были недовольны русской опекой, мѣшавшей имъ по своему усмотрѣнію хозяйничать въ княжествѣ, они сначала интриговали противъ русскихъ министровъ Ремлингена и Крылова, спихнувъ которыхъ, стали подкапываться и подъ г. Хитрово.

Въ началѣ 1882 года, приближенные князя даже сдѣлали нѣкоторыя попытки войдти въ сдѣлку съ своими врагами либералами и начали переговоры съ Маркомъ Балабановымъ. Послѣдній послѣ переворота, оставивъ свой дипломатическій постъ въ Константинополѣ, занялся адвокатской практикой въ Софіи, въ надеждѣ играть политичискую роль, въ предстоявшихъ событіяхъ. Балабановъ, вообще говоря, человѣкъ очень ловкій, пытался тогда устроить соглашеніе между такъ называемыми болгарскими консерваторами и либералами, много толковалъ о партіи центра и необходимости умѣреннаго либерализма, надѣясь, что князь и стоиловцы, чтобы освободиться отъ русской опеки, а Цанковъ, скучая отъ бездѣйствія, пойдутъ на соглашеніе.

Но этотъ планъ не удался. Балабановъ скоро убѣдился, что раздраженіе князя противъ либераловъ, заклеймившихъ его поноснымъ именемъ клятвопреступника, не успѣло еще остыть и князь пока охотнѣе готовъ подчиниться вліянію Россіи, чѣмъ протянуть руку примиренія либераламъ. Минута примиренія съ либералами еще не настала. Балабановъ отказался отъ поста предсѣдателя государственнаго совѣта, видя, что, принимая его, онъ рискуетъ лишиться популярности, которой тщательно добивался [1]).

---

[1]) Эмиль Лавелэ, во время своей послѣдней поѣздки въ Болгарію (лѣтомъ 1884 г.), видѣлся въ Софіи съ Балабановымъ, имѣлъ съ нимъ продолжительныя бесѣды и пользовался его указаніями, при составленіи своей книги о Балканскомъ полуостровѣ. Балабановъ увѣрялъ Лавелэ, что онъ всегда былъ либераломъ, причемъ Лавелэ, между прочимъ, очевидно, со словъ Балабанова, пишетъ, что послѣдній, во время поѣздки въ Петербургъ, осенью 1883 года оказалъ большія

Такой исходъ переговоровъ съ Балабановымъ, который кромѣ того, указалъ на необходимость соглашенія съ Цанковымъ и возстановленія конституціи, убѣдилъ князя и его приближенныхъ, что имъ нельзя обдѣлать свои дѣла иначе, какъ подъ русскимъ флагомъ, и они рѣшились опять просить министровъ у Россіи, въ надеждѣ получить изъ Петербурга генераловъ, въ родѣ Эрнрота. Начевичъ, управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, послѣ полковника Ремлингена, немедленно прибѣгнулъ къ крутымъ мѣрамъ противъ упорнаго, стараго агитатора, т. е. Цанкова, чтобы наказать либераловъ за ихъ строптивость. Цанкова, въ февралѣ 1882 года, арестовали ночью и подъ строгимъ конвоемъ отвезли въ маленькій городокъ Врацу, на сѣверномъ склонѣ Балканъ, гдѣ онъ и долженъ былъ безъвыѣздно жить, подъ строгимъ надзоромъ.

Въ томъ-же февралѣ мѣсяцѣ, штабсъ-капитанъ А. В. Ползиковъ, адъютантъ князя Александра, и его любимецъ и довѣренное лицо, отправился въ Петербургъ съ письмомъ къ государю императору, въ которомъ болгарскій князь просилъ присылки двухъ русскихъ генераловъ для занятія постовъ—министра внутреннихъ дѣлъ и военнаго. Въ этомъ же письмѣ князь ходатайствовалъ объ отозваніи изъ Софіи нашего генеральнаго консула г. Хитрово[1]). Нерасположеніе приближенныхъ князя къ г. Хитрово началось съ самаго пріѣзда г. Хитрово въ Софію. Оно даже предшествовало его пріѣзду. Стоиловцы знали прежнюю дѣятельность г. Хитрово, на Балканскомъ полуостровѣ, и, какъ я упомянулъ выше, опасались его.

услуги Болгаріи, уладивъ вопросъ о такъ называемой военной конвенціи, опредѣлившей положеніе русскихъ офицеровъ въ Болгаріи. Значеніе этой конвенціи очень важно, — пишетъ Лавелэ: — она устранила русское вліяніе въ Болгаріи. Стр. 81 и 76, «La Peninsule des Balcans», т. II, Paris, 1886.

[1]) Хотя Баттенбергъ, въ разговорѣ со мною, въ Москвѣ, въ маѣ 1883 г. отрицалъ то, что онъ домогался отозванія г. Хитрово, но это фактъ не подлежитъ сомнѣнію, онъ подтверждается даже книгой пастора Коха.

Кромѣ того, кажется, Кевенгюллеръ предупреждалъ своихъ болгарскихъ друзей въ Софіи, чтобы они остерегались новаго дипломатическаго представителя Россіи. Весьма вѣроятно, что князь поспѣшилъ переворотомъ, не безъ задней мысли, предупредить пріѣздъ г. Хитрово, который могъ остановить переворотъ и разстроить планы князя Александра.

Въ первое бурное время, послѣдовавшее за переворотомъ, князь, нуждаясь въ помощи и поддержкѣ г. Хитрово, Баттенбергъ охотно подчинялся его совѣтамъ и указаніямъ, что̀ вызывало ревнивыя опасенія и завистливую тревогу Стоиловскаго кружка, съ которымъ г. Хитрово держался весьма сдержанно.

Онъ зналъ этихъ людей, видѣлъ отвращеніе и недовѣріе, которое они возбуждаютъ, въ огромномъ большинствѣ болгаръ, и не считалъ нужнымъ входить съ ними въ интимныя сношенія.

Хадженовъ, главный дѣлецъ этого кружка и одинъ изъ самыхъ ретивыхъ дѣятелей переворота, стоившаго ему не мало денегъ, пользовался въ то время особою благосклонностью князя, который назначилъ его кметомъ, т. е. городскимъ головой Софіи.

Хадженовъ, чтобы возмѣстить надлежащимъ образомъ свои расходы, по перевороту, пустился въ разныя неблаговидныя спекуляціи; онъ, между прочимъ, скупалъ подъ чужимъ именемъ, по самой дешевой цѣнѣ участки городской земли, измѣнялъ направленіе улицъ, проводилъ въ своихъ личныхъ интересахъ новыя, возводилъ убыточныя городскія постройки, подражая въ спекуляціяхъ извѣстному, парижскому префекту, Гаусману, хотя, разумѣется, отнюдь не обладалъ его талантами и знаніемъ дѣла; однимъ, словомъ онъ такъ успѣшно занялся городскимъ хозяйствомъ Софіи, чтоскоро опорожнилъ до̀ чиста городскую кассу.

Хотя и болгаринъ, Хадженовъ претендовалъ на роль дѣльца на широкую ногу. Десятки тысячъ рублей, которые онъ нажилъ, орудуя такимъ образомъ городскимъ хозяйствомъ болгарской столицы, казались ему слишкомъ мелкой прибылью. Онъ мечталъ о болѣе крупныхъ аферахъ, для удовлетворенія его апетитовъ требовались болѣе крупные куши. Человѣкъ почти безграмотный, Хадженовъ, потершись въ Бухарештѣ, около всякаго сорта международныхъ аферистовъ, которыми кишитъ Румынія, отлично зналъ, что пути сообщенія — это самый обильный источникъ наживы, во всей Европѣ, и, разумѣется, постарался забрать эту доходную, и до того мало эксплоатированную въ Болгаріи, статью въ свои загребистыя руки. Постройка нѣкоторыхъ шоссейныхъ дорогъ въ княжествѣ досталась ему: отъ подрядчиковъ потребовали взноса крупнаго денежнаго обезпеченія, что̀ устранило конкурентовъ, и подрядъ на весьма выгодныхъ условіяхъ достался Хадженову, который, пользуясь своимъ положеніемъ княжескаго protegè, получилъ нужную сумму изъ болгарскаго банка.

Но завѣтная мечта этого болгарскаго Струсберга— была желѣзнодорожная концессія, золотое руно, ласкающее вожделѣнія всѣхъ дѣльцовъ этого сорта. Онъ домогался концессіи на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, въ Болгаріи, еще прежде переворота, а послѣ него считалъ полученіе таковой своимъ неотъемлемымъ правомъ. Набравъ цѣлую шайку странствовавшихъ безъ дѣла инженеровъ, картографовъ и всякаго сорта авантюристовъ, онъ смѣло приступилъ къ изысканіямъ.

Когда вопросъ о сооруженіи желѣзнодорожной линіи, согласно предписанію берлинскаго трактата, былъ снова возбужденъ въ совѣтѣ министровъ, полковникъ Ремлингенъ, бывшій въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ, пред-

ложилъ русскаго концессіонера—инженера Струве, строителя Литейнаго моста въ Петербургѣ [1]).

Это вызвале первое открытое столкновеніе между нашимъ дипломатическимъ агентомъ и совѣтниками князя, которые готовы были въ огонь и воду за своего лучшаго друга Хадженова. Г. Хитрово вмѣстѣ съ Ремлингеномъ поддерживали русскаго строителя, не считая софійскаго кмета, уже заявившаго себя своими городскими постройками и шоссейными сооруженіями, за серьезнаго концессіонера.

Нерасположеніе г. Хитрово къ Хадженову,—говоритъ Драндаръ,—не замедлило отозваться на его отношеніяхъ къ князю, который сталъ гораздо холоднѣе и сдержаннѣе съ русскимъ представителемъ.

Начали искать благовиднаго предлога, чтобы мотивировать въ глазахъ русскаго кабинета ходатайство объ отозваніи г. Хитрово. Это было время герцеговинскаго возстанія, когда подъ вліяніемъ извѣстной рѣчи М. Д. Скобелева и статей „Руси“, изображавшихъ яркими красками героическую борьбу герцеговинскихъ усташей съ австрійской окупаціей, нѣсколько молодыхъ людей изъ Россіи отправились въ Болгарію, съ цѣлью проѣхать оттуда въ Сербію и затѣмъ пробраться на театръ возстанія. Паспорты ихъ были, кажется, визированы въ русскомъ консульствѣ въ Софіи, въ которое они заходили, проѣздомъ черезъ Софію. Эти молодые люди были задержаны въ Сербіи, правительствомъ короля Милана, сгоравшаго желаніемъ заявить свою преданность Австріи, рапортомъ о мнимой русско-болгарской агитаціи въ Герцеговинѣ.

Началась переписка по этому предмету, въ сущности не имѣвшая никакого серьезнаго значенія. Нѣсколько мо-

---

[1]) Сначала было явился съ такими предложеніями Поляковъ, но, въ виду того, что имя его было крайне непопулярно въ Болгаріи, Ремлингенъ не призналъ возможнымъ оказывать ему поддержку.

лодыхъ людей могли проѣхать свободно черезъ Болгарію, которая не имѣла права ихъ задерживать, тѣмъ болѣе, что они никакихъ боевыхъ запасовъ съ собой не везли и проѣзжали Болгарію, какъ простые туристы. Если кто могъ бы обидѣться, въ данномъ случаѣ, то всего скорѣе, конечно, русская дипломатія за такое безцеремонное задержаніе сербскимъ правительствомъ русскихъ подданныхъ, которые были задержаны прежде, чѣмъ заявили открыто свое намѣреніе стать въ ряды герцеговинскихъ повстанцевъ.

Князь, разумѣется, постарался раздуть эту исторію, дѣлая видъ, что его крайне тревожатъ запросы, по этому предмету, австрійскаго представителя [1]).

Тогда былъ пущенъ въ ходъ слухъ, что самъ Скобелевъ ѣдетъ въ Герцеговину черезъ Софію, и князь дѣлалъ видъ, что онъ этому вѣритъ, намекая, гдѣ и кому нужно, что М. А. Хитрово, какъ близкій другъ Скобелева, конечно, раздѣляетъ его взгляды и желанія поддержать возстаніе герцеговинцевъ. За неимѣніемъ серьезнаго дѣла, князь и его ближайшіе совѣтники усердно занимались мелкими интригами. И. С. Аксаковъ весьма живо изобразилъ политическую атмосферу Болгаріи того времени, говоря: «всякій пустякъ возводится въ событіе, всякая соринка въ темную тучу, всякій мелочной недосмотръ въ преступ-

---

[1]) Между прочимъ Болгарскій князь ставилъ въ упрекъ нашему дипломатическому агенту то, что по его иниціативѣ была устроена, въ Софійскомъ военномъ клубѣ, подписка, въ пользу дѣятелей герцеговинскаго возстанія, умалчивая, что самъ же первый поднялъ вопросъ о такой подпискѣ и первый записалъ свой взносъ въ списокъ. Когда же ему указали на это обстоятельство, Баттенбергъ въ свое оправданіе объяснилъ, что онъ вынужденъ былъ это сдѣлать, уступая давленію г. Хитрово. На дѣлѣ же было такъ: въ началѣ возстанія въ Герцеговинѣ Баттенбергъ, судя по письмамъ М. Д. Скобелева, съ которымъ онъ былъ въ перепискѣ, полагалъ, что Россія окажетъ дѣятельную поддержку возстанію въ Герцеговинѣ и, войдя въ соглашеніе съ Германіей, выброситъ Австрію изъ окупированныхъ ею областей. Дальнѣйшій же ходъ событій и застольная рѣчь Скобелева въ январѣ 1882 г. убѣдили его, что онъ заблуждается. Тогда онъ круто повернулъ въ сторону. Дѣйствовать противъ Австріи онъ, скрѣпя сердце, иногда соглашался, но противъ Германіи—ни за что и никогда.

леніе; все обращается въ сплетню, сплетнею живетъ, питается и дышетъ».

Кажется, письменное ходатайство князя Александра о командированіи въ Болгарію вновь двухъ русскихъ генераловъ и о перемѣнѣ русскаго генеральнаго консула встрѣчено было въ Петербургѣ довольно холодно.

Надѣялись, что послѣ тревогъ и волненій переворота князь серьезно и спокойно займется болгарскими дѣлами, но этого не послѣдовало.

Люди, мутившіе мирное теченіе болгарской политической жизни, по прежнимъ заявленіямъ князя или бѣжали изъ предѣловъ княжества (Каравеловъ, Славейковъ, Сарафовъ и нѣкоторые другіе), или находились въ ссылкѣ подъ полицейскимъ надзоромъ, какъ Цанковъ.

Но вожделѣнный покой и желаемая тишина въ княжествѣ не наступали. Князь Александръ теперь пустился въ инсинуацію противъ русскаго консула, выставляя его за виновника продолжающагося возбужденія умовъ въ Болгаріи.

Это начинало казаться страннымъ и возбудило сомнѣнія; естественно возникалъ вопросъ, не ближе ли искать корня и источника всѣхъ болгарскихъ смутъ въ личности самого князя.

Опасаясь, что такое мнѣніе, наконецъ, возобладаетъ въ Петербургѣ, и видя, что письмо его, посланное съ Ползиковымъ, осталось безъ прямаго отвѣта, князь Александръ, какъ только узналъ, что М. А. Хитрово уѣзжаетъ въ отпускъ въ Россію, рѣшился и самъ поѣхать въ Петербургъ, чтобы путемъ личныхъ объясненій уладить то, о чемъ онъ не совсѣмъ успѣшно хлопоталъ письменно.

Въ апрѣлѣ 1882 года, князь отправился сначала въ Петербургъ, а затѣмъ въ Москву, которую онъ при этомъ посѣтилъ, въ первый разъ, послѣ избранія его на болгарскій престолъ. Поѣздка его на сей разъ увѣнчалась успѣ-

хомъ. Г. Хитрово сначала получилъ продолжительный отпускъ и затѣмъ вовсе былъ отозванъ изъ Софіи, получивъ другое назначеніе, а въ Болгарію были командированы два русскіе генерала: баронъ Каульбарсъ и Соболевъ.

Что и какъ говорилъ князь Александръ въ высшихъ оффиціальныхъ сферахъ, мнѣ, конечно, неизвѣстно, но я имѣлъ случай узнать о его частныхъ бесѣдахъ съ И. С. Аксаковымъ, котораго онъ посѣтилъ въ Москвѣ.

Князь Александръ обнаружилъ въ этомъ случаѣ несомнѣнно дипломатическія способности и съумѣлъ расположить въ свою пользу уважаемаго московскаго славянофила, что было не совсѣмъ легко, ибо Аксаковъ давно и хорошо зналъ М. А. Хитрово.

Передовая статья «Руси» отъ 15 мая 1882 года свидѣтельствуетъ объ этой дипломатической побѣдѣ князя Александра, надъ нашимъ московскимъ публицистомъ.

«Москва,—писалъ Аксаковъ,—наконецъ имѣла утѣшеніе привѣтствовать въ стѣнахъ своего историческаго Кремля государя Болгаріи». Очертивъ далѣе въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ личность молодаго болгарскаго князя, покойный московскій публицистъ продолжаетъ: «Князь Александръ, кажется намъ, вполнѣ вѣрно понимаетъ и опредѣляетъ отношенія своей страны къ нашему отечеству, чѣмъ и отличается рѣзко отъ своего сосѣда, сербскаго короля Милана. Остается только желать, чтобы благія усилія государя Болгаріи были искренно поддержаны не только обоими правительствами, болгарскимъ и нашимъ, но и обществомъ обѣихъ странъ» [1]).

Князь Александръ обошелъ нашего почтеннаго публициста. Человѣкъ глубоко искренній, Аксаковъ охотно вѣрилъ искренности и въ другихъ. Мнѣ привелось видѣть

---

[1]) Полное собранія сочиненій И. С. Аксакова. Томъ первый, Москва, 1886 года, стр. 447—450. Съ небольшимъ годъ спустя, И. С. Аксаковъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ на болгарскаго князя, о чемъ и заявилъ въ „Руси“.

Аксакова нѣсколько дней спустя послѣ его свиданія, съ болгарскимъ княземъ, онъ относился съ полнымъ довѣріемъ и сердечной симпатіей къ этому беззастѣнчивому комедіянту, посаженному нами на престолъ Болгарскаго княжества.

Между тѣмъ, князь Александръ, проѣхавъ изъ Россіи въ Германію, постарался тамъ объяснить, кому слѣдовало, что его русофильство не слѣдуетъ принимать въ-серьезъ, что къ такой политикѣ онъ вынужденъ прискорбнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и при первомъ удобномъ случаѣ сброситъ съ себя русскую опеку, какъ бремя. При этомъ онъ освѣдомился, на какое участіе и отношеніе къ дѣлу Вѣны и Берлина онъ можетъ разсчитывать.

Въ то время князь имѣлъ еще основаніе серьезно желать пріѣзда русскихъ министровъ, конечно, на нѣкоторое только время, ибо его въ Болгаріи ожидала весьма непріятная перспектива выборовъ въ народное собраніе. Его отношенія къ либераламъ, тогда были самыя непріязненныя, а популярность и вліяніе либераловъ въ странѣ замѣтно росли, не смотря на то, что Каравеловъ проживалъ въ Румеліи, а Цанковъ находился въ заточеніи, въ такомъ глухомъ мѣстечкѣ, какъ Враца.

Даже Начевичъ и Грековъ, не смотря на все свое пристрастіе къ министерскимъ портфелямъ и власти, а Стоиловъ къ этой послѣдней, желали русскихъ генераловъ, опасаясь, что безъ ихъ помощи они не совладаютъ съ либералами; къ тому же они все еще ждали русскихъ генераловъ, въ родѣ Эрнрота. Обстоятельства, при которыхъ состоялось приглашеніе на министерскіе посты барона А. В. Каульбарса и Л. Н. Соболева подробно изложены въ книгѣ Адольфа Коха [1]).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1882 года князь отправился въ Петербугъ, съ цѣлью просить Государя объ отозваніи Хитрово, награжденіи орденомъ генерала Лесоваго, пользо-

[1]) Furst Alexander von Bulgarien.

зовшагося особымъ его расположеніемъ и о командированіи двухъ русскихъ министровъ въ Болгарію.

По пріѣздѣ болгарскій князь представлялся Государю въ Петергофѣ, былъ принятъ весьма милостиво, и всѣ его желанія были уважены. Во избѣжаніе всякихъ дальнѣйшихъ недоразумѣній самому князю былъ предоставленъ выборъ изъ русскихъ генераловъ тѣхъ лицъ, которыя онъ признавалъ наиболѣе подходящими для занятія министерскихъ постовъ въ Болгаріи.

По указанію своего лейбъ-медика и начальника санитарной части, доктора Гримма [1]) князь пожелалъ поручить портфель военнаго министерства, генералъ-маіору барону А. В. Каульбарсу, съ которымъ и видѣлся на вакзалѣ проѣздомъ черезъ Варшаву въ Петербургъ. Баронъ Каульбарсъ согласился принять предложеніе князя, съ тѣмъ условіемъ, что на постъ министра внутреннихъ дѣлъ будетъ приглашенъ его пріятель, генералъ Л. Н. Соболевъ. Такимъ образомъ выборъ обоихъ генераловъ, посланныхъ въ Болгарію исходилъ отъ князя, а не отъ русскаго правительства. Впрочемъ, сторонники князя утверждаютъ, что онъ согласился пригласить Соболева не совсѣмъ охотно, ибо опасался его крайнихъ славянофильскихъ воззрѣній, тѣмъ не менѣе уступая требованіямъ Каульбарса, онъ просилъ Государя о назначеніи какъ того, такъ и другаго [2]),

---

[1]) Бывшаго полковаго доктора одного изъ нашихъ Гвардейскихъ полковъ.

[2]) А. Кохъ въ своей книгѣ «Furst Alexander von Bolgarien» въ главѣ 9-й. озаглавленной «Русское хозяйничанье. Каульбарсъ и Соболевъ въ Болгаріи» стр. 109—152, говоритъ, что въ это время вообще въ Россіи панслависты были очень сильны и что русской политикой, по болгарскимъ дѣламъ, руководилъ не Н. К. Гирсъ, а генералъ Обручевъ, будто бы близкій родственникъ г. Хитрово и что послѣдній вмѣстѣ съ Обручевымъ настроили Каульбарса и Соболева враждебно противъ князя. Основанная и руководимая Соболевымъ газета «Балканъ» стала нападать на него, Коха, за лютеранскую пропаганду. т. е. за открытіе нѣмецкихъ школъ для дѣтей нѣмцевъ, проживающихъ въ Болгаріи. Князь, видя такую политику своихъ русскихъ министровъ, только пожималъ плечами и т. д. А. Кохъ «Князь Александръ Болгарскій» стр. 104 и 105, а также разсказъ А. В. Ползикова, личнаго адъютанта князя, въ этомъ отношеніи вполнѣ согласный съ изложеніемъ Коха.

Результаты миссіи генераловъ Соболева и Каульбарса извѣстны; ея неуспѣхъ нетрудно было предвидѣть. Этимъ генераламъ, изъ которыхъ первому было поручено министерство внутреннихъ дѣлъ, а второму — военное, предстояло одно изъ двухъ: или обратиться въ орудіе личной политики князя, или вызвать его неудовольствіе и кончить явнымъ съ нимъ разладомъ. Они выбрали послѣднее [1]).

Князь Александръ, съ свойственнымъ ему двуличіемъ, убѣдившись, что генералы не желаютъ быть покорными орудіями въ его рукахъ, усердно старался ихъ дискредитировать всякаго рода обвиненіями, искусно подбирая факты съ цѣлью доказать ихъ самовластіе и показывая, при этомъ, всѣ знаки наружнаго къ нимъ благоволенія. Онъ предупредительно сообщалъ многимъ изъ русскихъ, съ которыми имѣлъ случай видѣться въ Москвѣ, во время коронаціи, нѣкоторые документы и телеграммы, которые указывали, что его министры Соболевъ и Каульбарсъ относятся къ нему недостаточно почтительно. Но, даже допуская, что они, будучи выведены изъ терпѣнія лицемѣріемъ князя и интригами его приближенныхъ, иногда позволяли себѣ извѣстную рѣзкость тона, слѣдуетъ, однако, признать, что это только ускорило и обострило кризисъ, который и безъ того былъ неизбѣженъ. До какой мелочности доходили эти обвиненія противъ нашихъ генераловъ, видно изъ того, что приближенные князя и онъ самъ разсказывали европейскимъ консуламъ и пріѣзжимъ туристамъ всякаго рода небылицы о грубости и безтактности Соболева и Каульбарса. Такъ, между прочимъ, они увѣряли, что приглашаемые на обѣдъ княземъ наши генералы, безъ его зова

---

[1]) Въ запискѣ генерала Л. Н. Скобелева, помѣщенной въ статьѣ Русской Старинѣ (IX книжка за 1886 г.) «Къ новѣйшей Исторіи Болгаріи» приведено, на основаніи документальныхъ данныхъ, много любопытныхъ фактовъ объ отношеніяхъ и столкновеніяхъ Князя съ его русскими министрами.

приводили съ собой своихъ адъютантовъ. То же было и на вечерахъ, устраеваемыхъ княземъ, который де вслѣдствіе такого безцеремоннаго съ нимъ обращенія Соболева и Каульбарса дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этихъ незванныхъ гостей [1]).

Суть дѣла заключалась въ томъ, что князю нужны были русскіе генералы лишь для обузданія опозиціи на предстоявшихъ выборахъ. Любимцы князя: Стоиловъ, Начевичъ и Грековъ не имѣли никакого авторитета въ глазахъ болгаръ и не внушали, все еще сильной въ народѣ, либеральной партіи спасительнаго страха. Поэтому до выборовъ въ собраніе, не смотря на нѣкоторыя размолвки и недоразумѣнія, князь и ето интимные совѣтники считали нужнымъ подчиняться русскимъ генераламъ и только слегка и изъ-за угла противъ нихъ агитировали [2]).

Выборы дали результаты вполнѣ благопріятные для политики князя: значительное большинство депутатовъ были послушные сторонники князя, такъ что они вмѣстѣ съ депутатами изъ турокъ, которые, какъ истые восточные люди, всегда не разсуждая вотируютъ за правительство, составляли подавляющее большинство въ собраніи. Только 15 округовъ прислали опозиціонныхъ депутатовъ, но ихъ выборы были кассированы, потому что Стоиловъ съ компаніей желали имѣть совершенно безгласное народное собраніе [3]).

Заручившись такимъ собраніемъ, приближенные князя

---

[1]) Беру одинъ изъ многихъ разсказовъ подобнаго рода, я остановился на немъ потому, что онъ приведенъ въ довольно серьезной книгѣ Эмиля Лавелэ: «La Peninsule des Balkans», vol. II, page 75.

[2]) Батенбергъ между прочимъ далъ такого рода Инструкцію Л. Н. Соболеву при вступленіи послѣдняго въ управленіе министерствомъ: Если нужно созовите народное Собраніе для разрѣшенія финансовыхъ вопросовъ, «но я требую, чтобы составъ его былъ таковъ, чтобъ депутаты вотировали какъ рота солдатъ». (Р. С. кн. IX, стр. 706).

[3]) Нѣкоторые округа, и въ томъ числѣ Софія, отказались выбирать депутатовъ, жалуясь на стѣсненія свободы выборовъ.

думали, что теперь русскимъ министрамъ нечего болѣе дѣлать въ Болгаріи, ибо ихъ миссія кончена и имъ пора возвратиться въ Россію. Но самъ князь нѣкоторое время не рѣшался взять на себя инициативу удаленія такъ недавно приглашенныхъ имъ изъ Россіи министровъ — онъ боялся возбудить неудовольствіе русскаго императора. Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ, передъ назначеніемъ Соболева и Каульбарса, князю дали понять, что частыя перемѣны лицъ, командируемыхъ Россіей въ Болгарію, наконецъ вызвали неудовольствіе. Ему объяснили, что русскіе генералы, посылаемые въ Болгарію, не могутъ служить игрушкою личныхъ капризовъ и случайныхъ вліяній и обстоятельствъ. Ссылаясь на прежде бывшіе опыты, русскій кабинетъ долго отказывалъ князю въ командированіи вновь русскихъ министровъ въ Болгарію, о чемъ онъ настойчиво просилъ. Его ходатайство было уважено только подъ условіемъ торжественнаго обѣщанія обезпечить болѣе прочное положеніе Соболеву и Каульбарсу.

Желая отдѣлаться поскорѣе отъ стѣснявшаго его, русскаго генеральнаго, консула М. А. Хитрово и нуждаясь въ русскихъ генералахъ, для обузданія либеральной опозиціи, князь согласился подчиниться этимъ условіямъ и обязался дать время и возможность Соболеву и Каульбарсу серьезно заняться устройствомъ дѣлъ въ Болгаріи.

Вѣроятно, онъ надѣялся поладить съ генералами, которые, какъ лица, состоящія на его службѣ, во всякомъ случаѣ были въ нѣкоторой отъ него зависимости, къ тому же ихъ, при случаѣ, легче было спихнуть, чѣмъ русскаго дипломатическаго представителя.

Онъ находилъ еще несвоевременнымъ серьезный разрывъ съ Россіей. Поэтому до открытія собранія, въ ожиданіи болѣе благопріятной минуты, князь болгарскій отказался выступить открыто противъ своихъ русскихъ министровъ, а также писать объ ихъ отозваніи въ Петербургъ.

Рѣшено было дѣйствовать съ другой стороны, именно поколебать положеніе русскихъ министровъ, поднявъ противъ ихъ управленія опозицію въ собраніи. Ежегодное созваніе народнаго собранія, для обсужденія бюджета, было обѣщано княземъ, согласно совѣтамъ Россіи, пусть же русскіе министры испытаютъ на себѣ всѣ непріятности и нападки опозиціи [1]).

Открывшаяся вслѣдъ затѣмъ осенняя сессія 1882 года болгарскаго народнаго собранія представляла оригинальное зрѣлище. Нашимъ генераламъ Соболеву и Каульбарсу пришлось выдержать упорную борьбу, отмѣченную рядомъ мелочныхъ и придирчивыхъ нападокъ опозиціи, которою явно руководили приближенные князя, а изъ-за кулисъ и онъ самъ. Болгарскіе члены кабинета при этомъ завѣдомо интриговали противъ своего-же главы—генерала Соболева.

Стоиловъ, замѣстившій, по желанію Соболева, доктора Вулковича [2]) въ управленія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, особенно старался вредить русскимъ министрамъ. Уволенный Соболевымъ рущукскій префектъ (губернаторъ) Аневъ, избранный въ депутаты (избраніе Анева, между прочимъ, показываетъ, что Соболевъ не пользовался властью, чтобы вліять на выборы въ личныхъ своихъ видахъ), явился въ собраніе ожесточеннымъ врагомъ русскихъ министровъ, которымъ пришлось вынести немало непріятно-

---

[1]) Первое столкновеніе Князя съ его русскими министрами вышло изъ бюджета. Соболевъ, въ качествѣ министра президента, въ виду значительнаго дефицита требовалъ сокращеніе расходовъ, о чемъ и представилъ докладъ Князю, въ октябрѣ 1882 г., Князь неодобряя дефицита желалъ покрыть его увеличеніемъ доходовъ, безъ сокращенія расходовъ.

[2]) Д-ръ Вулковичъ былъ удаленъ по требованію Соболева, вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ между ними, по случаю несвоевременнаго доставленія Соболеву, какъ министру внутреннихъ дѣлъ, телеграммы о самовольномъ арестѣ Цанкова, рущукскимъ префектомъ, Аневымъ. Вулковичъ, занимая постъ министра иностранныхъ дѣлъ, управлялъ въ то же время почтою и телеграфами княжества. Желая склонить князя на увольненіе Вулковича, Соболевъ предложилъ князю замѣстить его, любимцемъ князя, Стоиловымъ.

стей и мелочныхъ придирокъ отъ руководимой ихъ болгарскими товарищами опозиціи.

Желѣзно-дорожный вопросъ и управленіе публичными работами и путями сообщенія, взятые Соболевымъ въ вѣдѣніе своего министерства, — онъ поручилъ завѣдываніе ими русскому инженеру князю Хилкову,—послужили главной темой для нападокъ опозиціи.

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Софію, генералъ Соболевъ, освѣдомившись о спекуляціяхъ Хадженова, который, пользуясь расположеніемъ князя и его приближенныхъ, хозяйничалъ самымъ безцеремоннымъ образомъ по этой части, рѣшился серьезно заняться этой отраслью управленія и, не имѣя въ виду благонадежнаго и знающаго болгарина, поручилъ управленіе публичными постройками и путями сообщеній, какъ я сказалъ, русскому инженеру.

При помощи знающаго и честнаго сотрудника, Соболевъ распуталъ и выяснилъ многія изъ шашней Хадженова, что̀ весьма не нравилось его болгарскимъ пріятеялмъ въ министерствѣ и самому князю.

Занявшись этимъ министерствомъ, въ вѣдѣніи котораго было и сельское хозяйство, генералъ Соболевъ обнаружилъ слѣдующій любопытный фактъ. Вулковичъ, Начевичъ и Стоиловъ, по желанію князя, вступили въ переговоры о приглашеніи въ Болгарію 10 тыс. нѣмецкихъ колонистовъ, изъ Бранденбурга, на земли оставленныя турками.

Въ Болгарію уже пріѣзжали уполномоченные отъ нѣмецкихъ колонистовъ, для осмотра земель, но все это дѣло велось секретно. Нашъ Министръ узналъ объ этомъ проектѣ лишь случайно, взявъ временно въ свои руки портфель уволеннаго Вулковича. Разумѣется, Соболевъ принялъ мѣры противъ такой колонизаціи, этого перваго шага къ осуществленію извѣстныхъ проектовъ нѣмецкихъ культуртрегегоровъ, на Балканскомъ полуостровѣ, столь крас-

норѣчиво изложенныхъ, извѣстнымъ Паулемъ Деномъ въ его книгѣ [1]).

Хадженовъ, въ надеждѣ крупныхъ барышей, отъ ожидаемой концессіи, дѣйствовалъ, по образцу европейскихъ финансистовъ, т. е. стараясь закупить болгарскихъ депутатовъ обѣдами, угощеніями и тому подобными средствами. Драндаръ увѣряетъ, что онъ на свой счетъ приготовивъ помѣщенія въ гостинницѣ для пріѣзжихъ депутатовъ (стр. 143). Кромѣ того, онъ давалъ роскошные парадные обѣды; одинъ изъ такихъ обѣдовъ, съ участіемъ высокопоставленныхъ лицъ оффиціальнаго и парламентскаго міра, сопровождался даже баломъ.

Чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, въ надеждѣ привлечь на свою сторону русскихъ министровъ, онъ перемѣнилъ тактику и изъ противника проекта Струве-Гинцбурга сдѣлался отчасти его сторонникомъ, предложивъ образовать для сооруженія желѣзныхъ дорогъ акціонерное общество, съ участіемъ правительства, которому предоставлялись извѣстныя привиллегіи, а главное участіе въ этомъ обществѣ раздѣлялось между имъ и компаніей, которую представляли Струве-Гинсбургъ.

Но болгарскіе депутаты, завистливымъ окомъ взиравшіе на роскошную обстановку Хадженова, провалили его проектъ, или, точнѣе, отложили обсужденіе этого проекта на неопредѣленное время.

Огорченные такой неудачей своего друга, болгарскіе консерваторы, со Стоиловымъ во главѣ, рѣшились выместить эту неудачу на русскихъ генералахъ, которыхъ они считали главными виновниками пораженія Ходженова,—ему собраніе даже отказало въ выдачѣ вознагражденія за его изысканія.

Передъ закрытіемъ собранія, была избрана изъ его среды, депутація, съ Аневымъ во главѣ, для представленія князю ходатайства о томъ, чтобы завѣдываніе публичными

---

[1]) Paul Dehn *„Deutsland nach Osten“ 1886.*

работами и сооруженіями было поручено болгарину. Это заявленіе было крайне оскорбительно для генерала Соболева, такъ какъ оно выражало явное къ нему недовѣріе собранія, и притомъ отнюдь не заслуженное, — говоритъ г. Драндаръ, хотя этотъ болгарскій публицистъ далеко не партизанъ нашихъ генераловъ и ихъ управленія въ Болгаріи. Министерство публичныхъ работъ, въ вѣдѣніи котораго было желѣзно-дорожное дѣло, было поручено Начевичу, а Хадженовъ получилъ довольно крупную сумму за произведенныя имъ изысканія, съ весьма оригинальной оговоркой, обязавшей его возвратить часть этихъ денегъ, буде, при окончательномъ разрѣшеніи вопроса, окажется, что ему выдано болѣе того, что слѣдовало.

Вслѣдъ за тѣмъ собраніе было распущено. Русскіе министры, не смотря на всѣ подвохи и непріятности, которые имъ дѣлались въ собраніи, остались на своихъ мѣстахъ, хотя почва подъ ними была поколеблена натянутыми и двусмысленными отношеніями къ нимъ князя. Они были призваны въ Болгарію для того, чтобы поддержать князя и его сторонниковъ въ борьбѣ съ либералами, а между тѣмъ, имъ болѣе всего приходилось бороться съ интригами тѣхъ самыхъ людей, на защиту и огражденіе которыхъ они были призваны.

Правда, Соболевъ и Каульбарсъ объясняли свою задачу и программу нѣсколько иначе, заявляя, что таковыя заключаются исключительно въ служеніи дѣлу благоустройства княжества и установленію въ немъ порядка и правильной администраціи.

Но, не находя поддержки въ князѣ, который видимо былъ на сторонѣ ихъ противниковъ, русскіе министры, въ силу вещей, должны были искать сближенія съ либералами, чтобы опереться на этихъ послѣднихъ. Болгарскіе же либералы, для которыхъ сближеніе съ русскими генералами было выгодно, во всѣхъ отношеніяхъ, разумѣется,

дѣлали все отъ нихъ зависѣвшее, чтобы еще болѣе усилить недоразумѣнія между княземъ и русскими министрами и тѣмъ ослабить и даже совсѣмъ подорвать тотъ порядокъ вещей, который лишилъ ихъ власти.

Собственно говоря, всего логичнѣе и разумнѣе было тогда же, въ виду такого положенія дѣлъ, русскимъ министрамъ или выйдти въ отставку, или открыто принять сторону либеральной партіи и настоять на возстановленіи тырновской конституціи, но послѣднее средство противорѣчило буквѣ инструкцій, полученныхъ Соболевымъ и Каульбарсомъ, а первое казалось имъ рискованнымъ, ибо, въ виду наличнаго состава народнаго собранія, отдавало княжество въ руки Стоиловской партіи, такъ что даже сами либералы весьма желали, чтобы русскіе министры до новыхъ выборовъ не оставляли своихъ постовъ.

Князь, колебавшійся между своими личными симпатіями и рискомъ лишиться поддержки Россіи, наружно подчинялся требованіямъ русскихъ генераловъ и пока велъ противъ нихъ только подпольную борьбу.

Въ концѣ февраля, послѣдовало одно происшествіе, которое еще болѣе обострило положеніе. Софійскій митрополитъ Мелетій, по распоряженію экзарха и болгарскаго синода въ Константинополѣ за ослушанія приказаніямъ экзарха [1]), былъ приговоренъ къ ссылкѣ во Врацу съ воспрещеніемъ священнодѣйствія на 6 мѣсяцевъ Этотъ Мелетій, во время нашей турецкой войны, заявилъ горячее сочувствіе и преданность Россіи; именно вскорѣ послѣ объявленія войны, онъ оставилъ Константинополь и, рискуя своимъ положеніемъ, явился въ русскую армію, при которой и оставался до конца.

Указъ объ отрѣшеніи Мелетія былъ адресованъ на имя

---

[1]) Вся эта исторія весьма подробна и документально изложена въ запискѣ Л. Н. Соболева, напечатанной въ «Рус. Старинѣ», книжка IX за 1886 г. гл. IV.

Стоилова, какъ министра иностранныхъ дѣлъ, который сообщилъ о содержаніи его Соболеву; послѣдній хотя и не призналъ возможнымъ прямо воспротивиться такому указу подлежащей болгарской церковной власти, но, тѣмъ не менѣе, убѣдительно просилъ Стоилова привести эту мѣру въ исполненіе съ предупредительностью и уваженіемъ, подобающими духовному сану, который занималъ этотъ болгарскій святитель и патріотъ.

Но Стоиловъ поступилъ какъ разъ наоборотъ. Опасаясь народныхъ демонстрацій; онъ приказалъ жандармамъ ночью схватить Мелетія, посадить его верхомъ на лошадь (хотя, по приказанію Соболева, для опальнаго митрополита была приготовлена карета) и тайкомъ увезти его въ горный Рыльскій монастырь, подъ строгимъ конвоемъ. Собственной своей властью онъ измѣнилъ мѣсто заключенія, подчистивъ въ указѣ слово «Враца» и написавъ вмѣсто него Рыло [1]). Это взбѣсило Соболева, тѣмъ болѣе, что такая крутая мѣра противъ Мелетія возбудила негодованіе между болгарами и русскими офицерами, полагавшими, что причина гоненія на Мелетія заключается въ его преданности Россіи. Соболевъ, какъ глава министерства, понятное дѣло, несъ отвѣтственность за самовольныя дѣйствія другаго члена кабинета и видѣлъ въ поступкѣ Стоилова явное нарушеніе самыхъ элементарныхъ требованій дисциплины. Зная, что Стоиловъ силенъ дружбой князя и что увольненіе его сопряжено еъ большими трудностями, Соболевъ самъ подалъ прошеніе объ увольненіи. Баронъ Каульбарсъ заявилъ, что онъ послѣдуетъ его примѣру.

Стоиловцы не ожидали такого энергическаго рѣшенія русскихъ министровъ. Они, какъ люди болѣе всего способные на мелкія закулисныя интриги, растерялись и стру-

---

[1]) Во Врацѣ находился въ то время Д. Цанковъ и Стоиловская котерія соединять вмѣстѣ обоихъ гонимыхъ патріотовъ не желала.

сили. Къ тому же, князь Александръ собирался ѣхать въ Россію на коронацію, онъ имѣлъ основаніе дорожить расположеніемъ русскаго правительства, нуждаясь въ немъ для исполненія нѣкоторыхъ своихъ личныхъ ходатайствъ. Онъ надѣялся получить награды и другія милости по случаю коронаціоннаго торжества, а также разсчитывалъ на увеличеніе содержанія, получаемаго имъ изъ Россіи. Кромѣ того, онъ думалъ, что во время пребыванія въ Москвѣ ему будетъ удобнѣе спустить ненавистныхъ ему генераловъ. Его ненависть къ Соболеву еще болѣе усугубилась упраздненіемъ, по требованію послѣдняго, поста начальника политической канцеляріи, этого мирнаго пристанища, въ которомъ находилъ благополучный пріютъ, во время политическихъ бурь, его любимецъ Стоиловъ.

Такимъ образомъ, въ виду предстоящей поѣздки въ Россію, пришлось отложить разрывъ съ генералами; князь уступилъ требованіямъ Соболева: Стоиловъ, Начевичъ и Грековъ были уволены и 3 марта, того же года, Соболевъ могъ составить новое министерство, поручивъ Кирьяку Цанкову (вышепоименованному представителю княжества въ Бухарестѣ), Бурмову и Теохарову, оставшіеся свободными министерскіе портфели. Стоиловъ былъ назначенъ вскорѣ послѣ своего увольненія представителемъ Болгаріи въ Вѣну, въ засѣдавшую тамъ, такъ называемую, коммиссію à quatres, для разрѣшенія вопроса о соединеніи желѣзно-дорожной сѣти на Балканскомъ полуостровѣ, согласно предписанію берлинскаго трактата.

Князь, крайне недовольный своими русскими министрами, также поспѣшилъ уѣхать изъ Болгаріи. Передъ отъѣздомъ ему пришлось сдѣлать еще одну уступку—пожертвовать Хадженовымъ, который, въ должности городскаго головы Софіи былъ замѣненъ Сукнаровымъ,—либераломъ, сторонникомъ Цанкова и Каравелова.

Такъ какъ время для пріѣзда въ Россію, на празднованіе коронаціи еще не наступило, то князь въ сопровожденіи предсѣдателя державнаго совѣта доктора Вулковича[1]) отправился предварительно путешествовать, дабы немного разсѣяться отъ причиненныхъ ему огорченій русскими генералами. Онъ посѣтилъ Константинополь, Аѳины, Іерусалимъ и Цетинье. Его визитъ къ черногорскому князю находился въ связи съ предполагавшимся тогда сватовствомъ его къ одной изъ черногорскихъ княженъ.

Разсорившись вслѣдъ за симъ съ русскимъ правительствомъ, князь Александръ отказался отъ этой мысли и сталъ искать брачныхъ связей въ Германіи. Изъ Цетиньи князь болгарскій поѣхалъ въ Дармштадтъ, для свиданія съ родными, а Вулковичъ въ Москву, чтобы предварительно изслѣдовать положеніе вещей и узнать настроеніе нашихъ правительственныхъ сферъ и общественнаго мнѣнія въ Россіи. Въ Москвѣ Вулковичъ старался склонить кого могъ въ пользу князя, побывалъ у Аксакова и Каткова, и всѣми силами старался придумать такую комбинацію, которая могла бы предупредить окончательный разрывъ между княземъ и Россіей, увѣряя, что причина и вина недоразумѣній не въ князѣ, а въ русскихъ генералахъ.

Въ началѣ мая пріѣхалъ и самъ князь, но его ходатайства въ Москвѣ не увѣнчались успѣхомъ. Соболевъ тоже пріѣхалъ на коронацію, съ двумя болгарскими министрами: Кирьякомъ Цанковымъ и Бурмовымъ. Вслѣдъ за симъ прибыла депутація отъ городскаго совѣта Софіи, состоявшаго изъ либераловъ. Зная, что депутація, посланная отъ народнаго собранія, будетъ говорить въ духѣ тенденцій стоиловскаго кружка и будетъ жаловаться на его управленіе, Соболевъ былъ обрадованъ пріѣздомъ депутаціи отъ

---

[1]) Вулковичъ имѣетъ связи родства въ Черногоріи, такъ какъ мать его по происхожденію черногорка.

либеральной партіи, которая, разумѣется, не осталась въ долгу и выложила все, что знала о дѣяніяхъ приближенныхъ князя.

Это, разумѣется, еще болѣе обострило отношенія князя къ его русскимъ министрамъ; тѣмъ не менѣе, отозваніе Соболева и Каульбарса было признано преждевременнымъ, о чемъ и было объяснено князю болгарскому.

Но, въ виду крайне натянутыхъ отношеній между княземъ и русскими генералами, было рѣшено приставить къ нимъ авторитетнаго и опытнаго посредника. Эта трудная миссія была поручена А. С. Іонину. Одновременно съ послѣдовавшимъ назначеніемъ посланникомъ въ Бразилію, на г. Іонина было возложено особое порученіе временно вступить въ управленіе нашимъ генеральнымъ консульствомъ въ Софіи; этотъ постъ, послѣ отозванія г. Хитрово, оставался незамѣщеннымъ: консульствомъ управлялъ секретарь г. Арсеньевъ.

Выборъ остановился на г. Іонинѣ, какъ на человѣкѣ, давно и близко знакомомъ съ южно-славянскими дѣлами и доказавшемъ свои способности, во время продолжительной службы нашимъ представителемъ въ Черногоріи.

Этимъ способомъ думали уладить крайне натянутое положеніе дѣлъ въ Болгаріи и отсрочить наступавшій вновь кризисъ. Наступленіе этого кризиса, кажется, впрочемъ, у насъ не считали слишкомъ близкимъ, ибо генералъ Соболевъ и А. С. Іонинъ не спѣшили отъѣздомъ въ Болгарію изъ Россіи, гдѣ они оставались до начала августа. Князь Александръ уѣхалъ изъ Москвы крайне недовольный, тѣмъ болѣе, что, помимо отозванія генераловъ, и его личныя ходатайства не были уважены.

Эти личныя ходатайства князя Александра были весьма разнообразны. Онъ просилъ земли, въ одной изъ нашихъ восточныхъ губерній, денегъ на сватьбу и андреевскую ленту, которая по его словамъ была ему необ-

ходима для усиленія его авторитета въ глазахъ Болгаръ и Русскихъ, проживавшихъ въ Болгаріи. Въ землѣ ему отказали, но Государь обѣщалъ ему милліонъ рублей на свадьбу, когда онъ женится [1]). Вмѣсто св. Андрея ему дали, во время коронаціи, орденъ св. Владиміра 1-й степени.

Между тѣмъ, стоиловцы усердно, гдѣ и какъ могли, агитировали противъ диктатуры русскихъ генераловъ. Различные органы западно-европейской печати вдругъ стали наполняться статьями о возмутительной русской опекѣ, повергшей якобы всю Болгарію въ состояніе анархіи и вызвавшей такое возбужденіе умовъ, что во всѣхъ концахъ ея безпорядки и волненія безпрерывно слѣдуютъ одни за другими. Между тѣмъ, въ княжествѣ послѣ отъѣзда Александра болгарскаго, по свидѣтельству лицъ, въ этомъ случаѣ вполнѣ компетентныхъ [2]), царствовала полнѣйшая тишина и спокойствіе. Мюнхенская «Всеобщая Газета» помѣстила длинную статью, подробно излагавшую всѣ огорченія, чинимыя князю Александру русскими генералами.

Все это свидѣтельствовало, что вѣтры, возмущавшіе мирное теченіе жизни въ Болгаріи, шли не столько изъ нея самой, сколько извнѣ. Интриговалъ прежде и болѣе всего самъ князь, нами посаженный на болгарскій престолъ, и его приближенные. Эти газетныя статьи, сами по себѣ ничтожныя,—онѣ исходили изъ тѣснаго кружка приближенныхъ князя и печатались на деньги особаго фонда, образованнаго изъ суммъ, взятыхъ изъ казначейства, во время неурядицы, послѣдовавшей за переворотомъ,—имѣли нѣкоторое значеніе въ смыслѣ показателя политической атмосферы.

---

[1]) Кн. Болгарскій обнаружилъ, при этомъ крайнюю безтактность, выразивъ Л. Н. Соболеву (я это слышалъ лично отъ послѣдняго) желаніе, чтобы это обѣщаніе было закрѣплено на бумагѣ.

[2]) Сошлюсь, между прочимъ на книгу Драндара, стр. 152.

Но наши дипломаты на газетныя статьи рѣдко обращаютъ вниманіе.

Князь послѣ отъѣзда изъ Москвы побывалъ въ Берлинѣ [1]) и Вѣнѣ, гдѣ громко жаловался на тяжесть и невыносимость русской опеки. Онъ говорилъ даже о намѣреніи не возвращаться въ Болгарію, пока ею будутъ управлять Соболевъ и Каульбарсъ. Онъ объ этомъ говорилъ и въ Москвѣ, прося у Государя позволенія прожить нѣкоторое время въ Петербургѣ, но затѣмъ нашелъ болѣе удобнымъ предпринять путешествіе по Германіи. Разъѣзжая по Германіи и агитируя противъ русской опеки, онъ постоянно переписывался съ стоиловцами; нѣмецкія газеты отмѣчали его присутствіе въ Дармштадтѣ, Ишлѣ, Гаштейнѣ, не говоря уже о Вѣнѣ и Берлинѣ. Потомъ вдругъ онъ внезапно появился въ Софіи, хотя въ Петербургѣ ожидали его возвращенія въ Болгарію не ранѣе конца августа.

Князь пріѣхалъ въ Софію въ половинѣ іюля, по приглашенію своихъ приближенныхъ,—говоритъ Драндаръ, а, можетъ быть, и по чьему либо совѣту, полученному имъ во время его разъѣздовъ.

Былъ выработанъ новый планъ, pour faire sauter, какъ выражался квязь, въ своей перепискѣ съ друзьями, русскихъ министровъ, помимо согласія Россіи. Этотъ планъ былъ очень простъ и заключался въ сдѣлкѣ, т. е. соглашеніи съ либералами.

Я уже говорилъ, что переговоры о такомъ соглашеніи велись еще до назначенія Соболева и Каульбарса; они не удались, потому что князь долгое время не могъ побѣдить въ себѣ отвращеніе къ вождямъ либеральной партіи. Те-

---

[1]) Въ Берлинѣ, по слухамъ, ему сдѣлали порядочную головомойку, поставивъ ему на видъ, что онъ долженъ, отложивъ въ сторону личные счеты съ либералами, войти съ ними въ соглашеніе и въ союзѣ съ ними отдѣлаться отъ русской опеки.

перь, подъ впечатлѣніемъ неудачъ, испытанныхъ имъ въ Москвѣ, и, весьма вѣроятно, совѣтовъ политической мудрости, преподанныхъ ему въ двухъ сосѣднихъ съ нами столицахъ, онъ рѣшился поступиться личными своими антипатіями. Хотя Драндаръ и увѣряетъ, что мысль о соглашеніи съ либералами исходила изъ Стоиловскаго кружка, но это мало вѣроятно и опровергается многими фактами. Едва ли эти мелкіе политиканы сами остановились на такой комбинаціи, хотя послѣ пріѣзда князя, сначала Начевичъ, а за нимъ и Грековъ, лѣзли изъ кожи, добиваясь примиренія и соглашенія съ Цанковымъ; очевидно, они это дѣлали, въ силу приказаній князя.

Вслѣдъ за пріѣздомъ князя въ Софію, начинаются дѣятельные переговоры съ Цанковымъ. Къ нему во Врацу послали бывшаго яраго либерала Станчева уговорить Цанкова написать просительное письмо къ князю, съ обѣщаніемъ, что князь охотно готовъ забыть прошлое.

Цанковъ вслѣдъ за симъ былъ вызванъ въ Софію, гдѣ получилъ немедленно аудіенцію у князя. 9-го августа, была назначена сходка съ цѣлью установить соглашеніе, но, кромѣ взаимной перебранки, эта сходка никакихъ другихъ результатовъ не дала. Болгарскій радикалъ, городской голова Софіи, Сукнаровъ, обозвалъ консерваторовъ (т. е. Стоилова, Начевича и Грекова) бездѣльниками, которые не имѣютъ ни чести, ни вѣры (см. газету «Марица», за 1883 г., № 516, отъ 19-го августа), консерваторы отвѣчали въ томъ же тонѣ.

Та же газета отъ 23-го августа извѣщала, что князь Александръ приказалъ Начевичу и Грекову передать Цанкову и либераламъ, что онъ рѣшился удалить русскихъ членовъ кабинета.

Я не стану приводить многихъ другихъ указаній болгарской печати, и притомъ предшествовавшихъ событіямъ, свидѣтельствующихъ, что переговоры съ Цанковымъ были

ведены Начевичемъ и Грековымъ, по приказанію князя. Поэтому сближеніе князя съ либералами и порученіе составить министерскій кабинетъ Цанкову нетрудно было предвидѣть, хотя такой поворотъ политики болгараскаго князя поразилъ своей неожиданностью многихъ у насъ въ Россіи, не исключая людей, считавшихся компетентными въ болгарскихъ дѣлахъ [1]).

Извѣстіе о внезапномъ пріѣздѣ князя заставило Соболева поспѣшить въ Болгарію, 27 іюля онъ выѣхалъ изъ Петербурга, а 2 августа высадился въ Виддинѣ, гдѣ ему оказана была сочувственная и соотвѣтственная случаю встрѣча со стороны болгарскаго населенія. На дорогѣ въ Софію, куда онъ прибылъ, 3 августа вечеромъ, генералъ узналъ о переговорахъ князя съ Цанковымъ и объ освобожденіи послѣдняго.

Въ Софіи огромная толпа привѣтствовала Л. Н. Соболева громкимъ выраженіемъ своего сочувствія.

4 августа Соболевъ представлялся князю, а вечеромъ того же дня къ нему явился Драганъ Цанковъ и разсказалъ ему подробно и съ полною откровенностью о своихъ переговорахъ съ княземъ, замѣтивъ при этомъ, что князь настроенъ крайне враждебно въ отношеніи Россіи.

Программа соглашенія между либералами и консерваторами была въ полномъ ходу, предварительныя условія этого соглашенія были уже подписаны Цанковымъ и Начевичемъ 8-го августа и даже напечатаны въ личномъ органѣ генерала Соболева, въ газетѣ «Балканы» отъ 10-го августа, по распоряженію нашего министра.

Такимъ образомъ, загостившемуся въ Россіи, Л. Н. Со-

---

[1]) Напримѣръ, И. С. Аксаковъ; см. его передовую статью отъ 1-го ноября 1883 года, изъ которой видно, что извѣстіе о примиреніи князя съ Цанковымъ произвело впечатлѣніе чего-то неожиданнаго, и что это мнѣніе почтеннаго редактора «Руси» раздѣлялъ бесѣдовавшій съ нимъ дипломатъ, хорошо знакомый съ болгарскими дѣлами.

болеву, пришлось встрѣтиться съ новымъ положеніемъ вещей, созданнымъ перемѣной фронта въ политикѣ болгарскаго князя.

Подчиняясь такому обороту политики, генералъ Соболевъ принялся усердно обсуждать условія возстановленія конституціоннаго порядка управленія, низвергнутаго переворотомъ 27-го апрѣля 1881 года, и, уже не стѣсняясь, повелъ переговоры по этому предмету съ либералами.

Наши генералы, и въ особенности Соболевъ, не были особенно сконфужены, видя, что иниціатива положенія уходитъ изъ ихъ рукъ и что князь, выступивъ на путь рѣшительнаго примиренія съ либералами, очевидно желаетъ лишить raison d'être возложенную на нихъ миссію. Положеніе нашихъ министровъ тѣмъ не менѣе однако было нѣсколько затруднительно, потому что князь уклонялся отъ личныхъ сношеній съ ними и подъ предлогомъ болѣзни отказывался нерѣдко принимать ихъ. Но престижъ русскаго имени въ Болгаріи былъ еще такъ великъ, что наши министры продолжали пользоваться вѣсомъ и авторитетомъ.

Розойдясь съ княземъ и консерваторами, они, очевидно, должны были сблизиться съ либералами. Князь постарался предупредить ихъ въ этомъ отношеніи, желая всѣми способами дать понять Соболеву и Каульбарсу, что такое соглашеніе можетъ и должно состояться безъ всякаго участія съ ихъ стороны.

Но либералы не вполнѣ довѣряли князю и его приближеннымъ, и будучи менѣе злопамятны въ отношеніи нашихъ министровъ, охотно съ ними совѣщались и даже усердно искали расположенія и поддержки русскихъ генераловъ. Тупое и мелкое политиканство консервативныхъ вожаковъ тормазило окончательное соглашеніе между партіями, возбуждая недовѣріе либераловъ, что̀ было весьма благопріятно для нашихъ министровъ, давая имъ снова возможность овладѣть положеніемъ.

Въ это время, именно 8 августа, князь, не посовѣтовавшись съ русскими министрами, издалъ приказъ объ увольненіи предсѣдателя Верховнаго Суда г. Стаматова, русскаго подданнаго и воспитанника одного изъ нашихъ университетовъ. Мотивомъ этой мѣры послужила исключительно преданность Стаматова Россіи и желаніе сдѣлать непріятность Соболеву. Вслѣдъ за симъ, именно 11 августа, прибылъ въ Софію г. Іонинъ и имѣлъ аудіенцію у князя, которая, по словамъ пастора Коха произвела удручающее впечатлѣніе на Батенберга.

Между тѣмъ, дополнительные выборы дали самые блестящіе результаты въ пользу либераловъ, а г. Іонинъ настойчиво требовать отъ князя формулированія программы его дѣйствій съ цѣлью выяснить положеніе дѣлъ.

При этомъ, кажется, г. Іонинъ предъявилъ князю четыре пункта своихъ условій [1]). Черезъ нѣсколько дней, именно 30-го августа, на торжественной аудіенціи, принимая своихъ министровъ, князь сказалъ Соболеву, что существующее между ними различіе во взглядахъ заставляетъ князя просить Соболева подать прошеніе объ отставкѣ. Выразивъ свое сожалѣніе, что не съумѣлъ заслужить довѣріе его свѣтлости, нашъ генералъ объяснилъ въ самой почтительной формѣ, что онъ не можетъ покинуть свой постъ иначе, какъ испросивъ на то разрѣшеніе государя императора.

— Въ такомъ случаѣ вы будете болгарскимъ министромъ, но не моимъ,—отвѣчалъ ему князь и быстро удалился.

Положеніе стало совершенно невозможнымъ; рѣшительное вмѣшательство нашего дипломатическаго агента г. Іо-

---

[1]) У Драндара переговоры съ княземъ изложены довольно сбивчиво и не вѣрно см. стр. 170, 171 его книги. Такъ между прочимъ извѣстно, что г. Іонинъ видѣлся съ княземъ вскорѣ послѣ пріѣзда, т. е. гораздо прежде 30-го августа, а, судя по разсказу Драндара, г. Іонинъ, въ первое же свиданіе съ княземъ предъявилъ ему свой ультиматумъ, хотя это послѣдовало только 30-го августа.

нина сдѣлалось необходимымъ[1]). Онъ сейчасъ же потребовалъ аудіенціи у князя и на этотъ разъ, въ самой категорической формѣ предъявилъ отъ имени русскаго правительства слѣдующія условія:

1) Переименованіе предстоявшаго народнаго собранія [2]) въ чрезвычайное.

2) Объявленіе манифестомъ, который долженъ появиться въ оффиціальномъ органѣ (т. е. «Державномъ Вѣстникѣ»), что князь отказывается отъ своихъ полномочій.

3) Назначеніе особой коммиссіи для пересмотра конституціи.

4) Оставленіе генераловъ Соболева и Каульбарса на занимаемыхъ ими министерскихъ постахъ впредь до разсмотрѣнія и утвержденія великимъ народнымъ собраніемъ предстоящихъ измѣненій въ болгарской конституціи.

Я излагаю ходъ дѣлъ и роль, которую при этомъ игралъ нашъ дипломатическій представитель, въ томъ видѣ, какъ они изложены Драндаромъ (стр. 170). Въ газетѣ «Балканъ», органѣ генерала Соболева, обстоятельства изложены нѣсколько иначе. По словамъ этой газеты, на предложеніе князя подать въ отставку, самъ Соболевъ отвѣчалъ князю предложеніемъ предварительно подписать

---

[1]) Г. Іонинъ направляясь въ Софію, проѣздомъ черезъ Вѣну имѣлъ совѣщаніе съ графомъ Кальноки о болгарскихъ дѣлахъ, при этомъ совѣщаніи присутствовалъ и Стоиловъ, который поспѣшилъ телеграфировать въ Софію, что г. Іонинъ, во время этого разговора допускалъ возможность немедленнаго отозванія нашихъ министровъ. Такимъ образомъ Г. Іонинъ, повидимому, ѣхалъ въ Болгарію отнюдь не безусловнымъ сторонникомъ нашихъ министровъ. Нескромность Стоилова и насмѣшливые отзывы князя о личности г. Іонина—такъ между прочимъ говорили, что Батенбергъ выражая сожалѣніе, что, вмѣсто Эрнрота, присланъ Іонинъ, обозвалъ при этомъ послѣдняго «дипломатической обезьяной»—все это вмѣстѣ взятое раздражило нашего дипломата противъ князя. Отношенія между ними съ первыхъ же дней послѣ пріѣзда г. Іонина установились натянутые, при томъ они обострялись и ухудшались съ каждымъ днемъ.

[2]) Оно было созвано на 2-ое сентября и должно было открыться черезъ нѣсколько дней.

нѣкоторыя условія, а именно, во-первыхъ, объ отказѣ князя отъ полномочій, во-вторыхъ, объ изданіи манифеста о созваніи великаго народнаго собранія, для пересмотра конституціи.

Дѣло въ томъ, что русскій представитель и министры считали возможнымъ устраненіе Россіи отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ управленія, только подъ условіемъ отказа князя отъ полномочій и притомъ требовали, чтобы пересмотръ конституціи былъ возложенъ на спеціально избранное съ этой цѣлью великое народное собраніе, основываясь, на прежде существовавшихъ, на этотъ предметъ, постановленіяхъ и на систовскомъ манифестѣ князя.

Въ видахъ большей гарантіи серьезнаго пересмотра конституціи, они требовали, чтобы созванное на 2 сентября, т. е. имѣвшее открыться черезъ нѣсколько дней, собраніе ограничилось исключительно разсмотрѣніемъ двухъ международныхъ конвенцій, заключенныхъ болгарскимъ правительствомъ, а именно желѣзно-дорожнаго соглашенія, выработаннаго вѣнской четверной коммиссіей (comission à quatres), и договора съ Россіей объ уплатѣ окупаціоннаго долга.

Поэтому въ первомъ пунктѣ предложеній г. Іонина и заключалось требованіе о переименованіи очереднаго народнаго собранія въ чрезвычайное, т. е. исключительно призванное для разсмотрѣнія двухъ вышеуказанныхъ конвенцій.

Приближенные князя, т. е. стоиловцы, и онъ самъ желали, чтобы предстоявшее народное собраніе имѣло болѣе широкую программу дѣятельности. Стоиловская партія располагала въ немъ большинствомъ, на которое она не надѣялась, при новыхъ болѣе свободныхъ выборахъ, когда русскіе генералы уже не будутъ держать сторону ихъ кандидатовъ.

Объясненіе г. Іонина съ княземъ было серьёзное; объ аргументахъ, которыми нашъ представитель подкрѣпилъ свои предложенія, ходили самые разнообразные разсказы.

Самъ князь и его сторонники увѣряли впослѣдствіи, мотивируя этимъ желаніе князя изъять болгарское войско отъ командованія русскихъ генераловъ и офицеровъ, что г. Іонинъ сказалъ, во время этого объясненія, что въ крайнемъ случаѣ болгарскому войску будетъ приказано дѣйствовать въ смыслѣ тѣхъ инструкцій, которыя будутъ даны русскимъ правительствомъ. Весьма возможно, что г. Іонинъ нашелся вынужденнымъ прибѣгнуть къ нѣкоторымъ угрозамъ; иностранныя газеты писали, что г. Іонинъ просилъ телеграммой о присылкѣ, въ случаѣ надобности, даже русскаго войска изъ Одессы.

Князь уступилъ, согласился на предложенія г. Іонина. Въ тотъ же вечеръ, 30-го августа, въ правительственную типографію «Державнаго Вѣстника» былъ посланъ для напечатанія манифестъ князя, обнародованный на другой день, коимъ возвѣщалось болгарскому народу, что князь, желая блага странѣ, въ видахъ мирнаго и успѣшнаго ея развитія, согласно систовскому манифесту отъ 1 (13) іюля 1881 года, рѣшился немедленно собрать подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ особую коммиссію для пересмотра конституціи, изъ наиболѣе уважаемыхъ представителей болгарскаго народа, безъ различія партій.

Эта коммиссія должна изготовить въ самый краткій срокъ проектъ конституціи, который, немедленно по изготовленіи его, имѣлъ быть переданъ на обсужденіе спеціально созваннаго для сего великаго народнаго собранія.

Въ заключеніе манифеста было сказано, что настоящіе министры сохраняютъ свои портфели, занимаясь исключительно текущими дѣлами и соблюдая строгій нейтралитетъ (?!) до обнародованія конституціи.

Въ этомъ манифестѣ любопытна оговорка о внѣшнихъ сношеніяхъ Болгаріи — забавная инсинуація, по адресу воинственныхъ якобы тенденцій министерства Соболева.

Одна болгарская газета довольно остроумно замѣтила, что министерство Соболева, если и имѣло боевой характеръ, то только въ вопросахъ внутренней, а не внѣшней политики.

Между тѣмъ, открылось народное собраніе. Либералы, заручившись княжескимъ манифестомъ, уже менѣе нуждались въ союзѣ съ русскими генералами. Стоиловцы,— самъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ [1]) со спеціальными порученіями отъ князя, — видя, что положеніе обезпечено за либералами и будущее принадлежитъ имъ, отказались отъ надежды спустить русскихъ генераловъ вмѣстѣ съ болгарскими либералами и пошли на всѣ условія, предложенныя имъ либералами, отказавшись отъ долго ласкавшей ихъ мысли провести этихъ послѣднихъ одними обѣщаніями. Поэтому либералы перемѣнили политику, они менѣе охотно стали навѣдываться къ нашимъ министрамъ и стали сдержаннѣе въ своихъ съ ними бесѣдахъ и совѣщаніяхъ. Начались ежедневныя сходки съ консерваторами у митрополита Григорія и Грекова, который слезно просилъ Цанкова забыть всѣ недоразумѣнія прошлаго. Результаты этихъ совѣщаній, особенно происходившихъ у Грекова, остались совершенно неизвѣстны русскимъ министрамъ. Цанковъ, видя, что дни ихъ пребыванія въ Болгаріи сочтены, и главное желая пріобрѣсти расположеніе князя, который усердно заискивалъ личнаго сближенія съ Цанковымъ, увѣряя его въ своей неизмѣнной дружбѣ въ будущемъ, рѣшился на нѣкоторый подвохъ противъ русскихъ министровъ, которымъ онъ былъ обязанъ многимъ.

Такимъ образомъ былъ подготовленъ для русскихъ представителей новый сюрпризъ, а для генераловъ Собо-

---

[1]) Эта поѣздка Стоилова въ Петербургъ, вопреки совѣтамъ и указанію г. Іонина, съ которымъ Стоиловъ видѣлся въ Вѣнѣ, повліяла неблагопріятно на отношенія нашего представителя къ князю и его совѣтникамъ изъ Стоиловскаго кружка.

лева и Каульбарса уже послѣдній. Въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь князя, собраніе, въ лицѣ избранныхъ имъ депутатовъ (въ равномъ числѣ отъ консерваторовъ и либераловъ), заявило единодушную просьбу собранія, безъ различія партій, объ объявленіи манифестомъ о возстановленіи тырновской конституціи, съ указаніемъ тѣхъ пунктовъ въ ней, которые желательно измѣнить путемъ соглашенія съ народными представителями.

Такой манифестъ сейчасъ же, именно 7 сентября, и былъ обнародованъ княземъ, объявившимъ о возстановленіи дѣйствій тырновской конституціи, обращеніи настоящаго спеціальнаго народнаго собранія въ обыкновенное, законодательное, которое при этомъ и приглашалось обсудить измѣненіе нѣкоторыхъ статей тырновской конституціи (гл. XIII и XIV, объ условіяхъ народнаго представительства).

Все это было совершеннымъ сюрпризомъ для г. Іонина и для нашихъ генераловъ, которые были обойдены еще разъ и сейчасъ же подали прошенія объ отставкѣ, которыя и были немедленно приняты; ихъ примѣру послѣдовали и болгарскіе министры, за исключеніемъ министра юстиціи Стоянова, назначеннаго на мѣсто Теохарова, лично самимъ княземъ, въ отсутствіе Соболева.

Драгану Цанкову было поручено составленіе новаго министерскаго кабинета, который имъ и былъ немедленно организованъ изъ Балабанова, Начевича, Стоилова и Икономова.

Др. Цанковъ впослѣдствіи многократно раскаявался въ такомъ поступкѣ, лишившемъ его еще разъ довѣрія русскаго правительства. Ему, конечно, не было надобности спѣшить вступленіемъ въ управленіе, которое ему неизбѣжно предстояло. Онъ рѣшился на эту сдѣлку, прежде всего уступая просьбамъ князя, личнымъ сближеніемъ съ которымъ дорожилъ, а, во-вторыхъ, ради удовлетворенія

самолюбія, т. е. чтобы прямо возстановить ту самую тырновскую конституцію, изъ-за преданности которой онъ потерпѣлъ немало гоненій.

Его отношенія къ русскимъ представителямъ такимъ образомъ испортились, и онъ, противъ желанія, теченіемъ обстоятельствъ, вынужденъ былъ явиться солидарнымъ съ цѣлымъ рядомъ задорныхъ демонстрацій и распоряженій, которыми собраніе и его товарищи, по министерству, изъ Стоиловской партіи, вели княжество къ рѣшительному разрыву съ Россіей.

Вдохновителемъ этой направленной противъ Россіи, политики, явился Стоиловъ, крайне огорченный дурнымъ пріемомъ, оказаннымъ ему въ Петербургѣ, гдѣ онъ вовсе не былъ принятъ въ оффиціальныхъ сферахъ [1]).

Генералы Соболевъ и Каульбарсъ уѣхали изъ Болгаріи; народная партія, главой которой былъ софійскій голова Сукнаровъ, осуждавшая сдѣлку Цанкова съ консерваторами, провожала ихъ съ горячими заявленіями сочувствія.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, наши генералы, представивъ докладъ о послѣднихъ событіяхъ въ Болгаріи, отозвались неодобрительно о нѣкоторыхъ русскихъ офицерахъ, состоявшихъ на службѣ въ Болгаріи, именно штабсъ-капитанѣ Ползиковѣ и начальникѣ артиллеріи генералѣ Лесовомъ, которые, желая угодить князю, не исполнили

---

[1]) Стоиловъ при этомъ сначала имѣлъ неосторожность разсказывать о переговорахъ своихъ съ нашимъ Государемъ и русскими министрами, вслѣдствіе чего въ «Journal de St.Petersbourg» явилась оффиціальная замѣтка, заявлявшая, что Стоиловъ не только не былъ представленъ Государю, но и не видался съ министромъ Гирсомъ; поэтому всѣ извѣстія о его сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ не что иное какъ его выдумка. Въ Петербургѣ Стоиловъ представлялся только директору азіатскаго департамента И. А. Зиновьеву, но когда онъ заговорилъ о необходимости и условіяхъ отозванія Соболева и Каульбарса, то сейчасъ-же былъ остановленъ замѣчаніемъ, что министерство иностранныхъ дѣлъ поручило веденіе переговоровъ, по этому предмету, Іонину, и помимо его ни въ какія объясненія входить не будутъ.

своихъ обязанностей въ отношеніи къ Россіи и нарушили правила дисциплины и тѣ требованія долга службы, которыя на нихъ лежали въ отношеніи къ русскому военному министру въ Болгаріи.

При этомъ было указано на крайне предосудительный образъ дѣйствій самого князя, который между прочимъ разослалъ секретное циркулярное предписаніе нашимъ офицерамъ, въ княжествѣ, заявляя имъ, что они, въ силу особаго Высочайшаго повелѣнія, обязаны повиноваться исключительно одному только князю и исполнять всѣ его приказанія, хотя бы таковыя шли въ разрѣзъ съ распоряженіями нашего военнаго министра и дипломатическаго представителя въ Болгаріи; но ссылка на такое Высочайчайшее повелѣніе былъ своего рода подлогъ, ибо таковаго не воспослѣдовало,

Они оба, т. е. Ползиковъ и Лесовой, были немедленно отозваны въ Россію, телеграммами на имя полковника Ридигера, временно исполнявшаго обязанность военнаго министра Болгаріи, безъ предварительнаго извѣщенія о томъ князя. Послѣдняго крайне раздражило отозваніе Ползикова, который былъ его личный адъютантъ и любимецъ, и состоялъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, пользуясь его интимностью наравнѣ съ Стоиловымъ.

Князь немедленно уволилъ всѣхъ русскихъ, состоявшихъ въ его свитѣ, подполковника Мосолова и капитана Кубе и даже доктора Гримма. Сейчасъ же были посланы телеграммы объ отозваніи въ княжество 35-ти болгарскихъ офицеровъ, обучавшихся военной службѣ въ Россіи. Пригласивъ къ себѣ полковника Ридигера, князь излилъ на него свое негодованіе и потребовалъ отъ него отставки.

Князь вмѣстѣ съ тѣмъ поднялъ вопросъ о совершенномъ удаленіи изъ Болгаріи всѣхъ русскихъ офицеровъ. Стоиловъ и его пріятели ликовали и заявляли во всеуслышаніе, что болгары болѣе не нуждаются въ русскихъ офи-

церахъ. Державный совѣтъ Болгарскаго княжества высказался въ этомъ же смыслѣ, хотя онъ, собственно говоря, не имѣлъ уже права голоса, въ виду возстановленія тырновской конституціи, и подлежалъ немедленному упраздненію. Европейская печать огласилась выраженіями восторга, въ виду такой самостоятельной политики князя Александра—она громко ликовала, заявляя, что Болгарское княжество наконецъ освободится отъ русской опеки. Графъ Кальноки довольно неожиданно, въ отвѣтѣ своемъ венгерской делегаціи, произнесъ нѣсколько двусмысленную рѣчь объ отношеніяхъ между Россіей и Австріей на востокѣ, правда, со многими оговорками, по адресу оффиціальной политики русскаго кабинета. Отношенія Россіи къ Болгаріи принимали крайне натянутый характеръ. Цанковъ, сильно встревоженный такимъ оборотомъ дѣлъ, опасаясь русской окупаціи, которая была бы встрѣчена значительнымъ большинствомъ болгарскаго народа сочувственно,—на эту перспективу указалъ, между прочимъ, и нашъ дипломатическій представитель въ Софіи, — убѣдилъ князя уладить это дѣло.

Въ Россію былъ немедленно посланъ г. Балабановъ, наименѣе скомпрометированный членъ министерства, въ глазахъ русскаго правительства. Маркъ Балабановъ встрѣченъ былъ довольно благосклонно въ Петербургѣ, условившись съ нашимъ министерствомъ о заключеніи военной конвенціи, имѣвшей задачей опредѣлить служебное положеніе русскихъ офицеровъ въ Болгаріи [1]).

Переговоры предшествовавшіе заключенію конвенціи изложены весьма подробно, хотя крайне тенденціозно Кохомъ. Въ это время, т. е. передъ пріѣздомъ Каульбарса, князь послалъ письмо къ Государю, въ которомъ указывалъ на необходимость отдѣлить чисто политическія функ-

[1]) Мною уже было указано, какъ объяснялъ Балабановъ впослѣдствіи европейскимъ публицистамъ, значеніе своей миссіи въ Петербургъ.

ціи военнаго министра отъ его военныхъ обязанностей, поручивъ русскому генералу завѣдываніе исключительно инспекціей арміи; это письмо напечатано въ подлинникѣ Кохомъ, я привожу его по-французски въ приложеніи къ настоящей главѣ.

Для заключенія этой конвенціи былъ командированъ русскимъ правительствомъ въ Софію военный агентъ, въ Вѣнѣ, флигель-адъютантъ баронъ Н. В. Каульбарсъ (братъ бывшаго министра)[1]), который въ ноябрѣ того же года и подписалъ съ Драганомъ Цанковымъ военную конвенцію. Эта конвенція, которая была одобрена княземъ и русскимъ правительствомъ, ограничила трехгодичнымъ срокомъ дальнѣйшее пребываніе русскихъ офицеровъ на болгарской службѣ, предписала имъ исключительно заниматься дѣлами военной службы, воспрещая имъ всякое участіе въ дѣлахъ политическихъ. Кромѣ того, конвенція опредѣлила положеніе военнаго министра изъ русскихъ, назначаемаго Государемъ, по соглашенію съ княземъ, съ указаніемъ, что этотъ министръ въ извѣстныхъ случаяхъ долженъ подчиняться дѣйствующимъ въ Болгаріи законамъ.

Такимъ образомъ министерство Цанкова уладило этотъ щекотливый вопросъ къ немалому удовольствію князя, который увидѣлъ очень скоро, что увлекся и зашелъ далѣе, чѣмъ слѣдовало, ставъ въ черезчуръ натянутыя отношенія къ Россіи. Европейскія державы, т. е. Австрія и Германія, на содѣйствіе которыхъ болгарскій князь разсчитывалъ, не пожелали тогда раздувать болгарскій вопросъ, не довѣряя прочности положенія самого князя. Болгарское войско было въ рукахъ нашихъ офицеровъ, и Россія однимъ почеркомъ пера могла выкинуть изъ Болгаріи безпокойнаго Батенберга, удаленіе котораго болгарскій народъ встрѣтилъ бы тогда съ восторгомъ.

---

[1]) Извѣстный своей миссіей въ Болгаріи, послѣ переворота 9 августа, о которомъ такъ много и долго говорили въ печати.

Въ Вѣнѣ и Берлинѣ, въ виду общаго политическаго положенія дѣлъ въ Европѣ и настроенія умовъ въ Болгаріи, опасались переполнить мѣру долготерпѣнія Россіи. Колоніальная политика Германіи, которой тогда былъ занятъ Бисмаркъ, предвѣщала возможность столкновеній съ Англіей,—это было какъ разъ наканунѣ извѣстныхъ недоразумѣній между Англіей, которой тогда управлялъ Гладстонъ, и Германіей, — Германія подготовляла рядъ пораженій Гладстону, по колоніальному вопросу. Въ Вѣнѣ были встревожены оборотомъ дѣлъ въ Сербіи. Австрійская оффиціозная печать принялась усердно толковать вышеуказанную рѣчь Кальноки, въ самомъ благопріятномъ для Россіи смыслѣ, признавая законность русскаго вліянія въ Болгаріи, подъ условіемъ извѣстныхъ гарантій для Австріи (оставьте насъ хозяйничать въ западной половинѣ полуострова и не мѣшайте нашимъ торгово-политическимъ интересамъ въ желѣзно-дорожномъ вопросѣ). «Neue Freie Presse» пошла даже далѣе, и въ статьѣ, которой другія газеты приписывали оффиціозное значеніе, выразилась о князѣ болгарскомъ такъ: «Участь принца Батенберга зависитъ отъ его собственнаго поведенія: не удастся ему отстоять свой престолъ, вслѣдствіе сопротивленія Россіи, ему также спокойно позволятъ уйдти, какъ позволили надѣть болгарскую корону».

Австрія была сильно встревожена результатомъ выборовъ въ Сербіи и усиленіемъ опозиціи противъ преданнаго ей министерства и короля Милана; она боялась, что Россія отплатитъ ей за двусмысленныя отношенія къ болгарскому князю вмѣшательствомъ въ сербскія дѣла.

Покончивъ съ военнымъ вопросомъ, министерство Цанкова-Балабанова, въ виду интригъ противъ него членовъ кабинета изъ Стоиловскаго кружка, поспѣшило отдѣлаться отъ Начевича и Стоилова. Начевичъ получилъ назначеніе представителя Болгарскаго княжества на Букарештѣ, Гре-

ковъ и Стоиловъ рѣшились заняться адвокатурой, а Хадженовъ, впрочемъ, давно уже вернувшій свои затраты на служеніе консервативнымъ идеямъ кружка, пустился еще разъ на самыя отчаянныя средства, чтобы добиться благоволенія Цанкова: онъ даже отказался печатать на свои средства «Болгарскій Гласъ», который прекратилъ вмѣстѣ съ тѣмъ свою игру въ опозицію либераламъ. Но все было напрасно, и Хадженовъ долженъ былъ стушеваться.

Князь желалъ на нѣкоторое время отдыха и оставилъ значительную свободу дѣйствія Цанкову, выжидая болѣе благопріятнаго стеченія обстоятельствъ, чтобы пуститься снова въ политику интригъ и приключеній.

Министерству Цанкова поэтому пришлось бороться противъ партіи Сукнарова и Каравелова, который вернулся въ Болгарское княжество, вслѣдъ за возстановленіемъ тырновской конституціи.

Сближеніе Цанкова съ княземъ и Стоиловымъ сильно повредило ему въ глазахъ болгарскихъ радикаловъ.

Это второе министерство Цанкова обнаружило, что онъ устарѣлъ и что его значеніе въ странѣ нѣсколько поколебалось [1]). Въ либеральной партіи, которая до того времени была тѣсно сплочена и дѣйствовала весьма дружно проявились признаки раскола. Возвратившійся изъ В. Румеліи, вслѣдъ за возстановленіемъ Тырновской конституціи П. Каравеловъ, Стефанъ Стамбуловъ, Сукнаровъ и многіе другіе образовали свою самостоятельную партію, которая стала скоро въ открытую оппозицію къ министерству Драгана Цанкока, который при этомъ былъ въ весьма натянутыхъ отношеніяхъ съ Г. Іонинымъ—нашимъ представителемъ, немогшимъ забыть его двуличной политики, во время по-

---

[1]) Въ это свое министерство, передъ самими выборами Цанковъ возбудилъ столкновеніе съ Сербіей изъ-за такъ называемаго Бреговскаго дѣла, заключавшагося въ пререканіи изъ-за куска пограничной земли. Его политика въ этомъ вопросѣ вызвала много и притомъ не лишенныхъ основанія порицаній.

слѣдняго конфликта князя съ нашими министрами. Отношенія его съ княземъ были хороши, но послѣдній относился довольно равнодушно къ разгоравшейся борьбѣ Каровеловцевъ съ Цанковистами и рѣшился на этотъ разъ остаться зрителемъ этой начинавшейся борьбы, выжидая, кто изъ противниковъ возьметъ верхъ.

Повидимому Цанковъ, полагаясь на свое прошлое и на свои заслуги передъ либералами, т. е. возстановленіе Тырновской конституціи, думалъ, что они не рѣшатся низвергнуть его министерство и относился довольно апатично въ выборной агитаціи, которая велась Каравеловымъ и его партіей. Онъ только подтрунивалъ надъ бѣгствомъ Каравелова въ Румелію, въ трудные для Болгаріи дни.

Условіе политической жизни Болгаріи таковы, что удаленіе съ политической сцены, на нѣкоторое время, какъ это сдѣлалъ П. Каравеловъ, проживщій около двухъ лѣтъ въ Румеліи, скорѣе благопріятствовало чѣмъ вредило его популярности. Цанковъ же, остававшійся безъвыѣздно въ княжествѣ, нажилъ себѣ за это время не мало новыхъ враговъ, а старые счеты и столкновенія съ Каравеловымъ, многими были забыты, за время его двухлѣтняго отсутствія. Наше консульство подъ вліяніемъ нерасположенія и недовѣрія къ Цанкову, естественно было не прочь сблизиться съ такимъ популярнымъ и вліятельнымъ, въ глазахъ общественнаго мнѣнія, дѣятелемъ, какимъ представлялся Каровеловъ, тѣмъ болѣе, что наши отношенія къ князю Болгарскому, послѣ увольненія и отъѣзда русскихъ генераловъ, т. е. А. В. Каульбарса и Л. Н. Соболева были крайне натянутыя.

Пасторъ Кохъ въ своей книгѣ [1]), стараясь очернить

[1]) «Fürst Alexander von Bulgarien. Эпизоды его жизни и царствованія, по личнымъ воспоминаніямъ». Эта книга напечатана въ Дармштадтѣ, въ 1887 г. въ типографіи Адольфа Бергштрессера. Небольшой томъ въ 282 стр., цѣлая 10 глава котораго посвящена этому періоду, въ ней изливаются потоки желчи и брани на нашего дипломатическаго представителя А. С. Іонина.

г. Іонина, увѣряетъ, что этотъ ненавистникъ кн. Болгарскаго, много и дурно повліялъ своимъ желчнымъ темпераментомъ на ухудшеніе отношеній между русскимъ правительствомъ и Болгарскимъ княземъ, и кромѣ того принялъ дѣятельное участіе въ организаціи радикальной оппозиціонной партіи Каравелова. Но это не вѣрно. Отношенія между Каравеловымъ и Цанковымъ, помимо иниціативы и участія нашего дипломата неизбѣжно должны были обостриться.

Разрывъ между вождями болгарской народной или либеральной партіи вызывался свойствами ихъ характера и ходомъ дѣла. Др. Цанковъ, образуя министерство, не пригласилъ къ участію въ немъ Каравелова и этого одного было совершенно достаточно, чтобы Каравеловъ, пользуясь ошибками и упадкомъ популярности Цанкова, повелъ дѣятельную противъ него оппозицію. Есть даже несомнѣнныя данныя, свидѣтельствующія, что г. Іонинъ не совсѣмъ охотно вступилъ въ сношенія съ возвратившимся изъ Румеліи Каравеловымъ Къ сожалѣнію, нежеланіе нашихъ дипломатовъ придавать гласности документы, касающіеся новѣйшихъ политическихъ событій, лишаетъ меня возможности опровергнуть фактически эту инсинуацію нѣмецкаго публициста.

Пасторъ Кохъ, съ негодованіемъ излагаетъ образъ дѣйствій г. Іонина, во время его управленія нашимъ консульствомъ, въ Софіи, утверждая, что онъ относился крайне непочтительно къ князю. Кохъ приводитъ даже слѣдующій разговоръ, происходившій будто бы между Іонинымъ и княземъ. Князь доказывалъ необходимость раздѣленія власти военнаго министра и командующаго арміей, настаивая на учрежденіи должности главнаго инспектора арміи и предлагая, впредь до разрѣшенія этого вопроса, кандидатомъ на должность временнаго министра, русскаго генерала Лесоваго, пользовавшагося особымъ расположеніемъ князя, по-

тому что держалъ его сторону, во время конфликта съ Соболевымъ и Каульбарсомъ.

На это предложеніе Іонинъ, по словамъ Коха отвѣтилъ: Jamais l'empreur ne laisseera l'armée entre les mains d'un homme qui vous ecoute plus que nous [1]). Когда ему князь на это замѣтилъ, что онъ видитъ въ этихъ словахъ личное оскорбленіе, Іонинъ возразилъ: Allez toujours j'ai le pouvoir d'amener une broille и при этомъ, смѣясь, прибавилъ: ce n'est pas certes nous qui la craindrons. Видя такую дерзость Іонина, продолжаетъ Кохъ, князь долженъ былъ прекратить разговоръ, что онъ и сдѣлалъ, сказавъ съ твердостью, въ заключеніе: Dieu est mon temoin que ce n'est pas certes moi qui desire une broille, mais que si la Russie tiens a la provoquer, je ne la crains pas non plus.

На сколько вѣрно передается этотъ разговоръ пасторомъ Кохомъ, совѣтникомъ, духовникомъ и другомъ Баттенберга, не берусь рѣшить, хотя изъ книги пастора Коха можно заключить, что онъ могъ слышать эту щекотливую бесѣду, ибо имѣлъ привычку подслушивать, у дверей, разговоры своего духовнаго сына съ русскими генералами и дипломатическими агентами [2]).

Но не подлежитъ сомнѣнію, что отношенія между нашимъ консульствомъ и княземъ были самыя натянутыя и враждебно-формальныя. Всякій разъ, когда нашему представителю нужно было видѣть князя, онъ письменно заявлялъ ему объ этомъ. Принимая его, князь сухо спрашивалъ, что конеулъ имѣетъ ему сообщить, ограничивая такимъ образомъ чисто дѣловымъ характеромъ содержаніе разговора и послѣ самаго короткаго и сухаго объясненія прекращалъ аудіенцію.

---

[1]) См. вышеупомянутую книгу А. Коха, стр. 155 и слѣд.

[2]) По собраннымъ мною справкамъ, кажется, слѣдуетъ признать что приводимый Кохомъ разговоръ имѣлъ мѣсто, хотя тонъ разговора переданъ не вѣрно и тенденціозно.

Каравеловъ довольно ловко пользовался такимъ отношеніемъ нашего представителя къ Князю и Цанкову, который тоже держался далеко отъ интимныхъ сношеній съ нашимъ консульствомъ Пользуясь этимъ Каравеловъ сталъ играть видную и вліятельную роль въ политикѣ и интригахъ княжества, съ большой энергіей и успѣхомъ пропогандируя себя и свою партію въ печати и въ особенности на сходкахъ, предшествовавшихъ выборамъ.

Выборы открывались 27 мая и заканчивались 3 іюня. Партія Каравелова получила на нихъ огромный успѣхъ и пріобрѣла подавляющій перевѣсъ, въ имѣвшемъ открыться народномъ собраніи, которое декретомъ князя созывалось въ Тырновѣ на 27 іюня.

Озадаченный такимъ результатомъ выборовъ Д. Цанковъ заявилъ князю свое намѣреніе выйти въ отставку, но князь уговорилъ его сохранить власть до открытія собранія, причемъ, кажется, отнесся довольно холодно и сдержанно къ такому пораженію своего министерства [1]).

Цанковъ при этомъ убѣдился, что онъ слишкомъ полагался на дружбу князя. Поэтому онъ сталъ снова усердно искать сближенія съ Россіей и связей въ нашемъ консульствѣ и въ Россіи. Въ своихъ письмахъ къ нѣкоторымъ русскимъ, между прочимъ и И. С. Аксакову, онъ сталъ предостерегать насъ отъ излишняго довѣрія къ Каравелову, который получивъ власть «выроетъ-де яму русскому вліянію въ Болгаріи».

Въ своихъ объясненіяхъ и письмахъ Цанковъ пошелъ даже далѣе, обличая Каравелова и его партію въ сношеніяхъ и дружбѣ съ русскими эмигрантами и политическими преступниками изъ нигилистовъ, которыхъ тогда было не мало въ Болгаріи.

Передъ открытіемъ засѣданій собранія въ Тырновѣ, Цанковъ сдѣлалъ попытку раздѣлить силы оппозиціи, перема-

---

[1]) См. Коха стр. 194.

нивъ на свою сторону С. Стамбулова, съ которымъ вошелъ въ сношенія, предлагая провесть его въ предсѣдатели собранія. Дѣйствительно, Цанковисты выставили своимъ кандидатомъ, въ предсѣдатели собранія Стамбулова. Но самъ Стамбуловъ и его приверженцы вотировали за Каравелова, который и былъ выбранъ огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Послѣ этого пораженія Цанковъ сейчасъ же подалъ прошеніе объ отставкѣ, которая была принята княземъ, предложившемъ составленіе кабинета вождю большинства въ собраніи, т. е. Каравелову.

С. Стамбуловъ, выступившій въ этомъ собраніи рѣшительнымъ противникомъ Цанкова, былъ избранъ предсѣдателемъ собранія, а Каравеловъ образовалъ свое министерство изъ слѣдующихъ лицъ: министерство финансовъ и публичныхъ работъ, вмѣстѣ съ званіемъ президента кабинета онъ взялъ на себя; портфель министерства внутреннихъ дѣлъ получилъ старый Славейковъ, сопровождавшій Каравелова въ Румелію, министерство иностранныхъ дѣлъ было дано Цанову, воспитаннику одной изъ греческихъ школъ въ Константинополѣ; онъ былъ извѣстенъ, въ качествѣ знатока французскаго языка, т. е. человѣка, умѣющаго свободно говорить и писать по французски, качество, которымъ обладаютъ далеко не всѣ политическіе люди Болгаріи. Въ политической жизни Болгаріи Цановъ, до того времени никакой роли не игралъ [1]).

Остальныя портфели были розданы молодымъ радикаламъ Каравеловской партіи, въ которой уже въ то время стала обрисовываться т. н. крайняя лѣвая. Министромъ юстиціи былъ назначенъ Родосдавовъ, воспитанникъ Гейдельбергскаго университета. Пасторъ Кохъ и Гунъ охотно выдаютъ ему, въ качествѣ воспитанника Германіи (Jurist deutscher Schule); какъ они его величаютъ, аттестатъ на умъ, способности и

[1]) Кохъ про Цанова отзывается: «Ein Mann türkisch-griechischer Schulle».

энергію, хотя признаютъ его за ультра-радикала, состоявшаго въ тѣсной дружбѣ съ самыми крайними представителями радикальной фракціи въ Германіи [1]).

Но эта характеристика не вѣрна. Большая самонадѣянность, поверхностная эрудиція—юридическія познанія Родославова ниже посредственныхъ, и радикальное доктринерство, соединенное съ тупымъ фанатизмомъ, таковы отличительныя свойства и качества этого крайне односторонняго, но весьма энергичнаго и бойкаго политическаго дѣятеля, управленія котораго юстиціей княжества принесло мало пользы благоустройству правосудія въ Болгаріи. Министромъ народнаго просвѣщенія были назначенъ Королевъ, бывшій учителемъ гимназіи въ Ломъ-Паланкѣ, по отзыву даже Коха личность безцвѣтная и весьма мало подготовленная къ занятію этого поста.

Отношенія между княземъ и его новымъ кабинетомъ первое время были не вполнѣ дружественныя. Каравеловъ охотнѣе искалъ сближенія съ нашимъ консульствомъ, чѣмъ съ княземъ. Въ мартѣ 1884 г. Іонинъ распростился съ Болгаріей и на его мѣсто генеральнымъ консуломъ былъ назначенъ А. И. Каяндеръ, дипломатъ, мало знакомый съ Балканскимъ полуостровомъ и служившій долгое время секретаремъ посольства въ Китаѣ, военнымъ министромъ былъ назначенъ нашъ генералъ, князь М. А. Кантакузенъ — они оба поддерживали хорошія отношенія съ Каравеловымъ.

Наша дипломатія того времени, на Балканскомъ полуостровѣ, представляла довольно оригинальное зрѣлищѣ. У насъ въ Болгаріи было два генеральныя консульства—одно въ Софіи, другое въ Филиппополѣ и каждое изъ нихъ вело свою политику, преслѣдуя различныя цѣли и программы дѣйствія. Софійское консульство было въ дружбѣ

---

[1]) Кохъ, при этомъ, указываетъ, что Родославовъ даже былъ высланъ изъ Германіи за слишкомъ радикальныя воззрѣнія. Стр. 196.

съ Каравеловымъ и, такъ сказать, дѣйствовало съ нимъ въ полномъ согласіи, хотя Каравеловъ съ первыхъ же дней своего вступленія въ министерство сталъ довольно открыто агитировать противъ генералъ-губернатора В. Румеліи Крестовича, котораго мы за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ посадили на означенный постъ, послѣ увольненія, за истеченіемъ 5-лѣтняго срока, Алеко-Паши.

Наше консульство въ Филиппополѣ было въ дружбѣ и согласіи съ Крестовичемъ и наше вліяніе, замѣтно усилившееся въ В. Румеліи, было направлено между прочимъ противъ Каравеловской партіи въ этой области, которая была въ оппозиціи противъ новаго генералъ-губернатора.

Каравеловъ и Крестовичъ одинаково жаловались на такой образъ дѣйствій нашей дипломатіи, упрекая нашу политику въ явномъ макіавелизмѣ. Но этотъ упрекъ была совершенно неоснователенъ, ибо мы дѣйствовали такимъ образомъ не въ силу политическаго коварства, ради какимъ-либо тайныхъ цѣлей и намѣреній, столь мало свойственныхъ нашей дипломатіи, а по совершенно другимъ, болѣе простымъ и обычнымъ для насъ причинамъ.

У нашихъ дипломатовъ не было точной и опредѣленной программы дѣйствій въ отношеніи къ болгарскимъ дѣламъ, которыя къ тому же въ это время намъ порядкомъ надоѣли и наши дипломаты довольно откровенно сознавались, что весь этотъ болгарскій вопросъ ни что иное, какъ непріятная и тяжелая обуза, навязанная имъ и Россіи славянофилами.

Поэтому понятно, что Министерство Иностранныхъ Дѣлъ придерживалось въ отношеніи къ болгарскимъ дѣламъ своей излюбленной системы laisser faire, laisser passer и въ своихъ инструкціяхъ дипломатическимъ агентамъ въ Болгаріи предоставляло имъ дѣйствовать, по ихъ личному усмотрѣнію.

Такимъ образомъ, у насъ явились двѣ политики относительно болгарскаго дѣла—одна въ Софіи, другая въ Филиппополѣ.

Это было время великаго разброда и путаницы въ Болгаріи. Партіи, люди и стремленія—все это спуталось и перепуталось, бродя словно въ потемкахъ. Трудно было сказать и предвидѣть, что изъ этого выйдетъ. Батенбергъ, которому никакъ нельзя отказать въ умѣ и извѣстной ловкости, послѣ закрытія Тырновскаго собранія, въ іюлѣ, рѣшился выжидать хода событій и держаться нѣкоторое время въ сторонѣ, не играя слишкомъ активной роли. Въ августѣ онъ уѣхалъ въ Варну, гдѣ поселился въ своемъ загородномъ дворцѣ, на берегу Чернаго моря, гдѣ прожилъ довольно долго въ обществѣ своей сестры, графини Эрбахъ, отдыхая отъ тревогъ и волненій политической жизни. Его вѣрный другъ и интимный совѣтникъ, пасторъ Кохъ, излагая событія слѣдующаго года, т. е. 1885 года, когда въ этотъ же сезонъ, въ томъ же дворцѣ, князь получилъ извѣстіе о румелійскомъ переворотѣ, въ идиллическомъ тонѣ вспоминаетъ эти тихіе и блаженные дни, счастливаго затишья, когда его свѣтлость мирно любовался величавыми картинами Чернаго моря, раскинувшагося передъ окнами его дворца.

Но кто же какъ ни онъ самъ былъ виноватъ, что эта вожделенная тишина и спокойствіе такъ скоро и круто были нарушены.

Каравеловское министерство дебютировало борьбой съ Цанковымъ и его партіей. Драганъ Цанковъ, задѣтый за живое своимъ пораженіемъ и неблагодарностію къ его политическими заслугамъ молодыхъ вождей народной партіи, издалъ прокламацію къ болгарскому народу, въ которой жестоко порицалъ Каравелова и его партію. Онъ сталъ издавать газету „Срѣдецъ“ (Софія), въ которой нещадно обличалъ политику и образъ дѣйствій правитель-

ства. Каравеловъ, во время своего изгнанія и пребыванія въ Румеліи, проповѣдавшій въ своей газетѣ „Независимость“ самую широкую и неограниченную свободу печатнаго слова, однако не думалъ примѣнять ея на практикѣ. Онъ сталъ весьма сурово преслѣдовать газету Цанкова, а ея издатель, за нѣсколько дней до переворота 6 сентября, по распоряженію главы кабинета, даже былъ преданъ суду и посаженъ подъ стражу за возбужденіе умовъ и политическихъ страстей противъ правительства.

По возвращеніи князя изъ Варны, его отношенія къ министерству Каравелова стали становиться натянутыми. 15 октября 1884 г. собралось народное собраніе въ Софіи, сессія коего продолжалась до февраля слѣдующаго года. Въ этомъ собраніи былъ возбужденъ весьма щекотливый и непріятный для князя вопросъ о государственныхъ расходахъ, въ періодъ княжескихъ полномочій, предоставленныхъ князю Систовскимъ собраніемъ.

Для подробнаго разслѣдованія этого вопроса была избрана особая коммиссія. Дѣло кончилось ничѣмъ, по причинамъ, которыя здѣсь слишкомъ долго и не совсѣмъ удобно разсказывать.

Не подлежитъ сомнѣнію, въ этомъ убѣждены вполнѣ всѣ болгарскіе патріоты, безъ различія партій, что эти расходы производились болѣе чѣмъ легкомысленно, а Стоиловъ, равно какъ и самъ князь, при этомъ удобномъ случаѣ пользовались какъ и чѣмъ могли. Подряды и постройки Хадженова, по отзыву даже личныхъ друзей князя изъ Болгаръ и Русскихъ, представляли много темныхъ и неблаговидныхъ деталей.

Каравеловъ рѣшительно и довольно открыто высказывалъ такое мнѣніе и это до того раздражило князя, что послѣдній, по словамъ Коха [1]), намѣревался предложить ему подать въ отставку.

---

[1]) Стр. 198 и 199.

Слухи о такомъ намѣреніи Князя дошли до Собранія, которое, опасаясь новаго кризиса, отправило отъ себя депутацію къ князю Александру, съ цѣлью уладить этотъ конфликтъ. Депутаціи удалось, путемъ личныхъ объясненій, а главное обѣщаніемъ прекратить разслѣдованіе о растратѣ общественной суммы и предать все дѣло забвенію, склонить князя къ примиренію съ министерствомъ [1]).

Стоиловскій кружокъ, не безъ тревоги ожидавшій разрѣшенія этого весьма серьезнаго для него вопроса, по миновеніи бѣды, грозившей ему съ этой стороны, снова пріободрился и началъ интриговать.

Хотя заправилы и вожаки этого кружка Стоиловъ, Начевичъ, Грековъ, митрополитъ рущукскій Григорій [2]) и варненской Симеонъ проживали въ разныхъ мѣстахъ, а Начевичъ даже внѣ предѣловъ Княжества—онъ получилъ, какъ я уже говорилъ, при образованіи министерства Цанкова, постъ дипломатическаго представителя Болгаріи въ Бухарестѣ,—но они постоянно между собою сносились, обдумывая и усердно обсуждая различныя комбинаціи, съ цѣлью разсорить правившее Княжествомъ министерство съ русскимъ консульствомъ.

Весьма благопріятный поводъ къ такому конфликту представлялъ желѣзнодорожный вопросъ.

---

[1]) Любопытно, что князь почти рѣшилъ вопросъ о порученіи Сукнарову, замѣстившему Славейкова, въ должности Министра Внутр. Дѣлъ, составить министерство, съ участіемъ въ немъ партіи Цанкова, но русскій консулъ поддержалъ Каравелова противъ Сукнарова, хотя послѣдній былъ извѣстенъ какъ горячій сторонникъ Соболева. Наша политика очевидно не отличалась, въ это время послѣдовательностью. Сукнаровъ, принявшій было энергическія мѣры противъ шаекъ палочниковъ и кинжальщиковъ, протежируемыхъ Каравеловымъ, долженъ былъ оставить министерство.

[2]) Авторъ извѣстнаго постыднаго воззванія къ Болгарамъ, во время нашей послѣдней войны, которое призывало болгаръ сплотиться вокругъ престола Султана, дабы Оттоманская Имперія могла восторжествовать надъ знаменами ея враговъ, т. е. Россіи, къ благоденствію и радости ея подданныхъ. Это посланіе Григорія напечатано Л. Н. Соболевымъ въ вышеуказанныхъ запискахъ его въ «Русской Старинѣ».

Какъ извѣстно, Болгарія отнюдь не обладаетъ инженерами, такихъ очень мало, чтобы не сказать вовсе нѣтъ. Поэтому въ дѣлѣ сооруженія желѣзнодорожныхъ путей болгарамъ неизбѣжно приходится прибѣгать къ содѣйствію иностранныхъ инженеровъ. Недостатокъ капиталовъ вызывалъ также и участіе, въ этомъ дѣлѣ иностранныхъ капиталистовъ. Впрочемъ, генералъ Соболевъ, въ то время, когда онъ былъ главой болгарскаго министерства, держался того мнѣнія, что болгарское правительство должно само и на свои средства произвести эти работы, т. е. соорудить желѣзныя дороги, такъ называемымъ хозяйственнымъ способомъ.

Въ это время европейская дипломатія снова и весьма настойчиво возбудила вопросъ объ обязательствѣ, возложенномъ на Болгарское княжество, Берлинскимъ трактатомъ, относительно сооруженія линіи Вакарель-Царибродъ, для соединенія турецкихъ желѣзныхъ дорогъ съ сербскими и черезъ нихъ австрійскою желѣзно-дорожною сѣтью.

Сооруженіе этой дороги, на средства болгарскаго казначейства, не нравилось князю. Фонды, которые имѣлъ для этого въ виду Л. Н. Соболевъ, получили отчасти другое назначеніе. Рѣшено было выдать концессіи, на сооруженіе этой линіи и конкурентами явились съ одной стороны русская, а съ другой—называвшаяся болгарской компанія, именно послѣдняя представлялась нѣкіимъ Гросевымъ, за которымъ скрывались европейскіе капиталисты, снабжавшіе его частью денегъ, нужныхъ для этой постройки.

Вопросъ о томъ какой компаніи отдать преимущество возбудилъ страсти, начались разные подвохи и интриги, и когда концессія наконецъ дана была Гросеву, то это возбудило, по словамъ Коха, сильное неудовольствіе г. Каяндера противъ Каравелова.

Но это не совсѣмъ такъ. Конфликтъ изъ-за желѣзнодорожной концессіи далеко не игралъ роли рѣшительнаго

момента въ опредѣленіи отношеній между русскимъ консульствомъ и каравеловскимъ министерствомъ.

Соглашеніе между А. И. Каяндеромъ и Каравеловымъ послѣдовало на почвѣ, казалось, ими одинаково раздѣляемаго взгляда на ложную политику князя и ту вредную роль, которую онъ игралъ въ судьбахъ Болгарскаго княжества. Наша дипломатія, хотя и не принимала никакихъ активныхъ мѣръ, но и не скрывала уже тогда своего мнѣнія, что Болгарія не успокоится пока во главѣ ея будетъ стоять Батенбергъ. Каравеловъ, по видимому, вполнѣ раздѣлялъ такой взглядъ и при этомъ шелъ даже далѣе, весьма усердно обсуждая практическія средства къ его осуществленію. Его личное нерасположеніе и даже ненависть къ Батенбергу свидѣтельствовалась рядомъ фактовъ. Онъ неоднократно, въ камерѣ и внѣ ея, проводилъ такія воззрѣнія и взгляды, которыя ясно обнаруживали желаніе подорвать авторитетъ и положеніе князя въ странѣ.

Но это согласіе взглядовъ было совершенно случайное и только кажущееся — прочной солидарности между ними быть не могло, ибо политика Каравелова заключалась въ томъ, чтобы ослабить русское вліяніе и власть князя взаимными столкновеніями между послѣднимъ и нашимъ консульствомъ и сдѣлаться самому, пользуясь ихъ раздоромъ, хозяиномъ положенія.

Лично не симпатизируя Батенбергу, Каравеловъ тѣмъ не менѣе дорожилъ имъ, какъ олицетвореніемъ болгарской самобытности, и вовсе не желалъ удаленія князя, ради непріязни его къ Россіи. Напротивъ того, чѣмъ враждебнѣе князь относился къ Русскому Правительству, тѣмъ пріятнѣе это было Каравелову.

Такая политика Каравелова, въ концѣ концовъ на столько разоблачилась, что и нашъ консулъ понялъ, что полагаться на Каравелова онъ не можетъ, ибо послѣдній весьма не надежный и даже обманчивый союзникъ

Ссоря и подстрекая другъ противъ друга насъ и князя, онъ слишкомъ очевидно сталъ преслѣдовать свои личныя, неимѣющія ничего общаго съ нашей политической программой, цѣли. Г. Каяндеръ такимъ образомъ убѣдился въ невозможности путемъ сближенія съ Каравеловымъ достигнуть той своей задачи, ради которой онъ искалъ тѣсной дружбы съ партіей Каравелова. Агитація, которую производили близкіе друзья Каравелова Д. Ризовъ и Петковъ въ Македоніи и В. Румеліи, гдѣ они имѣли многихъ усердныхъ агентовъ, въ числѣ которыхъ фигурировала и, нынѣ всѣмъ извѣстный, Захарій Стояновъ, также свидѣтельствовала, что солидарность наша съ Каравеловымъ весьма сомнительна.

Наша дипломатія рѣшительно не желала и не одобряла этой агитаціи. Въ этомъ отношеніи инструкціи министерства иностранныхъ дѣлъ были весьма категоричны, хотя, къ сожалѣнію, г. Каяндеръ увлекшись мыслію достигнуть удаленія Батенберга изъ Болгаріи, путемъ соглашенія съ каравеловской партіей, смотрѣлъ слишкомъ снисходительно на эту агитацію, думая, что она не можетъ имѣть серьезныхъ послѣдствій.

Кромѣ того, тогда уже было ясно, что Каравеловъ, оставаясь номинально главой руководящей дѣлами радикальной партіи, далеко не полновластный вождь ея и что вліяніе его значительно уступаетъ тому, которое пріобрѣлъ С. Стамбуловъ. Послѣдній тогда также пользовался расположеніемъ русскаго консула, отзывавшагося о Стамбуловѣ самымъ лестнымъ образомъ.

Въ началѣ мая празднуется, во всемъ славянскомъ мірѣ, праздникъ славянскихъ первоучителей Св. Кирилла и Меѳодія, которымъ Батенбергъ рѣшился воспользоваться, чтобы выдвинуть себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія и пріобрѣсть популярность среди болгаръ.

На этотъ праздникъ пріѣхала депутація изъ В. Румеліи, въ составъ которой вошли главнымъ образомъ, про-

тивники правленія Крестовича и между прочимъ докторъ Странской. Князь, по видимому, очень интересовался пріѣздомъ этой депутаціи, о которой онъ былъ заблаговременно предувѣдомленъ.

Принимались въ зданіи народнаго собранія, съѣхавшіяся, съ разныхъ концовъ, болгарскія депутаціи, Батенбергъ сказалъ очень эфектную, по формѣ, и симпатичную по содержанію рѣчь о заслугахъ братьевъ-апостоловъ славянства—этомъ вѣчно сіяющемъ созвѣздіи, на великомъ славянскомъ горизонтѣ, свидѣтельствующемъ передъ лицомъ всего міра о плодотворныхъ задаткахъ славянскаго генія, который нуждается только въ свободѣ и развитіи, чтобы съ достоинствомъ занять подобающее мѣсто, въ ряду другихъ родственныхъ ему народовъ. Эта рѣчь князя была встрѣчена громкимъ выраженіемъ сочувствія и одобренія и сразу доставила ему большую популярность. Она была произнесена по болгарски и хорошо сказана.

Въ первый день празднества былъ обѣдъ у князя, который провозгласилъ тостъ за Государя Императора и сейчасъ же отправилъ телеграмму въ Петербургъ, съ выраженіемъ чувствъ преданности и признательности Болгаріи къ могущественной и освободившей ея православной Россіи.

Г. Каяндеръ, по видимому, не ожидалъ такихъ манифестацій, со стороны князя въ отношеніи Россіи и Русскаго Государя, онъ по отзыву присутствовавшихъ, смѣшался и сказалъ нѣсколько словъ по-русски, предложивъ въ довольно казенныхъ выраженіяхъ тостъ за процвѣтаніе Болгаріи, умалчивая однако о князѣ.

Такимъ образомъ, говоритъ Кохъ, Русскій консулъ довольно ясно показалъ, что сближеніе съ Россіей, котораго искренне желалъ болгарскій князь, стало невозможнымъ. Чѣмъ же было вызвано такое, повидимому, сердечное обращеніе Батенберга къ Русскому Государю и Россіи?

На это имѣется косвенное указаніе, нѣсколько ниже описанія этой сцены, въ книгѣ Коха, который, въ довольно темныхъ выраженіяхъ упоминаетъ о письмѣ полученномъ княземъ изъ Берлина, въ которомъ ему указывалось на неизбѣжность русскаго вліянія въ Болгаріи съ указаніемъ, что болгарскій князь долженъ примириться съ его настоящей ролью въ странѣ, т. е. быть Русскимъ намѣстникомъ., На что, по словамъ Коха, Батенбергъ отвѣчалъ, что онъ всегда выслушивалъ и принималъ къ свѣдѣнію совѣты Россіи и дѣйствовалъ въ ея интересахъ, когда таковые не противорѣчили благу управляемой имъ страны, но что онъ скорѣе отречется отъ престола чѣмъ станетъ въ положеніе русскаго намѣстника, унижая такимъ образомъ не только свое личное достоинство, но и весь болгарскій народъ.

Къ сожалѣнію, пасторъ Кохъ, на сей разъ не приводитъ подлиннаго текста посланій, которыми обмѣнялся по этому случаю съ Берлиномъ, его духовный сынъ, а это было бы весьма интересно! Особенно глухо передано содержаніе увѣщательнаго посланія изъ Берлина.

Во всякомъ случаѣ видно, что въ это время изъ Берлина сдѣлано было внушеніе, чтобы онъ, болгарскій князь держалъ себя скромнѣе и почтительнѣе въ отношеніи Русскаго правительства и позаботился объ улучшеніи своихъ къ намъ отношеній.—Германія сдѣлала это, говоритъ Кохъ, «въ видѣ дружеской услуги Россіи, согласно желанію послѣдней», и конечно послушный волѣ Германіи нѣмецкій принцъ почтительно поспѣшилъ исполнить приказаніе Берлина. Онъ всегда преклонялъ голову и дѣлалъ все что ему оттуда указывали.

За симъ политика князя и его образъ дѣйствій покрываются нѣкоторымъ загадочнымъ туманомъ. До обнародованія подлинныхъ дипломатическихъ документовъ или разоблаченій лицъ, имѣвшихъ возможность видѣть и знать,

что происходило за кулисами политической сцены, трудно сказать чтобы нибудь опредѣленное объ этомъ періодѣ болгарской исторіи, предшествовавшемъ знаменитому перевороту, 6 сентября 1885 года. Извѣстно только то, что болгарскій князь, въ виду бракосочетанія брата своего Генриха, съ дочерью англійской королевы, принцессой Беатрисой обратилъ взоръ свой на владычицу морей и прицѣпилъ свою политическую ладью къ кормѣ большаго корабля, т. е. политикѣ Великобританіи. Пріѣхавъ въ Лондонъ, лѣтомъ 1885 года, онъ видѣлся съ руководителями великобританской политики, маркизомъ Салюсбери, только что принявшимъ бразды правленія изъ рукъ Гладстона и имѣлъ съ нимъ продолжительное совѣщаніе Англійская дипломатія лучше и раньше другихъ знала о переворотѣ и англійскіе дипломатическіе агенты въ Болгаріи съ перваго же момента выказали полное сочувствіе и одобреніе перевороту 6 сентября, хотя онъ и служилъ явнымъ нарушеніемъ Берлинскаго трактата, коимъ, согласно настойчивымъ требованіямъ Англіи было установлено разчлененіе Болгаріи.

Въ Вѣнѣ, на пути изъ Лондона, Батенбергъ просилъ графа Кальноки содѣйствовать его сближенію съ Россіей, благодаря посредничеству послѣдняго состоялось извѣстное свиданіе нашего министра Иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретаря, Н. К. Гирса съ Батенбергомъ въ Франценсбадѣ.

Но это свиданіе Батенберга, а равно какъ и поѣздка его на маневры въ Пильзенъ къ австрійскому императору, будутъ мною изложены въ слѣдующемъ выпускѣ моего историческаго очерка, въ связи съ переворотомъ 6 сентября.

VI.

Мысль о раздѣленіи Болгаріи на двѣ части, была высказана Константинопольской Конференціей Пословъ, 1877 года. Въ одномъ изъ засѣданій этой Конференціи [1]) было проэктировано учрежденіе, изъ Турецкихъ Областей съ болгарскимъ населеніемъ, двухъ генералъ-губернаторствъ. Восточнаго – резиденція въ Тырновѣ и Западнаго — резиденція въ Софіи. Въ составъ послѣдняго имѣли войти нѣкоторыя части Македоніи, именно Санджаки: Битольской и Сереской, безъ южныхъ казъ (уѣздовъ).

Война, Санъ-Стефанскій договоръ и въ особенности наша оккупація значительно измѣнили положеніе вещей.

Русское гражданское управленіе распространилось на санджаки Филиппольской и Сливнинской, которые были переименованы въ губерніи того же имени. Русскіе губернаторы Шепелевъ, въ Филипполѣ, и Ивановъ въ Сливно, ввели новыя учрежденія, въ этой части Забалканской Болгаріи, которая получила самостоятельное управленіе, при чемъ къ осени 1878 года административный персоналъ въ ней, кромѣ высшихъ постовъ и должностей военныхъ начальниковъ былъ замѣщенъ болгарами.

Поэтому рѣшеніе конгресса, отдѣлившаго отъ княжества эти двѣ губерніи, населеніе которыхъ привыкло къ мысли, что дальнѣйшая судьба ихъ неразрывно связана съ освобожденнымъ нами отъ турецкой власти Болгарскимъ княжествомъ, — вызвало сильнѣйшее возбужденіе умовъ и крайнее негодованіе. Эти чувства мѣстнаго населенія вполнѣ *раздѣлялись* какъ нашимъ оккупаціоннымъ корпусомъ, такъ и представителями гражданскаго управленія [2]).

---

[1]) См. протоколъ ея, отъ 21 Декабря 1877 года.

[2]) Самъ покойный государь, вполнѣ сознавалъ ненормальность такого положенія. Въ письмѣ къ графу Э. И. Тотлебену, отъ 3 ноября 1878 г. Государь писалъ:

Въ силу XIII ст. Берлинскаго Трактата, на югѣ Балканъ, была образована провинція, которая получила наименованіе Восточной Румеліи. Она оставалась подъ непосредственной политической и военной властью Султана, на условіяхъ административной автономіи, подъ управленіемъ генералъ-губернатора изъ христіанъ. Послѣдующими статьями Трактата опредѣлены были какъ границы этой области, такъ и общія основанія ея организаціи. Султану предоставлена забота о защитѣ ея морскихъ и сухопутныхъ границъ, съ тѣмъ ограниченіемъ, что съ этой цѣлію могутъ употребляться только регулярныя войска. Охраненіе порядка внутри области возложено на туземную стражу—жандармерію и милицію, офицеры коихъ назначаются Султаномъ. Генералъ—губернаторъ области назначается Султаномъ, на 5 лѣтъ, съ согласія великихъ державъ, подписавшихъ Трактатъ. Генералъ-губернатору области предоставлено право призвать оттоманскія войска въ случаѣ опасности, угрожающей ея внутреннему и внѣшнему спокойствію (ст. XIV — XVII). Впрочемъ вступленіе оттоманскихъ войскъ въ область было обставлено такими условіями, которыя значительно парализировали практическое значеніе этой мѣры—это войско не имѣло права дѣлать остановки въ области, отправляясь для занятія гарнизоновъ въ Балканахъ.

XVIII ст. Трактата предписывала немедленно послѣ обмѣна его ратифакацій, созвать Европейскую Международную Коммиссію для разработки, совмѣстно и Портой положенія объ устройствѣ В. Румеліи. Эта коммиссія должна была опредѣлить, въ трехъ мѣсячный срокъ, кругъ власти

«Симпатія болгаръ, находящихся подъ нашимъ управленіемъ, къ ихъ соплеменникамъ, оставшимся подъ владычествомъ Турціи, вполнѣ понятна; поэтому я опасаюсь, что образованіе такъ называемой Восточной Румеліи, согласно Берлинскому Трактату, окажется на дѣлѣ не исполнимымп». См. стр. 936, втораго тома книги генерала Шилдера: «Графъ Тотлебенъ».

и атрибуты генералъ-губернатора, а также образъ административнаго, судебнаго и финансоваго управленія областію, принимая за основу его различныя узаконенія о вилаэтахъ и предложенія формулированныя, въ 8-мъ засѣданіи Константинопольской конференціи 1877 года. Составленный коммиссіею Статутъ, съ согласія державъ имѣлъ быть изданъ въ видѣ султанскаго фирмана. Слѣдующая 19 статья Трактата, кромѣ того возлагала на коммиссію, вмѣстѣ съ Оттоманской Портой, завѣдываніе финансами области, впредь до окончательнаго устройства новой организаціи.

Когда эти постановленія конгресса сдѣлались извѣстными, ужасъ и отчаяніе овладѣли болгарскимъ населеніемъ этой области, «Марица и Тунджа наполнились болгарскими слезами», говорили и писали Болгаре.

Богато одаренныя природой долины этихъ рѣкъ, съ населеніемъ въ 751 тыс. [1]) занимающія територію въ 750 кв. географическихъ миль, были принесены въ жертву дипломатическимъ комбинаціямъ Западной Европы, которая желала сдѣлать изъ этой области игралище и гнѣздо революціонной пропаганды и всякаго рода агитаціи. Англія боялась отдать въ руки Болгарскаго княжества Филипполь, соединенный желѣзными рельсами съ Босфоромъ и, имѣя, въ этомъ вопросѣ, усердную союзницу въ лицѣ Австро-Венгріи, настояла на своемъ. Кромѣ того Европейскіе дипломаты, вслѣдствіе довольно смутныхъ свѣдѣній объ этнографическомъ составѣ населенія Южной Болгаріи, предполагали, что греческій элементъ въ ней гораздо значительнѣе, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ, и надѣялись воспользоваться антагонизмомъ между греками и болгарами, что-

[1]) Эта офиціальная цифра, имѣвшаяся, въ виду Конгресса, оказалась невполнѣ точной, по статистическимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ Румелійскимъ правительствомъ, по переписи 1881 года, населеніе Области равняется 815 тыс. душъ, но и эта цифра оказалась ниже дѣйствительной, какъ это доказали переписью населенія В. Румеліи, 1 января 1885 г., по коей эта цифра достигаетъ милліона душъ.

бы остановить дальнѣйшее развитіе, покровительствуемыхъ Россіей Болгаръ, на полуостровѣ. Европейскіе дипломаты Конгресса хотѣли сдѣлать изъ Восточной Румеліи турецкій вилаэтъ, съ фиктивнымъ совѣтомъ мѣстныхъ представителей, безсильнымъ, въ виду взаимной вражды и соперничества, проживающихъ въ ней національностей. Англія не соглашалась даже допустить, чтобы автономная область называлась *Южной Болгаріей*, вслѣдствіе чего она и получила то крайне произвольное и безтолковое названіе, которое ей присвоено Конгрессомъ [1]).

Не легкая задача предстояла Европейской Коммиссіи, собравшейся $^{18}/_{30}$ сентября 1879 г. въ Константинополѣ, для выполненія предначертаній Конгресса относительно В. Румеліи.

Въ первомъ же засѣданіи ея, происходившемъ въ Калиджѣ, резиденціи великаго визиря Савфета-паши, на Босфорѣ, представители Россіи, полковникъ Шепелевъ [2]) и князь Цертелевъ [3]), заявили, что Русское правительство признаетъ для себя обязательными только тѣ постановленія коммиссіи, относительно будущей организаціи Области, которыя будутъ одобрены нашимъ кабинетомъ, ибо иначе разрѣшеніе этихъ вопросовъ путемъ большинства могло бы имѣть послѣдствіемъ обращеніе В. Румеліи въ обыкновенный турецкій вилаэтъ.

Болгарское населеніе въ цѣломъ рядѣ петицій и адресовъ, представленныхъ многочисленными депутаціями Коммиссіи, рѣшительно протестовало противъ возможности такого разрѣшенія вопроса. Не только мущины, но даже женщины (800 болгарскихъ вдовъ изъ Карлова, мѣстечка на южномъ склонѣ Балканъ), являлись передъ Европейской Коммиссіей, съ такими заявленіями.

---

[1]) Терминъ Восточная Румелія предполагаетъ существованіе Западной Румеліи, но таковой на самомъ дѣлѣ нѣтъ—она осталась на перѣ у дипломатовъ конгресса.

[2]) Вышеозначенный губернаторъ Филиппополя.

[3]) Только что назначенный нашимъ Генеральнымъ консуломъ, въ томъ же городѣ, пользовавшійся большой популярностію среди Болгаръ, благодаря своей дѣятельности въ качествѣ Коммиссара, по изслѣдованію турецкихъ звѣрствъ, предшествовавшихъ войнѣ.

Въ это время разъигралось возстаніе Албанской лиги, обострились недоразумѣнія между Портой и Греціей, по вопросу объ исправленіи границъ, предписанномъ Берлинскимъ Трактатомъ, а вниманіе Австріи было поглощено заботами объ оккупаціи Босніи и Герцоговины, которыя пришлось занять съ боя.

Благодаря настойчивости и стараніямъ представителей Россіи, Коммиссія признала необходимымъ установить серьезныя гарантіи для обезпеченія административной автономіи Области. Европейскіе делегаты, Австрійскій баронъ Каллай (теперешній Намѣстникъ Императора въ Босніи и Герцоговинѣ), англійскіе: сэръ Друмондъ Вольфъ и Лордъ Донугморъ, Германскій Брауншвейгъ, италіанскій кавалеръ Вернони и французскіе—Рингъ и Кутули-Дорсе, отклонили проэктъ организаціи Области, предложенный турецкими делегатами, Ассимомъ-пашей и Абро-Эфенди, желавшими подсунуть Коммиссіи, подъ новымъ соусомъ, извѣстный законъ о вилаэтахъ, который душитъ населеніе Оттоманской Имперіи и посягаетъ на личныя и имущественныя права всѣхъ ея христіанскихъ подданныхъ и давно признанъ вполнѣ не состоятельнымъ на практикѣ. Чисто фиктивныя гарантіи, предоставляемые этимъ закономъ мѣстному христіанскому населенію, противъ административнаго произвола турецкихъ пашей, достаточно извѣстны, всѣмъ и каждому и даже европейскіе публицисты, изучавшіе турецкое законодательство и администрацію, признаютъ законъ о вилаэтахъ жалкимъ продуктомъ либеральнаго шарлатанства, которымъ Порта такъ долго морочила Европу [1]). Баронъ Каллай, игравшій весьма видную роль въ средѣ Коммиссіи, по своимъ способностямъ и знанію полуострова, представилъ докладъ Ком-

---

[1]) См. Le Traite de Berlin annoté u commenté par Benoit Brunswik. Paris 1878 p. 73. Этотъ нѣмецкій публицистъ говоритъ: Тенденціи закона о вилаэтахъ извѣстны и осуждены практикой: подъ маской selfgovernement'а, онъ исподтишка вноситъ усиленную централизацію.

миссіи объ основаніяхъ для предстоящей ей дѣятельности. Этотъ докладъ былъ принятъ Коммиссіей, въ качествѣ руководящей программы для ея дѣятельности.

Программа Каллая относительно составленія Органическаго Статута pour servir a elaboration de la loi Organique, какъ она оффиціально озаглавлена, въ протоколахъ Международной Румелійской Коммиссіи, была составлена тотчасъ же по пріѣздѣ коммиссіи въ Филлиполь. Въ засѣданіи 30 октября (4 ноября) она была одобрена другими делегатами.

Эта программа довольно характерна [1]): она показываетъ, что Европейскіе делегаты, пріѣхавъ на мѣсто и убѣдившись лично, въ настроеніи болгарскаго населенія которое бодро стало на ноги, за время русской оккупаціи, признали безцѣльнымъ оказывать дальнѣйшую поддержку домогательствамъ оттоманскихъ коммиссаровъ, усердно рекомендовавшихъ взять, за основу будущей организаціи Области, пресловутый законъ о вилаэтахъ, который рекомендовался вниманію Коммиссіи и Берлинскимъ Трактатомъ. Каллай, въ своемъ докладѣ Коммиссіи, весьма остроумно оттѣнилъ то различіе, которое замѣчается въ указаніяхъ, преподанныхъ Коммиссіи для ея дѣятельности—постановленія Берлинскаго Конгресса, безусловно для нея обязательны, говоритъ этотъ докладъ, постановленія же Константинопольской Конференціи и законъ о вилаэтахъ рекомендованы лишь *къ свѣдѣнію, а не руководству*. Цѣль и задача Коммиссіи въ отношеніи составленія Статута намѣчены Каллаемъ довольно ясно—онъ долженъ дать Области организацію по образцу и въ духѣ либеральныхъ учрежденій Западной Европы, сообразуясь, какъ съ мѣстными условіями, такъ и съ требованіями Европейской цивилизаціи [2]). Въ

---

[1]) См. мою статью въ «Руси» И. С. Аксакова, за 1884 г., *Органическій Статутъ Восточной Румеліи* и т. д.

[2]) См. рѣчь Каллая, въ Коммиссіи, по этому поводу, въ засѣданіи 30 окт. Синяя Книга 1 ч. стр. 144, за 1879 г.

это же время Каллай писалъ, изъ Филиппополя, константинопольскому корреспонденту одной англійской газеты: порядочное административное устройство В. Румеліи и удовлетвореніе, въ извѣстной степени, желаній Болгаръ, домогающихся нѣкоторой административной автономіи, это наиболѣе серьезная гарантія противъ столь не желательнаго соединенія автономной Области съ Княжествомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно практическая плотина противъ разлива Славянства на полуостровѣ».

Содержаніе и характеръ этой программы Коллая ясно указываютъ, что онъ съ разу освоился съ положеніемъ дѣлъ и измѣнилъ тактику. Дальновидной мадьярской дипломатъ, новѣйшей школы, отлично понялъ что нельзя „прать противъ рожна“ т. е. духа времени. Противодѣйствіе стремленію болгарскаго народа къ самостоятельности, послѣ того что сдѣлала наша послѣдняя война съ Турціей представлялось совершенно безцѣльнымъ — врагамъ Славянства и Россіи приходилось направить свои козни въ другую сторону. Именно посѣять сѣмена раздора и смуты въ самой Болгаріи и испортить ея отношенія къ Россіи. Баронъ Веніаминъ Каллай одинъ изъ первыхъ усмотрѣлъ необходимость такой политической эволюціи и сталъ рѣшительнымъ партизаномъ этой новѣйшей политической манеры, постепенно усваиваемой и другими дипломатами Западной Европы, хотя ему не малаго труда стоило склонить въ пользу такой политики своихъ великобританскихъ коллегъ. Этимъ объясняются тѣ разнорѣчія и пререканія между Каллаемъ и Друмондомъ Вольфомъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ протоколы Европейской коммисіи, составлявшей органической статутъ для В. Румеліи [1]).

Мнѣнія и взгляды проницательнаго и дальновиднаго дипломата Австро-Венгріи однако скоро нашли рѣшитель-

---

[1]) Они напечатаны въ англійской Синей Книгѣ, за 1879 г., подъ рубрикой Turkey № 9; ч. 1-ая. «Переписка, касающаяся Европейской Коммиссіи, по организаціи В. Румеліи».

но адептовъ, въ нѣкоторыхъ представителяхъ европейской прессы и между прочимъ въ лицѣ даровитаго, хорошо знакомаго съ Востокомъ французскаго публициста-путешественник, извѣстнаго Габріэля Шарма, который въ своихъ статьяхъ въ «*Debats*» и «*Revue de deux Mondes*» сталъ указывать, что національныя стремленія болгаръ къ созданіи «Цѣлокупной Болгаріи» въ умѣлыхъ рукахъ могутъ обратиться въ орудіе противъ русской политики, на Балканскомъ полуостровѣ, и что европейскіе дипломаты конгресса разчленивъ Санъ-Стефанскую Болгарію сдѣлали промахъ, ибо въ существѣ дѣла съиграли въ нашу пользу. Болгарія, въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ подъ пера генерала Игнатьева, въ Санъ-Стефанскомъ трактатѣ, скорѣе чѣмъ теперь способна была сдѣлаться тормазомъ для дальнѣйшихъ успѣховъ панславизма (un empêchement au progrés de panslavisme). Княжество Болгарское, продолжаетъ этотъ публицистъ въ одной изъ своихъ статей написанной въ 1881 году, прочно и правильно организованное проявило бы сильное стремленіе къ самостоятельной жизни и, не нуждаясь болѣе въ помощи Россіи, рѣшительно бы отказалось отъ всякаго рода комбинацій, съ перспективой поглощеніе его самобытности въ нѣдрахъ громадной Имперіи Русскихъ Царей. Болгарія же въ ея настоящемъ видѣ, неизбѣжно силой вещей дѣлается лишнимъ козыремъ въ политической игрѣ Россіи [1]).

Берлинской конгрессъ возложили на Румелійскую международную коммиссію двоякаго рода задачу.

Во-первыхъ, эта коммисія, въ силу 18 ст. Берлинскаго трактата должна была, въ трехъ мѣсячный срокъ опредѣлить объемъ и характеръ власти (les pouvoirs et les attributions) генералъ-губернатора новой автономной области, а также начертать законы для административной, финансовой и судебной организаціи В. Румеліи и, съ этой цѣлью, составить Органическій Статутъ для новой автономной Области.

---

[1]) См. его книгу «*Avenir de la Turquie*».

Во-вторыхъ, коммиссія въ силу 19 ст. того же трактата, должна была принять въ свои руки, отъ русскаго гражданскаго управленія, завѣдываніе финансами области.

Европейскіе делегаты коммиссіи прежде и болѣе всего были заинтересованы этой финансовой стороной предстоявшей имъ дѣятельности. Они принимали весьма близко къ сердцу интересы европейскихъ кредиторовъ Порты, о которыхъ отечески позаботился и самъ международный ареопагъ,

Какъ извѣстно Высокая Порта, принятая на Парижскомъ конгрессѣ въ сонмъ европейскихъ державъ, поспѣшила заявить, что она не чужда идеямъ европейской цивилизаціи и прогресса широкимъ пользованіемъ средствами кредита. Въ царствованіе Абдулъ-Азиса, этого расточительнаго наслѣдника суроваго Орхана, Турки стали усердно занимать деньги въ Европѣ, направо и налѣво и на такихъ условіяхъ, которые имъ предлагались воротилами биржи, отнюдь не церемонившіе съ правительствомъ Падишаха.

Европейскіе банкиры и капиталисты, этимъ путемъ, такъ сказать не замѣтно завлядѣли Балканскимъ полуостровомъ. Они требовали отъ послушной ихъ указаніямъ дипломатіи сколь возможно болѣе солидной гарантіей своихъ претензій и домогались, во чтобы то ни стало, чтобы распаденіе владѣній Порты не причинилъ имъ ущерба.

Обезпеченіе этихъ претензій серьозными ипотечными гярантіями объяснялъ мнѣ г. Бловицъ [1]) царь европейскихъ корреспондентовъ, на конгрессѣ, составляетъ одну изъ капитальныхъ задачъ конгресса. Неизбѣжнымъ результатомъ послѣдней войны, которую Европа старалась предотвратить, хотя и безуспѣшно, вразумлялъ меня г. Опертъ изъ Бловица, является необходимость установить болѣе проч-

---

[1]) Бывши въ Берлинѣ, проѣздомъ, во время засѣданія конгресса 1878 года, я имѣлъ случай живя въ той же гостинницѣ Kaiser-hof говорить, съ этимъ, какъ его величали, царемъ корреспондентовъ.

ной и формальный порядокъ платежа, по долговымъ обязательствамъ Порты.

Эту же тему развивалъ мнѣ и г. Макензи Валласъ, въ Константинополѣ, въ 1881 году. Болгары дурно дѣлаютъ, разсуждалъ онъ, что не понимаютъ надлежащимъ образомъ всей важности этой экономической, европейской аксіомы. Международное право Европы обязательно для Болгаръ, буде они желаютъ сдѣлаться народомъ политическимъ, Европа, прежде чѣмъ допустить ихъ въ свою среду, должна убѣдиться, что они достаточно усвоили себѣ основы международнаго права. Я уже не говорю о русской дипломатіи, которая не можетъ и не должна игнорировать этой азбуки Европейскаго права; кромѣ того Россія въ Берлинѣ росписалась въ признаніи этого начала [1]).

Наша дипломатія, какъ нельзя болѣе оправдывала желаніе корреспондента Times. Нашъ посолъ въ Константинополѣ Е. П. Новиковъ спасовалъ передъ такими аргументами, съ большимъ апломбомъ изложенными г. Вальфреемъ, Буркомъ и Мейеромъ, делегатами европейскихъ кредиторовъ Порты, пріѣзжавшихъ зимою 1881—82 годовъ въ Константинополь, для соглашенія съ правительствомъ Султана, объ обезпеченіи ихъ долговыхъ претензій. Мы великодушно отдали этимъ господамъ румелійскую дань на которую имѣли право предъявить свою претензію, какъ на одинъ изъ источниковъ турецкихъ доходовъ для уплаты намъ военной контрибуціи, тѣмъ болѣе что первое Областное Собраніе В. Румеліи заявило что оно прежде всего считаетъ своимъ священнымъ долгомъ уплатить издержки Россіи по окупаціи, которые были опредѣлены въ размѣрѣ 50 мил. франковъ.

Добившись отъ Россіи согласія, на предоставленіе въ вѣдѣніе Международной коммиссіи управленія финансами

---

[1]) См. мою статью въ «Руси» за 1884 г. «Органическій Статутъ Восточной Румеліи» № 17 и слѣдующіе.

В. Румеліи, т. е. ея платежныхъ средствъ, европейская дипломатія, въ лицѣ ея представителей, засѣдавшихъ въ коммиссіи, обнаружила болѣе благодушное отношеніе къ вопросу объ организаціи автономной Области.

Я не считаю нужнымъ входить здѣсь въ подробное изложеніе всѣхъ перипетій дѣятельности Международной Коммиссіи. Первое засѣданіе ея обѣщало мало хорошаго— разномысліе ея представителей казалось представляли неодолимыя преграды выполненія возложенной на нее задачи. Энергическій образъ дѣйствій нашего главнокомандующаго графа Эдуарда Ивановича Тотлебена, возстаніе въ Албаніи, а также вооруженіе Греціи, выражавшей намѣреніе вооруженной рукой добиться отъ Порты исправленія границъ, опредѣленныхъ Конгрессомъ. Все это вмѣстѣ взятое побудило европейскихъ дипломатовъ комиссіи, равно какъ и комиссаровъ Порты къ значительнымъ уступкамъ, въ пользу нашихъ требованій. Поѣздка, предпринятая графомъ Тотлебеномъ. осенью 1878 г. изъ Адріанополя въ Германлы и Филипополь, гдѣ нашъ главнокомандующій былъ встрѣченъ шумными и торжественными заявленіями народныхъ симпатій, произвели сильное впечатлѣніе на международную коммиссію, также переселившуюся въ это время въ Филипополь. Пріѣхавъ на мѣсто и встрѣтившись лицомъ къ лицу съ болгарскимъ населеніемъ области, дипломаты убѣдились, что болгарское населеніе Восточной Румеліи оперилось и твердо стало на ноги, за время русской оккупаціи и что съ этимъ фактомъ приходилось считаться. Просматривая протоколъ международной комиссіи, напечатанной въ англійской синей книгѣ, за 1879 годъ, можно убѣдиться, что послѣ переѣзда комиссіи въ Филиппополь наиболѣе дальновидные изъ ея представителей и въ особенности баронъ Каллай отказались отъ первоначальныхъ поползновеній, елико возможно урѣзать административную автономію вновь образованной области. Такой взглядъ на

дѣло австрійскаго представителя вполнѣ раздѣляли французскіе делегаты: баронъ Рингъ и Г. Кутули [1]). Горячія пререканія и споры, которыя приходилось выдерживать нашимъ представителямъ, полковнику Шепелову и князю А. Н. Цертелеву, главнымъ образомъ сводились къ вопросу о передачѣ вѣдѣнію комиссіи финансоваго управленія области, такъ какъ болгары не хотѣли допускать передачи въ руки Адольфа Шмидта, приглашеннаго комиссіею, изъ Константинополя, финансоваго чиновника, казначействъ въ Румеліи.

Поѣздка г. Шмидта въ г. Сливно, для обревизованія тамошняго казначейства, вызвала цѣлый инцидентъ. Г. Шмидтъ подвергся оскорбленіямъ со стороны мѣстнаго населенія и долженъ былъ просить помощи у нашего генералъ-губернатора А. Д. Столыпина [2]). Не смотря на крайнее нерасположеніе болгаръ къ Шмидту, въ силу категорическихъ предписаній Берлинскаго Трактата, финансовое управленіе В. Румеліи было передано въ его управленіе.

Получивъ удовлетвореніе въ этомъ насущномъ для нихъ вопросѣ, европейскіе дипломаты пошли на соглашеніе съ русскими делегатами коммиссіи, въ дѣлѣ организаціи управленія областью. Наиболѣе спорнымъ пунктомъ оказались, въ этомъ случаѣ, вопросы о порядкѣ назначенія должностныхъ лицъ В. Румеліи и организація Постояннаго Комитета,—представителя и делегата Областнаго Собранія въ промежуткахъ между его сессіями. Постоянный Комитетъ В. Румеліи — это весьма оригинальное и сослужившее

---

[1]) Г. Кутули, братъ бывшаго, во время войны, корреспондента Temps, въ настоящее время французскій посланникъ въ Бухарестѣ.

[2]) Это такъ называемый «*бабій бунтъ*» въ Сливно, онъ весьма подробно описанъ въ англійской Синей Книгѣ за 1879 г., часть 2-я, стр. 863. Болгарскія женщины обнаружили особенное нерасположеніе къ г. Шмидту и неоднократно пытались побить его каменьями. Онъ избѣгъ этой прискорбной участи лишь благодаря охранѣ русской военной власти.

службу болгарскому дѣлу учрежденіе — я объ немъ поговорю подробнѣе ниже, а пока ограничусь лишь указаніемъ, что въ виду возникшихъ споровъ объ характерѣ и правомочіяхъ этого Комитета, вопросъ объ его организаціи откладывался до самаго конца засѣданій коммиссіи и былъ разрѣшенъ лишь, при составленіи его окончательной редакціи, въ Константинополѣ, куда коммиссія возвратилась въ мартѣ 1879 года, для представленія своей работы на утвержденіе Султана. 19-го апрѣля 1879 года, въ силу султанскаго фирмана этотъ Органическій Статутъ получилъ силу закона и былъ введенъ въ дѣйствіе. Вслѣдъ за симъ Высокая Порта, по соглашенію съ другими державами, назначила князя Александра Вогоридеса, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Алеко-паши, генералъ-губернаторомъ Восточной Румеліи. Основанія организаціи автономной области, отрѣзанной конгрессомъ отъ цѣлокупной Болгаріи Санъ-Стефанскаго Трактата, были слѣдующія. Всѣмъ румелійскимъ гражданамъ были предоставлены довольно широкія политическія права, какъ-то—неприкосновенность домашняго очага и корреспонденціи, свобода устной и печатной рѣчи, свобода печати, сходокъ, петицій и т. д. Народное представительство было организовано въ томъже духѣ, хотя Статутъ и установилъ *обязательный*, какъ для избирателей, такъ и для избираемыхъ, имущественный цензъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ допустилъ такія широкія изъятія въ пользу такъ-называемыхъ *либеральныхъ профессій*, что этотъ цензъ утратилъ всякое серіозное значеніе. Упомянутыми изъятіями не замедлилъ воспользоваться многочисленный въ области *умственный пролетаріатъ*, состоящій по большей части изъ полуобразованныхъ [1]), бѣдныхъ, но весьма энергичныхъ въ дѣлѣ

[1]) Большинство ихъ пріобрѣло свои дипломы въ Константинопольскихъ и Букурештскихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя славятся своею снисходительностью къ учащимся. Уровень требованій для полученія дипломовъ въ этихъ заведеніяхъ весьма не высокъ.

наживы и карьеры врачей, учителей и чиновниковъ. Эти искатели карьеры, съ первыхъ же выборовъ составили сплоченную дисциплинированную партію и, пользуясь безграничной свободой мѣстной печати, легко пріобрѣли преобладающее вліяніе, какъ въ избирательныхъ коммиссіяхъ, такъ и въ самыхъ представительныхъ учрежденіяхъ области. Они щедрою рукою вотировали кредиты на народное образованіе и въ особенности на содержаніе областныхъ администраціи и магистратуры. Такое отношеніе ихъ къ платежнымъ силамъ и средствамъ Области понятно — не обладая собственностью, они не участвовали въ платежѣ налоговъ. Другая особенность Органическаго Статута В. Румеліи заключалась въ положеніи и постановкѣ исполнительной власти и ея отношеніяхъ къ народному представительству Области. Неопредѣленность этихъ отношеній бросается въ глаза, при первомъ знакомствѣ съ текстомъ Статута. Она еще ярче сказалась на практикѣ, благодаря оффиціальному, довольно тенденціозному болгарскому переводу Статута, очевидно преслѣдовавшему и систематически проводившему принципъ ограниченія полномочій генералъ-губернатора, въ пользу народнаго представительства, т. е. его органовъ—Областнаго Собранія и Постояннаго Комитета [1]).

Такая неопредѣленность взаимныхъ отношеній главныхъ органовъ власти въ В. Румеліи была допущена составителями Статута, отчасти сознательно, а отчасти вслѣдствіе спѣшности возложенной на нихъ работы. Въ силу политическихъ обстоятельствъ и соображеній, предвидѣлось, что во главѣ исполнительной власти станетъ турецкій

---

[1]) Statut Organique de la Roumélie Orientale. Константинополь. Пера. Типографія Целиха. Это оффиціальное изданіе Статута, на французскомъ языкѣ сдѣлано въ 1879 году по распоряженію нашего посольства. Болгарскій переводъ былъ сдѣланъ Георгіемъ Груевымъ, бывшимъ предсѣдателемъ верховнаго суда въ В. Румеліи.

паша, полномочія котораго желательно было, по возможности, ограничить. Европейская дипломатія, въ это время, кокетничала съ Высокой Портой и, поэтому, прямо и откровенно ограничить права представителя султана въ В. Румеліи, она не рѣшалась, тѣмъ болѣе, что, въ виду возбужденнаго состоянія умовъ и страстей и взаимной племенной вражды населенія области, дипломаты сознавали необходимость созданія въ ней достаточно сильной власти для поддержанія тишины и порядка.

Поэтому органическій Статутъ В. Румеліи представляетъ рядъ колебаній и недомолвокъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о разграниченіи предѣловъ компетенціи между органами исполнительной власти, во главѣ которой былъ поставленъ генералъ-губернаторъ области, и собраніемъ представителей Румеліи. Генералъ-губернаторъ В. Румеліи, какъ я уже сказалъ выше, назначался въ силу 7 ст. Органическаго Статута, султаномъ, по соглашенію съ великими державами, подписавшими Берлинскій трактатъ на пять лѣтъ. Онъ являлся представителемъ султана въ области и несъ предъ нимъ отвѣтственность за всѣ свои дѣйствія, при исполненіи этихъ обязанностей (est responsable envers S. M. le Sultan pour tous les actes accomplis par lui dans l'exercice de ses fonctions[1]). Въ качествѣ главнаго правителя области генералъ-губернаторъ былъ облеченъ: 1) высшею исполнительною властью; 2) правомъ участія въ составленіи и изданіи областныхъ законовъ для В. Румеліи, совмѣстно съ собраніемъ ея представителей, и 3) правомъ изданія, по соглашенію съ постояннымъ комитетомъ, административныхъ постановленій. Кромѣ того ему было предоставлено главное распоряженіе милиціею и жандармеріею автономной области, а равно и назначеніе въ нихъ субалтернъ-офицеровъ (назначеніе трехъ штабъ-офицеровъ въ милиціи

[1]) Органическій Статутъ ст. 45.

и жандармеріи было предоставлено самому султану). Согласно 16 ст. Берлинскаго трактата, генералъ-губернатору В. Румеліи было предоставлено право, подъ личною его отвѣтственностью, призвать оттоманскія войска, въ виду настоятельной въ томъ потребности, для охраненія области, въ случаѣ внѣшней и внутренней опасности.

Въ дѣлѣ организаціи управленія и суда составители Статута заимствовали, на скорую руку, европейскіе, преимущественно французскіе, по части администраціи и австрійскіе, по части юстиціи, образцы [1]) черпая широкой рукой свои идеалы и матеріалъ изъ извѣстнаго словаря Морица Блока (Dictionair General de la politique Paris 1877 г.), а также австрійскихъ и бельгійскихъ кодексовъ, съ которыми бароны Каллай и Рингъ весьма любезно знакомили своихъ коллегъ по коммиссіи: Рингъ, какъ французъ, предпочтительно занимался общими принципами (les grands principes). Изъ подъ его пера вышли первыя четыре главы Статута, а именно: I) Droit public de la province; II) Droit des citoyens; III) Du gouverneur general и IV) de l'admistration centrale de la Province, а Каллай особенно налегалъ на болѣе дѣловую часть, т. е. на организацію юстиціи и финансоваго управленія, въ видахъ и интересахъ Австро-Венгріи.

Дунайская имперія усиленно желала и домогалась установленія коммерческихъ связей въ Румеліи, гдѣ во время

---

[1]) Посвященная устройству судебной части, IX гл. Статута, была составлена Каллаемъ, при содѣйствіи одного адвоката изъ Перы, состоявшаго при Австрійскомъ посольствѣ. Она была принята коммиссіей почти безъ преній, en bloc, какъ записано въ протоколѣ, въ одно изъ послѣднихъ засѣданій ея, въ Филиппополѣ, въ мартѣ 1879 г. Слѣдуя предписаніямъ свыше закончить составленіе Статута къ началу слѣдующаго мѣсяца, т. е. апрѣля, какъ того категорически требовали всѣ Европейскіе кабинеты, въ виду окончательно рѣшенной, въ маѣ, эвакуаціи русскими войсками Болгаріи и Румеліи, международныя коммиссіи, въ этотъ послѣдній періодъ свой дѣятельности, работала на всѣхъ парахъ т. е. рубила сплеча всѣ тѣ вопросы, которые оставались еще неразрѣшенными. Такимъ оброзомъ судебная организація В. Румеліи была рѣшена однимъ почеркомъ пера.

нашей окупаціи появилось не мало разныхъ аферистовъ и авантюристовъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ Австро-венгерскаго консульства. Вѣнскіе банкиры и торговыя фирмы, какъ Вѣны, такъ и Пешта, командировали своихъ агентовъ, въ видахъ предстоящей эксплуатаціи богатой дарами природы, но скудной развитіемъ промышленности и фабричнаго производства патріархальной автономной области.

Поэтому для австрійской дипломатіи было весьма важно, чтобы у нея были свои люди въ финансовомъ управленіи, по инженерной части, а равно и въ судахъ новой области, поэтому Каллай обратилъ особенное вниманіе на судебную часть и старался, на сколько это было возможно, приспособить ея къ судебнымъ порядкамъ, существующимъ въ Венгріи, предоставивъ въ румелійскихъ судахъ преобладающее значеніе прокурорскому надзору, онъ принялъ заблаговременно нужныя мѣры, чтобы всѣ прокурорскія должности въ В. Румеліи были исключительно замѣщены австрійскими, чиновниками, изъ такъ называемыхъ чеховъ, подъ флагомъ которыхъ проникло въ Румелію не мало жидовъ и поляковъ.

Склеенная такимъ образомъ, на скорую руку, организація суда и администраціи. В. Румеліи, конечно, весьма мало гармонировала съ условіями историческаго развитія области, народнымъ бытомъ, складомъ характера и потребностями болгарскаго народа [1]).

Для небольшой и сравнительно слабо населенной В. Румеліи была создана цѣлая система сложныхъ и дорого стоющихъ учрежденій, бо̀льшая часть которыхъ отнюдь не вызывалась дѣйствительными потребностями населенія.

---

[1]) Весьма характерное описаніе болгарскаго народнаго быта заключается въ письмѣ изъ Филиппополя, одного русскаго эмигранта, носившаго въ Румеліи фамилію доктора Русселя—это письмо напечатано въ журналѣ «Сѣв. Вѣстникъ», за декабрь 1885 г.

Органическій Статутъ ввелъ въ В. Румеліи тройную систему судовъ (суды общіе, административные и духовные) двойное мѣстное представительство (департаментское и муниципальное) и двойной комплектъ мѣстныхъ финансовыхъ чиновниковъ (кассиры и сборщики податей). Въ главныхъ городахъ области, именно въ центрахъ шести департаментовъ были учреждены шесть окружныхъ судовъ съ двумя отдѣленіями въ каждомъ; въ Филиппополѣ, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, верховный судъ В. Румеліи (Cour superieur de Justice) и кромѣ того изрядное количество околійскихъ судей, въ родѣ нашихъ мировыхъ (Juges de Canton).

Прокурорскій надзоръ были организованы на австрійскій манеръ, съ большими правами и полномочіями. Слѣдственная часть отдана совершенно въ руки прокуратуры и ей же предоставлено главное завѣдываніе тюрьмами, съ правомъ рѣшающаго голоса, не только по всѣмъ вопросамъ тюремной администраціи, но равно и неограниченная власть измѣненія сроковъ заключенія, глядя по поведенію арестанта. Иначе говоря, осужденные преступники были поставлены въ совершенно исключительное отношеніе къ прокурорскому надзору, который могъ по своему усмотрѣнію карать и миловать, чѣмъ и пользовался первый главный прокуроръ области г. Пржевлоцкой, бѣглый полякъ, который, до назначенія его на этотъ постъ, промышлялъ адвокатурой въ Константинополѣ [1]).

Однимъ словомъ, органическій Статутъ весьма усердно и щедро надѣлилъ новую автономную область многочис-

---

[1]) Г. Пржевлоцкой, освободившій изъ тюрьмы черезъ нѣсколько дней, по вступленіи въ должность одного извѣстнаго турецкаго разбойника, взятаго русскою военною властью и приговореннаго за его злодѣянія къ смертной казни и притомъ, по словамъ болгарскихъ депутатовъ, сдѣлавшій это не ради безкорыстнаго мягкосердечія, а за деньги, былъ отданъ подъ судъ, по требованію областнаго собранія румелійскихъ представителей, но благодаря хаотическому состоянію юстиціи, въ области, процессъ этотъ кончился ни чѣмъ.

леннымъ и дорого стоющимъ персоналомъ бюрократіи и весьма сложной системой учрежденій, что отнюдь не вызывалось условіями быта области и потребностями ея населенія.

Эта искуственно насажденная, мало способная, глубоко невѣжественная и прожорливая бюрократія, въ шесть съ небольшимъ лѣтъ высосала всѣ соки щедро надѣленной дарами природы страны, и, такъ сказать, съѣла автономную область. Эта пестрая, либеральная на бумагѣ, нестройная и крайне искусственная на практикѣ организація управленія, притомъ весьма дорого стоившая населенію, представляла поистинѣ нѣкое опереточное царство.

Финансовое и экономическое положеніе области было таково, что спасенія отъ всеобщаго разоренія народа, заработки котораго поглощались содержаніемъ никому и ни на что не нужной бюрократіи, приходилось ждать только отъ соединенія съ княжествомъ.

Въ этой именно, т. е. въ финансовой сторонѣ установленнаго въ Румеліи режима и заключалась главная опасность положенія и неотразимаго стремленія населенія къ соединенію съ княжествомъ. На этой почвѣ искателямъ приключеній и всякаго рода авантюристамъ, было весьма легко разыгрывать революціонныя интермедіи и создавать перевороты, въ родѣ coup d'etat 6 сентября 1885 г., когда горсть заговорщиковъ, въ союзѣ съ нѣсколькими офицерами милиціи, провозгласивъ соединеніе, опрокинула какъ карточный домикъ правительство Крестовича.

Зная положеніе В. Румеліи, слѣдуетъ удивляться не этому перевороту, а тому что онъ не послѣдовалъ ранѣе.

Такимъ образомъ дѣятельность администраціи была парализована неумѣстнымъ либерализмомъ Статута и связана, по рукамъ и ногамъ, постоянными часто придирчивыми вмѣшательствами представительныхъ учрежденій во всѣ дѣла области и всѣ распоряженія административной вла-

сти. Для благоустройства страны, развитія ея экономическихъ силъ и средствъ дѣлалось очень мало, чтобы не сказать ничего,—все время и всѣ заботы уходили на пререканія и споры между властями и представительными учрежденіями, за которыя стояла всесильная и необузданная печать Южной Болгаріи. Народъ кряхтѣлъ подъ бременемъ непосильныхъ налоговъ, которые, однако, не покрывали недочетовъ бюджета, — область страдала хроническими дефицитами; послѣдніе росли съ каждымъ годомъ.

Но этимъ капитальнымъ недостаткомъ не ограничивалось больныя мѣста организаціи автономной области. Положеніе законодательной власти и вообще законодательства было поставлено еще хуже, если только это было возможно. Съ одной стороны самая широкая и свободная иниціатива возбужденія законодательныхъ вопросовъ членами областнаго собранія [1]), съ другой стороны—вѣчный тормазъ для всякаго законодательнаго почина, въ безконтрольномъ правѣ султана налагать свое рѣшающее veto на всѣ законодательныя постановленія областнаго собранія, представляемые, въ силу Статута, на утвержденіе Падишаха, такъ какъ онъ, въ качествѣ сюзерена области, сохранилъ за собой права верховной власти и въ томъ числѣ право санкціи новыхъ законовъ.

Чтобы по возможности ослабить неблагопріятныя послѣдствія такого права Порты, которымъ, какъ это легко было предвидѣть, совѣтники султана станутъ пользоваться безъ удержа, составители Статута изобрѣли пресловутую 55 статью, объ такъ называемыхъ административныхъ постановленіяхъ (см. III гл. Статута о правахъ власти генералъ-губернатора). Эта статья предоставляла между прочимъ генералъ-губернатору области, по соглашеніи съ по-

---

[1]) Въ отношеніи законодательной иниціативы Органическій Статутъ либеральнѣе всѣхъ существующихъ въ Европѣ политическихъ хартій или конституцій.

стояннымъ комитетомъ, право изданія административныхъ постановленій, имѣющихъ силу закона. Свойство и характеръ этихъ административныхъ постановленій, могущихъ, такъ сказать, замѣнять санкціонируемые султаномъ законы,опредѣлены въ такихъ общихъ и эластичныхъ выраженіяхъ, что, при нѣкоторой свободѣ толкованія, подъ этимъ этикетомъ можно было безъ труда провести всѣ тѣ законы, въ которыхъ нуждалась область, минуя такимъ образомъ стѣснительное согласіе Порты, на ихъ изданіе. Для этого требовалось лишь согласіе и дружное единомысліе правителя области и постояннаго комитета В. Румеліи.

Постоянный комитетъ, какъ я уже упомянулъ выше, характерное и вліятельное учрежденіе, игравшее весьма крупную роль въ судьбѣ автономной облости. Не вдаваясь въ перечисленіе всѣхъ атрибутовъ и предѣловъ компетенціи этого комитета, тѣмъ болѣе что они изложены и редактированы, въ Статутѣ, довольно темно и сбивчиво, я замѣчу для характеристики этого учрежденія, что оно имѣло своей задачей, такъ сказать, постоянное и ежедневное наблюденіе и бдительный надзоръ за политикой и распоряженіями генералъ-губернатора, играя роль Цербера, приставленнаго собраніемъ народныхъ представителей, въ качествѣ его делегата, къ особѣ главнаго правителя области. Эту задачу постоянный комитетъ исполнялъ весьма усердно! Одинъ австрійскій публицистъ и государственный человѣкъ въ отставкѣ [1]), посѣтивъ въ 1881 году В. Румелію и ознакомившись съ ея учрежденіями и порядками, не безъ ехидства замѣтилъ, что Алеко-Паша, благодаря постоянному Комитету наиболѣе обдѣленный властью изъ всѣхъ конституціонныхъ правителей Европы—«Ce pauvre Bogoridi,

---

[1]) Именно Юліанъ Клачко, авторъ извѣстной книги «Deus Chanceliers» conseiller aulique его апостольскаго величества Франца Іосифа, бывшій правитель канцеляріи графа Бейета.

сострилъ онъ, evidement ne gouverne pas et il n'a pas même la consolation de regner».

Постоянный комитетъ, былъ образованъ, по Статуту, изъ 10 дѣйствительныхъ членовъ, избираемыхъ ежегодно областнымъ собраніемъ, изъ своей среды; кромѣ того, на случай выбытія или смерти кого либо изъ нихъ, избирались, тѣмъ же порядкомъ, еще три добавочные члена, или кандидаты, для того, чтобы комитетъ постоянно былъ въ полномъ составѣ.

Система избранія членовъ комитета представляла нѣкоторое нововведеніе: это было, если я не ошибаюсь, первый опытъ примѣненія къ практикѣ излюбленной теоріи Стюарта Милля относительно такъ называемаго представительства меньшинства. Члены комитета избирались записками, причемъ каждый депутатъ могъ писать только 6 именъ или фамилій на должность 10 членовъ, такъ что большинство собранія могло провести въ комитетъ только 6 человѣкъ, изъ людей своей партіи — оставляя четыре мѣста представителямъ меньшинства.

107 ст. Органическаго Статута постоянному комитету были предоставлены весьма разнообразныя и существенныя права и полномочія, между прочимъ право контроля, въ качествѣ делегата собранія, всего дѣлопроизводства и всѣхъ Учрежденій Области, съ правомъ возбужденія обвиненій и преслѣдованій передъ Областнымъ Собраніемъ всѣхъ безъ изъятія должностныхъ лицъ В. Румеліи, въ случаѣ нарушенія ими общественныхъ интересовъ страны (pour crime contre la chôse publique). Кромѣ того на предварительное заключенію Комитета поступали всѣ законопроекты, составляемые директорами (т. е. министрами) В. Румеліи, которые вносились затѣмъ на разсмотрѣніе Областнаго Собранія, при докладахъ Комитета объ ихъ значеніи и цѣлесообразности. Такое же участіе принималъ Постоянный Комитетъ и въ обсужденіи проекта бюджета, который,

прежде разсмотрѣнія его Собраніемъ, вносился на заключеніе комитета и поступалъ въ собраніе также при его заключеніи. Но наиболѣе важное право Постояннаго комитета, въ практическомъ отношеніи, имъ обусловливалась и роль, которую онъ игралъ, въ дѣятельности правительственной организаціи В. Румеліи, заключалось въ разрѣшеніи дополнительныхъ кредитовъ къ бюджету и краткосрочныхъ займовъ, вызываемыхъ нуждами румелійскаго казначейства. По практиковавшейся финансовой системѣ, т. е. такъ называемой десятинѣ, налоги взимались натурой, поэтому доходы области, поступали въ распоряженіе администраціи, въ видѣ продуктовъ, обращеніе которыхъ въ денежные знаки требовало извѣстнаго времени. Эта операція производилась путемъ отдачи десятинныхъ сборовъ на откупъ различнымъ аферистамъ, и, разумѣется, поступленіе отъ нихъ денегъ, слѣдующихъ въ доходъ казначейства области, значительно замедлялся и къ началу весны обыкновенно румелійская денежная касса совершенно пустѣла и затруднялась въ производствѣ текущихъ платежей и даже выдачѣ жалованья чиновникамъ.

Такимъ образомъ пополненіе кассы путемъ краткосрочнаго займа, каждую весну, являлся самымъ животрепещущимъ вопросомъ для всего служебнаго персонала В. Румеліи, начиная съ генералъ-губернатора и кончая послѣднимъ чиновникомъ, а разрѣшеніе такихъ займовъ было предоставлено статутомъ постоянному комитету, который, сознавая вполнѣ практическое значеніе и силу этого права, пользовался имъ, чтобы держать въ уздѣ Главнаго Правителя области и его директоровъ.

Во главѣ высшей администраціи области были поставлены шесть директоровъ: 1) Внутреннихъ дѣлъ, носившій названіе генеральнаго секретаря В. Румеліи, вступавшій въ права генералъ-губернатора, во время его отсутствія; 2) Финансовъ; 3) Публичныхъ Работъ и Путей Сообщенія;

4) Народнаго Просвѣщенія; 5) Юстиціи, и 6) Начальникъ милиціи, т. е., такъ сказать, военный министръ области. Милиція В. Румеліи была организована изъ 12 пѣшихъ дружинъ, изъ одного учебнаго баталіона, одной саперной роты, одного эскадрона кавалеріи и полъ-батареи полевой пѣшей артиллеріи.

Каждая дружина въ полномъ составѣ включала въ себѣ четыре четы или роты, по 250 чел. въ каждой, т. е. равнялась 1.000 ч., хотя въ Органич. Статутѣ были сдѣланы ограниченія относительно образованія дружинъ въ полномъ составѣ.

Подробности военной организаціи милиціи изложены въ приложеніи къ XII гл. Статута подъ № 12 (Reglement provisoire de la milice). Эти, такъ сказать, временныя правила отличались тѣмъ отъ текста самаго Статута, что могли быть отмѣнены непосредственно самимъ областнымъ законодательствомъ В. Румеліи, тогда какъ, въ силу 495 заключительной статьи Органическаго Статута, всякія въ немъ измѣненія могли имѣть мѣсто не иначе какъ въ силу соглашенія Высокой Порты и всѣхъ великихъ державъ, подписавшихъ Берлинскій трактатъ.

Въ апрѣлѣ 1879 года Органическій Статутъ, съ одобренія европейскихъ кабинетовъ, былъ представленъ на утвержденіе Высокой Порты и 14 (26) апрѣля послѣдовалъ фирманъ султана, придавшій ему силу закона.

Одновременно съ изданіемъ этого фирмана, султанъ, по соглашенію съ великими державами, назначилъ генералъ-губернаторомъ В. Румеліи Алеко-пашу, князя Вогоридеса, бывшаго посла Порты, при вѣнскомъ дворѣ.

Франція и Австрія поддерживали кандидатуру, на этотъ постъ Рустема-паши, грека по происхожденію и католика по вѣрѣ, бывшаго губернатора Сиріи; но на этотъ разъ русское вліяніе превозмогло, тѣмъ болѣе, что Алеко-паша былъ полу-болгаринъ, по происхожденію, его дѣдъ Сафроній

Богориди — простой болгаринъ изъ мѣстечка Котла, въ Балканахъ, женившійся на богатой фанаріоткѣ въ Константинополѣ, пользовался большимъ уваженіемъ среди болгарскаго населенія и имѣлъ большія семейныя связи среди вліятельнаго въ Константинополѣ населенія Фанара.

Послѣ ряда уступокъ, сдѣланныхъ европейской дипломатіи, мы рѣшительно высказались за кандидатуру Алекопаши и она была принята державами. Возбужденіе умовъ. вызванное въ Княжествѣ Болгарскомъ и въ особенности въ В. Румеліи, рѣшеніями Берлинскаго конгресса, какъ я говорилъ въ предъидущихъ главахъ моего очерка, было хорошо извѣстно покойному Императору. Покойный Императоръ, въ письмахъ къ Гр. Э. И. Тотлебену, даже сознавалъ ихъ законность. Подчинившись требованію Европы, ради интересовъ мира, Государь былъ серьезно озабоченъ, чтобы его намѣренія и желанія были въ точности поняты и приняты къ руководству болгарскимъ народомъ.

Съ этой цѣлью, передъ очищеніемъ Румеліи и Болгаріи нашими войсками, на Балканскій полуостровъ былъ командированъ генералъ-адъютантъ Н. Н. Обручевъ, въ качествѣ спеціально избраннаго уполномоченнаго, для возвѣщенія болгарскому народу Монаршей Воли.

24 апрѣля генералъ Обручевъ прибылъ въ Филиппополь и на другой, т. е. 25 апрѣля, въ соборномъ храмѣ столицы Восточной Румеліи, въ присутствіи Царскаго посланника, при многочисленномъ собраніи народа и имянитыхъ людей области, его блаженство Іосифъ Экзархъ Болгаріи совершилъ торжественное богослуженіе. По окончаніи обѣдни, Экзархъ прочелъ съ амвона переведенное на болгарскій языкъ воззваніе Русскаго Императора къ болгарамъ В. Румеліи, слѣдующаго содержанія:

Болгаре Восточной Румеліи!

Имѣя твердое намѣреніе въ точности соблюдать постановленія Берлинскаго трактата и признавая, что выполненіе таковыхъ можетъ гарантировать безъ новыхъ пожертвованій и потрясеній тѣ права, которые были доставлены вамъ русскимъ оружіемъ, Я приказалъ Моимъ войскамъ приступить къ очищенію вашей области, въ назначенный для сего трактатомъ срокъ.

Благодарю васъ за братское сочувствіе, которое вы постоянно оказывали моему войску, во время его пребыванія среди васъ, и тѣ чувства преданности и благодарности, которыя вы такъ многократно Мнѣ и, въ Моемъ лицѣ, всему русскому народу, принесшему столько жертвъ на дѣло вашего возрожденія, заявляли. Я убѣжденъ, что эти чувства перейдутъ къ вашимъ дѣтямъ и сдѣлаются достояніемъ вашего самаго отдаленнаго потомства.

Теперь васъ ожидаетъ введеніе въ вашей области новаго гражданскаго строя, который выработанъ для васъ Международной коммиссіей — онъ долженъ быть установленъ, согласно постановленію трактата. Я надѣюсь, что вы оправдаете мои ожиданія и не дадите повода съ обвиненію васъ въ стремленіяхъ нарушать миръ и спокойствіе, столь необходимое какъ для вашего собственнаго блага, такъ и для благополучія вашихъ братьевъ Болгарскаго Княжества.

Помня ваше прошлое и сравнивая его съ тѣмъ положеніемъ, которое вамъ предоставляется теперь, вы должны съ довѣріемъ взирать на будущее. Отнынѣ ваши гражданскіе права вполнѣ обезпечены. Ваша жизнь, честь и достояніе поставляются подъ охрану законовъ, исполненіе которыхъ предоставлено вамъ же самимъ. Вы получаете обширныя права самоуправленія и возможность пользоваться средствами страны, по вашему усмотрѣнію. Наконецъ, во

главѣ вашего управленія будетъ стоять вашъ братъ по вѣрѣ—христіанинъ.

Такимъ образомъ вамъ гарантированы права, которыми вы доселѣ не пользовались. Ни отъ кого какъ отъ васъ самихъ будетъ теперь зависѣть благоразумное пользованіе этими правами, къ вашему благу, мирному и правильному развитію вашей гражданской жизни. Отнынѣ, Болгары Восточной Румеліи, ваше будущее въ вашихъ рукахъ!

Мнѣ извѣстно, что многіе изъ васъ не довольны положеніемъ, созданнымъ для вашей области трактатомъ, мечтая путемъ насильственнаго переворота достигнуть цѣлей, несогласныхъ съ рѣшеніемъ великихъ державъ.

Я не могу одобрить такихъ стремленій, выполненіе которыхъ, помимо воли и согласія другихъ державъ не возможно и можетъ лишь навлечь новыя бѣдствія на вашу страну. Старайтесь противодѣйствовать такого рода противузаконнымъ стремленіямъ, которые могутъ подорвать въ самомъ основаніи начатое нынѣ дѣло возрожденія вашей національности и приготовьтесь, соблюдая порядокъ и спокойствіе, безъ опасенія за будущее воспринять дарованныя вамъ права для новой жизни.

Да поможетъ Господь Богъ вамъ на пути вашего развитія!»

По прочтеніи этого воззванія, встрѣченнаго восторженнымъ заявленіемъ сочувствія и благодарности къ Царю-Освободителю, генералъ Н. Н. Обручевъ сдѣлалъ смотръ собраннымъ, на плацу, двумъ дружинамъ молодой болгарской милиціи и затѣмъ принималъ многочисленныя болгарскія депутаціи, тѣснившіяся въ его квартирѣ, которая не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ видѣть и привѣтствовать русскаго генерала. Въ словесныхъ объясненіяхъ съ этими депутаціями генералъ-адъютантъ Обручевъ старался ободрить и успокоить болгаръ, опасавшихся турецкихъ насилій послѣ ухода русскаго войска.

Теперь вы далеко не беззащитны, говорилъ имъ нашъ генералъ, мы оставляемъ вамъ склады оружія, у васъ сформировано хотя молодое, но бравое войско, у васъ теперь организуютъ гимнастическія дружества, храните какъ зѣницу ока, оружіе, которое вамъ оставляетъ Россія и помните, что пока оно у васъ въ рукахъ, вамъ нечего смущаться за будущее, никто васъ не тронетъ. Безпокоющее васъ право занятія турецкими войсками гарнизоновъ въ Балканахъ, дѣйствительно представляетъ опасности, но Россія приметъ мѣры и употребитъ свое вліяніе чтобы это постановленіе Берлинскаго трактата никогда не осуществилось на дѣлѣ.

Пріѣздъ генерала Обручева, объѣхавшаго кромѣ того и другіе города В. Румеліи значительно поднялъ духъ и ободрилъ южныхъ болгаръ, т. е. населеніе В. Румеліи. Русскаго генерала, «Царскаго посланца», какъ называли Н. Н. Обручева болгаре, вездѣ встрѣчали съ неописаннымъ восторгомъ, на этотъ фактъ указывали въ своихъ донесеніяхъ и европейскіе дипломатическіе агенты, проживавшіе въ области [1]).

Организованные, по мысли и иниціативѣ, гр. Э. И. Тотлебена гимнастическія, сельскія, дружества въ В. Румеліи, благодаря пріѣзду генерала Обручева получили новый и сильный

---

[1]) Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ смотръ болгарскихъ сельскихъ (гимнастическихъ) дружествъ генераломъ Обручевымъ въ Тырнъ-Семенли (желѣзнодорожная станція румелійской дороги). На этомъ смотру присутствовали епископъ левкійскій Гервассій, начальникъ 16 дивизіи генералъ Рихтеръ и многіе почетные гости. Обойдя ряды болгарскихъ гимнастовъ, Н. Н. Обручевъ сказалъ: «любо смотрѣть какіе молодцы!» Несмолкаемые крики ура многотысячной толпы оглушали воздухъ въ отвѣтъ на эти слова русскаго генерала. Объ этомъ смотрѣ, а равно и Сливненскомъ, произведенномъ въ томъ же маѣ 1879 г. М. Д. Скобелевымъ, я слышалъ множество восторженныхъ разсказовъ нѣсколько лѣтъ спустя, когда наши отношенія къ болгарамъ переживали острый кризисъ, когда болгарская интеллигенція проповѣдывала, что Болгарія «не желаетъ ни русскаго меда, ни русскаго жала», а болгарская печать неистовствовала противъ русскихъ офицеровъ.

толчокъ въ своемъ развитіи. Мирное болгарское населеніе области, отъ стараго до малаго, съ примѣрнымъ усердіемъ стало обучаться гимнастическимъ упражненіямъ, стрѣльбѣ и вообще военному дѣлу. Вся В. Румелія буквально покрылась сѣтью этихъ дружествъ и какъ бы обратилась въ одно сплошное гимнастическое общество—гимнастическія упражненія стали преобладающимъ интересомъ, и такъ сказать злобой дня.

Такое гимнастическое рвеніе болгарскаго населенія области даже сильно встревожило европейскую дипломатію и Алеко-пашѣ, вскорѣ, по его вступленіи въ управленіе краемъ, были сдѣланы представленія по этому предмету.

Въ началѣ мая 1879 г., Алеко-паша отправился, изъ Константинополя, въ ввѣренный его управленію край. Передъ отъѣздомъ онъ принималъ многочисленныя депутаціи румеліотовъ, являвшіяся къ нему въ его резиденцію, въ Арнаутъ-Кіоѣ, въ Константинополѣ. Газета «Марица» поспѣшила заявить болгарамъ, что изъ личнаго знакомства съ будущимъ правителемъ области, редакція газеты вынесла самое благопріятное впечатлѣніе. «Новый правитель нашей области природный болгаринъ, не только по происхожденію, но и по чувствамъ, притомъ онъ человѣкъ европейски просвѣщенный и воодушевленный благими намѣреніями».

Пріѣздъ Алеко-паши въ Румелію, сопровождался нѣкоторыми комическими эпизодами, весьма наглядно свидѣтельствовавшими объ искусственности вновь установленнаго порядка вещей. Я разскажу здѣсь лишь одинъ изъ такихъ инцидентовъ. Болгарская интеллигенція весьма нетерпѣливо ожидала пріѣзда новаго генералъ-губернатора, особенно интересуясь знать въ какомъ костюмѣ онъ предстанетъ передъ населеніемъ автономной области. Головной уборъ правителя области, въ глазахъ болгарскихъ

политиковъ получилъ значеніе національнаго и государственнаго вопроса. Турецкая феска на головѣ Алеко-паши могла возбудить политическія страсти и вызвать серьезное волненіе среди болгарскаго населенія, о чемъ новому генералъ-губернатору и дано было знать. Но съ другой стороны, сбросить съ себя феску — эмблему турецкаго чиновника и надѣть болгарскій бараній колпакъ было рисковано, ибо турки сочли бы это за явное оскорбленіе и посягательство на отпаденіе. Къ тому же Алеко-пашѣ, отправлявшемуся въ Филиппополь, по румелійской желѣзной дорогѣ, приходилось проѣзжать, черезъ Андріанополь, гдѣ его ждала парадная встрѣча, со стороны турецкаго гарнизона и командира корпуса Реуфа-паши. При этомъ парадѣ феска была для него обязательна, тѣмъ болѣе что и самый парадъ былъ мотивированъ желаніемъ Высокой Порты показать всѣмъ и каждому, что новый правитель В. Румеліи—турецкій сановникъ, personna grata, въ глазахъ султана, поэтому отсутствіе фески съ разу могла вызвать конфликтъ.

Въ Андріанополѣ, на вокзалѣ, при торжественной встрѣчѣ Алеко-паша появился въ фескѣ, о чемъ сейчасъ же полетѣли телеграммы въ Константинополь и въ Филиппополь, гдѣ болгарская интеллигенція была приведена въ страшное негодованіе турецкимъ головнымъ уборомъ своего будущаго правителя.

На рубежѣ области, т. е. на станціи Германлы ожидали для привѣтствія Алеку-пашу болгарскія депутаціи, которыя сейчасъ же ему заявили, что появленіе его въ Филиппополѣ, съ феской на головѣ можетъ вызвать революцію и что буде онъ не перемѣнитъ своего головнаго убора, они не могутъ отвѣчать даже за его личную безопасность.

«Пусть будетъ по вашему» отвѣтилъ испуганный Алеко-паша и сейчасъ же, изъ дорожнаго сака, предусмотри-

тельная его супруга, достала болгарскій колпакъ, въ которомъ къ великой радости болгаръ онъ и въѣхалъ въ свою резиденцію.

Я остановился на этомъ эпизодѣ потому, что онъ какъ нельзя лучше характеризуетъ все управленіе Алеко-паши, которому постоянно приходилось мѣнять турецкую феску на болгарскій колпакъ и обратно, лавируя между требованіями Порты и національными стремленіями болгаръ.

И надо сказать правду, этотъ тучный и тяжелый на видъ паша, съ тонкими, какъ на греческой камеѣ, чертами лицами, продѣлывалъ эту эквилибристику довольно искусно и ловко!

На вокзалѣ желѣзной дороги Алеко-пашѣ представились его главные сотрудники директора области, съ генераломъ, или точнѣе, пашей Виталисомъ во главѣ, а равно весь служебный персоналъ. Этотъ Виталисъ-паша, родомъ французъ, адъютантъ султана, былъ назначенъ начальникомъ румелійской милиціи. Гавріилъ-эффенди Крестовичъ, воспитанникъ Богориди-отца и старый пріятель всего семейства Богориди, директоромъ внутреннихъ дѣлъ. Они оба только что вступили въ должность, равно какъ и другіе директора: Іоакимъ Груевъ, докторъ Вулковичъ, Тодоръ Кесяковъ и бывшій чиновникъ международной коммиссіи, уже знакомый читателямъ, Адольфъ Шмитъ.

Всѣ эти директоры были утверждены въ должностяхъ султаномъ, за исключеніемъ Кесякова, за которымъ турки откопали какіе-то грѣхи, по части вольномыслія въ прошломъ, хотя это былъ человѣкъ самый невинный и даже почти невмѣняемый, по своей простотѣ, однако только нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ не малыхъ хлопотъ удалось добиться утвержденія Кесякова, въ должности директора правосудія В. Румеліи.

Виталисъ-паша, хотя и называлъ себя французомъ, но онъ собственно былъ левантинецъ, его прошлое было до-

вольно темно и неизвѣстно, хотя покрытая орденами грудь, повидимому, свидѣтельствовала о его боевыхъ подвигахъ. Человѣкъ не глупый, но крайне лѣнивый, онъ отличался необыкновенной вспыльчивостью и сумазбродствомъ и притомъ совершеннымъ отсутствіемъ административныхъ способностей и такта.

Онъ старался пріобрѣсти популярность среди болгарской офицерской молодежи и ради этого не особенно заботился о поддержаніи военной дисциплины, столь необходимой во всякомъ войскѣ, а особенно въ такомъ молодомъ, какъ новоиспеченная румелійская милиція. Заискивая въ болгарскихъ офицерахъ, Виталисъ постоянно грубилъ съ гражданскими властями, не исключая и самаго генералъ-губернатора, поэтому у него постоянно возникали исторіи и столкновенія.

Скоро выяснилось, что его нельзя долго держать во главѣ румелійской милиціи, тѣмъ болѣе, что съ первыхъ же дней его командованія дисциплина настолько упала, что открытое неповиновеніе его распоряженіямъ стало дѣломъ зауряднымъ. Бывали и такіе случаи, что цѣлыя роты милиціи съ оружіемъ въ рукахъ приходили въ штабъ и требовали отмѣны его приказаній [1]).

Виталисъ, послѣ трехъ мѣсячнаго командованія былъ, по представленіи генералъ-губернатора и нашего генеральнаго консула князя А. Н. Церетелева отозванъ и замѣщенъ Решидомъ-пашей, иначе генераломъ Штрекеромъ авантюристомъ нѣмецкаго происхожденія, по вѣроисповѣданію католикомъ, хотя Болгары увѣряли что онъ при-

---

[1]) См. Записки о Восточной Румеліи В. В. Ящерова Москва 1883 г. стр. 43. Г. Ящеровъ русскій офицеръ командовавшій Херманлійской дружиной милиціи приводитъ такой случай, съ одной изъ ротъ Пловдійской дружины, которая отказалась выступить изъ города во вновь отстроенныя казармы, полагая, что эти казармы худо устроены и сыры. Виталисъ и штабъ до того перетрусили, что поспѣшили спрятаться и только благодаря авторитету и энергіи русскихъ офицеровъ, взбунтовавшіяся роты были приведены въ повиновеніе.

нялъ одно время исламъ. Обладая весьма представительной наружностью и военной выправкой, генералъ Штрекеръ оказался мелкимъ интриганомъ и прожженнымъ авантюристомъ. Во многихъ отношеніяхъ онъ былъ хуже Виталиса.

Штабъ милиціи былъ организованъ также изъ иностранцевъ и притомъ взятыхъ откуда попало. Константинополь кишитъ такого рода искателями приключеній которыхъ французы зовутъ chevaliers d'industrie Эти господа осаждали Порту, ходатайствами о мѣстахъ въ Восточной Румеліи, гдѣ они алкали мѣстъ съ хорошимъ окладомъ, зная, что правительство Восточной Румеліи будетъ платить жалованье болѣе исправно чѣмъ турецкое казначейство.

Россія желала замѣстить постъ начальника штаба русскимъ офицеромъ, капитаномъ Розовымъ, но благодаря мягкости или точнѣе слабости нашей дипломатіи, его кандидатуры была отклонена и на эту должность, фирманомъ султана, былъ назначенъ французскій капитанъ Тустенъ-де-Мануаръ, съ производствомъ въ полковники. Этотъ Тустенъ кутила и виверъ сланявшійся безъ дѣла въ Константинополѣ, гдѣ онъ занимался, по отзывамъ Болгаръ, довольно неблаговидной профессіей маклера-чичероне, былъ малоопытенъ и не свѣдущъ въ военномъ уставѣ и требованіяхъ военной службы. Къ тому же онъ не зналъ ни болгарскаго, ни русскаго языка и не понималъ русской команды, введенной въ практику румелійской милиціи.

Въ такомъ же положеніи находился и весь штабъ милиціи, т. е. все начальство состоящее изъ иностранцевъ.

Инспекторомъ жандарміи былъ назначенъ англичанинъ Бортвигъ. Происходя изъ хорошей англійской фамиліи, родной братъ собственника извѣстной газеты Morning-Post, Бортвигъ, запутавшись въ долгахъ, въ виду крайняго разстройства своихъ финансовъ, поселился въ Константинополѣ. Въ это время его братъ посѣтилъ Констан-

тинополь и имѣлъ аудіенцію у султана, который принялъ его очень любезно и осыпалъ знаками вниманія, желая этимъ показать, что если онъ, султанъ, не ладитъ съ британскимъ посломъ въ Константинополѣ, который надоѣдалъ Портѣ своимъ вмѣшательствомъ и заступничествомъ за Армянъ, то это нисколько не исключаетъ расположенія и дружбы Султана къ Англіи и англичанамъ вообще.

Абдулъ-Хамидъ между прочимъ выразилъ желаніе оказать какую-нибудь услугу и показать на дѣлѣ свое сочувствіе къ англійскому гостю, заявивъ ему заранѣе что всякая его просьба будетъ уважена. Лично для себя я ничего не прошу отвѣчалъ послѣдній, но у меня есть братъ, онъ живетъ въ Константинополѣ, знаетъ по турецки и весьма желаетъ получить мѣсто на службѣ Вашего Величества.

Бортвигъ—братъ, хотя никогда не служившій въ военной службѣ, немедленно былъ произведенъ въ генералы и назначенъ начальникомъ жендармiи въ Восточной Румелiи. Султанъ и его совѣтники смотрѣли на зависѣвшія отъ Порты должности въ Восточной Румелiи, какъ на мѣсто для кормленія или синекуры и раздавали ихъ отнюдь не заботясь о личныхъ качествахъ и свойствахъ претендента.

Кромѣ того, въ штабѣ состояли еще два иностранныхъ офицера, капитанъ Мерсеньи, неизвѣстнаго происхожденія не то австріецъ, не то французъ [1]) и поручикъ, этотъ уже несомнѣнно австріецъ, Фицау. Первый завѣдывалъ провіантской частью и вообще счетоводствомъ милиціи, а второй личнымъ составомъ.

Въ рукахъ у такого рода и сорта персонала дѣлопроизводство штаба не замедлило придти въ запущеніе. Дѣла и бумаги валялись въ штабѣ ворохами и въ ихъ хаосѣ нерѣдко затерявались самыя нужныя бумаги. Цѣлыя роты блуждали

---

[1]) Ящеровъ называетъ его французомъ, но я слышалъ, что онъ австріецъ, ибо хорошо говорилъ по нѣмецки и весьма плохо по французски.

по области, разыскивая дружину въ составъ которой они должны были вступить, по распоряженію штаба, ибо въ штабѣ перемѣшали старые и новые нумера дружинъ. Бывали и такія случаи, что въ одну и ту же дружину разомъ назначали двухъ командировъ, тогда какъ другая оставалась вовсе безъ начальника.

При штабѣ состоялъ многочисленный штатъ переводчиковъ, ибо каждыя самая пустая бумага переводилась съ болгарскаго или русскаго языка по французски, по нѣмецки, по англійски, по турецки, а иногда даже и по гречески. Однимъ словомъ штабъ румелійской милиціи представлялъ вавилонское смѣшеніе языковъ и настоящее столпотвореніе, безолаберщина царила въ немъ новообразимая. Такое состояніе штаба заставили наконецъ, русскихъ дружинныхъ начальниковъ съѣхаться въ Филиппополѣ и заняться разборомъ и приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ штабъ.

Благодаря ихъ трудамъ и усиліямъ дѣлопроизводство не много упорядочилось. Не зная словъ русской команды, получившей права гражданства въ румелійской милиціи, ея иностранные командиры сильно затруднялись производствомъ ученій, а на маневрахъ происходили прекомичные сцены. Начальники милиціи и жандармеріи не будучи въ состояніи передать своей команды словомъ, выражали ея звуками и тѣлодвиженіями.

Обидно было видѣть заслуженныхъ и боевыхъ русскихъ офицеровъ, бравыхъ, получившихъ прекрасную выправку за время нашего управленія, молодыхъ болгарскихъ солдатъ, подъ командою этого иноземнаго сброда.

Всякій русскій человѣкъ, видя всѣ эти безобразія, не могъ безъ чувства глубокаго негодованія относиться къ тѣмъ дипломатическимъ комбинаціямъ, ради которыхъ былъ допущенъ такой порядокъ вещей въ освобожденной русскою кровью и получившей благодаря нашимъ побѣдамъ свободу странѣ.

Нашъ генеральный консулъ кн. А. Н. Церетелевъ скорбѣлъ всею душою и негодовалъ не менѣе другихъ. Но его положеніе было самое затруднительное, наши офицеры безъ разбора винили и его за созданное для нихъ въ Румеліи положеніе. Русскіе военные конечно не могли питать особеннаго сочувствія къ дипломатіи и дипломатамъ вообще. Слово дипломатъ не произносилось въ то время иначе какъ съ горькой ироніей, а кн. Церетелевъ былъ также дипломатъ, хотя онъ вовсе не походилъ на тотъ типъ, состоящаго на русской службѣ дипломата, который у насъ принято называть дипломатомъ Нессельродовской школы. Кн. Церетелевъ составлялъ довольно рѣдкое и пріятное исключеніе.

Гражданское управленіе, въ отношеніи личнаго состава было организовано лучше. Двое изъ директоровъ а именно Крестовичъ и Вулковичъ были люди способные, умѣлые, опытные дѣльцы, хорошо знавшіе край и его населеніе.

Гавріилъ Крестовичъ, родомъ изъ Котла, въ Балканахъ, землякъ отца Алеко-паши, на счетъ котораго и получилъ свое образованіе въ Парижѣ, гдѣ онъ получилъ юридическій дипломъ. Онъ одинъ изъ весьма не многихъ болгаръ, получившихъ дѣйствительно серьезное юридическое образованіе. Крестовичъ долгое время служилъ въ коммерческомъ судѣ, въ Константинополѣ, въ который Порта назначаетъ наиболѣе свѣдующихъ, по юридической части чиновниковъ, ибо въ этомъ судѣ рѣшаются дѣла европейскихъ подданныхъ, проживающихъ въ предѣлахъ Оттоманской имперіи. Крестовичъ, передъ назначеніемъ въ Румеліи состоялъ предсѣдателемъ этого суда. Трудолюбивый дѣлецъ и усердный чиновникъ хорошо знакомый съ турецкими законами, порядками и условіями края. Крестовичъ былъ весьма подходящій человѣкъ для поста директора т. е. въ сущности министра внутреннихъ дѣлъ автономной области.

Кромѣ того Крестовичъ былъ извѣстенъ какъ болгарскій писатель, историкъ и богословъ, много и удачно писавшій противъ затѣянной католиками, въ союзѣ съ Цанковымъ, болгарской уніи.

Докторъ Вулковичъ медикъ, по образованію, долго служившій военнымъ врачемъ при турецкой арміи, также человѣкъ безспорно даровитый, тонкій и ловкій, получилъ постъ директора путей сообщенія и общественныхъ работъ. Инженерная часть была ему мало знакома, но такъ какъ онъ зналъ европейскіе языки и былъ хорошо знакомъ съ нравами и порядками высшей администраціи въ Константинополѣ, то выборъ на этотъ постъ остановился на немъ. Этой дирекціи приходилось постоянно имѣть сношенія съ турецкими властями въ Константинополѣ, по различнымъ вопросамъ, касающихся желѣзной дороги Гирша (извѣстнаго концессіонера Порты, полновластно эксплоатирующаго румелійскую желѣзную дорогу). Кромѣ того въ вѣдѣніи этой дирекціи состоитъ лечебная часть и минеральныя воды, которыми весьма богата В. Румелія [1]).

Между Крестовичемъ и Вулковичемъ, съ первыхъ же шаговъ возникло соперничество. Тотъ и другой видимо старались забрать въ свои руки Алеко-пашу, который благодаря давнишнимъ семейнымъ связямъ болѣе довѣрялъ Крестовичу, послѣдній, пользуясь своей близостью къ Алеко-пашѣ не прочь былъ выжить такого опаснаго коллегу, какъ Вулковича изъ Румеліи что ему и удалось сдѣлать.

Однажды въ засѣданіи частнаго совѣта, въ іюнѣ 1881 г. у Вулковича произошла крупная размолвка съ Алеко-пашей (исторія вышла изъ пустяковъ, именно покупки ковровъ и мебели на областныя деньги для комнатъ супруги ген. губернатора, на что требовалось всего 2000 или 3000 фран-

---

[1]) Эти мѣста минеральныхъ источниковъ называются въ Болгаріи банями, такихъ бань въ области очень много: Гисары, просто Баня, около Карлова и д. д.

ковъ). Алеко-паша будучи видимо настроенъ противъ своего директора наговорилъ Вулковичу дерзостей, послѣдній не остался въ долгу и въ тотъ же день уѣхалъ въ Константинополь, подавъ прошеніе объ отставкѣ.

Черезъ нѣсколько дней Вулковичъ получилъ отъ князя Александра болгарскаго предложеніе поступить на службу въ Княжество, гдѣ и получилъ немедленно министерскій портфель, къ великой досадѣ Алеко-паши.

Образованіе второстепеннаго административнаго персонала, представляло большія трудности. Алеко-паша еще прежде вступленія въ управленіе торжественно обѣщалъ болгарамъ, посѣщавшимъ его въ Константинополѣ, замѣщать всѣ должности, назначеніе въ которыя ему предоставлено, мѣстными жителями, тѣмъ не менѣе онъ скоро убѣдился что многія отрасли управленія хромаютъ за недостаткомъ спеціалистовъ, вслѣдствіи чего имъ сдѣлано было нѣсколько опытовъ приглашенія на румелійскую службу иностранцевъ.

Вскорѣ послѣ вступленія въ управленіе Алеко-Паша предпринялъ объѣздъ ввѣреннаго его управленію края.

Вездѣ по дорогѣ его встрѣчали болгарскія депутаціи, а во всѣ города и мѣстечки ему приходилось въѣзжать, черезъ стоявшихъ густыми шпалерами, членовъ гимнастическихъ дружествъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы и весьма рѣшительно и громко заявлявшихъ ему о своихъ національныхъ чувствахъ и стремленіяхъ. Это путешествіе произвело очень сильное впечатлѣніе на Алеко-пашу, который сразу понялъ, что болгарскій элементъ составляетъ главную силу въ области и съ нимъ надо жить въ ладу.

Онъ сталъ подписывать всѣ бумаги, по болгарски, хотя его знаніе болгарскаго языка ограничивалось умѣніемъ писать только одно слово—свою фамилію—Богориди. Достойно вниманія, что онъ счелъ нужнымъ оболгарить даже свое фамильное произвище, Вогоридесъ, и сталъ писаться Бо-

гориди, что дѣйствительно ближе подходило къ его настоящему, болгарскому прозвищу—Богоровъ. Въ мѣстечкѣ Котлѣ, въ Балканахъ, съ давнихъ поръ проживаетъ подъ этой фамиліей нѣсколько простолюдиновъ, близкихъ родственниковъ Алеко-паши.

Европейскіе представители, по возвращеніи Богориди изъ поѣздки его по Области, наслышавшись и начитавшись о многочисленныхъ и внушительныхъ демонстраціяхъ гимнастическихъ дружествъ, обратили вниманіе на опасность, будто бы представляемую этими обществами для спокойствія и порядка въ Области. Осторожный Алеко-паша сразу не рѣшился на такую не популярную мѣру, какъ закрытіе дружествъ, тѣмъ болѣе, что подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ухода русскаго войска болгарское населеніе было постоянно въ тревожномъ настроеніи въ ожиданіи турецкаго погрома — довольно было какого нибудь нелѣпаго слуха о мнимомъ вторженіи турокъ въ предѣлы Области, чтобы произвести въ средѣ болгаръ великую панику [1]).

Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда генералъ А. Д. Столыпинъ сажалъ на суда въ Бургасѣ послѣднія части своего корпуса, распространились слухи о вступленіи турокъ въ Восточную Румелію, что задержало на нѣсколько дней отплытіе генерала Столыпина.

Въ самомъ началѣ правленія Алеко-паши, т. е. вслѣдъ за уходомъ русскаго войска изъ Области, возникли безпорядки среди мусульманскаго населенія Айдоскаго округа.

Болгары, на всемъ протяженіи Восточной Румеліи представляютъ преобладающій элементъ и почти сплошную массу населенія. Турки, которыхъ, въ то время, насчитывалось въ Области до 70 тыс. человѣкъ, были разбросаны по всей странѣ, но сплошной массой они сгруппировались только на двухъ окраинахъ, а именно на сѣверо-

---

[1]) Нѣсколько такихъ случаевъ приведены г. Ящеровымъ въ его Запискахъ, стр. 71 и слѣд.

востокѣ въ Айдоскомъ округѣ и на юго-западѣ въ Кирджалійскомъ округѣ [1]).

Въ Айдосѣ турецкія села запрятались въ трущобахъ Балканъ; они примыкаютъ горными тропами къ турецкимъ поселкамъ извѣстнаго центра и гнѣзда мусульманскаго фанатизма въ Болгаріи—Дели-Орманскому лѣсу, въ княжествѣ. Дели-Орманскій лѣсъ долго былъ пугаломъ освобожденной Болгаріи и болгарскія власти показывались въ этой мѣстности изрѣдка и то со страхомъ. Дели-Орманскіе турки категорически не признавали новаго порядка и не думали покоряться гяурамъ, да еще болгарамъ; они сносились съ Стамбуломъ и глухо волновались, выжидая наступленія благопріятной минуты для болѣе активнаго выраженія своей ненависти къ болгарамъ.

Княжество располагало лучше организованной военной силой, состоявшей при томъ подъ командой русскаго военнаго министра и русскихъ офицеровъ, поэтому Дели-Орманскіе мусульмане, по совѣту изъ Стамбула, нашли болѣе удобнымъ возбудить безпорядки въ Айдосѣ, гдѣ имъ пришлось имѣть дѣло съ слабой румелійской властью [2]).

Для подавленія безпорядковъ въ Айдосѣ былъ посланъ генералъ Виталисъ съ нѣсколькими дружинами, которыми командовали наши офицеры. Безпорядки эти безъ особаго усилія и почти безъ пролитія крови были подавлены и скоро все стихло.

Въ августѣ были назначены выборы въ первое областное собраніе народныхъ представителей Восточной Румеліи, открытіе котораго ожидалось всѣми съ великимъ нетерпѣніемъ.

---

[1]) Въ Кирджалійскомъ Округѣ нѣсколько позднѣе также произошли безпорядки, притомъ болѣе серьезнаго свойства, причинившіе не мало хлопотъ и заботъ румелійскому правительству.

[2]) Въ Восточной Румеліи болгарскіе политики настойчиво увѣряли, что начальникъ ихъ милиціи, Виталисъ-паша, находился въ тайныхъ сношеніяхъ какъ съ Родопскими, такъ и съ Айдоскими и Дели-орманскими турками, которыхъ онъ будто бы подстрекалъ противъ болгаръ, тѣмъ не менѣе ему было поручено усмиреніе Айдоскаго округа.

Эта первая сессія народныхъ представителей Восточной Румеліи вполнѣ наглядно показала, что болгарскій элементъ въ Области представляетъ подавляющее большинство—число греческихъ и турецкихъ депутатовъ было такъ ничтожно, что они не могли даже играть роли вліятельной оппозиціи,въ этомъ собраніи—ихъ было нѣсколько человѣкъ, причемъ турецкіе депутаты, какъ истые восточные люди, всегда вотировали за правительство, а греки занимались совершенно бозплодными интригами, на которыя никто не обращалъ вниманія.

Первое областное собраніе В. Румеліи дѣйствовало съ большимъ единодушіемъ и было проникнуто горячимъ чувствомъ благодарности къ Россіи, патріотическимъ желаніемъ благоустройства области и успѣшнаго развитія національныхъ задачъ.

Вліяніе русскаго консула, кн. А. Н. Церетелева, на это собраніе было огромное: всѣ вопросы, подлежавшіе рѣшенію собранія, обсуждались предварительно въ русскомъ консульствѣ согласно его указаніямъ.

По его мысли и иниціативѣ, въ представители собранія и постояннаго комитета былъ избранъ Иванъ Евстратьевъ Гешовъ, человѣкъ въ то время очень молодой: ему было не болѣе 25 лѣтъ, но въ высшей степени разсудительный, толковый и обладавшій несомнѣннымъ политическимъ тактомъ. Сынъ болгарскаго купца, родомъ изъ Копривщицы — мѣстечка на южномъ склонѣ Балканъ,— землякъ и двоюродный братъ П. Каравелова. И. Е. Гешовъ былъ однако дѣятель совершенно иного закала и направленія, чѣмъ его кузенъ — его можно характеризовать словами—умѣренный либералъ, человѣкъ законности, постепенности и порядка.

Воспитаніе И. Е. Гешовъ получилъ въ Англіи, гдѣ онъ обучался въ одномъ изъ коммерческихъ училищъ, это довольно скудное и конечно отнюдь не универсальное

образованіе, онъ восполнилъ серьезнымъ чтеніемъ—Гешовъ хорошо зналъ англійскій, французскій и русскій языки.

Во время турецкаго владычества, именно во время предшествовавшихъ нашей войнѣ болгарскихъ избіеній, И. Е. Гешовъ, въ качествѣ родственника болгарскаго эмигранта Ботева, убитаго въ стычкѣ съ турками, былъ заключенъ въ тюрьму и приговоренъ къ висѣлицѣ — заступничество англійскаго консула спасло ему жизнь и возвратило свободу, получивъ которую онъ уѣхалъ въ Европу, т. е. во Францію и Англію, гдѣ и засталъ его манифестъ о войнѣ.

Мать И. Е. Гешова гречанка и вѣроятно она передала ему гибкость и тонкость ума, свойственную эллинской рассѣ—не смотря на то, что въ жилахъ Гешова течетъ греческая кровь, онъ горячій и искренній болгарскій патріотъ.

Предсѣдательствуя и руководя дебатами областнаго собранія, на англійскій манеръ, т. е. въ высшей степени сдержанно и объективно, Гешовъ обнаружилъ несомнѣнное умѣніе толково, отчетливо и вообще съ большимъ тактомъ вести пренія.

Вокругъ него сгруппировался кружокъ южно-болгарской молодежи, его друзей и приверженцевъ —Иванъ Степановъ Гешовъ, его двоюродный братъ, Кметъ Филиппополя, доктора: Янкуловъ и Хакановъ, предсѣдатели окружныхъ судовъ: Наумовъ, Юруковъ, депутатъ - журналистъ Маджаровъ и нѣкоторые другіе. Такимъ образомъ образовалась такъ называемая гешовская партія, весьма вліятельная, въ румелійскомъ областномъ собраніи.

Это первое областное собраніе усердно занялось финансовыми вопросами. Во главѣ этого управленія былъ поставленъ нѣмецкій чиновникъ, оттоманскаго банка, Адольфъ Шмитъ, котораго международная коммиссія, по совѣту германскаго делегата Брауншвейга, вызвала изъ Констан-

тинополя для завѣдыванія финансами В. Румеліи, согласно 19 ст. берлинскаго трактата.

Алеко-паша, желая угодить коммиссіи и вообще дипломатіи, конечно не замедлилъ предложить Шмиту продолжать свою службу въ В. Румеліи и при его управленіи, назначивъ его директоромъ финансовъ.

Внесенный Шмитомъ въ собраніе финансовый бюджетъ области, былъ составленъ съ дефицитомъ въ два милліона франковъ, что, разумѣется, вызвало сильное неудовольствіе въ депутатахъ, тѣмъ болѣе, что Шмитъ вообще былъ крайне не симпатиченъ болгарамъ, по своей прежней службѣ—принимая по порученію коммиссіи изъ рукъ русскихъ властей окружныя болгарскія кассы, онъ вездѣ встрѣчалъ открытое противодѣйствіе со стороны болгарскаго населенія, а въ Сливно это противодѣйствіе приняло такіе размѣры, что Шмитъ едва не былъ побитъ камнями и только благодаря защитѣ русскихъ офицеровъ изъ Сливненской дружины и покровительству русскаго окружнаго начальника избѣжалъ этой печальной участи.

Областное собраніе усердно принялось за разборъ и критику финансоваго управленія Шмита, изобличая его въ различныхъ нарушеніяхъ органическаго статута. Шмитъ не зналъ ни слова по-болгарски, что ему, конечно, ставилось въ вину, по этому защищаться ему противъ нападеній собранія было не легко.

Южно-болгарская печать также рьяно ополчилась противъ Шмита и онъ сталъ притчей во языцѣхъ, въ В. Румеліи, хотя этотъ настойчивый нѣмецъ упорно держался за свое мѣсто, пользуясь поддержкой генералъ-губернатора, который былъ недоволенъ систематической опозиціей Собранія его директору финансовъ.

Вниманіе собранія было также обращено и на военную часть, т. е. на дѣятельность, или точнѣе говоря без-

дѣятельность пріемника Виталиса, Решида-паши, иначе называвшагося генераломъ Штрекеромъ.

Вступивъ въ командованіе румелійской милиціей, генералъ Штрекеръ сначала усердно любезничалъ съ нашимъ военнымъ агентомъ капитаномъ Э. В. Эккомъ, а также со всѣми русскими и болгарскими офицерами румелійской милиціи, усердно посѣщалъ наше консульство, выражая полную готовность и твердое желаніе во всемъ слѣдовать его указаніямъ.

Хотя штабъ милиціи находился въ хаотическомъ безпорядкѣ, Штрекеръ не желалъ или неумѣлъ привести его въ надлежащій видъ, употребляя большую часть своего времени на посѣщеніе желѣзно-дорожнаго ресторана, гдѣ его можно было ежедневно встрѣтить за кружкою пива, а также клубные вечера, гдѣ онъ весело любезничалъ съ офицерами и даже усердно танцовалъ, не смотря на свой зрѣлый возрастъ. Впрочемъ онъ, ежедневно, аккуратно посѣщалъ Штабъ, въ которомъ просиживалъ по нѣсколько часовъ.

Не смотря на такую бездѣятельность Штрекера, у насъ имъ были довольны и ради его поощренія, въ видахъ вящаго его расположенія и привлеченія на нашу сторону, его поспѣшили даже украсить станиславовской лентой, которая доставила, это бывшему турецкому пашѣ, изъ нѣмцевъ, большое удовольствіе. Но получивъ русскій орденъ Штрекеръ перемѣнилъ политику и сталъ обнаруживать дѣятельность, которую уже никакъ нельзя было одобрить.

Именно Штрекеръ вдругъ принялся за демобилизацію румелійской милиціи, хотя такая мѣра отнюдь не соотвѣтствовала условіямъ времени, ибо изъ мѣстностей съ турецкимъ населеніемъ приходили постоянно тревожныя, хотя и сильно преувеличенныя извѣстія. Штрекеръ, тѣмъ не менѣе, усердно принялся за довольно безтолковый

планъ, обращеніе дружинъ румелійской милиціи на мирное положеніе, т. е. сокращеніе ихъ состава—девять дружинъ были объявлены на мирномъ положеніи, а такъ какъ ослабленіе численности милиціи, было признано не желательнымъ, то лишнія роты этихъ дружинъ были откомандированы для усиленія состава остальныхъ трехъ дружинъ.

Такимъ образомъ одни изъ дружинъ, какъ напримѣръ Бургасская, состояли изъ 9 ротъ; а другія, какъ Пловдивская, всего изъ 6 ротъ. Толку отъ этой мѣры, мотивированной желаніемъ уменьшить издержки на бюджетъ милиціи, очевидно, ожидать было трудно, сберегались гроши, а путаница происходила великая, тѣмъ не менѣе, демобилизація, въ силу настойчивыхъ распоряженій генерала Штрекера, стала производиться и онъ постоянно торопилъ дружинныхъ командировъ, требуя отъ нихъ роспуска нижнихъ чиновъ. Болгарская печать забила тревогу, усматривая въ такихъ распоряженіяхъ Решида-паши-Штрекера, явное предательство и измѣну румелійскому правительству.

Сокращеніе военныхъ издержекъ несомнѣнно было необходимо—оно требовалось условіями бюджета области—сокращеніе расходовъ было единственнымъ средствомъ покрыть дефицитъ, но едва-ли планъ Штрекера былъ цѣлесообразенъ, впрочемъ, это вопросъ, который я, какъ не спеціалистъ, не берусь рѣшать.

Но другія распоряженія Штрекера уже явно обличали его туркофильскія тенденціи, хотя онъ на дебаркадерѣ Желѣзницы [1]), весьма горячо доказывалъ болгарамъ и русскимъ, что человѣкъ, проведшій около 30 лѣтъ на турецкой службѣ, какъ онъ это сдѣлалъ, не можетъ быть туркофиломъ, — Высокая Порта, пояснялъ онъ съ улыбоч-

[1]) т. е. станціей желѣзной дороги.

кой, слишкомъ неаккуратно платитъ жалованье своимъ слугамъ.

Злокозненность Штрекера выразилась въ его стремленіи сплавить нѣкоторыхъ изъ русскихъ офицеровъ, состоявшихъ на румелійской службѣ, съ замѣщеніемъ ихъ нѣмцами (такъ напр. начальникъ кавалеріи ротмистръ Языковъ и поручикъ Ремизовъ оставили румелійскую службу и уѣхали въ Россію, на мѣсто Языкова эскадронъ румелійской кавалеріи получилъ какой-то австріецъ Гошекъ, который, впрочемъ, на этомъ мѣстѣ удержался не долго). За симъ Штрекеръ принялся весьма усердно и совершенно безцѣльно тасовать нашихъ офицеровъ, переводя ихъ изъ одной дружины въ другую и даже изъ милиціи въ жандармерію [1]).

Всѣ-же распоряженія Штрекера вызвали большое неудовольствіе, протесты въ печати, запросы въ собраніи и громкое порицаніе въ средѣ нашихъ офицеровъ.

Отношенія между Штрекеромъ и Алеко-пашей, съ самаго начала не были особенно дружественны. Зная связи Штрекера въ Константинополѣ, а равно непреоборимую склонность его къ интригамъ, генералъ-губернаторъ относился къ нему сдержанно, недовѣрчиво и вообще не любилъ его.

Алеко-паша-Богориди — человѣкъ въ высшей степени мнительный и честолюбивый. Онъ, кажется, заподозрилъ Штрекера въ желаніи сдѣлаться, со временемъ, его преемникомъ въ должности главнаго правителя В. Румеліи.

Пожалованіе русской ленты Штрекеру и его близкія отношенія, на первыхъ порахъ, съ нашимъ консульствомъ, могли только усугубить такія подозрѣнія. Въ Перѣ, гдѣ у Штрекера было много пріятелей, говорили, что Алеко-паша слишкомъ слабъ чтобы управлять В. Румеліей, для

---

[1]) См. «Записки о В. Румеліи» В. Ящерова, стр. 48 и 49.

этого де нуженъ военный и что, по всей вѣроятности, Штрекеръ скоро замѣститъ вялаго и апатичнаго Алекопашу, который къ тому-же даетъ слишкомъ много потачки болгарамъ.

Слухи такого рода доходили до Богориди и онъ возненавидѣлъ Штрекера, хотя по свойственной ему осторожности и скрытности характера долго и старательно скрывалъ непріязненное расположеніе къ начальнику милиціи.

Между тѣмъ, Штрекеръ, безспорно человѣкъ не глупый, какъ и большая часть европейскихъ кондотьери-авантюристовъ, дѣлающихъ карьеру въ Турціи, понялъ, что политика бездѣйствія первыхъ мѣсяцевъ, а равно первые опыты онемѣчиванія румелійской милиціи, дали неблагопріятные для него результаты и что положеніе его поколеблено, ибо генералъ-губернаторъ и собраніе противъ него, послѣднее выразило такое свое настроеніе при обсужденіи бюджета милиціи, сокративъ содержаніе, слѣдующее, по штату, начальнику милиціи. Поэтому юркій и изворотливый нѣмецкій генералъ рѣшился перемѣнить тактику.

Любезничая, по прежнему, съ русскимъ консуломъ и офицерами, онъ внезапно задался мыслей усилить контроль въ отношеніи расходованія суммъ, отпускаемыхъ на милицію. Финансовое положеніе области, пояснялъ онъ, требуетъ самой бдительной и даже придирчивой повѣрки отчетовъ, представляемыхъ дружинными начальниками. Въ принципѣ противъ такого взгляда конечно нельзя ничего возразить, но это благое начало строгаго контроля примѣнялось Штрекеромъ крайне странно и лукаво—онъ имѣлъ въ виду исключительно одну лишь цѣль: дискредировать русскихъ офицеровъ, въ глазахъ болгаръ, и возбудить вражду между ними.

Придравшись, а можетъ быть даже и самъ распустивъ слухъ о крупной растратѣ дружинныхъ суммъ, команди-

ромъ Хасковской дружины, капитаномъ Лобановскимъ (говорили, что у послѣдняго не достаетъ 2,000 золотыхъ лиръ), генералъ Штрекеръ нѣкоторое время съ самой озабоченной миной разъѣзжалъ по городу, развозя это сенсаціонное извѣстіе. Наконецъ, по просьбѣ самого Лобановскаго, Штрекеръ назначилъ особую коммиссію, для провѣрки кассовой наличности, а равно и счетовъ Хасковской дружины.

Это дѣло надѣлало много шума и долго занимало общественное мнѣніе, набросивъ, такъ сказать, первую тѣнь на взаимныя отношенія между нашими офицерами и болгарской интеллигенціей, которая не зная дѣла въ подробностяхъ, позволяла себѣ иногда легкомысленныя сужденія о распоряженіяхъ нашихъ офицеровъ, по хозяйственной части, оскорблявшія этихъ послѣднихъ.

Слѣдствіе по этому дѣлу тянулось очень и очень долго и кончилось ничѣмъ, хотя Лобановскій былъ устраненъ отъ командованія дружиной и по окончаніи дѣла, кажется года черезъ два, перешелъ на службу въ Болгарское Княжество.

Убѣдившись изъ этого перваго опыта, что возбужденіе такого рода обвиненій противъ нашихъ офицеровъ, весьма благопріятная почва для интриги ибо между такъ называемой болгарской интеллигенціей есть люди весьма готовые раздувать всякаго рода сплетни, задѣвающіе честь и доброе имя нашихъ офицеровъ, генералъ Штрекеръ усердно занялся возбужденіемъ такихъ процессовъ.

Наше консульство, опасаясь упрека въ пристрастіи и будучи вполнѣ увѣренно, что добросовѣстное изслѣдованіе такихъ обвиненій можетъ только возстановить добрую репутацію нашихъ офицеровъ, допустило и, такъ сказать, санкціонировало такого рода политику.

Лишь немногіе изъ нашихъ офицеровъ, имѣвшіе команду и распоряжавшіеся какими-бы то ни было суммами,

избѣгли этой участи, хотя иностранные офицеры, въ родѣ Мерсиньи, Тустена, Вальтера, Фитингофа безъ всякаго контроля орудовали румелійскими суммами и были погрѣшны не въ одной только небрежности, въ счетахъ, какъ это случалось съ нашими офицерами.

Крайняя медленность производства этихъ дознаній и слѣдствій, отзывалась весьма невыгодно, какъ на положеніи нашихъ офицеровъ, такъ и на состояніи самой милиціи. Попадавшіе подъ слѣдствіе офицера устранялись отъ команды, подвергались нападкамъ со стороны болгарской печати и естественно начинали питать раздраженіе противъ болгаръ и болгарской интеллигенціи—отношенія внезапно обострились. Большая часть этихъ слѣдствій кончилась ничѣмъ и почти всѣ обвиненія въ растратѣ нашихъ офицеровъ остались не только не доказанными, но и оказались явно лживыми.

Составъ нашихъ офицеровъ, за весьма рѣдкими исключеніями, былъ очень хорошій; все это были люди боевые и безупречно честные, хотя нѣкоторые изъ нихъ и были повинны въ небрежномъ веденіи счетоводства.

Коварная политика Штрекера достигла своей цѣли добрыя отношенія нашихъ офицеровъ къ Болгарамъ были нарушены — между ними пробѣжала черная кошка. Авторитетъ первыхъ поколебался въ глазахъ общественнаго мнѣнія, хотя областное собраніе не разъ торжественно и офиціально выражало сочувствіе нашимъ офицерамъ и громко осуждало направленнуы противъ нихъ интригу.

Излюбленная нашей дипломатіей доктрина laisser faire, laisser passer принесли намъ не мало вреда, въ этомъ вопросѣ. Князь Церетелевъ, не смотря на всѣ свои достоинства и гражданское мужество, съ которымъ онъ нерѣдко доказывалъ несостоятельность, даваемыхъ ему инструкцій дѣйствуя, даже иногда вопреки этимъ инструкціямъ, на соб-

ственный свой страхъ, въ интересахъ дѣла [1]), однако не могъ вести свою самостоятельную политику, особенно въ такихъ вопросахъ, разрѣшеніе которыхъ зависѣло отъ нашего посольства въ Константинополѣ. Въ вопросахъ касающихся милиціи, онъ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ. Долго и горячо доказывалъ онъ въ своихъ донесеніяхъ, что если невозможно получить согласіе султана на назначеніе начальника милиціи изъ русскихъ, то необходимо, чтобы по крайней мѣрѣ начальникомъ штаба милиціи былъ русскій, что невозможно допустить, чтобы все начальство милиціи и жандармеріи состояло изъ иностранцевъ, людей малосвѣдующихъ въ военномъ дѣлѣ, отнюдь не сочувствующихъ благоустройству военной части въ Румеліи и притомъ во всѣхъ отношеніяхъ неблагонадежныхъ. Предоставляя другимъ державамъ имѣть своихъ представителей, во главѣ милиціи (сначала французъ Виталисъ, а потомъ пруссакъ Штрекеръ, а во главѣ жандармеріи, конечно англичанинъ Бортвигъ) Россія имѣла полное право требовать предоставленія въ ея распоряженіе должности начальника штаба.

Но эти представленія Церетелева оставлялись безъ вниманія. Наши дипломаты, въ министерствѣ и посольствѣ, отнюдь не раздѣляли взгляда Церетелева и не думали поддерживать, съ должной энергіей его представленій. Нашъ посолъ Е. П. Новиковъ, вовсе не симпатизировалъ Церетелеву, котораго онъ называлъ безпокойнымъ болгарофиломъ, и даже говорилъ, чтомы и такъ пользуемся слишкомъ большимъ вліяніемъ въ Восточной Румеліи, что назначеніе начальника штаба румелійской милиціи изъ русскихъ, только можетъ дать поводъ къ разнымъ непріятнымъ усложненіямъ и возбудить подозрѣніе въ Европѣ.

---

[1]) Для характеристики князя Церетелева не лишены интереса «Воспоминанія Газетнаго Корреспондента о Болгаріи», напечатанныя во 2-мъ № журнала «Дѣло» за 1886 г. Авторъ этихъ «Воспоминаній» Н. С., бывшій корреспондентъ «Голоса»

Таковъ былъ взглядъ на дѣло высшихъ дипломатическихъ сферъ и нашему консулу приходилось ему подчиняться. По этой причинѣ князь Церетелевъ, по неволѣ долженъ былъ ладить со Штрекеромъ, понимая, что спихнуть его конечно не трудно, но не возможно разсчитывать на замѣщеніе его, при такихъ условіяхъ, лицомъ болѣе надежнымъ и достойнымъ, ибо очевидно, что султанъ, выбирая ему пріемника изъ европейскихъ кондатьери пресмыкающихся на турецкой службѣ, могъ сдѣлать выборъ еще худшій.

Между тѣмъ наши офицера, не зная такой подкладки дѣла, громко роптали и обвиняли кн. Церетелева, въ непонятномъ потворствѣ Штрекеру.

Впрочемъ кн. Церетелевъ, поддерживая хорошія отношенія, съ начальникомъ милиціи, въ виду настоятельной въ томъ необходимости, осаживалъ его когда это было нужно, и притомъ будучи, въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ Алеко-пашей, имѣлъ возможность это дѣлать съ успѣхомъ.

Такимъ образомъ, хотя начало гоненія на нашихъ офицеровъ возникло въ это время т. е. когда консульствомъ управлялъ Церетелевъ, но оно держалось въ скромныхъ размѣрахъ приличія. Генералъ-губернаторъ, Постоянный Комитетъ, Областное Собраніе и лучшіе органы болгарской печати были вполнѣ на сторонѣ нашихъ офицеровъ и Штрекеру приходилось вести свою подпольную войну противъ нашихъ офицеровъ, съ большой осмотрительностью. Послѣдовавшая затѣмъ болѣзнь и отъѣздъ Церетелева изъ Румеліи, совершенно измѣнили положеніе вещей, но объ этомъ будетъ сказано ниже.

Первый годъ самостоятельнаго бытія области прошелъ довольно гладко. Постоянный комитетъ образовался, подъ предсѣдательствомъ И. Е. Гешова, изъ однихъ только болгаръ и, съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности, пріо-

брѣлъ вліяніе на ходъ дѣлъ и авторитетъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія и администраціи области. Самъ генералъ-губернаторъ Алеко-Паша подчинялся нравственному и легальному значенію постояннаго комитета, который дѣйствовалъ съ большимъ тактомъ и пониманіемъ положенія. При томъ постоянный комитетъ находилъ всегда самую дѣятельную поддержку, въ лицѣ нащего консула, съ которымъ какъ предсѣдатель, такъ и члены комитета состояли въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, дѣйствуя вполнѣ солидарно.

Въ началѣ лѣта 1880 г. Алеко-паша побывалъ въ Константинополѣ, гдѣ онъ прогостилъ нѣкоторое время отдыхая отъ своихъ административныхъ трудовъ и ходатайствуя передъ Портой объ утвержденіи вотированныхъ собраніемъ законопроектовъ, къ которымъ Высокая Порта отнеслась съ высока и крайне пренебрежительно, отказавъ огуломъ цѣлому ряду таковыхъ въ своей санкціи.

Старанія Алеко-паши не увѣнчались однако успѣхомъ, ему даже замѣтили въ Константинополѣ, что онъ слишкомъ поблажаетъ болгарамъ, забывая, что онъ турецкій сановникъ, волею султана назначенный управлять В. Румеліей. Высокая Порта въ санкціи законовъ видѣла послѣдній бичь, оставшійся въ рукахъ падишаха, желавшаго давать болгарамъ чувствовать ихъ отъ него зависимость. Сюзеренъ В. Румеліи усердно стебалъ этимъ бичемъ по болгарскимъ спинамъ своихъ автономныхъ подданныхъ. Эта кассаціонная furia Абдулъ-Гамида вызвало великое негодованіе, среди южныхъ болгаръ, которые громко и справедливо жаловались на такое безсмысленное зложелательство В. Порты, парализовавшее развитіе ихъ законодательства безъ всякой на то причины. Дѣйствительно Порта отказалась утвердить между прочимъ и такіе постановленія областнаго собранія, которые не имѣли никакого политическаго характера и вызывались насущными потребностями и нуждами области и

при томъ нуждами всего населенія, а не однихъ только болгаръ [1]).

Болгарская печать и постоянный комитетъ разразились громкими протестами, и принялись горячо обсуждать что нужно и можно сдѣлать для упраздненія этого законодательнаго тормаза.

По совѣту и указанію нашего консула, сначала печать—именно газета «Марица» а вслѣдъ за тѣмъ и постоянный комитетъ взялись за толкованіе 55 ст. Органическаго Статута, указывая на нее, какъ на практитескій исходъ изъ той законодательной тѣсноты, въ которую ставило область тупое упорство Порты, не желавшей санкціонировать принятые собраніемъ законы. 55 ст. Статута представляетъ генералъ-губернатору право, по соглашенію съ постояннымъ комитетомъ, издавать временно административныя постановленія, замѣняющіе законы. Такія административныя постановленія вступаютъ въ дѣйствіе, помимо утвержденія султана; генералъ губернаторъ обязанъ лишь доводить до свѣдѣнія своего сюзерена о содержаніи и времени изданія этихъ административныхъ постановленій.

Отказъ Порты въ санкціи вотированныхъ первымъ областнымъ собраніемъ законовъ послѣдовалъ кромѣ того въ довольно грубой формѣ, что обидило Алеко-Пашу и его совѣтниковъ, которымъ разумѣется объяснили, что ихъ третируютъ какъ обыкновенныхъ турецкихъ чиновниковъ, тогда какъ генералъ губернаторъ автономной области есть особа, почти равная князю Болгарскому, онъ де нѣкоторымъ образомъ избранникъ великихъ европейскихъ державъ.

«Порта оскорбляетъ и нарушаетъ наши автономныя права» твердили въ одинъ голосъ представители области и ея генералъ-губернаторъ. «Покажите же султану что вы дорожите вашими правами и умѣете ими пользоваться»,

---

[1]) Напр. законъ объ открытіи кредита для покупки земледѣльческому классу населенія рабочаго скота, почти совершенно истребленнаго во время войны и т. д.

отвѣчалъ нашъ консулъ болгарамъ, когда они ему жаловались и просили его содѣйствія для обузданія огульной кассаціи ихъ законо-проектовъ Портой—Органическій Статутъ предвидѣлъ то, что происходитъ теперь и вооружилъ васъ противъ такой наразумной политики совѣтниковъ Порты, силой 55 ст.—называйте ваши законопроекты административными постановленіями и вы получите желаемое т. е. минуете стѣснительную для васъ санкцію султана.

Болгарская интеллигенція ухватилась съ восторгомъ за эту мысль и заставила Алеко-Пашу практиковать эту знаменитую 55 статью. Административныя постановленія, первые два года существованія автономной области получили такой ходъ, что изъ нихъ составилось цѣлыхъ три томика „Правильника“ [1]).

Со стороны Алеко-Паши это былъ своего рода актъ смѣлаго проявленія своей самостоятельности, довольно неожиданной и малосвойственной его натурѣ, онъ на него рѣшился лишь уступая давленію общественнаго мнѣнія и личному вліянію нашего консула, который «просто загипнотизировалъ этого бѣднаго Богориди и дѣлаетъ изъ него все что хочетъ», писалъ въ это время одинъ изъ европейскихъ резидентовъ въ Филиппополѣ [2]).

Порта, въ то время была крайне озабочена греческими дѣлами, отношеніе ея къ Греціи, по вопросу исправленія границъ, были натянуты такъ, что сохраненіе мира висѣло на волоскѣ. Кн. Церетелевъ объяснилъ Алеко-Пашѣ, что минута самая благопріятная для того что бы дать рѣшительный отпоръ слишкомъ безцеремонному обращенію турецкаго сюзерена съ автономной областью. Надо воспользоваться стеченіемъ обстоятельствъ и показать Портѣ, что автономія В. Румеліи вовсе не шутка.

Порта дѣйствительно проглотила эту пилюлю, безъ вся-

---

[1]) Т. е. сборника административныхъ постановленій В. Румеліи.

[2]) Именно англійскій консулъ г. Мичель.

кихъ оффиціальныхъ протестовъ, хотя великій визирь и турецкіе министры сильно переполошились отъ такого дерзскаго обхода Алеко-пашей верховныхъ правъ султана и пригрозили частнымъ образомъ правителю В. Румеліи, что если онъ не исправится, то при случаѣ ему это припомнятъ. Ему даже поставили на видъ содержаніе 45 ст. Статута, въ силу которой онъ можетъ быть привлеченъ къ суду, за превышеніе власти, какъ лицо отвѣтственное передъ султаномъ, за всѣ свои распоряженія выходящія изъ предѣловъ законности, а по мнѣнію турецкихъ юристовъ, Алеко-паша, издавая административныя постановленія, замѣняющія законы, нарушилъ постановленія Статута, сохранившаго права верховной власти, въ вопросахъ законодательныхъ, за султаномъ.

Алеко-паша ободряемый нашимъ консуломъ однако не слишкомъ испугался этихъ грозныхъ внушеній. Возбужденіе новаго политическаго конфликта съ Румеліей не могло входить въ разсчеты Порты, которая переживала тогда всевозможныя политическія затрудненія, благодаря пресловутой албанской лигѣ, недоразумѣніямъ съ Греціей и такъ называемой политикѣ калифата, которой сильно увлекался Абдулъ-Гамидъ, вооруживъ ею противъ себя Англію и Францію, опасавшихся взрыва мусульманскаго фанатизма въ своихъ колоніяхъ, куда стали проникать изъ Стамбула, съ пропагандой панисламизма фанатическіе дервиши, религіизно-политическіе агенты Стамбульскаго Калифа.

Въ виду такой неожиданной твердости генералъ-губертора Порта, измѣнила тактику и склонила Алеко-Пашу къ уступкамъ ласкою и льстивыми обѣщаніями султанскихъ милостей, ему посулили на лѣто разрѣшеніе заграничнаго отпуска, котораго весьма желалъ Богориди,—которому хотѣлось объѣхать дворы великихъ европейскихъ державъ, въ качествѣ правителя В. Румеліи.

Кромѣ то Высокая Порта обѣщала на будущее время относится болѣе деликатно къ законодательству автономной области и не кассировать зря и огуломъ, представляемыхъ на утвержденіе султана законовъ.

Такимъ образомъ закончилась вся эта исторія. Изданіе административныхъ постановленій было ограничено. Алеко-паша и его директора отказались отъ широкаго толкованія 55 ст. Статута, принявъ за правило руководствоваться общепринятыми началами различія между закономъ и административными постановленіями, хотя болгарская интеллигенція и печать горячо протестовали противъ такой уступки турецкимъ требованіямъ.

Вторая сессія областнаго собранія ознаменовалась повтореніемъ, съ усугубленной силой, нападокъ на Шмита и Штрекера. Предсѣдателемъ собранія и комитета былъ по прежнему избранъ И. Е. Гешовъ. Оппозиція противъ Шмита и его финансоваго управленія была на столько сильна, что онъ долженъ былъ оставить свой постъ, но Штрекеръ удержался, отчасти благодаря тому, что нашъ консулъ не настаивалъ на его удаленіи.

Въ эту сессію произошло первое довольно серьезное столкновеніе Алеко-паши съ собраніемъ и притомъ произошло оно изъ пустяковъ. При канцеляріи генералъ-губернатора состоялъ многочисленный штатъ секретарей для переписки и переводовъ. Установленный первымъ собраніемъ бюджетъ на эту канцелярію, былъ вполнѣ достаточенъ и наличное число этихъ секретарей, въ сущности, даже превышало дѣйствительную въ нихъ потребность, тѣмъ не менѣе генералъ-губернаторъ постоянно требовалъ усиленія состава своей канцеляріи—это былъ его конекъ, переходившій въ своего рода манію.

Имѣя нѣсколько оффиціальныхъ секретарей, Алеко-паша задумалъ обзавестись еще частнымъ секретаремъ, съ жалованьемъ изъ областной кассы, и желая дать такое

мѣсто, втершемуся въ его довѣріе, нѣкоему Крепэну (Crespin), отъявленному проходимцу изъ левантинцевъ, потребовалъ отъ Собранія ассигнованія кредита на его содержаніе. Этотъ Крепэнъ пользовался даже въ Константинополѣ весьма не лестной репутаціей—было извѣстно, что онъ занимался разными темными и двусмысленными профессіями, которыя хотя и цѣнятся тѣми, кто ими пользуется, но не внушаютъ уваженія. Болгары, до сихъ поръ сохранили патріархальную чистоту нравовъ и личности, въ родѣ Крепэна, возбуждаютъ въ нихъ искреннее и глубокое презрѣніе.

Собраніе, на отрѣзъ, отказало въ отпускѣ желаемаго кредита, хотя вопросъ шелъ всего о 35 лирахъ въ мѣсяцъ [1]). Алеко-паша былъ страшно обиженъ этимъ отказомъ, обвиняя депутатовъ въ черной неблагодарности, онъ такъ при этомъ расходился, что сталъ толковать о своемъ намѣреніи выйти въ отставку, хотя, конечно, никогда серьезно не думалъ объ выполненіи этой угрозы, ибо весьма дорожилъ своимъ мѣстомъ и соединеннымъ съ нимъ солиднымъ окладомъ.

„Вы не умѣете цѣнить моихъ услугъ и преданности болгарскому дѣлу, посмотримъ, что будетъ съ вами безъ меня и какого генералъ-губернатора вамъ дастъ Порта, говорилъ онъ перепуганнымъ слухомъ объ его намѣреніи оставить область депутатамъ. Впрочемъ, все уладилось скоро и мирно. Требуемый кредитъ, съ небольшой урѣзкой былъ отпущенъ на одинъ годъ и Богориди получилъ столь сердечно желаемаго секретаря. Крепэнъ сдѣлался Меркуріемъ генералъ-губернатора, впрочемъ не по сердечной части — Алеко-паша хорошій семьянинъ и преданный супругъ, а для сообщенія городскихъ слуховъ и сплетень, Крепэнъ бѣгалъ, съ порученіями отъ генералъ-губернатора, въ случаяхъ не оффиціальныхъ объясненій, къ консуламъ—для оффиціальныхъ переговоровъ употреблялись адъютанты генералъ-гу-

[1]) Турецкая золотая лира равняется примѣрно 9 кредитнымъ рублямъ—она заключаетъ въ себѣ белѣе вѣса чѣмъ 20-франковая монета, представляя цѣнность 23 франковъ.

бернатора и форменные секретари, ходилъ на базаръ закупать провизію для стола его свѣтлости -- Алеко-пашѣ который присвоилъ себѣ не совсѣмъ основательно титулъ Altesse, а по вечерамъ забавлялъ княгиню Богориди сплетнями про домашнюю жизнь европейскихъ консуловъ, которой она интересовалась, постоянно сидя дома и никуда не выѣзжая.

Шмитъ, въ концѣ очередной сессіи 1880 года, подалъ прошеніе объ увольненіи его съ румелійской службы; эта отставка, послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ и сношеній съ Константинополемъ, была принята. Директоромъ финансовъ былъ назначенъ одинъ изъ членовъ постояннаго комитета, пріобрѣтшій впослѣдствіи, во время пресловутаго переворота 6 сентября, довольно громкую и такъ сказать, европейскую извѣстность, докторъ Странской. Свойственникъ Гешова, по женѣ, докторъ Странской, „съ физіономіей итальянскаго бандита", по замѣчанію англійскаго консула, крайне раздраженнаго увольненіемъ Шмита и замѣщеніемъ его невѣжественнымъ болгариномъ, дѣйствительно далеко не удовлетворялъ тѣмъ условіямъ образованія и знанія, которыя требовались отъ директора финансовъ области.

Получивъ медицинское образованіе въ Букарештѣ, гдѣ дипломы выдаются щедрою рукой, хотя докторскаго диплома Странскаго. если я не ошибаюсь, никто не видалъ, сей новоявленный финансистъ обнаружилъ рѣдкое, даже среди болгаръ, невѣжество, въ вопросахъ финансовыхъ. требовавшихъ извѣстнаго знанія спеціальной финансовой техники, такъ напр. не могъ не только самъ заняться или указать какъ составить бюджетъ области, но крайне путался въ чтеніи и пониманіи рубрикъ бюджета минувшаго года и, взявши для образца нѣкоторыя европейскія росписи, рѣшительно не могъ ихъ разобрать и понять.

Однимъ словомъ это былъ весьма оригинальный директоръ финансовъ!

Второе очередное собраніе представителей области [1]) затянулось до конца декабря и имъ, такъ сказать, закончился первый счастливый періодъ существованія новой автономной области. Едва кончилась эта сессія, нашъ консулъ кн. А. Н. Церетелевъ уѣхалъ изъ Румеліи, совсѣмъ больной, его постигла тяжкая нервная болѣзнь — онъ сошелъ съ ума и былъ отозванъ съ своего поста. Его обязанности временно исправлялъ секретарь консульства С. В. Арсеньевъ, человѣкъ еще очень молодой и далеко не пользовавшійся тѣмъ авторитетомъ, который имѣлъ въ глазахъ болгаръ кн. Церетелевъ, увѣшенный георгіевскими крестами за боевые подвиги, оказанные имъ на войнѣ за освобожденіе Болгаріи.

Прежняя дипломатическая служба князя Церетелева — онъ былъ секретаремъ нашего посольства въ Константинополѣ при Н. П. Игнатьевѣ, его энергическая дѣятельность и громкое участіе въ изслѣдованіи турецкихъ звѣрствъ въ Болгаріи, передъ войной, давали ему совершенно исключительное положеніе и огромное вліяніе среди болгаръ, которые называли его нашимъ „княземъ“, горячо его любили и безусловно ему довѣряли.

Собственно говоря, время управленія консульствомъ Арсеньевымъ, продолжавшееся пять мѣсяцевъ, до начала іюня 1881 года, было періодомъ междуцарствія и ожиданія. Алеко-паша, хотя и подчинялся во всемъ безусловно князю Церетелеву, но, конечно, былъ весьма не прочь эмансипировать отъ такой опеки. Избѣгая крутыхъ столкновеній съ нашимъ консульствомъ и не обнаруживая рѣшительной перемѣны въ своей политикѣ, онъ тѣмъ не менѣе давалъ чувствовать, что церетелевское время прошло безвозвратно.

---

[1]) Въ промежутокъ между ежегоднымъ очереднымъ собраніемъ была созвана еще одна чрезвычайная сессія Областнаго Собранія, для обсужденія нѣкоторыхъ финансовыхъ вопросовъ и дополнительныхъ кредитовъ.

Въ это время наступили извѣстныя событія въ Княжествѣ, т. е. переворотъ 27-го апрѣля 1881 г. и отмѣна Тырновской конституціи. Болгарское населеніе В. Румеліи или, точнѣе говоря, болгарская интеллигенція была сильно взволнована этими переворотами, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за рѣшеніемъ Систовскаго собранія Южная Болгарія стала наполняться эмигрантами, бѣжавшими изъ Княжества.

Почти одновременно съ этими эмигрантами прибылъ въ В. Румелію нашъ новый генеральный консулъ Э. Р. Кребель, переведенный на эту должность изъ Тавриза. Положеніе, созданное для насъ въ Болгаріи переворотомъ въ Софіи, было крайне трудное и щекотливое — «меня очень интересуетъ, какъ выпутаются ваши дипломаты изъ заданной имъ задачи, поддерживая князя сохранить за Россіей и Русскими симпатіи болгаръ», говорилъ одному моему знакомому въ Константинополѣ, извѣстный корреспондентъ „Times“, Макензи-Валласъ.

Трудность и важность дипломатическаго поста нашего представителя въ Филиппополѣ была очевидна—она сознавалась всѣми, за исключеніемъ, кажется, нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, доказательствомъ чего служило назначеніе г. Кребеля.

Продолжительная служба въ Персіи и отличное знаніе персидскаго языка, которымъ обладалъ преемникъ Церетелева, едва-ли могли содѣйствовать успѣшному выполненію выпавшей на его долю миссіи. Другими качествами, требуемыми обстоятельствами, нашъ новый представитель не обладалъ—ему недоставало ни знанія болгарскаго вопроса, ни умѣнія быстро оріентироваться среди дѣйствительно трудныхъ обстоятельствъ положенія. Кромѣ того, г. Кребель не отличался твердостью характера и политическимъ талантомъ. Человѣкъ мягкій, уклончивый, желавшій чтобы овцы были цѣлы и волки сыты, онъ запутался въ мелкихъ интригахъ и не съумѣлъ пріобрѣсти автори-

тета и уваженія въ глазахъ болгаръ и даже подчиненныхъ ему русскихъ.

Алеко-паша въ моментъ его пріѣзда былъ въ Константинополѣ, гдѣ съ нимъ и познакомился г. Кребель. Правитель В. Румеліи, человѣкъ бывалый, сразу понялъ и оцѣнилъ характеръ новаго нашего представителя и выразилъ о немъ такое мнѣніе, что съ новымъ русскимъ консуломъ нечего слишкомъ церемониться.

Появленіе болгарскихъ эмигрантовъ изъ Княжества сейчасъ-же отразилось на тонѣ южно болгарской печати. Преданная до того Россіи газета «Народный Гласъ», весьма распространенная въ В. Румеліи, которую болгары называли болгарскимъ «Новымъ Временемъ», издаваемая книгопродавцемъ Манчевымъ, предприняла походъ противъ русскихъ офицеровъ въ В. Румеліи.

Нападки на русскихъ этого органа болгарскихъ опортунистовъ были довольно знаменательны, тѣмъ болѣе, что было извѣстно, что эта газета доступна вліянію генералъ-губернатора и нерѣдко получала отъ него внушенія, хотя и щеголяла своею независимостью и рѣзкостью тона.

На нашихъ офицеровъ посыпались пасквили и самыя грязныя обвиненія. Консульство путемъ нотъ и личныхъ объясненій съ исправляющимъ должность генералъ-губернатора Крестовичемъ и самимъ Алеко-пашей, который не замѣдлилъ вернуться, въ іюлѣ, въ Филиппополь, старались обуздать южно-болгарскую печать. Но его старанія оставались безуспѣшны. Крестовичъ и Алеко-паша, ссылаясь на свободу печати, узаконенную Статутомъ и выражая свое сожалѣніе, отвѣчали нашему консулу, что они совершенно лишены средствъ для воздѣйствія на печать и только обѣщали внести въ предстоящую сессію законопроектъ о злоупотребленіи печатнымъ словомъ, какъ то было предписано Органическимъ Статутомъ.

Со стороны Алеко-паши такого рода объясненія были крайне лицемѣрны, ибо онъ изъ собственныхъ средствъ выдалъ субсидію «Народному Гласу», правда, небольшую.

Кромѣ того, онъ въ тайнѣ одобрялъ выходки болгарской печати противъ русскихъ офицеровъ и усердно заискивалъ дружбу и расположеніе Каравелова, поселившагося въ это время въ Филиппополѣ и вдохновлявшаго своими зажигательными рѣчами противъ вреда русскаго вліянія, болгарскихъ руссофобовъ, которыхъ развелось въ В. Румеліи въ это время не мало.

П. Каравеловъ явился въ Румелію болгарскимъ народнымъ героемъ, съ ореоломъ мученика и борца за болгарскую свободу и независимость. Въ его скромной квартирѣ, въ одной изъ глухихъ улицъ Филиппополя, постоянно толпились посѣтители, жадно внимавшіе его неумолкавшимъ рѣчамъ на извѣстную тему: «намъ не надо ни русскаго меда, ни русскаго жала».

«Русское вліяніе можетъ только погубить болгарское дѣло. Мы и русскіе представляемъ два противоположныя и, по природѣ вещей, враждебныя начала въ славянскомъ мірѣ—начало единства олицетворяется Россіей, начало-же разнообразія представляется болгарами».

«Борьба этихъ началъ неизбѣжна и неминуема. Мы, болгары, не должны обольщаться тѣмъ, что Россія избавила насъ отъ турецкаго ига, мы отъ него и сами освободились-бы, немного ранѣе или позднѣе, это не важно. Гораздо труднѣе будетъ намъ сбросить русское иго, бременящее свободное развитіе болгарскаго народа, подъ деликатнымъ названіемъ русской опеки. Это зло, противъ котораго болгарская интеллигенція должна бороться всѣми силами, средствами и способами—великая цѣль оправдываетъ средства».

«Присутствіе русскихъ офицеровъ въ румелійской милиціи представляетъ серьезную угрозу и опасность для сво-

бодныхъ учрежденій области. Болгарская интеллигенція и печать должны напречь всѣ свои усилія, чтобы выжить русскихъ офицеровъ изъ Румеліи. Княжество уже испытало на дѣлѣ, какими вредными орудіями противъ болгарской свободы могутъ стать русскіе офицеры, такъ дорого стоющіе болгарской казнѣ и т. д.»

Раздраженіе Каравелова противъ русскихъ офицеровъ, оказавшихъ поддержку князю послѣ переворота, не знало предѣловъ. Оно отчасти оправдывалось тѣми гоненіями, которымъ онъ подвергся въ Княжествѣ, но болѣе серьезный политическій дѣятель и болѣе искренній патріотъ судилъ бы о положеніи вещей менѣе опрометчиво.

Діатрибы Каравелова противъ русскихъ были не совсѣмъ добросовѣстны. Его отрицаніе великихъ услугъ, оказанныхъ Россіей дѣлу освобожденія болгарскаго народа, было лукаво. Мы ускорили часъ освобожденія Болгаріи, и этимъ даромъ широко пользовались Болгары и самъ Каравеловъ, тенденціозно доказывавшій, что такое освобожденіе Болгаріи отнюдь не важно. Но это были только слова, лукавыя слова. Уроженецъ Южной Болгаріи П. Каравеловъ посвятилъ свою дѣятельность не этой области, лишь на половину освобожденной нами, а перебрался въ Княжество, гдѣ русская программа относительно Болгаріи осуществилась полнѣе.

Если бы онъ въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ въ то, что проповѣдывалъ болгарской молодежи, т. е. что русская опека хуже и вреднѣе турецкаго ига, то онъ бы отправился въ Македонію, гдѣ болгарское дѣло нуждалось и требовало борцовъ.

Мнѣ пришлось въ это время встрѣтиться и бесѣдовать съ Каравеловымъ, въ присутствіи нѣсколькихъ молодыхъ болгаръ, которые, не скрывая своего любопытства, ждали нашего спора. Каравеловъ, послѣ нѣкотораго колебанія, выложилъ передо мной свой вышеизложенный взглядъ,

сначала довольно сдержанно, а потомъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь, съ пафосомъ и увлеченіемъ. Видимо дорожа мнѣніемъ слушавшей его аудиторіи, онъ рѣшился выпустить весь арсеналъ своихъ аргументовъ и подавить меня ими.

Я выслушалъ его рѣчь весьма спокойно до конца и возразилъ ему, что, «очевидно, онъ самъ не вѣритъ тому, что говоритъ». «Почему вы такъ думаете?» спросилъ меня нѣсколько сконфуженный Каравеловъ, однако вызывающимъ тономъ. «Потому что если бы вы дѣйствительно думали такъ какъ говорите, вы бы пріѣхали не сюда, а пошли бы въ Македонію. Россія освободила, цѣною своей крови и даровала полную самостоятельность Княжеству, а В. Румеліи могла дать только административную автономію, Македонія же, благодаря противодѣйствію Европы, должна была остаться въ прежнемъ положеніи. Теперь, когда васъ выгнали изъ Княжества—я не сочувствую перевороту, не одобряю его, но я только констатирую фактъ—вы отправились не въ Македонію, а сюда въ В. Румелію, гдѣ все-таки пользуются плодами русскихъ побѣдъ, не желая дѣлить горькую долю вашихъ македонскихъ земляковъ, стонущихъ подъ турецкимъ игомъ, которое вы такъ тенденціозно восхваляете, предпочитая его, на словахъ, русской опекѣ». Каравеловъ растерялся и ничего мнѣ на это не возразилъ, а на другой день пришелъ ко мнѣ съ визитомъ.

На этотъ разъ онъ совершенно перемѣнилъ тонъ и объяснилъ мнѣ, что настоящій врагъ Россіи не онъ, а Батенбергъ, говорилъ весьма сердечно и горячо о глубокой симпатіи къ И. С. Аксакову и многимъ другимъ русскимъ дѣятелямъ, неоднократно повторяя, что въ его сердцѣ, какъ у Потугина въ «Дымѣ» Тургенева, странно сочеталось чувство любви и ненависти къ Россіи, что русская литература, на которой онъ выросъ и воспитанъ,

ему родная, безъ чтенія русскихъ книгъ онъ тоскуетъ и т. д.

Въ заключеніе онъ пустился опять развивать свою излюбленную тему о началахъ единства и разнообразія, кажется онъ заимствовалъ эту тему у Драгоманова, съ которымъ переписывался и выражалъ сожалѣніе, что политика раздѣляетъ людей, не смотря на ихъ личныя симпатіи.

Я беззавѣтно преданъ болгарскому дѣлу и горячо люблю своихъ земляковъ, говорилъ онъ, но скажу вамъ откровенно, что бесѣда съ русскими доставляетъ мнѣ больше удовольствія.

Каравеловъ говоритъ по-русски какъ русскій.

Наше консульство не желало, чтобы Каравеловъ поселялся въ В. Румеліи, о чемъ и было заявлено румелійскому правительству, съ указаніемъ, что пребываніе Каравелова въ сосѣдствѣ съ Княжествомъ будетъ поддерживать вредную агитацію въ этомъ послѣднемъ. Но румелійское правительство, ссылаясь на Органическій Статутъ, оставило это заявленіе, выраженное въ формѣ требованія, безъ вниманія. Тѣмъ не менѣе консульство продолжало, и притомъ съ такимъ же успѣхомъ, свои вылазки противъ Каравелова—оно протестовало противъ назначенія его учителемъ Пловдивской гимназіи, противъ дозволенія издавать ему въ этомъ городѣ газету и т. д.

Эти протесты остались безъ всякаго результата, т. е. собственно говоря имѣли послѣдствіемъ лишь то, что еще болѣе ожесточили Каравелова противъ Россіи и русской политики. Алеко-паша весьма любезно сообщалъ всѣ наши ноты, которыя весьма усердно редижировались Э. Р. Кребелемъ Каравелову и при содѣйствіи послѣдняго канцелярія генералъ-губернатора не безъ остроумія отъ нихъ отписывалась.

Эта полемика продолжалась довольно долго и конечно отнюдь не содѣйствовала усиленію престижа русскаго имени въ В. Румеліи.

Одно изъ двухъ, надо было или настоять на недопущеніи Каравелова въ Румеліи, а если этого нельзя было сдѣлать, то нечего было себя компрометировать писаніемъ безполезныхъ нотъ, которыя въ концѣ концовъ возбуждали только насмѣшки.

Газета Каравелова «Независимость» появилась въ свѣтъ, въ началѣ октября 1881 г., въ день открытія очереднаго областнаго собранія В. Румеліи.

При выборѣ предсѣдателя собранія на эту сессію произошелъ инцидентъ, который обнаружилъ какъ нельзя болѣе отсутствіе политической дальновидности у нашего новаго дипломатическаго представителя.

На основаніи Статута областное собраніе избираетъ двухъ кандидатовъ въ предсѣдатели, причемъ генералъ-губернаторъ утверждаетъ одного изъ нихъ въ этомъ званіи.

Согласно установившейся практикѣ, Алеко-паша назначалъ предсѣдателемъ того изъ кандидатовъ, который получалъ большее число голосовъ. На сей разъ голоса раздѣлились. Бывшій предсѣдатель И. Е. Гешовъ (онъ же предсѣдатель постояннаго комитета) и Георгій Груевъ получили равное число голосовъ.

Алеко-Паша колебался, кого изъ двухъ утвердить въ званіи предсѣдателя собраніи. Съ одной стороны генералъ-губернаторъ былъ не совсѣмъ доволенъ такъ называемой гешовской или русской партіей—она ему во многомъ перечила и противодѣйствовалъ русофобской пропагандѣ болгарскихъ эмигрантовъ, покровительствуемыхъ Алеко-пашей. На дополнительныхъ выборахъ въ депутаты и при назначеніи депутатовъ, по избраніи генералъ-губернатора, Алеко-паша явно склонялся на сторону противниковъ Гешова, назначивъ въ число таковыхъ доктора Чомакова, стараго интригана и заклятаго врага Ивана Гешова, въ надеждѣ провесть Чомакова въ предсѣдатели собранія.

Но Чомаковъ не прошелъ въ предсѣдатели, получивъ лишь самое ничтожное число голосовъ. Георгій Груевъ, депутатъ не по выбору, а по должности, занимая постъ предсѣдателя верховнаго суда Восточной Румеліи, былъ пріятнѣе Гешова и болѣе соотвѣтствовалъ видамъ Алеко-паши, но предпочтеніе его Гешову во многихъ отношеніяхъ было неудобно.

Во-первыхъ, И. Е. Гешовъ пріобрѣлъ уже несомнѣнную опытность въ веденіи дебатовъ собранія, репутація его въ этомъ отношеніи прочно установилась и устраненіе его отъ предсѣдательства было для него афронтомъ и обидой для его партіи, которая, какъ показали выборы, располагала половиной голосовъ въ собраніи. Во-вторыхъ, Гешовъ былъ выборный депутатъ, а Груевъ депутатъ по должности. Наконецъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ сессіи Груевъ отвлекался отъ своихъ прямыхъ обязанностей, по должности предсѣдателя верховнаго суда, въ которомъ было большое накопленіе дѣлъ и вслѣдствіе этого, страшная медленность въ производствѣ.

Русскій консулъ имѣлъ полное основаніе возразить противъ утвержденія въ должности предсѣдателя Груева, ссылаясь на ущербъ отъ того для правильнаго хода судебныхъ дѣлъ. Въ Восточной Румеліи проживало въ то время не мало русскихъ, сербскихъ и черногорскихъ подданныхъ [1]), имѣвшихъ дѣла въ судебныхъ учрежденіяхъ области. Въ силу капитуляціи, эти дѣла были подсудны суду нашего консула. Эта консульская привилегія, наслѣдіе договоровъ Порты съ европейскими державами, глубоко возмущала румеліотовъ, усердно домогавшихся отмѣны этихъ капитуляцій, какъ крайне оскорбительныхъ для достоинства и авторитета правительства автономной области.

---

[1]) Сербскіе и черногорскіе подданные находились подъ покровительствомъ русскаго консульства.

Наше консульство, изъ любезности къ румелійскому правительству, въ видахъ поддержки его авторитета, съ самаго начала существованія области, не пользовалось своимъ правомъ суда, къ великому удовольствію всей болгарской интеллигенціи.

Одно заявленіе нашего консула, что предпочтеніе Груева будетъ имѣть послѣдствіемъ, согласно капитуляціямъ, возстановленіе консульской юрисдикціи, по всѣмъ дѣламъ русскимъ, сербскимъ и черногорскимъ были совершенно достаточно для того, чтобы состоялось утвержденіе предсѣдателемъ Гешова.

Алеко-паша, который опасался, что устраненіе Гешова, не смотря на нѣкоторый упадокъ его вліянія, благодаря интригамъ, во всякомъ случаѣ человѣка вліятельнаго, можетъ причинять большія безпокойства и создать сильную противъ его правительства оппозицію, особенно при поддержкѣ русскаго консула — рѣшился пригласить къ себѣ г. Кребеля и переговорить съ нимъ по этому вопросу.

Г. Кребель, къ сожаленію, какъ новичекъ въ политическихъ дѣлахъ Болгаріи—въ Персіи онъ спеціально занимался торговыми дѣлами—былъ a cheval на крайне шаткой доктринѣ laisser faire, laisser passer. Это ученіе невмѣшательства во внутреннія дѣла болгарской жизни имѣло большую прелесть въ глазахъ многихъ изъ нашихъ дипломатовъ, во-первыхъ такъ гораздо покойнѣе, во-вторыхъ такая политика рекомендуется въ разныхъ иностранныхъ книгахъ по международному праву. Князь Церетелевъ слишкомъ много вмѣшивался во внутреннія дѣла Болгаръ; съ самаго своего вступленія въ должность г. Кребель резонировалъ, критикуя согласно заведенному обычаю, политику своего предшественника.

Къ удивленію Алеко-паши, нашъ консулъ, на предложенный ему вопросъ, кого слѣдуетъ назначить предсѣдателемъ собранія, категорически заявилъ, что онъ представ-

ляетъ это безусловно его, генералъ-губернатора, усмотрѣнію, ибо вообще не находитъ нужнымъ вмѣшиваться въ такого рода вопросы, которые нисколько не касаются интересовъ Россіи и къ которымъ онъ, консулъ, будетъ относиться вполнѣ объективно.

Предсѣдателемъ собранія былъ назначенъ Груевъ, это произвело большое впечатлѣніе. Нѣсколько человѣкъ изъ депутатовъ собранія, люди шаткіе, поспѣшили перейти на сторону той партіи, которая шла противъ Гешовской, самъ-де генералъ-губернаторъ противъ нихъ, а русскій консулъ не желаетъ или не можетъ ихъ поддержать, значитъ ихъ время прошло.

Въ предсѣдатели постояннаго комитета былъ выбранъ также Георгій Груевъ, согласно установившемуся обычаю избирать на этотъ постъ предсѣдателя собранія, при этомъ Гешовская партія лишилась двухъ представителей въ составѣ 10 членовъ комитета—изъ нихъ всего пришли въ комитетъ 4 члена вмѣсто прежнихъ 6 членовъ.

Результаты такой политики невмѣщательства не замедлили сказаться. Вліяніе русскаго консула стало падать съ каждымъ днемъ. Пораженіе гешовской партіи имѣло послѣдствіемъ упадокъ русскаго вліянія.

Алеко-паша, имѣя предсѣдателемъ постояннаго комитета своего чиновника и пять солидарныхъ съ нимъ членовъ, противъ четырехъ сторонниковъ Гешова, пересталъ нуждаться въ услугахъ и посредничествѣ консула, которое при прежнемъ составѣ комитета было ему необходимо, ибо упорная оппозиція комитета могла припереть его къ стѣнѣ и нарушить его благополучіе,—комитетъ, согласно статуту и въ особенности установившейся практикѣ, могъ связать правителя области по рукамъ и ногамъ

Для русскаго консульства настали печальные дни разочарованій въ практичности избранной имъ политики. Болгарская печать стала открыто надъ нимъ глумиться,

а нападки на русскихъ офицеровъ перешли всякую мѣру приличія. На ноты консула даже перестали серьезно отвѣчать. Генералъ-губернаторъ, на великодушное желаніе консула не вмѣшиваться во внутреннія дѣла его управленія, отвѣчалъ самою черною неблагодарностью.

Въ это время собраніе, въ виду нѣкоторыхъ злоупотребленій, обнаруженныхъ въ финансовой администраціи и явной неспособности доктора Странскаго управлять этой дирекціей, такъ какъ всѣ его проекты и самый бюджетъ вызвали жестокую критику, на которую онъ возражалъ крайне слабо и неудачно, выразило ему неодобреніе.

Финансовое положеніе, очевидно, требовало болѣе умѣлаго и опытнаго администратора. Поступленіе доходовъ шло крайне неисправно. Десятинные сборы натурой были сданы на откупъ весьма неудачно и въ нихъ предвидѣлись крупные недочеты. Отчетность по финансовому управленію хромала во всѣхъ отношеніяхъ.

Алеко-паша далъ понять Странскому, что ему надо подать прошеніе объ отставкѣ, что̀ тотъ и сдѣлалъ.

Алеко-паша желалъ назначить на его мѣсто Каравелова, и счелъ долгомъ освѣдомиться, на этотъ счетъ, о мнѣніи русскаго консула. Каравеловъ, имѣя серьезные виды на это мѣсто и понимая, что оппозиція нашего консульства можетъ ему помѣшать, въ ожиданіи увольненія Странскаго, о чемъ онъ зналъ ранѣе, чѣмъ оно послѣдовало, прекратилъ нападки на русскихъ офицеровъ и въ своей газетѣ сталъ печатать статьи, пріятно щекотавшія нервы нашего представителя, котораго до того времени болгарская печать отнюдь не баловала.

Ища выхода изъ того незавиднаго положенія, въ которое его привела политика невмѣшательства и перебирая всевозможные для сего способы, кромѣ тѣхъ, которые дѣйствительно могли привести къ желаемой цѣли, г. Кребель вздумалъ перехитрить Каравелова.

Онъ рѣшилъ, какъ Парисъ въ «Belle Helene», что чего нельзя получить силой, того слѣдуетъ достигать хитростью. Каравеловъ давно выражалъ желаніе получить аудіенцію у русскаго консула; нѣкоторые изъ его пріятелей, между прочимъ, членъ постояннаго комитета и довольно краснорѣчивый ораторъ, К. Величковъ, усердный посѣтитель нашего консульства, неоднократно и публично заявлявшій свои симпатіи къ Россіи, горячо хлопоталъ о сближеніи Каравелова съ нашимъ дипломатическимъ представителемъ. Аудіенція была дана и Каравеловъ такъ смиренно, благодушно и почтительно бесѣдовалъ съ нашимъ консуломъ, что послѣдній былъ пріятно удивленъ, встрѣчая въ немъ не свирѣпаго анархиста изъ краснокожихъ, какъ онъ его представлялъ, а увлеченнаго превратными теоріями мечтателя, готоваго отъ нихъ, подъ вліяніемъ разочарованія, отказаться.

Э. Р. Кребель рѣшился заняться его перевоспитаніемъ, какъ шутливо отзывался впослѣдствіи Каравеловъ, а между тѣмъ, открылась ваканція и Кребель думалъ, и въ этомъ случаѣ былъ отчасти правъ, что Каравеловъ, получивъ видное и хорошо оплаченное мѣсто директора финансовъ, прекратитъ свою желчную и ядовитую полемику противъ русскаго вліянія въ В. Румеліи.

Но дать свое одобреніе на это назначеніе на собственный рискъ г. Кребель не могъ, но онъ обѣщалъ испросить согласіе высшихъ сферъ Изъ Константинополя и изъ Петербурга однако консулъ получилъ рѣшительный отказъ, вмѣстѣ съ выговоромъ и предписаніемъ заявить Алекопашѣ, что назначеніе Каравелова директоромъ финансовъ вызоветъ неудовольствіе петербургскаго кабинета.

Сверхъ того, нашъ посолъ Е. П. Новиковъ написалъ Богориди письмо такого содержанія, что онъ, посолъ, счелъ долгомъ обратить вниманіе великаго визиря на положеніе дѣлъ въ Румеліи и революціонную агитацію эмигрантовъ изъ

Княжества, которые стараются волновать населеніе Болгарскаго Княжества. По слухамъ, эта агитація, равно какъ и производящіе ее эмигранты, пользуются предосудительной снисходительностью и даже покровительствомъ со стороны румелійскаго правительства. Назначеніе Каравелова на высокій административный постъ въ области, предлагаемое Алеко-пашей, служитъ подтвержденіемъ этихъ слуховъ; но что ни въ какомъ случаѣ оно не удостоится согласія султана, который не желаетъ новыхъ усложненій на Балканскомъ полуостровѣ и потому не допуститъ въ составъ высшей администраціи В. Румеліи такого агитатора, какъ Каравеловъ. Въ томъ-же смыслѣ писалъ правителю В. Румеліи и великій визирь. Предположенное назначеніе Каравелова, такимъ образомъ, провалилось, и по соглашенію Алеко-паши съ нашимъ консуломъ, согласно указанію изъ Петербурга, директоромъ финансовъ былъ назначенъ И. Е. Гешовъ.

Алеко-паша былъ видимо сконфуженъ оборотомъ, который получилъ вопросъ о кандидатурѣ Каравелова. Упрекъ въ потворствѣ агитаціи болгарскихъ эмигрантовъ противъ князя Александра, его замѣтно испугалъ. Болгарская печать, на время понизила тонъ и протежируемые генералъ-губернаторомъ эмигранты притаились.

Постоянный комитетъ, видя, что русскіе кандидаты получаютъ высшіе посты (именно И. Е. Гешовъ), сталъ искать, по прежнему, сближенія съ русскимъ консульствомъ, обращаясь въ него за совѣтами и указаніями,— однимъ словомъ, русское вліяніе опять временно восторжествовало.

Постоянный комитетъ, по иниціативѣ нашего консула, отправился въ полномъ составѣ заявить генералъ-губернатору, что населеніе области, дорожа, въ высшей степени, присутствіемъ русскихъ офицеровъ, въ качествѣ инструкторовъ въ румелійской милиціи, желаетъ упроченія ихъ

служебнаго положенія, но, къ общему прискорбію всѣхъ болгарскихъ патріотовъ, заключеніе контрактовъ съ русскими офицерами все болѣе и болѣе затягивается, а потому постоянный комитетъ, движимый чувствомъ патріотизма и созваніемъ услугъ, оказанныхъ Россіей болгарскому дѣлу, проситъ главнаго правителя области успокоить общественное мнѣніе немедленнымъ заключеніемъ этихъ контрактовъ.

Прижатый такимъ образомъ къ стѣнѣ Алеко-паша долженъ былъ дать ходъ вопросу о контрактахъ съ русскими офицерами, которые и были такимъ образомъ наконецъ заключены. За симъ началась борьба г. Кребеля съ директоромъ правосудія Тодоромъ Кесяковымъ. Кесяковъ безспорно отнюдь не удовлетворялъ тѣмъ условіямъ образованія, которое обязательно для представителя и руководителя юстиціи, даже въ такой странѣ какъ Румелія. Человѣкъ крайне ограниченный, полуграмотный и въ высшей степени упрямый, Кесяковъ конечно былъ не на своемъ мѣстѣ. Въ областномъ собраніи онъ говорилъ глупости и вызывалъ насмѣшки.

Всѣ это знали, но русскому консулу, собственно говоря, не было повода вооружаться противъ него и домогаться его увольненія. Въ этомъ случаѣ политика невмѣшательства была вполнѣ умѣстна, тѣмъ болѣе, что въ виду рѣшительно небыло подходящаго лица для замѣщенія г. Кесякова на этомъ постѣ.

Правда, этой должности домогался Георгій Груевъ, предсѣдатель верховнаго суда, попавшій фуксомъ въ предсѣдатели собранія и постояннаго комитета. Г. Кребель, видѣвшій, что сдѣлалъ промахъ, допустивъ замѣну Гешова Груевымъ, желалъ исправить свою ошибку пріисканіемъ подходящаго назначенія Груеву.

Груевъ почему то считался свѣдущимъ юристомъ при этомъ, хотя такая репутація была лишена всякаго основанія.

Въ молодости онъ посѣщалъ юридическія лекціи въ одномъ изъ германскихъ университетовъ, но его знаніе нѣмецкаго языка безусловно исключало практическіе результаты посѣщенія этихъ курсовъ. Юридическій дипломъ онъ не получилъ, хотя, какъ извѣстно, полученіе таковаго въ Германіи—дѣло довольно легкое.

Французскій языкъ былъ нѣсколько болѣе знакомъ г. Груеву и онъ весьма охотно обращалъ вниманіе всѣхъ знакомыхъ на свою юридическую библіотеку, хотя и не слишкомъ обширную, но въ которой на полкахъ стояло нѣсколько извѣстныхъ трудовъ французскихъ юристовъ и между прочимъ Фостена-Эли, коментарій къ уставу уголовнаго судопроизводства, который Груевъ называлъ своей любимой книгой.

Служа въ это время совѣтникомъ въ дирекціи правосудія В. Румеліи, я имѣлъ случай нѣсколько разъ испытать степень юридическихъ познаній г. Груева — я былъ предсѣдателемъ одной юридической коммиссіи, въ которой Груевъ былъ членомъ, и пришелъ къ заключенію, что онъ любилъ книги совершенно ему незнакомыя—Фостенъ-Эли украшалъ только полки библіотеки г. Груева, а не его юридическую эрудицію. Онъ затруднялся переводомъ самыхъ простыхъ юридическихъ терминовъ и не понималъ даже такого выраженія, какъ ordonance de non lieu.

Георгій Груевъ предсѣдательствовалъ въ Филиппополѣ въ верховномъ судѣ, при слушаніи дѣла убійцъ О. Н. Скобелевой. Веденіе имъ этого дѣла ни коимъ образомъ не говоритъ въ пользу его судебныхъ талантовъ и способностей, притомъ вообще вся практика этого суда обличала его неспособность, производство дѣла въ этомъ судѣ хромало на обѣ ноги.

По многимъ дѣламъ и притомъ вовсе не особенно сложнымъ, объявленіе резолюцій откладывалось на нѣсколько недѣль, а иногда даже на цѣлые мѣсяцы. Медлен-

ность производствъ, благодаря такому порядку была невообразимая.

Къ тому же назначеніе Георгія Груева на постъ директора правосудія В. Румеліи представляло слѣдующее неудобство: его родной братъ Іоакимъ Груевъ состоялъ директоромъ народнаго просвѣщенія области. Въ силу Органическаго Статута, для обсужденія многихъ административныхъ вопросовъ, былъ учрежденъ изъ всѣхъ директоровъ области частный совѣтъ, при генералъ-губернаторѣ. Присутствіе двухъ братьевъ Груевыхъ въ засѣданіяхъ этого совѣта представляло большое неудобство и неизбѣжно должно было возбудить общее неудовольствіе и дать поводъ ко многимъ нареканіямъ.

Поэтому Алеко-паша весьма основательно возражалъ, что находитъ серьёзныя препятствія къ увольненію Кесякова и замѣщенію его Груевымъ. Такое мнѣніе поддерживалъ и Крестовичъ, голосъ котораго имѣлъ большой вѣсъ въ дѣлахъ управленія и рѣшеніяхъ генералъ-губернатора [1]).

Не смотря на это Э. Р. Кребель упорно домогался увольненія Кесякова и замѣны его Груевымъ. Кесяковъ, до того усердно старавшійся угодить нашему консульству и заслужить его расположеніе, узнавъ о томъ, что русскій консулъ настаиваетъ на его увольненіи, ощетинился и сталъ искать покровительства въ другихъ консульствахъ и главнымъ образомъ у австрійскаго генеральнаго консула г. Піомбацы и сдѣлался слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ австрійскихъ чиновниковъ, занимавшихъ высшія прокурорскія должности въ В. Румеліи, Хитиля и Сочинскаго. Нѣсколько молодыхъ болгаръ, кончившихъ курсъ юридическихъ наукъ въ Одесскомъ университетѣ, долгое время

---

[1]) Впрочемъ, въ этомъ случаѣ Крестовичъ, кажется, лукавилъ и одно говорилъ нашему консулу, а совершенно другое — Алеко-пашѣ. Кесякова Крестовичъ не одобрялъ, называя его круглымъ невѣжей, но замѣну его Георгіемъ Груевымъ считалъ неудобной.

не могли получить мѣста по судебному вѣдомству, не смотря на крайній недостатокъ въ людяхъ, а русскій юристъ г. Башмаковъ, прекрасно владѣвшій болгарскимъ языкомъ, на которомъ онъ свободно писалъ, не смотря на формальныя обѣщанія, при приглашеніи его на румелійскую службу и нѣсколько вакансій, не получилъ мѣста товарища прокурора окружнаго суда. Ради недопущенія г. Башмакова на службу, по судебному вѣдомству, чтобы маскировать явное нежеланіе румелійскаго правительства непускать русскихъ на прокурорскія должности, для г. Башмакова было изобрѣтено новое мѣсто—директора областной библіотеки В. Румеліи. Эта библіотека, не имѣвшая тогда ни книгъ и ни даже готоваго помѣщенія, была снабжена директоромъ, а на должности, по прокурорскому надзору, назначались или полуграмотные болгаре, или иностранцы, не знавшіе болгарскаго языка и произносившіе свои обвинительныя рѣчи по-французски и по-нѣмецки, т. е. на языкахъ совершенно непонятныхъ подсудимымъ и мало доступныхъ самимъ судьямъ. Однимъ словомъ румелійская юстиція являла зрѣлище печальное—дѣла рѣшались крайне медленно и совершенно произвольно, въ виду отсутствія кодексовъ гражданскаго и уголовнаго, а судопроизводство представляло вавилонское столпотвореніе языковъ.

Я извиняюсь передъ читателями за эти, быть можетъ, излишнія подробности, такъ какъ положеніе и благоустройство судебной части въ В. Румеліи меня близко интересовало—я былъ приглашенъ на румелійскую службу, которой посвятилъ около двухъ лѣтъ именно съ цѣлью приведенія въ порядокъ этого вѣдомства, представлявшаго едва ли не самое слабое мѣсто въ организаціи автономной области. Борьба нашего консула съ г. Кесяковымъ продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ—жена Кесякова пользовалась большимъ расположеніемъ супруги генералъ-губернатора, княгини Богориди,—которая была не въ ладахъ съ

женой нашего консула и, благодаря ея вліянію, Кесяковъ долгое время выдерживалъ систематическое давленіе нашего консульства съ цѣлью его низверженія.

Этотъ конфликтъ нашего консула съ дирекціей правосудія заставилъ меня подать прошеніе объ отставкѣ, хотя я оставилъ румелійскую службу послѣ увольненія Кесякова, когда на его мѣсто былъ назначенъ, съ согласія г. Кребеля, нѣкто Салабашевъ, писавшій въ Независимости Каравелова оскорбительныя пасквили на русскихъ офицеровъ.

Увольненіе Кесякова состоялось на Пасху 1882 г.— оно было куплено цѣною согласія г. Кребеля на приглашеніе французскихъ совѣтниковъ де-Кюба и Жакена въ дирекцію финансовъ и публичныхъ работъ, съ огромнымъ жалованьемъ, по румелійскому масштабу, въ 40 тыс. франковъ въ годъ каждому изъ нихъ. Этого приглашенія усердно домогался Алеко-паша, но, въ виду оппозиціи постояннаго комитета, не могъ достигнуть желаемаго, такъ какъ по Статуту, въ виду сверхбюджетныхъ расходовъ, сопряженныхъ съ этимъ приглашеніемъ, требовалось согласіе постояннаго комитета.

Г. Кребель, не безъ труда, уговорилъ нѣкоторыхъ членовъ комитета, преданныхъ Россіи, уступить желанію правителя области. Предсѣдатель комитета зная, что съ этимъ приглашеніемъ связано увольненіе Кесякова, также подалъ голосъ въ пользу приглашенія этихъ французскихъ совѣтниковъ. Такимъ образомъ, состоялось приглашеніе де-Кюба и Жакена на румелійскую службу, по предварительно подписанному румелійскимъ правительствомъ контракту, срокомъ на три года и съ жалованьемъ въ 40 т. франковъ каждому изъ нихъ.

Такимъ образомъ, эти французскіе совѣтники стоили Восточной Румеліи 240 т. франковъ, что для ея скуднаго казначейства было довольно чувствительно. Пользы при-

несли они весьма мало, если таковая была. Впрочемъ, ихъ въ этомъ винить нельзя—это были порядочные люди, образованные и желавшіе работать, но положеніе иностранныхъ чиновниковъ было таково, что совершенно парализировало всякую полезную дѣятельность. Имъ не довѣряли, они были опутаны сѣтью интригъ и лишены возможности, работая спокойно, сдѣлать что нибудь путное.

Положеніе Жакена было нѣсколько лучше, ибо онъ попалъ совѣтникомъ въ дирекціи финансовъ, состоявшемъ въ вѣдѣніи И. Е. Гешова, человѣка просвѣщеннаго и способнаго къ болѣе широкому пониманію вещей. Но, тѣмъ не менѣе, дѣятельность г. Жакена оказалась совершенно безплодной.

Общественное мнѣніе отнеслось къ службѣ въ Румеліи французскихъ совѣтниковъ крайне подозрительно и непріязненно. Въ нихъ видѣли коварныхъ соглядатаевъ, командированныхъ европейскими кредиторами Порты, для ознакомленія на мѣстѣ съ платежными силами и средствами области. Не задолго передъ ихъ назначеніемъ въ В. Румелію, состоялось извѣстное соглашеніе Великой Порты съ ея европейскимъ кредитомъ, предоставившее румелійскую дань въ обезпеченіе платежей, слѣдующихъ этимъ послѣднимъ. Болгаре В. Румеліи, долгое время уклонявшіеся отъ платежа турецкой дани, установленной конгрессомъ, видѣли въ Жакенѣ своего заклятаго врага, собирающаго свѣдѣнія и матеріалы для эксплоатированія трудовыхъ денегъ болгарскаго народа.

Наступившіе за симъ осенью выборы половиннаго состава представителей области въ народное собраніе сопровождались усиленной борьбой партіи. Русскій консулъ на сей разъ радикально измѣнилъ свою политику и принялъ самое дѣятельное участіе въ ходѣ выборовъ, стараясь провести кандидатовъ гешовской партіи, крайне возбужденной гоненіями противъ нея Алеко-паши. Многіе

изъ кандидатовъ, прожектируемые этимъ послѣднимъ, провалились на выборахъ, и Гешовская партія значительно усилилась въ собраніи. Такая неудача крайнѐ раздражила Богориди, котораго при этомъ, разумѣется, всѣми силами подстрекали противъ русскаго консула. Алеко-паша открыто говорилъ, что такая перемѣна политики и взглядовъ г. Кребеля, недостойно уважающаго себя и принципы дипломата. Его сношенія съ русскимъ консуломъ стали крайне холодны, выражая ему при всякомъ случаѣ свое неудовольствіе. Нашъ консулъ смѣялся надъ этой безсильной злобой турецкаго паши, которому не долго править областью, какъ онъ говорилъ. Нашлись люди, которые съ разными комментаріями передали все, что говорилось въ русскомъ консульствѣ генералъ-губернатору и этотъ послѣдній рѣшился на крайнюю безтактность—онъ написалъ оффиціальную ноту г. Кребелю, въ которой объяснилъ, что, не желая имѣть никакихъ личныхъ сношеній съ нимъ, Кребелемъ, онъ проситъ его, въ случаѣ надобности, присылать для служебныхъ объясненій одного изъ своихъ секретарей.

Эта нота была верхомъ неприличія и выраженіемъ явнаго неуваженія къ г. Кребелю, какъ представителю Россіи. Такого необдуманнаго поступка рѣшительно нельзя было ожидать отъ осторожнаго, сдержаннаго, тактичнаго и стараго паши,—говорили, что его на это подбила жена, сильно не взлюбившая г. Кребеля и его семейство. Г. Кребель послалъ копію съ ноты въ Петербургъ и Константинополь, въ наше посольство, ожидая приказаній какъ ему поступить, въ виду такой неслыханной, въ дипломатическомъ мірѣ, дерзости правителя В. Румеліи.

Наше посольство командировало одного изъ своихъ секретарей, Ю. С. Карцева, чтобы собрать свѣдѣнія о недоразумѣніяхъ и пререканіяхъ нашего консульства съ Алеко-пашей. Такое обращеніе турецкаго паши, хотя и

занимающаго постъ генералъ-губернатора автономной области, съ нашимъ представителемъ, выходило изъ предѣловъ приличія. Наше дипломатическое вѣдомство, хотя и предполагавшее передъ этимъ отозвать г. Кребеля, которымъ вообще оно было недовольно, рѣшилось временно удержать его въ Румеліи и, придавъ всей этой исторіи характеръ личнаго столкновенія, замять дѣло.

Не будучи нисколько сторонникомъ г. Кребеля и отнюдь не желая хвалить его образъ дѣйствій во время управленія консульствомъ въ Филиппополѣ, тѣмъ не менѣе, я не могу не констатировать, что нанесенное ему, какъ представителю Россіи, оскорбленіе требовало болѣе громкаго удовлетворенія, чѣмъ визитъ, который ему сдѣлалъ Алеко-паша. Въ этомъ случаѣ мы жертвовали не однимъ только личнымъ авторитетомъ г. Кребеля!

Наше дипломатическое вѣдомство, кажется, отнеслось такъ равнодушно къ неприличной выходкѣ Алеко-паши, имѣя въ виду свести съ нимъ счеты впослѣдствіи, и удовлетворилось его извиненіемъ и визитомъ въ наше консульство. При этомъ Алеко-пашѣ было даже обѣщано, что г. Кребель скоро будетъ отозванъ съ своего поста, что дѣйствительно и послѣдовало нѣсколько мѣсяцевъ спустя,— нашъ генеральный консулъ въ Филиппополѣ былъ переведенъ на ту же должность въ Кадиксъ, гдѣ ему предстояли занятія болѣе мирнаго свойства, именно торговыми дѣлами. Скользкій путь политической дѣятельности на Балканскомъ полуостровѣ оказался для него неподходящимъ.

Алеко-паша торжествовалъ, но его радость была преждевременна. Этотъ инцидентъ рѣшилъ вопросъ о продленіи его полномочія, какъ генералъ-губернатора области, на слѣдующее пятилѣтіе, чего сей честолюбивый старецъ усиленно желалъ. Съ этого момента наша дипломатія рѣшительно вычеркнула Алеко-пашу изъ списка кандидатовъ въ правители В. Румеліи, на слѣдующее пятилѣтіе.

Возстановивъ противъ себя русскій кабинетъ, Алеко-паша лишился всѣхъ шансовъ на возобновленіе своего избранія. Порта, очевидно, желала, чтобы генералъ-губернаторы В. Румеліи мѣнялись каждыя пять лѣтъ и не засиживались слишкомъ долго на этомъ мѣстѣ, такъ какъ долгое пребываніе во главѣ управленія автономной области неизбѣжно должно было ослабить въ немъ сознаніе своей зависимости отъ султана. Европейскія же державы, на содѣйствіе которыхъ разсчитывалъ, сильно въ нихъ заискивавшій, особенно послѣдніе годы, Алеко-паша, также вовсе не были расположены въ его пользу. Во первыхъ, Австрія и Франція не забыли, что онъ, въ качествѣ русскаго кандидата, перебилъ постъ генералъ-губернатора у Рустема-паши, котораго онѣ предлагали въ правители области, а другія державы, хотя не имѣли такого спеціальнаго и личнаго повода къ неудовольствію, однако, считали Алеко-пашу русскимъ ставленникомъ. Во вторыхъ, и это было гораздо серьезнѣе, европейскія державы, въ особенности Германія, Австрія и Англія, смотрѣли несочувственно на заигрываніе Алеко-паши съ болгарскими эмигрантами изъ Княжества и поддержку, которую онъ оказывалъ ихъ агитаціи.

Алеко-паша былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ наружнымъ согласіемъ, которое существовало тогда между Россіей и княземъ Александромъ, который, повидимому, совершенно отдался руководству Россіи и только и дѣлалъ, что ѣздилъ въ Петербургъ за русскими министрами для управленія Княжествомъ.

Берлинъ, Вѣна и Лондонъ знали суть дѣла и сокровенные мотивы политики Батенберга, считая его вполнѣ своимъ человѣкомъ и наиболѣе подходящимъ орудіемъ для анти-русской политики въ Болгаріи. Поэтому западныя державы не колебались въ выборѣ между Батенбергомъ и Алеко-пашей, который, пользуясь возбужденіемъ поли-

тической агитаціи въ Княжествѣ, усердно подкапывался подъ Батенберга.

Но какъ бы то ни было, Алеке-паша временно торжествовалъ. Ободренный упадкомъ духа и дѣятельности нашего консульства, сконфуженнаго скандальнымъ столкновеніемъ и поведеніемъ генералъ-губернатора, оскорбительныя выходки котораго не вызвали рѣшительнаго отпора со стороны нашей высшей дипломатіи. Богориди сталъ настойчиво тѣснить Гешовскую партію изъ тѣхъ должностей въ области, которыя давали вѣсъ и значеніе. Въ мартѣ 1883 года происходили выборы на должность Пловдивскаго кмета, т. е. городскаго головы [1]). Эту должность занималъ Стефанаки Гешовъ (Иванъ Степановъ), двоюродный братъ извѣстнаго политическаго дѣятеля и главы партіи. Передъ выборами противъ него началась сильная агитація. Эта кампанія велась съ великимъ усердіемъ Каравеловымъ и генералъ-губернаторомъ, который довольно открыто вмѣшался въ эту выборную борьбу. Стефанаки Гешовъ потерпѣлъ пораженіе, и Пловдивскимъ кметомъ, съ шумными демонстраціями, при громкихъ ликованіяхъ радикаловъ-эмигрантовъ, былъ избранъ Петко Каравеловъ.

Не задолго передъ этимъ И. Е. Гешовъ оставилъ свой постъ директора финансовъ; онъ тяготился холодными и натянутыми отношеніями къ правителю области и перешелъ на службу въ Княжество, гдѣ ему было дано мѣсто директора болгарскаго народнаго банка [2]).

Разгромивъ такимъ образомъ, въ союзѣ съ Каравело-

---

[1]) Болгары въ чрезмѣрномъ усердіи оградить себя отъ грозившаго имъ эллинизма, безпощадно вооружаются противъ всего греческаго, не исключая и названныхъ городовъ, поэтому они, придравшись къ какой-то надписи на старомъ евангеліи, переименовали Филиппополь въ Паговуны.

[2]) И. Е. Гешова на постѣ директора финансовъ замѣстилъ нѣкто Иванчо Хаджи Петровъ, богатый спекулянтъ изъ Бургаса.

вымъ Гешовскую партію, которая считалась русскою въ области, но не получая формальнаго и категорическаго обѣщанія отъ другихъ державъ на вторичное свое избраніе, Алеко-паша вознамѣрился было снова подогрѣть старую русскую дружбу. Онъ началъ кокетничать съ нашимъ консульствомъ и довелъ до свѣдѣнія нашего посольства о своемъ желаніи отправиться въ Москву на коронацію, для привѣтствія нашего Государя. Тоже желаніе высказалъ и Каравеловъ, предполагавшій ѣхать въ Москву во главѣ депутаціи отъ г. Филиппополя.

Но эти предложенія были встрѣчены весьма холодно. Алеко-пашѣ было сказано, что наша дипломатія не считаетъ удобнымъ поддержать передъ Высокой Портой его ходатайство о разрѣшеніи ѣхать въ Россію, а Каравелову дали понять, что его вовсе не желаютъ видѣть въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе, В. Румелія рѣшилась отправить депутацію въ Москву, въ составъ ея вошли докторъ Янкуловъ, предсѣдатель постояннаго комитета, нынѣ столь извѣстный докторъ Странской, который въ то время былъ, кажется, членомъ этого комитета, болгарскій писатель и выдающійся журналистъ, Константинъ Величковъ, извѣстный за горячаго русофила и непремѣнный членъ всѣхъ возможныхъ депутацій благодушный Попазъ-Оглы изъ Казанлыка.

Впечатлѣніе, вынесенное изъ этой поѣздки въ Россію болгарской депутаціей было очень сильное, какъ о томъ свидѣтельствуютъ корреспонденціи, печатавшіяся въ болгарскихъ газетахъ и принадлежавшія перу ея членовъ.

Я присутствовалъ при бесѣдѣ румелійской депутаціи съ покойнымъ И. С. Аксаковымъ. Нынѣ столь ярый врагъ Россіи и буйный радикалъ, Странской держалъ себя какъ провинившійся школьникъ, слушая довольно суровую рѣчь Аксакова о вредномъ политиканствѣ болгарской интеллигенціи, которая легкомысленно толкаетъ свой народъ къ разрыву съ Россіей. Роя съ такимъ безразсуднымъ упрямствомъ

яму русскому вліянію въ Болгаріи, вы безумно готовите опасную пропасть всему будущему вашей страны и вашего народа, сказалъ въ заключеніе нашъ маститый московскій славянофилъ. Странской клялся и рачился, что онъ въ этомъ неповиненъ, что его преданность Россіи непоколебима и что болгаринъ, отметающійся отъ Россіи, не патріотъ и не сынъ своего народа. Меня несправедливо оклеветало русское консульство, жалобно говорилъ докторъ Странской, повѣрьте, я не менѣе другихъ преданъ Россіи и счастливъ, что имѣлъ возможность быть свидѣтелемъ приснопамятнаго народнаго торжества великой Россіи, нашей освободительницы и удостоился лицезрѣнія Государя Императора.

И. С. Аксаковъ смягчился, сказалъ депутатамъ нѣсколько ласковыхъ словъ и похвалилъ трудолюбіе болгарской молодежи, учащейся въ Москвѣ. Эти слова Аксакова привели румелійскихъ депутатовъ въ восторгъ.

На мѣсто Кребеля генеральнымъ консуломъ В. Румеліи былъ назначенъ А. Г. Сорокинъ, бывшій до того консуломъ въ Тульчѣ.

Въ концѣ 1883 года выборы въ областное собраніе дали результаты благопріятные для Алеко-паши. Въ слѣдующемъ 1884 году истекалъ срокъ его пяти-лѣтняго управленія В. Румеліею и Алеко-паша не щадилъ усилій и даже денегъ, чтобы создать себѣ сильную партію въ области, мечтая, что правленіе будетъ продолжено еще на 5 лѣтъ. На мѣсто закрывшейся газеты Каравелова «Независимость» явился новый органъ такъ называемой казенной партіи, т. е. партіи Алеко-паши «Южная Болгарія», руководителемъ этой газеты, отличавшейся дикими выходками и грязными пасквилями противъ русскихъ офицеровъ, былъ директоръ юстиціи Иванъ Саллабашевъ, посаженный на этотъ постъ при содѣйствіи г. Кребеля, а оффиціальнымъ редакторомъ—Беневъ—членъ постояннаго комитета.

Алеко-паша давалъ изъ собственныхъ средствъ субсидію «Южной Болгаріи». Бывшая въ оппозиціи Гешовская партія стала толковать о необходимости немедленнаго соединенія съ комитетомъ и эта мысль была встрѣчена населеніемъ въ высшей степени сочувственно. Съ цѣлью пропаганды такого соединенія стали собираться митинги, т. е. сходки, весьма многочисленныя.

Южные болгаре, именно такъ называемая партія соединистовъ, снарядили въ концѣ апрѣля 1884 г. депутацію изъ Ивана Степанова Гешова и Христа Христова въ Европу, съ цѣлью ходатайствовать передъ великими державами о возсоединеніи В. Румеліи съ Княжествомъ. Изъ Петербурга, Берлина и Вѣны заблаговременно и на отрѣзъ отказали въ пріемѣ этой депутаціи, которая отправилась въ Парижъ и Лондонъ, гдѣ она также не добилась оффиціальнаго пріема.

Адресъ этой депутаціи къ великимъ державамъ былъ напечатанъ въ нѣкоторыхъ парижскихъ изданіяхъ и, между прочимъ, въ „Revue Nouvelle“ за іюль 1884 г. [1]); въ немъ заключался горячій протестъ противъ насильственнаго расчлененія болгарскаго народа берлинскимъ конгрессомъ, который разъединилъ впервые въ его исторіи болгарскій народъ, въ теченіи вѣковъ нераздѣльно несшій свою тяжелую участь, встрѣтившій радостную зарю своего освобожденія соединеннымъ во-едино.

Сконфуженный этими демонстраціями въ пользу соединенія съ Княжествомъ, но еще не потерявшій надежды сохранить за собой свой постъ, Алеко-паша, въ концѣ марта, уѣхалъ въ Константинополь, сдавъ управленіе

---

[1]) Онъ былъ перепечатанъ г-жей Аданъ, въ книжкѣ отъ 1 октября за 1885 г., когда редакція, въ виду интереса, возбужденнаго переворотомъ 6 сентября, пожелала возобновить въ памяти своихъ читателей мотивы для соединенія Румеліи съ Княжествомъ, изложенные въ этомъ адресѣ.

областью генеральному секретарю, директору внутреннихъ дѣлъ, Гавріилу Крестовичу. Алеко-паша болѣе всего надѣялся на то, что нѣтъ въ виду подходящаго кандидата для замѣщенія его въ должности правителя Румеліи, хотя таковой давно уже былъ на-готовѣ и, такъ сказать, въ ближайшемъ сосѣдствѣ, именно въ составѣ его собственной администраціи.

Алеко-паша, ревниво преслѣдовавшій всѣхъ претендентовъ на его постъ, между прочимъ, даже ген. Штрекфи Вулковича, кажется до послѣдняго времени не подозрѣвалъ, что таковымъ станетъ его интимный совѣтникъ Крестовичъ.

Пріѣхавъ въ Константинополь и узнавъ о кандидатурѣ Крестовича, Алеко-паша былъ пораженъ какъ громомъ и впалъ въ глубокое уныніе.

Въ апрѣлѣ 1884 г., съ согласія великихъ державъ, послѣдовалъ султанскій фирманъ о назначеніи Крестовича генералъ-губернаторомъ В. Румеліи, а 7 мая того же года новый генералъ-губернаторъ торжественно совершилъ свой въѣздъ въ область. Для полученія фирмана онъ былъ вызванъ въ Константинополь. На торжественной аудіенціи Абдулъ-Гамидъ пожаловалъ его орденами, знаками отличія всякаго рода и выраженіемъ своего благоволенія.

Управленіе Гавріила-паши, какъ звали его турки и болгарскіе антагонисты, находится въ самой тѣсной связи съ переворотомъ 6 сентября 1885 года и будетъ изложено вмѣстѣ съ этимъ ставшимъ роковымъ для болгаръ эпизодомъ ихъ исторіи.

Переворотъ 6 сентября открываетъ, такъ сказать, періодъ новѣйшей и самой бурной исторіи злосчастнаго болгарскаго народа.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ТЫРНОВСКАЯ КОНСТИТУЦІЯ

БОЛГАРСКАГО КНЯЖЕСТВА 1879 ГОДА [1]).

I.

О ТЕРРИТОРІИ КНЯЖЕСТВА.

1. Отчужденіе какой бы то ни было части территоріи Болгарскаго Княжества, а равно увеличеніе или расширеніе ея, можетъ быть произведено не иначе, какъ съ согласія Великаго Народнаго Собранія.

---

[1]) Мы приводимъ здѣсь текстъ Тырновской конституціи, согласно оффиціальной его редакціи, изданной, на болгарскомъ и русскомъ языкахъ, въ Тырновѣ, въ типографіи Л. Каравелова и Н. Жейкова, при народномъ Собраніи.

Русская редакція проекта «*Органическаго Устава Болгаріи*» была во многомъ измѣнена, причемъ, согласно предложенію Д. Цанкова, передѣлано и самое его заглавіе, заново названнаго не Уставомъ, а Конституціей Болгарскаго Княжества.

Эта Тырновская Конституція до сихъ поръ сохраняетъ свою силу. Дѣйствіе ея было пріостановлено указомъ князя отъ 27 апрѣля 1881 г., затѣмъ указомъ отъ 7 сентября 1883 г. она была снова возстановлена. Возстановляя Тырновскую Конституцію, Батенбергъ потребовалъ однако нѣкоторыхъ въ ней измѣненій. Народное Собраніе 1883 г. согласилось съ этимъ требованіемъ и вотировало предложенный Д. Цанковымъ «Законъ объ измѣненіи Конституціи», но вмѣстѣ съ этимъ оно условилось съ бывшимъ болгарскимъ княземъ не приводить въ исполненіе этого закона ранѣе трехъ лѣтъ, т. е. предложить его на утвержденіе Великаго Народнаго Собранія, лишь по истеченіи трехлѣтняго опыта всесторонняго примѣненія «Тырновской Конституціи». Одновременно съ утвержденіемъ «закона объ измѣненіи Конституціи» князь утвердилъ и вышеупомянутое соглашеніе съ Народнымъ Собраніемъ. Министерство Драгана Цанкова, проведшее въ Собраніи законъ объ измѣненіи Конституціи, пало и смѣнилось министерствомъ Каравелова, затѣмъ послѣдовалъ румелійскій переворотъ 1885 г. Народное Собраніе въ одну изъ своихъ сессій потребовало отъ князя уничтоженія закона объ измѣненіи Конституціи и князь Александръ далъ на это свое согласіе (см. статью Н. Е. Васильева «Русскій проектъ Органическаго Устава Государственнаго устройства Болгарскаго Княжества и его дальнѣйшія измѣненія» Юридич. Вѣстникъ 1887 № 6—7.

2. Исправленіе границъ, по скольку оно не связано съ вопросомъ о пограничномъ населеніи, можетъ послѣдовать съ разрѣшенія Обыкновеннаго Народнаго Собранія (ст. 85 п. 1).

3. Территорія въ административномъ отношеніи дѣлится на окружія, околіи и общины.

Устройство администраціи будетъ опредѣлено особымъ закономъ, на началахъ самоуправленія общинъ.

II.

О существѣ и предѣлахъ княжеской власти.

4. Княжество Болгарія есть монархія наслѣдственная и конституціонная, съ народнымъ представительствомъ.

5. Князь есть верховный представитель и глава государства..

6. Князю Болгарскому принадлежитъ титулъ свѣтлости, наслѣднику престола—титулъ сіятельства.

7. Безъ согласія Великаго Народнаго Собранія Князь не можетъ быть одновременно правителемъ другаго государства.

8. Особа Князя священна и неприкосновенна.

9. Власть законодательная принадлежитъ Князю совмѣстно съ народнымъ представительствомъ.

10. Князь утверждаетъ и обнародываетъ принятые Народнымъ Собраніемъ законы.

11. Князь есть верховный начальникъ всѣхъ военныхъ силъ края, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Онъ даетъ военные чины сообразно закону. Всякій поступившій въ военную службу приноситъ присягу на вѣрность Князю.

12. Князю принадлежитъ власть исполнительная; всѣ органы сей власти дѣйствуютъ его именемъ и подъ его верховнымъ надзоромъ.

13. Власть судебная, во всемъ ея пространствѣ, принадлежитъ мѣстамъ и лицамъ судебнымъ, дѣйствующимъ именемъ Князя. Отношенія Князя къ симъ установленіямъ опредѣляются особыми постановленіями.

14. Князю принадлежитъ право смягченія или отмѣны наказаній въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами уголовнаго судопроизводства.

15. Князю принадлежитъ право помилованія въ дѣлахъ уголовныхъ. Право амнистіи принадлежитъ Князю совмѣстно съ Народнымъ Собраніемъ.

16. Изложенныя въ статьяхъ 14 и 15 права Князя не распространяются на приговоры, по коимъ осуждены министры за нарушеніе Конституціи.

17. Князь есть представитель страны, во всѣхъ сношеніяхъ съ иностранными государствами; именемъ его и съ уполномочія Народнаго Собранія заключаются съ правительствами сосѣднихъ державъ особыя соглашенія, по дѣламъ управленія страны, требующимъ участія и содѣйствія этихъ правительствъ.

18. Постановленія и распоряженія, исходящія отъ Князя, дѣйствительны въ томъ случаѣ, когда они скрѣплены подлежащими министрами, принимающими на себя всю за нихъ отвѣтственность.

III.

О мѣстопребываніи Князя.

19. Князь долженъ постоянно пребывать въ краѣ. Въ случаѣ временнаго своего отсутствія Князь назначаетъ Намѣстника, права и обязанности коего, на время отсутствія Князя, должны быть опредѣлены особымъ закономъ. О своемъ отъѣздѣ и о назначеніи Намѣстника Князь объявляетъ прокламаціей къ народу.

20. Наслѣдникъ престола равнымъ образомъ долженъ имѣть пребываніе въ краѣ и можетъ его оставлять лишь съ согласія Князя.

IV.

О гербѣ княжества, о печати и о народномъ знамени.

21. Болгарскій государственный гербъ есть въ темнокрасномъ щитѣ залотой коронованный левъ. Надъ считомъ княжеская корона.

22. На государственной печати изображается гербъ Княжества.

23. Болгарское народное знамя трехцвѣтное—изъ бѣлаго, зеленаго и краснаго цвѣтовъ, расположенныхъ горизонтально.

V.

О ПОРЯДКѢ НАСЛѢДІЯ ПРЕСТОЛА.

24. Княжеское достоинство наслѣдственно въ прямомъ нисходящемъ мужскомъ потомствѣ перваго избраннаго Князя. О порядкѣ престолонаслѣдія будетъ изданъ особый законъ.

VI.

О СОВЕРШЕННОЛѢТІИ КНЯЗЯ, О РЕГЕНТСТВѢ И ОПЕКѢ.

25. Совершеннолѣтіе царствующему Князю и Наслѣднику престола полагается въ 18 лѣтъ.

26. При вступленіи Князя на престолъ прежде сего возраста, до совершеннолѣтія его, учреждается Регентство и опека.

27. Регентство учреждается въ лицѣ трехъ Регентовъ, избираемыхъ Великимъ Народнымъ Собраніемъ.

28. Царствующій Князь можетъ, на случай своей кончины и несовершеннолѣтія Наслѣдника престола, избрать трехъ Регентовъ, но не иначе какъ съ согласія и утвержденія Великаго Народнаго Собранія.

29. Членами Регентства могутъ быть назначаемы министры, предсѣдатель и члены суда высшей инстанціи, или же лица, занимавшія безупречно сіи должности.

30. Члены Регентства, при вступленіи въ должность, приносятъ въ Великомъ Народномъ Собраніи присягу на вѣрность Князю и Конституціи, за симъ, въ прокламаціи къ народу, объявляютъ о вступленіи въ управленіе страною въ предѣлахъ княжеской власти и во имя Князя.

31. По достиженіи Княземъ совершеннолѣтія и по принесеніи присяги, онъ вступаетъ въ управленіе страною, о чемъ и объявляетъ народу прокламаціей.

32. Заботы о воспитаніи несовершеннолѣтняго Князя и управленіе его имуществомъ поручается вдовствующей Княгинѣ и опекунамъ, назначаемымъ Совѣтомъ министровъ по соглашеніи съ Княгинею-матерью.

33. Члены Регентства не могутъ быть опекунами несовершеннолѣтняго Князя.

VII.

О ВСТУПЛЕНІИ НА ПРЕСТОЛЪ И О ПРИСЯГѢ.

34. По кончинѣ Князя, Наслѣдникъ его вступаетъ на престолъ и дѣлаетъ немедленно распоряженіе о созваніи Великаго Народнаго Собранія, предъ которымъ и приноситъ слѣдующую присягу:

«Клянусь Всемогущимъ Богомъ свято и неуклонно соблюдать Конституцію и законы Княжества и во всѣхъ моихъ мѣропріятіяхъ имѣть въ виду единственно пользу и благо страны, въ чемъ да поможетъ мнѣ Богъ».

VIII.

О СОДЕРЖАНІИ КНЯЗЯ И ЧЛЕНОВЪ КНЯЖЕСКАГО ДОМА.

35. Народное Собраніе опредѣляетъ на личное содержаніе Князя и содержаніе его двора шестьсотъ тысячъ франковъ въ годъ. Количество этой суммы не можетъ быть ни увеличено безъ согласія Народнаго Собранія, ни уменьшено безъ соизволенія Князя.

36. Содержаніе Наслѣдника престола, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, опредѣляется Народнымъ Собраніемъ.

IX.

О ВѢРѢ.

37. Господствующая въ Болгарскомъ Княжествѣ вѣра есть Христіанская Православная Восточнаго Исповѣданія.

38. Князь Болгарскій и его потомство не могутъ исповѣдывать никакой другой вѣры, кромѣ Православной. Только первый избранный Болгарскій Князь, если бы принадлежалъ къ иной вѣрѣ, можетъ неизмѣнно пребывать въ ней.

39. Княжество Болгарское въ церковномъ отношеніи, составляя нераздѣльную часть Болгарской церковной области, подчиняется Св. Синоду,—высшей духовной власти Болгарской Церкви, гдѣ бы власть сія ни пребывала, и посредствомъ нея сохраняетъ единеніе съ Восточною церковью во всемъ, что касается догматовъ вѣры.

40. Христіане неправославнаго исповѣданія и иновѣрцы, какъ природные подданные Болгарскаго Княжества, такъ и въ подданство принятые, а также иностранцы, постоянно или временно въ Болгаріи пребывающіе, пользуются свободою вѣроисповѣданія, но съ тѣмъ, чтобы исполненіе обрядовъ не нарушало существующихъ законовъ.

41. Никто не можетъ по причинѣ своихъ религіозныхъ убѣжденій уклониться отъ исполненія дѣйствующихъ и обязательныхъ для всѣхъ законовъ.

42. Дѣла церковныя христіанъ неправославнаго исповѣданія и иновѣрцевъ вѣдаются ихъ духовными властями, въ предѣлахъ, имѣющихъ быть изданными на сей предметъ, законовъ, подъ высшимъ надзоромъ надлежащаго министра.

X.

О ЗАКОНАХЪ.

43. Болгарское Княжество управляется на точномъ основаніи законовъ, издаваемыхъ порядкомъ, въ Конституціи изложеннымъ.

44. Ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ, дополненъ, измѣненъ и отмѣненъ безъ предварительнаго обсужденія и принятія его Народнымъ Собраніемъ, которому предоставляется также и автентическое его истолкованіе.

45. Принятый Народнымъ Собраніемъ законъ представляется на утвержденіе Князя.

46. По утвержденіи Княземъ, законъ въ полномъ его текстѣ долженъ быть обнародованъ. При обнародованіи закона должно быть сказано, что онъ принятъ Народнымъ Собраніемъ. Ни одинъ законъ не имѣетъ силы и дѣйствія до его обнародованія.

47. Если бы государству угрожала опасность внѣшняя или внутренняя и Народное Собраніе созвано быть не могло, то, въ такомъ единственно случаѣ, Князю, по представленію Совѣта министровъ, и подъ ихъ общею отвѣтственностью предоставляется издавать постановленія и дѣлать распоряженія, которыя имѣютъ обязательную силу наравнѣ съ закономъ. Такія чрезвычайныя постановленія вносятся на одобреніе перваго созваннаго за тѣмъ Народнаго Собранія.

48. Указанныя въ предшедшей (47) статьѣ распоряженія ни въ какомъ случаѣ не могутъ относиться къ установленію налоговъ и государственныхъ сборовъ, которые всегда устанавливаются съ согласія Народнаго Собранія.

49. Одно Народное Собраніе въ правѣ рѣшить, изданъ-ли законъ съ соблюденіемъ всѣхъ, указанныхъ въ сей Конституціи, условій.

50. Распоряженія о приведеніи закона въ дѣйствіе и принятіе необходимыхъ къ тому мѣръ зависятъ отъ власти исполнительной.

ГЛАВА XI.

О ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВАХЪ.

51. Государственныя имущества составляютъ достояніе Болгарскаго Княжества и не могутъ быть предоставлены въ частное пользованіе ни Князя, ни членовъ его рода.

52. Порядокъ отчужденія и залога самыхъ имуществъ, а равно и распоряженіе доходами съ нихъ будутъ опредѣлены закономъ.

53. Государственныя имущества управляются подлежащимъ министромъ.

XII.

О ГРАЖДАНАХЪ БОЛГАРСКАГО КНЯЖЕСТВА.

Отдѣлъ I.

Положенія общія.

54. Всѣ уроженцы Болгаріи, непринявшіе инаго подданства, равно какъ и дѣти болгарскихъ подданныхъ, родившіяся внѣ предѣловъ Княжества, считаются подданными Болгарскаго Княжества.

55. Иностранцы могутъ быть приняты въ Болгарское подданство съ утвержденія Народнаго Собранія.

56. Всякій подданный Княжества можетъ отказаться отъ подданства, отбывши предварительно воинскую повинность и исполнивши другія, лежащія на немъ, обязанности относительно государства, на основаніи особаго имѣющаго быть изданнымъ закона.

57. Всѣ болгарскіе подданные равны передъ закономъ. Раздѣленіе на сословія въ Болгаріи не допускается.

58. Титулы благородства и другія отличія, а равно и ордена, въ Болгарскомъ Княжествѣ не допускаются.

59. Князю предоставляется право учредить одинъ знакъ отличія исключительно для военныхъ, за дѣйствительно совершенные ими подвиги во время войны.

60. Пользованіе политическими правами принадлежитъ исключительно гражданамъ Болгарскаго Княжества. Пользованіе же гражданскими правами, на основаніи законовъ, предоставляется всѣмъ пребывающимъ въ Княжествѣ.

61. Торговля людьми не допускается въ Болгарскомъ Княжествѣ.

Всякій рабъ, какого бы вѣроисповѣданія, пола и племени онъ ни былъ, вступая на территорію Болгарскаго Княжества, становится свободнымъ.

62. Законы благоустройства и законы полицейскіе одинаково обязательны для всѣхъ лицъ, въ краѣ пребывающихъ.

63. Всѣ недвижимыя имущества, находящіяся въ краѣ, хотя бы они принадлежали иностранцамъ, подлежатъ дѣйствію болгарскихъ законовъ.

64. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ положеніе иностранныхъ подданныхъ опредѣляется особыми о томъ постановленіями.

Отдѣлъ II.

О государственной и общественной службѣ.

65. Только болгарскіе подданные могутъ занимать должности по государственной, общественной и военной службѣ.

66. Иностранные подданные могутъ быть принимаемы на службу съ разрѣшенія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, Народнаго Собранія.

Отдѣлъ III.

О правѣ собственности.

67. Права собственности неприкосновенны.

68. Принудительное отчужденіе имущества можетъ послѣдовать только ради государственной и общественной пользы,

за справедливое и предварительное вознагражденіе. Порядокъ отчужденія будетъ опредѣленъ особымъ закономъ.

Отдѣлъ IV.

О налогахъ и государственныхъ сборахъ.

69. Каждый подданный Княжества Болгарскаго, безъ всякаго изъятія, обязанъ платить установленные закономъ налоги и государственные сборы и исполнять повинности.

70. Князь и Наслѣдникъ престола освобождаются отъ всякаго рода налоговъ, государственныхъ сборовъ и повинностей.

Отдѣлъ V.

О военной службѣ.

71. Каждый болгарскій подданный подлежитъ воинской повинности на основаніи установленнаго на сей предметъ закона.

72. Въ дѣлахъ уголовныхъ военнослужащіе подсудны судамъ военнымъ лишь во время нахожденія на дѣйствительной службѣ.

Отдѣлъ VI.

О неприкосновенности личной, о неприкосновенности жилищъ и корреспонденціи.

73. Никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію иначе какъ по приговору подлежащаго суда, вошедшаго въ законную силу.

74. Аресты и обыски въ домахъ могутъ быть чинимы лишь по правиламъ, изложеннымъ въ законахъ.

75. Никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію, неустановленному въ законахъ.

Пытки и конфискація имуществъ воспрещаются.

76. Въ виду событій, грозящихъ нарушеніемъ общественной безопасности, предоставляется Князю пріостановить во всемъ краѣ или въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ дѣйствіе статей 73 и 74, съ обязанностью внести свое о томъ постановленіе на утвержденіе перваго за симъ Народнаго Собранія.

77. Частная переписка и частныя телеграфическія депеши составляютъ тайну и почитаются неприкосновенными. Отвѣтственность должностныхъ лицъ за нарушеніе тайны писемъ и депешъ будетъ опредѣлена особымъ закономъ.

Отдѣлъ VII.

О народномъ обученіи.

78. Первоначальное обученіе безплатно и обязательно для всѣхъ подданныхъ Болгарскаго Княжества.

Отдѣлъ VIII.

О свободѣ печати.

79. Печать свободна. Никакой цензуры не допускается и никакого залога не требуется отъ авторовъ, издателей и типографщиковъ.

Если авторъ извѣстенъ и находится въ Княжествѣ, то издатель, типографщикъ и распространитель не могутъ быть подвергаемы преслѣдованію.

80. Священное писаніе, богослужебныя книги и сочиненія догматическаго содержанія, назначенныя для употребленія въ православныхъ церквахъ, а также и учебники по Закону Божію для православныхъ, подлежатъ предварительному одобренію Св. Синода.

81. Преступленія по дѣламъ печати судятся, по закону, въ общихъ судебныхъ установленіяхъ.

Отдѣлъ IX.

О свободѣ собраній и о составленіи дружествъ.

82. Жителямъ Болгарскаго Княжества предоставляется право собираться мирно и безъ оружія, для обсужденія всякаго рода вопросовъ, безъ предварительнаго на то разрѣшенія.

Собранія внѣ зданій, на открытомъ воздухѣ, подчиняются вполнѣ полицейскимъ правиламъ.

83. Болгарскіе граждане имѣютъ право составлять дружества безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія, если только цѣль и средства этихъ дружинъ не приносятъ вреда государ-

ственному и общественному порядку, религіи и добрымъ нравамъ.

Отдѣлъ X.

О правѣ подавать прошенія.

84. Каждый болгарскій подданный имѣетъ право подавать надлежащимъ властямъ прошенія, подписанныя однимъ или нѣсколькими лицами (коллективно). Учрежденія, закономъ установленныя, имѣютъ право подавать прошенія чрезъ своихъ представителей.

XIII.

О НАРОДНОМЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВѢ.

85. Представительство страны заключается въ Народномъ Собраніи, которое бываетъ:

1. *Обыкновенное.*
2. *Великое.*

XIV.

ОБЪ ОБЫКНОВЕННОМЪ НАРОДНОМЪ СОБРАНІИ.

Отдѣлъ I.

О составѣ Обыкновеннаго Народнаго Собранія.

86. Обыкновенное Народное Собраніе состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ прямою подачею голосовъ по одному на 10.000 жителей обоего пола.

Депутаты избираются на три года.

Право быть избирателями принадлежитъ всѣмъ болгарскимъ гражданамъ, достигшимъ 20 лѣтъ съ годомъ и пользующимся гражданскими и политическими правами.

Въ депутаты могутъ быть избираемы всѣ болгарскіе граждане, пользующіеся гражданскими и политическими правами; они должны быть грамотны и не моложе 30 лѣтъ отъ роду.

Порядокъ выборовъ долженъ быть опредѣленъ особымъ избирательнымъ закономъ.

87. Депутаты почитаются представителями не только своихъ избирателей, но и всего народа. Посему они не могутъ принимать отъ своихъ избирателей никакихъ обязательныхъ инструкцій. Депутатамъ предоставляется судить о нуждахъ края по собственному убѣжденію и совѣсти.

88. При открытіи засѣданія, Народное Собраніе, подъ предсѣдательствомъ депутата, старшаго по возрасту, приступаетъ немедленно къ избранію постояннаго предсѣдателя и вице-предсѣдателей.

89. Секретари, въ необходимомъ для занятій числѣ, избираются самимъ Собраніемъ изъ собственной среды.

90. Министры могутъ присутствовать въ засѣданіяхъ Собранія и принимать участіе въ преніяхъ. Собраніе обязано выслушивать министровъ всякій разъ, когда они просятъ слова.

91. Для представленія Собранію объясненій, по внесеннымъ проектамъ, Князь можетъ вмѣсто министровъ или совмѣстно съ ними, назначать въ Собраніе особыхъ коммиссаровъ, кои въ сихъ случаяхъ пользуются правами министровъ, указанными въ предшедшей 90 статьѣ.

92. Собраніе можетъ просить министровъ и коммиссаровъ прибыть въ засѣданіе для сообщенія необходимыхъ свѣдѣній и разъясненій. Министры и коммиссары обязаны явиться въ Собраніе и сообщить лично требуемыя объясненія. Министры и коммиссары, подъ своею отвѣтственностью, могутъ не сообщать такихъ фактовъ, несвоевременная огласка коихъ можетъ повредить государственнымъ интересамъ.

Отдѣлъ II.

О свободѣ мнѣній и о неприкосновенности членовъ Собранія.

93. Каждый членъ Собранія имѣетъ право выражать свободно свое мнѣніе, подавая голосъ по внутреннему убѣжденію и совѣсти. Никто не можетъ требовать отъ него въ выраженномъ мнѣніи отчета, или возбуждать за сіе противъ него преслѣдованіе.

94. Права предсѣдателя и отвѣтственность членовъ Собранія, по соблюденію порядка и приличія въ засѣданіяхъ, опредѣляются въ особомъ Уставѣ о внутреннемъ распорядкѣ Собранія.

95. За совершенныя въ засѣданіи Собранія членами его проступки и преступленія, предусмотрѣнные уголовными законами, виновные въ томъ могутъ быть привлекаемы къ суду не иначе, какъ по опредѣленію Собранія.

96. Члены Народнаго Собранія за пять дней до открытія и во все время продолженія засѣданій не могутъ быть арестованы и судимы, за исключеніемъ случаевъ, когда они обвиняются въ преступленіяхъ, за кои налагаются по уголовному закону *тягчайшія наказанія*. Въ сихъ случаяхъ объ арестѣ слѣдуетъ немедленно увѣдомить Народное Собраніе, а самое преслѣдованіе можетъ быть начато лишь съ его разрѣшенія.

97. Личное задержаніе депутатовъ за долги, за пять дней до открытія и во все время продолженія засѣданій Собранія, ни въ какомъ случаѣ не допускается.

98. Порядокъ замѣщенія умершихъ или выбывшихъ членовъ собранія опредѣляется избирательнымъ закономъ.

Отдѣлъ III.

О публичности засѣданій Народнаго Собранія.

99. Засѣданія Народнаго Собранія происходятъ при открытыхъ дверяхъ.

100. Предсѣдатель, министръ, коммиссаръ, а равно члены Собранія, въ числѣ не менѣе трехъ, могутъ внести предложеніе о закрытіи Собранія для лицъ постороннихъ. Такое предложеніе обсуждается при закрытыхъ дверяхъ и рѣшается большинствомъ голосовъ наличныхъ членовъ.

101. Означенныя въ статьѣ 100 рѣшенія Собранія объявляются Предсѣдателемъ при открытыхъ дверяхъ.

102. Никто не допускается съ оружіемъ ни въ залу засѣданій, ни въ зданіе, въ коемъ Собраніе помѣщается. Военные караулы и вообще вооруженныя силы не должны быть помѣщаемы ни у дверей залы засѣданій, ни въ самомъ зданіи, ни по близости зданія, развѣ бы само Собраніе большинствомъ голосовъ того пожелало.

103. Собраніе имѣетъ свою собственную внутреннюю полицію, состоящую въ подчиненіи предсѣдателя.

104. Внутренній распорядокъ и дѣлопроизводство опредѣляются самимъ Собраніемъ.

XV.

ПРЕДМЕТЫ ВѢДѢНІЯ НАРОДНАГО СОБРАНІЯ.

105. Предметы вѣдѣнія Народнаго Собранія суть:

1) Обсужденіе проектовъ законовъ, согласно ст. 44.

2) Обсужденіе предложеній о государственныхъ займахъ, объ увеличеніи, уменьшеніи или установленіи налоговъ и всякаго рода сборовъ, а равно о ихъ распредѣленіи и порядкѣ взиманія.

3) Дѣло о сложеніи недоимокъ и всякаго рода недоборовъ, взысканіе коихъ признано будетъ невозможнымъ.

4) Обсужденіе ежегоднаго бюджета доходовъ и расходовъ.

5) Разсмотрѣніе отчетовъ о расходованіи суммъ, назначенныхъ по бюджету.

6) Разсмотрѣніе отчетовъ Высшей счетной палаты, которая должна представлять Собранію подробные доклады объ исполненіи росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ.

7) Возбужденіе вопросовъ объ отвѣтственности министровъ.

106. Собраніе имѣетъ право принимать всякаго рода прошенія и жалобы и передавать ихъ подлежащимъ министрамъ. Ему предоставляется право назначать слѣдственныя коммиссіи по управленію. Министры, по запросу Собранія, должны давать объясненія.

107. Члены Собранія имѣютъ право дѣлать Правительству запросы, а подлежащіе министры обязаны отвѣчать на нихъ.

XVI.

О ПОРЯДКѢ ВНЕСЕНІЯ И РАЗСМОТРѢНІЯ ПРОЕКТОВЪ И ПРЕДЛОЖЕНІЙ.

108. Законодательная иниціатива принадлежитъ Князю и Народному Собранію.

109. Законопроекты и предложенія Правительства вносятся въ Народное Собраніе подлежащими министрами по распоряженію Князя. Каждый депутатъ также можетъ внести въ Народное Собраніе законопроектъ или предложеніе, если они подписаны одною четвертью присутствующихъ депутатовъ.

110. Каждый законопроектъ или предложеніе, внесенные въ Собраніе, могутъ быть взяты обратно, если не было еще окончательной подачи голосовъ.

111. Народное Собраніе можетъ дѣлать во внесенныхъ проектахъ измѣненія, дополненія и поправки.

112. Если Правительство не согласится на измѣненія, дополненія и поправки, сдѣланныя въ его законопроектѣ, то оно можетъ или взять законопроектъ обратно, или внести его вторично въ первоначальной редакціи съ объясненіями и замѣчаніями, или же внести его съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыя найдетъ цѣлесообразными.

113. Ни одинъ законопроектъ, отвергнутый Народнымъ Собраніемъ во всей его цѣлости, не можетъ быть внесенъ безъ измѣненія въ Собраніе въ теченіе той же сессіи. Такой законопроектъ можетъ быть внесенъ въ слѣдующую сессію.

114. Подача голосовъ о поступившемъ на разсмотрѣніе Собранія проектѣ или предложеніи допускается лишь въ томъ случаѣ, если въ засѣданіи присутствуетъ болѣе половины всѣхъ членовъ.

115. Члены Собранія должны подавать голоса лично, открыто и устно. По требованію десяти членовъ голосованіе можетъ быть закрытое.

116. Рѣшенія Собранія постановляются большинствомъ голосовъ.

117. При равенствѣ голосовъ проектъ или предложеніе почитается отвергнутымъ.

118. По каждому постановленію, состоявшемуся въ Собраніи и представленному Князю, рѣшеніе его должно послѣдовать въ теченіе сессіи.

XVII.

О БЮДЖЕТѢ.

119. Бюджетъ представляется на разсмотрѣніе Народнаго Собранія ежегодно.

120. Бюджетъ, по принятіи его Народнымъ Собраніемъ, представляется на утвержденіе Князя.

121. Народное Собраніе разсматриваетъ проектъ бюджета по статьямъ и, въ случаѣ измѣненія или устраненія какой либо изъ нихъ, указываетъ побуждающія его къ тому причины.

122. Въ случаѣ невозможности созвать Собраніе и при необходимости безотлагательныхъ расходовъ, сила и дѣйствіе

прошлогодняго бюджета продолжаются, подъ отвѣтственностью министровъ, впредь до одобренія ихъ распоряженій Народнымъ Собраніемъ въ первую имѣющую состояться сессію.

XVIII.

О государственныхъ займахъ.

123. Ни одинъ заемъ не можетъ быть заключенъ безъ согласія Народнаго Собранія.

124. Если бы для государства не въ періодъ засѣданій Собранія встрѣтилась необходимость заключить заемъ на покрытіе чрезвычайныхъ и неотлагательныхъ расходовъ, то созывается немедленно Народное Собраніе не въ очередь.

125. Если бы, для созванія Народнаго Собранія, встрѣчены были важныя препятствія, то Князь, по представленію Совѣта министровъ, можетъ разрѣшить заемъ до одного милліона франковъ, подъ условіемъ одобренія ближайшаго Народнаго Собранія.

126. По статьямъ, по коимъ кредита установлено не было, Князь можетъ, порядкомъ и въ случаяхъ, указанныхъ въ предъидущей (125) статьѣ, разрѣшить расходъ изъ средствъ казны, но расходъ сей не долженъ въ общемъ итогѣ превышать трехсотъ тысячъ франковъ.

XIX.

О созваніи Народнаго Собранія.

127. Народное Собраніе созывается Княземъ ежегодно. Сессія продолжается съ 15 октября по 15 декабря. Но Собраніе можетъ быть созвано и не въ очередь, если важныя обстоятельства того потребуютъ.

128. Мѣсто и, въ предѣлахъ статьи 127, время Собранія указываются въ распоряженіи Князя о его созваніи.

129. Очередная сессія Собранія можетъ быть продолжена по взаимному соглашенію Князя и Народнаго Собранія.

130. Князь открываетъ и закрываетъ Собраніе или лично, или поручаетъ сіе лицу, особо къ тому уполномоченному.

131. Предъ открытіемъ Собранія, всѣ члены его одновременно, по обрядамъ ихъ исповѣданій, приносятъ слѣдующую присягу:

«Клянусь единымъ Богомъ соблюдать и охранять Конституцію и, при исполненіи моихъ обязанностей въ семъ Собраніи, имѣть единственно въ виду общее благо народа и Князя, по крайнему моему разумѣнію и совѣсти, въ чемъ да поможетъ мнѣ Богъ. Аминь».

132. Лица духовнаго сана присяги не приносятъ, но даютъ торжественное обѣщаніе поступать во всемъ по совѣсти, имѣя исключительно въ виду общее благо страны и Князя.

133. При открытіи Собранія, въ княжеской рѣчи излагается положеніе края и указываются проекты и предложенія, имѣющіе быть внесенными на разсмотрѣніе Собранія.

134. На княжескую рѣчь Собраніе представляетъ Князю отвѣтный адресъ.

135. По созваніи Собранія, Князь можетъ отсрочить его засѣданія, но не болѣе, какъ на два мѣсяца. Новая отсрочка въ періодъ той же сессіи можетъ послѣдовать лишь съ согласія самаго Собранія.

136. Князь можетъ распустить Собраніе и назначить новые выборы народныхъ представителей.

137. Новые выборы должны послѣдовать не позже двухъ, а новое Собраніе должно быть открыто не позже четырехъ мѣсяцевъ со дня распущенія прежняго Народнаго Собранія.

138. Члены Народнаго Собранія не могутъ собираться въ сессіи безъ созванія ихъ Княземъ; равнымъ образомъ не могутъ собираться въ засѣданія послѣ отсрочки, закрытія или распущенія Собранія.

139. Члены Народнаго Собранія, мѣстожительство коихъ находится не въ той мѣстности, гдѣ засѣдаетъ Собраніе, получаютъ суточныя деньги, а равно и прогонныя въ оба пути. Размѣръ ихъ будетъ опредѣленъ особымъ закономъ.

XX.

О ВЕЛИКОМЪ НАРОДНОМЪ СОБРАНІИ.

Отдѣлъ I.

Предметы вѣдѣнія Великаго Народнаго Собранія.

140. Великое Народное Собраніе созывается Княземъ, или Регентствомъ, или Совѣтомъ министровъ.

141. Князь созываетъ Великое Народное Собраніе:

1) Для обсужденія вопросовъ объ отчужденіи или обмѣнѣ части территоріи Княжества. Вопросы эти рѣшаются большинствомъ голосовъ наличныхъ членовъ Собранія.

2) Для измѣненія или пересмотра Конституціи. Рѣшеніе по симъ предметамъ требуетъ большинство двухъ третей голосовъ всѣхъ членовъ Собранія.

142. Великое Народное Собраніе можетъ быть созвано Регентствомъ только для обсужденія вопросовъ объ отчужденіи или обмѣнѣ части территоріи Княжества. Вопросы эти рѣшаются большинствомъ голосовъ наличныхъ членовъ Собранія.

143. Совѣтъ министровъ созываетъ Великое Народное Собраніе:

1) Для избранія новаго Князя въ случаѣ, если бы царствовавшій Князь скончался, не оставивъ по себѣ Наслѣдника. Избраніе совершается большинствомъ двухъ третей голосовъ присутствующихъ членовъ Собранія.

2) Для избранія Регентовъ въ случаѣ несовершеннолѣтія Наслѣдника престола. Избраніе совершается большинствомъ голосовъ присутствующихъ членовъ Собранія.

Отдѣлъ II.

О составѣ Великаго Народнаго Собранія.

144. Великое Народное Собраніе состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ прямою подачею голосовъ. Число депутатовъ равно двойному числу членовъ Обыкновеннаго Народнаго Собранія, считая по два на каждые 10.000 жителей обоего пола.

О порядкѣ избранія депутатовъ будетъ изданъ особый избирательный законъ.

145. Предсѣдатель, вице-предсѣдатели и необходимое число секретарей избираются самымъ Собраніемъ изъ своей собственной среды. До избранія же ихъ, предсѣдательствуетъ старшій по возврасту депутатъ.

146. Великое Народное Собраніе занимается исключительно тѣми предметами (ст. 141—143), для которыхъ оно по Конституціи было созвано, и распускается немедленно послѣ ихъ рѣшенія.

147. Къ Великому Народному Собранію примѣняются статьи: 87, 90, 92, 93—104, 114, 115, 131 и 132 сей Конституціи.

XXI.

О высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ: о совѣтѣ министровъ и министерствахъ.

148. Высшія правительственныя учрежденія суть:

1) Совѣтъ министровъ.

2) Министерства.

149. Исполнительная власть, подъ высшимъ надзоромъ и руководствомъ Князя (статья 12), принадлежитъ министрамъ и ихъ Совѣту.

150. Совѣтъ министровъ состоитъ изъ всѣхъ министровъ. Одинъ изъ нихъ, по выбору Князя, назначается Предсѣдателемъ Совѣта.

151. Сверхъ общихъ обязанностей въ обыкновенное время, Совѣту министровъ, въ нѣкоторыхъ нижепоименованныхъ случаяхъ, присвоиваются слѣдующія права и обязанности:

1) Въ случаѣ смерти Князя безъ Наслѣдника, Совѣтъ министровъ вступаетъ въ управленіе страною, и въ мѣсячный, со времени вступленія въ управленіе, срокъ созываетъ Великое Народное Собраніе для избранія новаго Князя.

2) Совѣтъ министровъ вступаетъ также въ управленіе страною и въ томъ случаѣ, если Князь при смерти не учредилъ Регентства. Великое Народное Собраніе для избранія Регентовъ должно быть созвано въ тотъ же мѣсячный срокъ (п. 1).

3) Если по смерти Князя вдовствующая Княгиня осталась беременною, то впредь до разрѣшенія ея отъ бремени, управленіе страною принадлежитъ Совѣту министровъ.

4) Въ случаѣ смерти одного изъ членовъ Регентства, Совѣтъ министровъ созываетъ Великое Народное Собраніе, для избранія Регента на мѣсто умершаго, порядкомъ, опредѣленнымъ въ п. 2.

5) Совѣтъ министровъ, вступая, въ случаяхъ, указанныхъ въ пунктахъ 1—2 сей статьи, въ управленіе страною, объявляетъ о томъ прокламаціей къ народу.

6) Въ теченіе своего управленія страною, Совѣтъ министровъ не можетъ смѣнять министровъ.

7) Члены Совѣта министровъ, въ случаѣ временнаго управленія страною, получаютъ только содержаніе, ихъ должностямъ присвоенное.

152. Министры назначаются и увольняются Княземъ.

153. Министры отвѣтственны передъ Княземъ и Народнымъ Собраніемъ: въ *совокупности*—за общія ими принятыя мѣры, и *лично* каждый—за дѣйствія, совершенныя имъ по ввѣренной ему части управленія.

154. Каждый оффиціальный актъ, подписанный Княземъ, по свойству своему, долженъ быть скрѣпленъ или всѣми министрами, или министромъ по принадлежности.

155. Министры могутъ быть преданы Народнымъ Собраніемъ суду за измѣну отечеству или Князю, за нарушеніе Конституціи, за предательство или вредъ, нанесенный странѣ съ цѣлію личнаго интереса.

156. Предложеніе о преданіи министра суду должно быть письменное, содержать исчисленіе пунктовъ обвиненія и быть подписано по крайней мѣрѣ одною четвертью членовъ Народнаго Собранія.

157. Для преданія министра суду необходимо двѣ трети голосовъ присутствующихъ членовъ.

158. Министры подсудны особому государственному суду, составъ коего будетъ опредѣленъ особымъ закономъ.

159. Князь не можетъ помиловать обвиненнаго министра безъ согласія Народнаго Собранія.

160. Исполненіе законовъ поручается высшимъ административнымъ учрежденіямъ, именуемымъ Министерствами.

161. Министерствъ шесть:

1) Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и Исповѣданій.
2) Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.
3) Министерство Народнаго Просвѣщенія.
4) Министерство Финансовъ.
5) Министерство Юстиціи.
6) Министерство Военное.

162. Во главѣ каждаго Министерства находится министръ.

163. Назначеніе на всѣ государственныя должности принадлежитъ Князю.

164. Каждое должностное лицо приноситъ присягу на вѣрность Князю и Конституціи.

165. Каждое должностное лицо отвѣчаетъ за свои служебныя дѣйствія.

166. Дожностныя лица, служащія по назначенію отъ Правительства, имѣютъ право на пенсію, основаніе и размѣръ коей будетъ опрсдѣленъ особымъ закономъ.

XXII.

О порядкѣ измѣненія и пересмотрѣ конституціи.

167. Предложенія объ измѣненіи или пересмотрѣ Конституціи дѣлаются общимъ порядкомъ, установленнымъ для изданія законовъ (ср. статьи 108 и 109).

168. Означенныя въ предъидущей (167) статьѣ предложенія считаются принятыми, если за нихъ выскажется болѣе двухъ третей всѣхъ членовъ Народнаго Собранія.

169. Для разсмотрѣнія сущности означенныхъ въ статьѣ 167 предложеній созывается Великое Народное Собраніе, которое большинствомъ двухъ третей голосовъ всѣхъ членовъ Собранія рѣшаетъ вопросы, касающіеся измѣненія и пересмотра Конституціи.

Приложеніе II. (Къ V главѣ).

ПИСЬМО БОЛГАРСКАГО КНЯЗЯ КЪ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ [1]).

Par suite du télégramme de Votre Majesté J'ai remis la promulgation du décret concernant le partage du ministére de la guerre jusqu'à l'arriveé de Votre aide—de-camp. Je prie Votre Majesté de prendre connaissance des motifs qui dans la situation actuelle des affaires militaires et politiques en Bulgarie ont rendu ce partage indispensable, afin que Vous puissiez donner des instructions en connaissance de causes.

---

[1]) Это письмо было опубликовано А. Кохомъ въ его книгѣ «*Fürst Alexander von Bulgarien*» стр. 157—161. Оно было перепечатано въ нѣкоторыхъ заграничныхъ повременныхъ изданіяхъ. По собраннымъ мною справкамъ это письмо подлинное.

Le partage du ministére de la guerre est motivé par la constitution de Tirnowo, dont l'article II dit „Le Prince est le chef suprême de toutes les forces militaires du pays, en temps de paix aussi bien qu'en temps de guerre. Il confére les grades militaires conformément á la loi. Celui qui entre dans la carriére militaire prête serment de fidélité au Prince; et l'article 153: „Les ministre, sont responsables collectivement devant le Prince et l'assemblée Nationale pour toutes les mesures prises en commun et chacun personnellement pour ses actes dans les limits de ses attributions". Ce partage était déjà prévu par le prince Donducow dans le projet de nommer un inspecteur général des troupes, dont le traitement était déja fixé dans le premier budjet et cette institution a été approuvé l'année passée par Votre Majesté en présence du général Kaulbars à Peterhof.

L'armée ne jouit pas de popularité en Bulgarie 1° a cause des dépenses que l'entretien des troupes nécéssite, 2° a cause de l'esprit démocratique qui est la base du caractére du peuple; 3° parce que les Bulgares ne cachent pas leur conviction qu'ils ne peuvent seuls entamer une guerre sans le concours de la Russie et que dans ce cas la Russie n'aurait pas besoin de l'aide microscopique de la Bulgarie.

J'ai toujours été l'unique défenseur de l'armée en Bulgarie, J'ai toujours dirigé tous mes effort, vers le développement et l'affermissement de l'armée. Les quatre fois qu'on a voté le budjet de l'armée J'ai du mettre en jeu toute Mon autorité personnelle pour le faire accepter. Encore l'année derniére le général Kaulbars a déclaré a l'assemblée nationale qu'il donnerait sa démission et aménerait avec lui tous les officiers russes si son budjet était diminué. L'assemblée a accueilli très indifféremment cette déclaration et il a fallu de nouveau Mon immistion personnelle pour réduire les modifications de l'assemblée dans des proportions modérées.

Dans tous les cas ou les officiers russes étaient attaqués par la presse et par des intrigues J'ai toujours énergiquement pris leur défense. Les officiers bulgares dans leur tendance d'animosité et de jalousie se sont toujours heurtés contre la fermeté avec laquelle J'ai pris cause en faveur de ceux ci au détriment de ma popularite.

Le ministére de la guerre, constitué comme il était, jouissant de la plénitude des droits militaires et politiques, présentait le grand inconvénient que ses titulaires, munis d'instruction sécrètes et rece-

vant des ordres de la Russie se croyaient appelés à jouer un grand rôle politique en Europe. Le désir de voir leur nom dans les colonnes des gazettes russes et etrangéres était d'autant plus compréhensible chez des hommes qui jusqu'au moment de leur nomination en Bulgarie avaient mené une existence ignorée. Se considérant comme la personnification de la Russie ils essayaient de se mettre au dessus de moi et se plaisaient á chercher des expédiens pour tourner Mes ordres ou bien ils se mettaient en contradiction ouverte avec eux. La conséquence de ce dualisme anormal etait de mettre les officiers en conflit de devoirs et de les exposer soit á la rigueur de la loi, soit aux persécutions personneles de la part des Ministres (p. e. l'enqnête secrete et á mon insu de mes aides—de camp général Lesowoy, Colonel Logwenow, capitaine Mossolow).

Je regarde ce dualisms dans l'armeé cemme démoralisant. Il a eu en outre cet effet que Je n'ai pu vivre en bonne intellégence avec les ministres de la guerre russes, sauf Ernroth, dont le caractére franc et chevaleresque ne donnait pas à prise l'intrigue.

Par la position que Je veux créer Je rends le commandement des troupes parfaitement indépendant de la politique et en le soumettant exclusivement à Mon influence, Je veux clairement préciser la situation des officiers et leur donner la posibilité de s'occuper uniquement de l'armée. Si les officiers russes étaient parfois forcées de quitter l'armée bulgare, la cause n'en était ni à Moi ni aux bulgares, mais uniquement á la nécessité ou ils se trouvaient de suivre en qualité des victimes les ministres russes, qui les entrainaient dans leurs intrigues politiques.

On peut discuter Ma politique, mais quand á l'armée Mes ennemis les plus acharnés n'ont pu ne pas rendre justice aux succés de Mes efforts et des officiers rnsses, servant dans Mon armée, en ont rendu hommage en se ralliant de mon côté pendant la derniére crise. Du reste il suffit de comparer l'armée rouméliote avec l'armée bulgare pour voir que les officiers russes seuls ne peuvent pas réussir s'il ne sont pas soutenus par le Chef de l'Etat. Je désire le bien de l'armée et la certitude de Votre Majesté que l'armée bulgare sous Mes ordres jamais ne fera quelque chose de contraire aux intêrets de la Russie me donne le droit á la confiance de Votre Majesté. Sur ce point Je suis prêt á prendre les engagements les plus solennels envers Votre Majesté.

Votre Majesté voit que le projet ci-joint de partage du ministére de la guerre qui est dans les interês de l'armée n'a rien de contraire aux interês de la Russie. Etant l'unique chef de l'armée Je ne puis accepter que mes subordonnés reçoivent des instructions par dessus ma tête, d'autant moins qu'on les force de ne pas éxécutés Mes ordres comme c'est arrivé avec l'ordre écrit, que Mr. Jonin a donné au gérant de mon ministére de la guerre le colonel Rudigher pour lui défendre de mettre en éxécution mon décret concernant l'organisation du ministére de la guerre. D'ailleurs ni Votre Majesté ni Moi n'avons le droit de mettre les officiers dans la position de ne pas savoir á qui ils doivent obéir. Je ne puis jamais consentir á avoir des officiers qui ne Me sont pas entierement soumis, et voilá pourquoi, J'ai répeté le prikaze, que J'ai donné l'anné derniére, par ordre de Votre Majesté aux officiers russes et que Monsieur Ionin s'est permis de qaalifier d'ordre anonyme en mettant par là en doute qu'il soit donné avec Votre cousentement. Lors de la décisions de la question de partage du ministére de la guerre en departament militaire et administratif, l'assemblée Nationale, s'était inspirée du désir inavoué de voir le ministre de la guerre Bulgare et civile, mais Votre Majesté verra par Mon prikaze que Jai doté le ministre de la guerre de tant d'attributions spéciales, qu'il est imposible que ce poste soit occupé autrement que par un officier supérieur. En avril 1880, le ministére Karavelow proposa le projet de loi sur la garde nationale. D'aprés ce projet le commandement de cet opoltschenie était un conseil de députés lequel sanctionnait dans leurs fonctions les comités des districts et de la localité. Les officiers et les sous officiers étaient éligibles. Voila l'idéal d'une armée parlementaire. Ce projet de loi a été accepter par l'assemblée Nationale et n'a pas reçu d'application par la seule raison que J'ai refusé de le sanctionner.

Je répête comme conclusion que Je regarde le partage du ministére comme une mesure indispensable et de la quelle dépend l'existence normale de l'armée bulgare. La Bulgarie dorénavant devant être gouvernée constitutionellement le seul moyen d'avoir une bonne armée consiste dans ce partage; qui met à temps l'organisation et la discipline au dessus des eventualités et des passions politiques. L'argumant que le ministre de la guerre étant Russe ne doit pas être soumis à l'influence de la Chambre est intenable parce que la Chambre avec son droit de voter le budjet tient en

mains le ministre de la guerre. C'est pour cela qu'il ne faut pas nier cette influence, mais la régler. En plus cette mesure est justifiée par l'expérience du passé qui prouve assez clairement que des ministres de la guerre arrivant directement de la Russie, sans connaissance du pays et des institutions constitutionnelles et forcés comme membres du cabinet de s'occuper de politique ne seront jamais en état de réaliser leur mission militaire.

Je prie donc Votre Majesté que les instructions qu'Elle voudra bien donner à Son aide—de-camp tiennent compte de mes vues, afin que cette mission que Je salue avec joie, amène ce que Je désire une entente compléte entre les vues de Votre Majesté et les Miennes.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Напечатано	на	стр.	XI	предисловія	*въ III главѣ*	вмѣсто	*въ V главѣ*
»	»	»	29	прим.	*нашла*	»	*нашло*
»	»	»	41	»	*К. Л. Буянинъ Т. С.*	»	*К. А. Бухъ нынѣ Т. С.*
»	»	»	62	»	*въ Тирновѣ*	»	*въ Тырновѣ*
»	»	»	66	»	*поручнковъ*	»	*поручнковъ*
»	»	»	77	»	строка 4 *и ввелъ*	»	*ввелъ*
»	»	»	85	»	2 *выдавалъ*	»	*выдавая*
»	»	»	91	»	*стѣтскій,*	»	*свѣтскій*
»	»	»	129	»	*негодовилъ*	»	*негодовалъ*
»	»	»	147	»	3 кн. XI	»	кн. IX.
»	»	»	264	»	*конечно англичанинъ*	»	*англичанинъ*
»	»	»	296	»	*названныхъ городовъ*	»	*названія городовъ*
»	»	»	296	»	*Паговуны*	»	*Пловдивъ*
»	»	»	300	»	*ген. Штрекфи Вулковича*	»	*генерала Штрекера и Вулковича*

BOOK DUE-WHEN
CANCELLED
DEC 18 1978
6208985

DUE SEP 30 40

BOOK DUE-WHEN
CANCELLED
NOV 28 1978
NOV 27 8